
ЧАЙНА МЬЕВИЛЬ
ТОЛЬКО на ЛИТРЕС
Посольский ГОРОД
fanzon

Посольский город
Чайна Мьевиль

Аннотация
Чайна Мьевиль. Посольский город
Пролог
Преамбула. Иммерлетчица
  0.1
  0.2
  0.3
Часть первая. Прием
  Настоящее, 1
  Минувшее, 1
  Настоящее, 2
  Минувшее, 2
  Настоящее, 3
Часть вторая. Праздники
  Настоящее, 4
  Минувшее, 3
  Настоящее, 5
  Минувшее, 4
  Настоящее, 6
  Минувшее, 5
  Настоящее, 7
  Минувшее, 6

Настоящее, 8
Часть третья. Может, да, а может, нет
Минувшее, 7
Минувшее, 8
Минувшее, 9
Минувшее, 10
Часть четвертая. Зависимые
9
10
11
12
13
Часть пятая. Записки
14
15
Часть шестая. Новые короли
16
17
18
Часть седьмая. Безъязыкие
19
20
21
22
23
Часть восьмая. Переговоры

24
25
26
27
28
Часть девятая. Смена
29
30

Аннотация

В далеком будущем люди колонизировали планету Ариеку, обитатели которой владеют самым уникальным языком во Вселенной. И лишь немногие из землян, специально модифицированные, способны общаться с этими существами. После долгих лет, проведенных в глубоком космосе, на планету возвращается Ависа Беннер Чо. Она не может говорить на языке ариекаев, но она – неотделимая его часть, давно превращенная в фигуру речи – живое сравнение. Когда в результате сложных политических махинаций на Ариеку прибывает новый посол, хрупкое равновесие между людьми и аборигенами резко нарушается. Вот-вот разразится катастрофа, и Ависа разрывается между противоречивыми привязанностями: к мужу, которого она больше не любит, к системе, которой она больше не доверяет, и к своему месту в языке, на котором она не может говорить, но который говорит через нее, нравится ей это или нет…

Чайна Мьевиль
Посольский город

China Mieville
Embassytown
Copyright © 2011 by China Mieville
© Н. Екимова, перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

Для Джесс
Слово должно что-то значить (кроме себя самого).
Уолтер Бенджамин «О языке вообще и о языке человеческом»

Пролог

Все дети посольства видели, как садился корабль. Учителя и дежурные родители много дней подряд задавали им рисунки на эту тему. Под их картинки в комнате была отведена целая стена. Вопреки фантазиям детей пустолеты уже много веков не извергают пламени, но изображать их с огненными хвостами вошло в традицию. В детстве я тоже их так рисовала.

Я разглядывала картинки, мужчина рядом со мной тоже наклонился посмотреть.

— Гляди, — сказал он. — Видишь? Это ты. — Лицо в иллюминаторе корабля. Мужчина улыбнулся. И сделал вид, будто сжимает штурвал, как это делала бесхитростно нарисованная фигурка.

— Уж ты нас извини, — сказала я, кивая на рисунки. — Мы ведь провинция.

— Ничего страшного, — ответил пилот. Я была старше него, наряднее и сыпала сленгом, рассказывая истории. Я его волновала, и ему это нравилось.

— И вообще, — сказал он, — это… Это же восхитительно. Быть здесь. На самом краю. И что за

ним, один Господь знает. — И он пошел на Бал Прибытия.

Праздники бывали разные: сезонные, выездные, выпускные и ежегодно-посылочные, три Рождества в декабре; но Бал Прибытия всегда был самым главным. Покорный причудам коммерческих ветров, он случался непредсказуемо и редко. С последнего прошли годы.

Дипломатический Зал был переполнен. Служители посольства затерялись среди охранников, учителей и врачей, местных артистов. Изолированные внешние общины фермеров-отшельников прислали свои делегации. Пришельцев снаружи было очень мало, их можно было отличить по костюмам, фасоны которых скоро скопируют местные. Команда отправлялась обратно назавтра или через день; Бал Прибытия всегда устраивали в конце визита, отмечая приезд, а заодно и отъезд.

Играл струнный септет. Одной из музыкантов была моя подруга Гарда, которая увидела меня и нахмурилась, словно извиняясь за неизысканную джигу, которую они как раз исполняли. Мужчины и женщины помоложе танцевали. Их начальники и просто люди постарше сами с удовольствием пустились бы в пляс, но смуща-

лись и лишь иногда покачивались в такт музыке или, к восторгу младших коллег, позволяли себе насмешливый пируэт.

Бок о бок с выставкой детских рисунков на стенах Дипломатического Зала висели постоянные украшения: картины маслом и гуашью, плоские и трехмерные фотографии служителей, послов и атташе; и даже Хозяев. Картины отражали историю города. Вьющиеся растения карабкались по панелям до самых лепных карнизов, где сплетались, образовывая живой балдахин. Его поддерживали специальные деревья. В их ветвях жужжали осокамеры размером с большой палец руки, они охотились за кадрами для передачи.

Охранник, с которым мы дружили в детстве, приветственно махнул мне искусственной рукой. Его силуэт четко вырисовывался на фоне окна в несколько метров высотой и шириной, в которое был виден город и Лиллипэд-Хилл. На склоне холма стоял нагруженный корабль. За километрами крыш, позади вращающихся церковных маяков паслись энергостанции. Напуганные посадкой корабля несколько дней назад, они еще не пришли в себя и держались поодаль. Было видно, как они переминаются с ноги на ногу.

— Это все вы, — сказала я, указывая на них

штурману. — Вы виноваты. — Он рассмеялся, хотя сам толком и не глядел, куда я ему показывала. Слишком многое привлекало его внимание. Для него это был первый спуск.

Мне показалось, что я узнала лейтенанта из предыдущей партии. В его прошлый визит, годы тому назад, в посольстве стояла мягкая осень. Мы с ним ходили шуршать палой листвой в висячие сады и любовались оттуда городом, где не было ни осени, ни других понятных ему времен года.

Я прошла сквозь струи дыма с подносов с возбуждающими куриениями и попрощалась. Группа иноземцев, закончивших здесь свои дела, улетала, а с ними кучка местных, которые подали заявления на право выхода и получили положительный ответ.

— Дорогая, ты что, плачешь? — спросила Кайли. Я не плакала. — Завтра мы еще увидимся, а может, и послезавтра тоже. И ты сможешь… — Но она знала, что всякое общение будет затруднено и рано или поздно прервется. Мы обнимались до тех пор, пока она сама не прослезилась и тут же рассмеялась, добавив: — Уж кто-кто, а ты должна знать, почему я улетаю.

А я ответила:

— Конечно, я знаю, дура, я же просто завидую!

Я видела, что она думает: «Ты сама сделала свой выбор», и это была правда. Я собиралась уехать, пока полгода назад последний миаб не принес потрясающее известие о том, что́ или кто к нам направляется. Но и тогда я пообещала себе, что не буду менять планы и вырвусь наружу со следующей сменой. Однако я не слишком удивилась, обнаружив, что не хочу никуда лететь, хотя иол уже с грохотом рвал над нами небо, заходя на посадку. Скайл, мой муж, наверное, раньше меня понял, что так и будет.

— Когда они придут? — спросил пилот. Его интересовали Хозяева.

— Скоро, — ответила я, хотя сама понятия не имела. Я-то ждала совсем не их.

Прибыли послы. Люди обступили их, но не толкались. Кольцо пустоты, воздушный ров всеобщего уважения, окружало их всегда. Снаружи по окнам забарабанил дождь. Ни от кого из моих друзей, ни из одного обычного источника мне не удалось узнать о том, что происходит за закрытыми дверями. С самыми главными и вызывающими наибольшее сомнение пришельцами общались только важные шишки и их советники, а я не входила в их число.

Люди поглядывали на дверь. Я улыбнулась

пилоту. Вошли еще послы. Я улыбалась им до тех пор, пока они не ответили.

Скоро появятся Хозяева города, а с ними и последние из новоприбывших. Капитан и остальная команда; атташе; консулы и исследователи; может быть, пара-тройка новых иммигрантов; и, самое главное, немыслимый новый посол.

Преамбула. Иммерлетчица

0.1

В детстве в Послограде мы играли с монетами и полумесяцами железной стружки с монету толщиной из слесарных мастерских. Играли всегда в одном и том же месте, у одного и того же дома, среди горбатых улочек на задворках многоквартирных домов, где под листьями плюща переливались щиты рекламы. В тусклом свете, лившемся со старинных экранов, мы играли у стены, которую назвали в честь предметов, служивших нам игрушками. Я помню, как закручивала волчком тяжелую монетку в два су и пела — орличек, покрутись, решечка, покажись, — пока она не падала орлом или решкой вверх, постепенно затихая. Та сторона, которая оказывалась наверху, в сочетании со словом, до которого я успевала добраться, вместе обозначали какую-то потерю или удачу.

Так и вижу, как я, сырой весной или летом, зажав в руке двухпенсовик, спорю с другими девчонками и мальчишками о том, как истолковать то или иное его положение. Мы ни за что не согласились бы играть в другом месте, хотя тот дом, о котором, как и о его обитателе, рассказывали

разное, иногда нагонял на нас страх.

Как любые дети, мы хорошо знали родной город, который изучали самозабвенно, настырно и своеобразно. На рынке нас интересовали не столько лотки с товарами, сколько уютная конурка, оставшаяся в верхней части стены после того, как оттуда выпали кирпичи и до которой мы все никак не могли дорасти. В детстве я не любила огромный камень, отмечавший границу города, некогда разбитый, а потом заново скрепленный известью (с какой целью, я тогда не знала), и библиотеку, зубцы и панцирь которой внушали мне опасения. Зато мы любили колледж, по гладкому пластоновому двору которого волчки и другие вертящиеся игрушки уносились на много метров вдаль.

Мы были настоящими сорванцами, и нам нередко грозили констебли, а мы отвечали им: «Все в порядке, сэр, мадам, нам просто надо…» — и мчались дальше. Мы проносились сквозь частую сеть горбатых, запруженных пешеходами улиц, мимо бездомных автомов Послограда, а вместе с нами или рядом с нами по крышам бежали звери, и, хотя мы иногда останавливались, чтобы влезть на дерево или вскарабкаться по старой лозе, рано или поздно мы все же достигали промежутка.

Здесь, на краю города, в сутолоке углов и разрывах площадей наших родных улиц уже проявлялась необыкновенная геометрия домов Хозяев; сначала изредка, дальше — больше, пока наконец наши постройки не исчезали вовсе. Конечно, мы пытались войти в их город, где улицы становились другими, а кирпичные, цементные и плазменные стены уступали место живым, из плоти и крови. Для меня эти попытки были серьезным делом, и лишь сознание того, что преуспеть в них все равно нельзя, успокаивало.

Мы состязались, подначивая друг друга зайти как можно дальше и оставить там знак. «За нами гонятся волки, надо бежать!» или «Кто зайдет дальше всех, тот визирь!» — говорили мы. В своей ватаге я держала третье место по заходам на юг. Там, где мы обычно это делали, висело переливавшееся очаровательными неземными цветами Хозяйское гнездо, державшееся скрипевшими от напряжения веревками мускул за ограду, которую Хозяева в каком-то приступе жеманства стилизовали под наш плетень. Я забиралась на него, а мои друзья свистели с перекрестка.

В моих детских снимках нет ничего неожиданного: то же лицо, что и сейчас, только не до конца сформировавшееся, те же недоверчиво

поджатые губы, та же улыбка, так же косит глаз в моменты наивысшего сосредоточения, за что надо мной нередко смеются, то же поджарое тело вечной непоседы. Набрав полную грудь воздуха, я задерживала дыхание и шла сквозь смешанную атмосферу — сквозь неплотную, но вполне осязаемую границу, сквозь газовый проходной пункт, сквозь ветры — порождение наномашин и виртуозного атмосферного творчества — чтобы написать на белом дереве «Ависа». Однажды, бравируя, я хлопнула ладонью по живому якорю гнезда в том месте, где он переплетался с кольями ограды. Его плоть оказалась тугой, как тыква. Задыхаясь, я помчалась назад, к друзьям.

— Ты его коснулась. — Они сказали это с восхищением. Я смотрела на свою руку. Сейчас мы побежим на север, к эоли, и сравним наши достижения.

Тихий, всегда с иголочки одетый джентльмен жил в доме, у которого мы играли в деньги. Для местных он был источником беспокойства. Иногда он появлялся в самый разгар игры. Окинув нас взглядом, он поджимал губы, что могло означать как улыбку, так и неодобрение, потом поворачивался и уходил.

Нам казалось, будто мы понимаем, кто он. Мы,

конечно, ошибались, но все, что нам было о нем известно, мы услышали в окрестностях его дома и считали его самого осквернённым, а его присутствие неуместным.

«Эй, — не раз говорила я своим друзьям, когда он появлялся, и показывала за его спиной пальцем. — Эй».

Когда хватало смелости, мы крались за ним по переулкам, вдоль зеленых изгородей, мимо которых он шел на реку, или на рынок, или к развалинам архива, или к Посольству. По-моему, раза два кто-то из нас от волнения выкрикивал что-то глумливое. Прохожие тут же одергивали нас.

— Имейте же уважение, — решительно сказал нам продавец измененных устриц. Поставив свою корзину с моллюсками на землю, он отвесил короткий подзатыльник Йогну, который как раз и крикнул. Взгляд разносчика был направлен джентльмену в спину. Помню, тогда я вдруг поняла, хотя и не смогла бы объяснить словами, что гнев прохожих направлен не только на нас, и те, кто шикал нам в лицо, не одобряли, хотя бы отчасти, того человека.

— Им не нравится, что он там живет, — сказал в тот вечер дежурный отец, папа Бердан, когда

я рассказывала ему об этом. Я несколько раз повторила эту историю отцу, описывала человека, которого мы преследовали со смущением и осторожностью, расспрашивала о нем. Я спросила, чем он не нравится соседям, а отец нерешительно улыбнулся и поцеловал меня перед сном. Я смотрела в окно и не спала. Я наблюдала за звездами и лунами, глядела на мерцание Руин.

Даты последующих событий я помню совершенно точно, ведь все началось сразу после моего дня рождения. В тот день я предавалась меланхолии, о которой мне теперь смешно даже вспоминать. Было уже за полдень. Стояло третье шестнадцатое сентября, доминдей. В полном одиночестве я размышляла о своем возрасте (тоже мне, Будда нашлась!), сидя у стены и запуская подаренные мне на день рождения монетки. Я слышала, как открылась дверь, но глаз не подняла, так что мужчина из того дома, должно быть, несколько секунд стоял и смотрел, как я играю. Осознав это, я с недоумением и тревогой взглянула на него.

— Девочка, — сказал он. И поманил меня рукой. — Пожалуйста, пойдем со мной. — Не помню, чтобы я всерьез задумывалась о бегстве. Мне казалось, что я могу только повиноваться.

Его дом ошеломил меня. Он состоял из одной длинной комнаты, где все было темным: громоздкая мебель, экраны, статуэтки. Повсюду что-то двигалось, автомы делали свою работу. В нашей детской тоже были вьюнки, но они и отдаленно не напоминали эти жилистые, блестящие черными листьями синусоиды и спирали, такие контрастные на фоне стен, что они казались нарисованными. Кроме них на стенах были картины и плазминги, движения которых стали другими, едва мы вошли. На экранах в старинных рамках менялась информация. Духи величиной с ладонь двигались среди растений на трехмерной фотографии, похожей на перламутровую доску для игр.

— Твой друг. — Мужчина указал на диван. На нем лежал Йогн.

Я назвала его имя. Его ноги в ботинках пачкали обивку, глаза были закрыты. Он был весь красный и с присвистом дышал.

Я взглянула на мужчину, боясь, как бы он и со мной не сделал то же самое, что, видимо, сделал с Йогном. Избегая моего взгляда, он возился с какой-то бутылкой.

— Они принесли его ко мне, — сказал он. Он оглянулся, словно в поисках подсказки, как гово-

рить со мной дальше. — Я вызвал констеблей.

Он посадил меня на табурет рядом с моим едва дышавшим другом и протянул мне стакан стимулирующего средства. Я с подозрением смотрела на него, пока он не отпил из него сам, а потом выдохнул, широко раскрыв рот, чтобы я убедилась, что он все проглотил. Потом он дал мне в руку бутылку. Я смотрела на его шею, на которой не было обруча.

Я пригубила то, что он мне дал.

— Констебли скоро будут, — продолжал он. — Я услышал, как ты играешь. Мне показалось, что ему будет легче, если рядом с ним будет друг. Который будет держать его за руку. — Я поставила стакан и сделала, как он говорил. — Скажи ему, что ты здесь, что все будет в порядке.

— Йогн, это я, Ависа. — После паузы я погладила Йогна по плечу. — Я здесь. С тобой все будет в порядке, Йогн. — Я и правда сильно за него волновалась. Подняв глаза, я ждала указаний, но человек только покачал головой и рассмеялся.

— Просто держи его за руку, и все, — сказал он.

— Что случилось, сэр? — спросила я.

— Они нашли его. Он слишком далеко зашел.

Бедняга Йогн очень плохо выглядел. Я поняла, что он сделал.

В нашей команде лишь один человек заходил на юг дальше Йогна. Это был Симмон, лучший из нас, но имя Йогна было написано на плетеном заборе на несколько шагов дальше, чем мое. Несколько недель я тренировалась задерживать дыхание все дольше и дольше, и мое имя все ближе и ближе подползало к имени Йогна. Так что он, наверное, тоже стал тренироваться, тайком. И ушел слишком далеко от эоли. Я представляла, как он задыхается, открывает рот и втягивает кислый едкий воздух межзонья, поворачивает назад и падает, отравленный токсинами и недостатком кислорода. Может быть, он несколько минут пролежал без сознания, вдыхая этот жуткий коктейль.

— Они принесли его ко мне, — повторил мужчина. И тут я пискнула, внезапно разглядев, что там шевелилось в тени огромного фикуса. Не знаю, как я с самого начала его не заметила.

Это был Хозяин. Он вышел на середину ковра. Я тут же вскочила, частично из уважения, которому меня учили с младых ногтей, частично от страха. Грациозно покачиваясь, Хозяин выступал во всей красе своего сложносочлененного тела. Кажется, он смотрел на меня: кажется, скопления раздвоенных кожных выростов, служивших ему

глазами, начисто лишенными блеска, были обращены ко мне. Из его тела вытянулась и согнулась конечность. Я думала, что он тянется ко мне.

— Он ждет, когда мальчика заберут, — сказал мужчина. — Если он поправится, то только благодаря этому Хозяину. Скажи ему спасибо.

Я сказала, и человек улыбнулся. Он присел рядом со мной на корточки, положил руку мне на плечо. Вместе мы смотрели на необычно движущееся существо.

— Дорогая, — сказал он мягко. — Ты ведь знаешь, что он не слышит тебя? Или нет… слышит, но только как шум? Но ты хорошая девочка, учтивая. — Он протянул мне какую-то ненормально сладкую конфету для взрослых, которую взял из вазы на каминной полке. Я продолжала ворковать над Йогном, и не только потому, что мне так велели. Я боялась. Кожа моего бедного друга стала совсем незнакомой на ощупь, и его движения внушали беспокойство. Хозяин покачивался на своих ножках. Рядом с ним переминался с лапы на лапу компаньон, существо размером с собаку. Мужчина поднял голову, глядя туда, где, судя по всему, было лицо Хозяина. Не сводя с него глаз, мужчина смотрел на него с сожалением, или, может, это теперь мне так кажется из-за того, что

я узнала потом.

Хозяин заговорил.

Конечно, я уже не раз видела таких, как он. Некоторые жили на том самом перекрестке, где мы осмеливались играть. Иногда мы даже сталкивались там с ними, когда они, четко, как крабы, перебирая ногами, шли по своим делам или даже бежали, выглядя при этом так, словно вот-вот упадут, но никогда не падали. Мы видели, как они ухаживали за живыми стенами своих строений или за тем, кого мы считали их домашними животными, шепчущими зверьками-компаньонами. В их присутствии мы резко умолкали и торопились прочь. При этом мы в точности воспроизводили все жесты вежливости, которым учили нас дежурные родители. Неловкость, одолевавшая нас в их присутствии и тоже подхваченная нами у родителей, пересиливала всякое любопытство, которое могли в нас вызвать странные действия Хозяев.

Мы слышали, как они говорят друг с другом, отчетливо выпевая свои интонации голосами, так похожими на наши. Повзрослев, мы начали понимать кое-что из их речи, но совсем немного, а я меньше всех.

Но я никогда не видела Хозяина совсем рядом.

Страх за Йогна отвлекал меня от того, что я в противном случае наверняка испытала бы, находясь так близко к этому существу, однако я не теряла его из виду, чтобы не бояться, и, когда оно, покачиваясь, подошло ко мне вплотную, я резко отпрянула и перестала шепотом говорить с другом.

Он был не первым увиденным мною экзотером. Среди обитателей Послограда были экзоты — несколько кеди, кучка шурази и другие — но, общаясь с ними, мы чувствовали себя немного странно, только и всего, тогда как Хозяева казались нам ужасно далекими, почти абстрактными. Один торговец шурази даже шутил с нами, и хотя акцент у него был чудной, его шутки были вполне понятны.

Позже я поняла, что те иммигранты относились к группам существ одной с нами концептуальной модели, в некотором роде. Хозяева же, аборигены, в чьем городе нам милостиво разрешили построить наш Послоград, были холодными, непостижимыми сущностями. Они напоминали богов младшего ранга, которые иной раз обращали свое внимание и на нас, словно мы были какой-то курьезной пылью, способной вызывать интерес; они же снабжали нас средствами для

жизни, а говорить с ними могли только наши послы. Нам то и дело напоминали, скольким мы им обязаны. Встречая их на улицах, мы демонстрировали им все положенные знаки уважения и тут же, хихикая, убегали. Но одна, без друзей, я не сумела скрыть свой страх за глупым смехом.

— Оно спрашивает, все ли с этим мальчиком будет в порядке, — сказал мужчина. Он потер рот. — На разговорном языке это звучит примерно как «будет ли он потом бегать или остынет?». Оно хочет помочь. Оно уже помогло. Возможно, оно считает меня грубияном. — Он вздохнул. — Или умственно отсталым. Потому что я ему не отвечаю. Оно видит, что меня стало меньше. Если твой друг не умрет, то лишь потому, что оно принесло его сюда. Хозяин нашел его. — Я видела, что мужчина старается говорить со мной ласково. Было похоже, что он от этого отвык. — Они могут приходить сюда, но знают, что мы не можем выходить к ним. Они более или менее представляют себе, что нам нужно. — Он показал на зверька Хозяина. — Они заставили свои машинки вдуть в него кислород. С Йогном, наверное, все будет в порядке. Констебли скоро придут. Тебя зовут Ависа. Где ты живешь, Ависа? — Я ответила. — А как меня зовут, ты знаешь?

Я, конечно, слышала его имя. Только не знала, правильно ли будет ему об этом сказать.

— Брен, — решилась я.

— Брен. Это неправильно. Ты это понимаешь? Ты не можешь произнести мое имя. Написать можешь, а произнести нет. Но теперь я и сам не могу его произнести. Так что сойдет и Брен. Оно… — Он посмотрел на Хозяина, который торжественно кивнул. — А вот оно может произнести мое имя. Только напрасно: я больше не могу с ним говорить.

— А почему они принесли его к вам, сэр? — Его дом был недалеко от того перекрестка, где упал Йогн, но и не близко.

— Они меня знают. Они принесли твоего друга сюда потому, что они, хотя и видят мой уменьшенный статус, все же узнают меня. Они говорят и, наверное, надеются, что я им отвечу. Я… наверное, я… сбиваю их с толку. — Он улыбнулся. — Все это глупо, я понимаю. Поверь мне, я хорошо это понимаю. Ты знаешь, кто я, Ависа?

Я кивнула. Теперь я, конечно, понимаю, что не имела тогда ни малейшего представления о том, кто он, и сомневаюсь, чтобы он сам это знал.

Наконец прибыли констебли с командой медиков, и комната Брена превратилась в импровизи-

рованную операционную. К Йогну подсоединили какие-то трубки, его напичкали лекарствами, подключили к мониторам. Брен мягко отодвинул меня в сторону, чтобы я не путалась под ногами. Так мы и стояли бок о бок, я, Брен и Хозяин, а хозяйское животное пробовало на вкус мою ногу щекотным, точно перо, языком. Один из констеблей поклонился Хозяину, который в ответ пошевелил лицом.

— Спасибо, что помогла своему другу, Ависа. Возможно, с ним все будет в порядке. А мы с тобой скоро увидимся, я уверен. «Орличек, покрутись, решечка, покажись», так, кажется? — Брен улыбнулся.

Пока кто-то из констеблей провожал меня наружу, Брен стоял рядом с Хозяином. Тот компанейски приобнял его лапой. Мужчина не отстранился. Так они и стояли в учтивом молчании, и оба смотрели на меня.

В детской вокруг меня подняли шум. Даже после заверений констебля о том, что я ничего не натворила, дежурные родители продолжали подозревать, что я вляпалась в какую-нибудь историю. Но вели себя прилично, ведь они любили нас. Они видели, что я напугана. Да и могла ли я забыть трясущегося с головы до ног Йогна? И

уж тем более нельзя было забыть присутствие Хозяина, такое близкое, звуки его голоса. А то, что было, вне всякого сомнения, признаками его особого внимания ко мне, и вовсе преследовало меня неотступно.

— Так, значит, кое-кто у нас выпивал сегодня со служителями? — дразнил меня дежурный отец, укладывая спать. Это был папа Шемми, мой любимый.

Позже, оказавшись вовне, я немного интересовалась разными способами ведения семейной жизни. Не помню, чтобы я или кто-то еще из послоградских детей испытывал какую-то особую ревность к тем из сверстников, кого время от времени навещали кровные родители: там это было не принято. Я никогда специально этим не занималась, но позднее неоднократно задумывалась о том, была ли наша система коллективных детских и дежурных родителей продолжением социальных практик основателей Послограда (Бремен долгое время с легкостью включал в свою сферу влияния разнообразные традиции) или она сложилась позднее. Возможно, из смутной социально-эволюционной симпатии к институту воспитания наших послов.

Не важно. Да, иногда о детских рассказывают

всякие ужасы, но и вовне я слышала немало неприятного о людях, которые сами растили своих детей. У нас в Послограде тоже были свои любимцы и те, кого мы боялись, те, чьих дежурств мы ждали с нетерпением, и те, чьих не очень, те, к кому мы бегали за советом, за утешением, те, у кого мы подворовывали, и так далее; но все наши дежурные родители были хорошими людьми. Шемми я любила больше других.

— Почему людям не нравится, что мистер Брен живет там?

— Не мистер Брен, дорогая, просто Брен. Люди, не все правда, считают, что он не должен вот так запросто жить в городе.

— А что ты думаешь?

Он помолчал.

— По-моему, они правы. По-моему, так… не подобает. Для разделенных существуют особые места. — Я уже слышала это слово, от папы Бердана. — Приюты специально для них… Это неприятно видеть, Авви. Он странный. Ворчливый старый хрен. Бедолага. Но смотреть на это неприятно. Такая рана.

Это отвратительно, говорили позже некоторые из моих друзей. Научились у не самых либеральных родителей. Мерзкому старому черту место

в приюте. Оставьте его в покое, говорила я. Он спас Йогна.

Йогн выздоровел. Происшествие с ним не остановило наших игр. Я продолжала заходить все дальше с каждой неделей, но отметки, оставленной Йогном, так и не достигла. Плод его опасного эксперимента, последний оставленный им след, на несколько метров превышал достижения любого из нас, причем первая буква его имени была написана коряво, дрожащей рукой.

— Тут я упал в обморок, — говорил он нам. — Чуть не умер. — После того случая он уже не мог заходить так далеко. Он остался вторым в память о приключившейся с ним истории, но теперь я могла его побить.

— Как пишется имя Брена? — спросила я папу Шемми, и он мне показал.

— Брен/Дан, — сказал он, ведя пальцем по слову: семь букв; четыре он произнес; три не умел.

0.2

Когда мне было семь лет, я покинула Послоград. Дежурные родители и братья и сестры по детской поцеловали меня на прощание. В одиннадцать я вернулась назад: замужней; не то чтобы богатой, но с кое-какими сбережениями и даже собственностью; умеющей драться, повиноваться приказам и нарушать их, когда следует; и погружаться.

Я научилась довольно прилично делать много разных вещей, но по-настоящему отличалась лишь в одном. И это было не насилие. Драки — всего лишь привычный риск припортовой жизни, и за годы жизни вовне я не намного чаще оказывалась побежденной, чем победительницей. Я выгляжу сильнее, чем я есть на самом деле, я всегда была торопыгой и, как многие посредственные драчуны, лучше владею техникой устрашения, чем собственно боя. Мне удавалось избегать столкновений, не празднуя труса в открытую.

В деньгах я мало понимаю, но скопить кое-что мне удалось. Не буду делать вид, будто моя сильная сторона — семейная жизнь, хотя и в этом я

оказалась не хуже многих. У меня были, по очереди, два мужа и жена. Мы расставались, когда у кого-либо из нас менялись пристрастия, без всякой обиды, — я же говорю, семейная жизнь неплохо мне удается. Скайл был моим четвертым супругом.

Как иммерлетчица я дослужилась именно до тех чинов, к которым стремилась, — тех, которые давали положение и достаток, не налагая в то же время серьезных обязательств. В этом и была моя самая сильная сторона: в разработанной мною жизненной стратегии, объединявшей умение, удачу, нахальство и лень, — то, что мы называем словечком флокинг.

Думаю, что сами иммерлетчики его и выдумали. В каждом из нас сидит флокер. Словно черт на загривке. Не все члены команды стремятся к тому, чтобы овладеть этой техникой, — есть те, для кого главное быть капитаном или исследователем — но для большинства флокинг неотъемлемая часть профессии. Некоторые люди считают, что это обычное ничегонеделание, на самом деле это куда более активная и хитроумная позиция. Флокеры не боятся работы: начнем с того, что многим членам команды приходится изрядно повкалывать, чтобы их взяли на борт.

Как мне.

Думая о своем возрасте, я все еще меряю его годами, хотя после стольких лет странствий пора бы уже и перестать. Это дурной тон, и жизнь на корабле должна была отучить меня от этого.

— Лет? — орал на меня один из моих первых офицеров. — Да мне насрать на то, какие там сидерические выкрутасы приняты на твоей занюханной планете, ты мне скажи, возраст у тебя какой?

Отвечай в часах. Отвечай в субъективных часах: офицерам плевать, замедляешь ты их по отношению к тому, что принято на твоей занюханной планете, или нет. Никого не волнует, какова длина года в том месте, где ты росла. А потому я покинула Послоград, когда мне было около 170 килочасов. Когда мне стукнуло 266 кч, я вернулась с мужем, сбережениями и кое-какими навыками.

Мне было уже почти 158, когда я узнала, что могу погружаться. И тогда я сразу поняла, что буду делать дальше, и сделала это.

Я отвечаю в субъективных часах; объективные держу в уме; я думаю в годах, принятых на моей планете, где сам принцип измерения времени связан с традициями другого места. Все это не

имеет никакого отношения к Терре. Я как-то встречала одного молоденького иммерлетчика из такой глубокой дыры, что не знаю, как и сказать, где она находится, так вот он вел все расчеты в том, что сам называл «земными годами», дурачок. Я спросила его, был ли он сам в том месте, по календарю которого живет. И, конечно, оказалось, что он не лучше меня представляет, где это.

С возрастом я осознала, что во мне самой нет ничего особенного. То, что произошло со мной, случается далеко не с каждым обитателем Послограда — это верно, — но сама история была вполне заурядной. Я родилась в городе, который на протяжении тысяч часов считала целой вселенной. Потом я вдруг узнала, что вселенная куда больше, но вырваться на ее просторы я не смогу; а потом у меня появился шанс. Классика жанра — такую историю может рассказать вам кто угодно, не обязательно человек.

Вот еще одно воспоминание. Мы играли в погружение: надо было подкрасться к кому-то сзади так, чтобы остаться незамеченным, а потом вдруг заорать «Ныряй!» и схватить его руками. Мы мало что знали о погружении тогда, и наш сценарий, как мне позднее довелось понять, был лишь немногим страннее представлений о том

же самом большинства взрослых.

Вся моя юность размечена двойным пунктиром прибывавших по очереди кораблей и миабов. Небольшие коробочки со всякой всячиной, без команды запущенные в пространство. Многие терялись в пути: как я потом узнала, навеки превращались в источники опасности разных форм и размеров, застряв в иммере, пересечь который так и не смогли. Но большая их часть все же достигала нас. Когда я стала старше, к волнению, с которым я ждала каждого такого прибытия, примешивалась злость, зависть, пока я наконец не поняла, что тоже вырвусь наружу. Тогда миабы превратились в намеки: призрачные шепотки.

В четыре с половиной года я видела поезд, который вез через город только что приземлившийся миаб. Как почти всем детям и многим взрослым, мне всегда хотелось самой видеть их приземления. Мы целой толпой пришли из детской, за нами смотрела и слегка нас сдерживала мама Квиллер — кажется, это была она, — а мы, дети постарше, надзирали за детишками помоложе. Нам удалось занять места у самых перил, вдоль них мы и вытянулись всей группой, лишь слегка разбавленной взрослыми, и болтали о прибытии.

Как всегда, миаб поместили на колоссальную

платформу, и биоробот-локомотив, который волок ее по широкой просеке рельсовых путей в индустриальной зоне Послограда, пыхтел, толкаясь временными мускулистыми ногами в помощь работающему на пределе возможностей двигателю. Лежавший на спине миаб был больше главного зала в нашей детской. Самый настоящий контейнер, формой напоминавший курносую пулю, двигался под моросящим дождем. Его поверхность лоснилась, испуская струйки пара, которые, тонкими нитями поднимаясь над его кристальным защитным слоем, истаивали в ничто. Власти проявили безответственность, как я теперь понимаю, не дав этой пропитанной иммером поверхности успокоиться. Это был не первый миаб, который привозили в город еще сырым после долгого пути.

Я видела, как мимо проволокли дом. Вот на что это было похоже. Локомотив-гигант натужно свистел, машинисты заманивали его все дальше и дальше. Огромную комнату втаскивали на вершину холма к посольскому замку в окружении жителей, которые приветствовали ее, радостно крича и размахивая лентами. Комнату сопровождали кентавры: мужчины и женщины верхом на четвероногих биологических устройствах. Ред-

кие горожане-экзоты тоже пришли посмотреть и стояли рядом со своими друзьями-терранцами: кеди топорщили шейное оперение, которое меняло цвет, шурази и паннегетчи издавали звуки. Были в толпе и автомы: от простых колченогих ящиков до хитроумных приспособлений тюрингского производства, выглядевших как активные участники встречи.

Внутри беспилотного корабля должен был лежать груз, подарки нам из Дагостина, а может, и из более далеких мест, импортные вещи, которых мы вожделели, программы для чтения и книги, программы новостей, редкая еда, техника, письма. Снаряд потом тоже растащат на запчасти. Я и сама регулярно посылала наружу разные вещи, когда снаряжались наши, куда более скромные, ежегодные миабы. Они увозили продукцию местных кузнецов и официальные документы (все тщательно скопированные перед отправкой — никто не верил в то, что хотя бы один миаб достигнет места назначения), и в каждом выделялось немного места для писем, которые дети посылали своим друзьям по переписке вовне.

— Миаб, миаб, послание в бутылке! — напевала мама Бервик, собирая наши письма. «Дорогой класс 7, Баучерч Хай, Чаро Сити, Бремен, Даго-

стин», помню, выводила я на конверте. «Жаль, что я не могу прилететь к вам в гости вместе со своим письмом». Краткие вспышки эпистолярного урагана, так редко настигавшего нас.

Следуя вдоль одного из водных путей, которые мы называли реками, хотя они были искусственного происхождения, миаб нырнул под Опорный мост. Я помню, что на нем были Хозяева с делегацией служителей посольства, которые стояли и смотрели вниз, сквозь витражные порталы моста, а по бокам от них возвышались на своих четвероногих живых машинах наши охранники.

Процессия уже ушла далеко вперед, когда безбилетный пассажир вырвался из миаба, но я видела все в записи. Дорога как раз шла между жилых домов с восточной стороны и садов для животных на западе, когда раздался первый треск. Случись это на километр дальше, в окружающих посольство кварталах с их густой застройкой и подвесными пешеходными мостиками, все было бы куда хуже.

Судя по сохранившимся записям, в толпе были те, кто сразу понял, что происходит. Треск нарастал, на его фоне усиливались крики, одни люди пытались предостеречь других. Кто-то из тех, кто понял, бросились бежать. Мы, дети, на-

верняка просто стояли, выпучив глаза, хотя мама Квиллер без сомнения делала все возможное, чтобы отогнать нас оттуда. Слышен звук, который производила керамическая оболочка миаба, изгибаясь вопреки всем законам механики Ньютона. Люди перевешивались через перила, чтобы разглядеть происходящее; но толпа заметно поредела.

Миаб лопнул, коварно рассылая осколки корпусного вещества высоко в воздух. Безбилетник из иммера вырвался наружу.

Таксономия не точна. Почти все специалисты сходятся во мнении, что вырвавшаяся в тот день из миаба тварь была лишь малым проявлением, тем, что я позже буду называть словечком «живулька». Сначала это был лишь намек на силуэт, сложенный из углов и теней. Он аккумулировался из окружающего, проявлял себя в преходящем. Кирпичи, пластон и цемент зданий, энергия клеток и плоть содержавшихся в них зверей выплеснулись из садов и устремились, вопреки все законам физики, к плывущему по воздуху силуэту. Они овеществили его. Дома словно сбрасывали шляпы, когда их крыши, один кусок черепицы за другим, стекали с них набок и вливались в сущность, которая с каждой минутой

становилась все более материальной, все более приспособленной к реальности происходящего.

Его быстро загасили. Забили из пушек времени, которые с яростью насаждают посюстороннее, привычное, повседневное в противовес вечному из иммера. Повизжав несколько минут, тварь была изгнана или уничтожена.

К счастью, никто из Хозяев не пострадал. Однако были десятки других мертвых. Одних убило взрывом; другие уменьшились, частично перетекли в пришельца. С тех пор, поднимая миабы, служители неукоснительно соблюдали правила безопасности, которыми прежде иногда пренебрегали. По нашему три-дэ-видению показывали их регулярные споры, гнев и злость. Тот, кого тогда с позором выгнали со службы, оказался козлом отпущения всей системы. Молодой, лихой и недисциплинированный посол ДалТон так и заявил об этом в камеру в порыве гнева, и я помню, как обсуждали его слова родители. Папа Нур даже сказал мне, что после этой катастрофы торжественным встречам миабов вообще придет конец. Но он, конечно, ошибся. Он всегда мрачновато смотрел на жизнь.

Разумеется, мы, ребятишки, были просто одержимы случившейся трагедией. Не прошло и

нескольких дней, а мы уже повторяли ее в играх, подражая треску рассыпающейся скорлупы миаба, бульканью пришельца из иммера, стреляя из пальцев и палочек в тех, кому временно выпадала роль монстра. «Живулька» стала для меня чем-то вроде поверженного дракона.

Есть такое мнение, вроде клише, будто иммерлетчики не помнят своего детства. Это, как вы видите, неверно. Люди говорят так только для того, чтобы подчеркнуть чужеродность иммера; дать понять, что в этой основополагающей инореальности есть нечто такое, отчего человеческие мозги становятся наперекосяк. (Не в прямом, конечно, смысле, но почти.)

Это неверно, но, с другой стороны, и я сама, и почти все знакомые мне иммерлетчики имеют действительно отрывочные, или смутные, или вывернутые воспоминания о том времени, когда мы были детьми. Я не думаю, что тут есть какая-то мистика: по-моему, все дело в устройстве наших мозгов, в том, как думаем мы, те, кому хочется вырваться наружу.

Я очень хорошо помню отдельные эпизоды, но именно эпизоды, а не всю цепь событий. Самые важные, решающие моменты. Все остальное хранится в моей голове в виде какого-то хаоса, и

я, в общем-то, не против. К примеру: был в моем детстве еще один случай, когда я снова оказалась в компании Хозяев. Однажды утром третьего подмесяца июля меня вызвали на встречу.

За мной прислали папу Шемми. Сжимая мою руку повыше локтя, он привел меня в один из рабочих закутков нашей детской, заваленный бумажными и виртуальными свидетельствами труда. Комната принадлежала маме Солфер, и я никогда не бывала в ней раньше. Техника там была в основном терранская, хотя в углу тихонько жевала мусор приземистая биоробот-корзина. Солфер была немолодой, доброй, рассеянной, меня знала по имени — привилегия, которая распространялась отнюдь не на всех моих братьев и сестер. Жестом она велела мне подойти ближе, явно испытывая какую-то неловкость. Она встала, оглянулась, точно ища диван, которого в комнате не было, и села опять. За одним столом с ней — довольно смешно, если вдуматься, ведь стол был явно маловат для двоих, — сидел папа Реншо, относительно новый, вдумчивый, похожий на учителя дежурный отец, который улыбался мне; и, к моему изумлению, третьим, кто ожидал встречи со мной, оказался Брен.

После истории с Йогном прошел почти год, то

есть 25 килочасов, и с тех пор ни я, ни кто-либо еще из нашей компании не возвращался к тому дому. Я, разумеется, выросла, большинство моих братьев и сестер тоже, но стоило мне войти в комнату, как Брен тут же улыбнулся мне, узнал. Он-то почти не изменился. Даже одежда на нем была как будто та же.

Мама пошевелилась. Хотя она и все остальные сидели по одну сторону стола, а я на жестком взрослом стуле, который она мне указала, по другую, то, как она повела бровями, глядя на меня, неожиданно открыло мне, что мы с ней заодно в этой истории, какая бы странность ни приключилась.

Мне, разумеется, заплатят, сказала она (позднее выяснилось, что на мой счет была переведена довольно крупная сумма); это совершенно безопасно; это большая честь. Я ничего не понимала. Вмешался папа Реншо. Он повернулся к Брену и сделал ему знак.

— Ты понадобилась, — сказал мне Брен. — Вот и все. — Он развел руки ладонями наружу, как будто их пустота сама по себе свидетельствовала о чем-то. — Ты понадобилась Хозяевам, и по какой-то причине они опять решили действовать через меня. Они что-то готовят. Планируются дебаты.

Кто-то из них убежден, что сможет доказать свою правоту путем… путем сравнения. — Он умолк, желая убедиться, что я его понимаю. — Они… вроде как придумали его. Но события, которые оно описывает, еще не произошли. Ты понимаешь, что это значит? Они хотят сделать его произносимым. Поэтому им нужно его организовать. Буквально. А для этого им нужна живая девочка. — Он улыбнулся. — Теперь ты понимаешь, почему я попросил позвать тебя. — Наверное, у него больше не было знакомых детей.

Брен улыбнулся, наблюдая движения моего рта.

— Вы… хотите, чтобы я… сыграла стилистический прием? — выговорила я, наконец.

— Это честь! — вставил папа Реншо.

— Это действительно честь, — сказал Брен. — И я вижу, что ты это знаешь. «Сыграла»? — Он помотал головой, как будто говоря «да» и «нет» одновременно. — Не буду тебя обманывать. Будет больно. И не слишком приятно. Но я обещаю, что ничего страшного с тобой не случится. Обещаю. — Он наклонился ко мне. — И еще ты сможешь на этом заработать, как и сказала твоя мама. И. Еще. Ты получишь благодарность служителей. И послов. — Реншо вскинул на меня глаза. Я была уже

достаточно взрослой, чтобы понимать, в какой форме она может выразиться. К тому времени я уже имела представление о том, чем я хочу заняться, когда стану старше, а потому доброе отношение служителей мне бы не помешало.

Еще я дала тогда согласие потому, что надеялась попасть в город Хозяев. Но этого не случилось. Хозяева сами пришли к нам, в ту часть Послограда, где мне не доводилось бывать раньше. Меня отвезли туда на корвиде — это был первый в моей жизни полет, но я так волновалась, что не получила от него никакого удовольствия, — в сопровождении теперь уже не констеблей, а агентов службы безопасности посольства, чьи тела покрывали едва заметные выступы различных приращений и технических штучек.

Кроме них, со мной не было никого, ни одного родителя, только Брен, хотя он и не занимал никакой официальной должности при посольстве. (Это я узнала позже.) Просто тогда ему еще доверяли разные неформальные поручения, какие обычно давали служителям. Он старался быть со мной добрым. Помню, мы летели вдоль окраин Послограда, и я впервые в жизни увидала истинный размер тех колоссальных глоток, сквозь которые к нам попадали биороботы и припасы.

Их коленчатые, мокрые и теплые трубы уходили на многие километры вдаль от наших границ. Я видела над городом и другие суда: это были биороботы, старые машины с Терры и химеры.

Мы приземлились в заброшенном квартале, который никто не позаботился снять с сетки. Хотя квартал был почти пуст, улицы освещали вечные неоновые и три-дэ духи, которые танцевали над нашими головами, рекламируя давно закрытые рестораны. В развалинах одного такого заведения нас ждали Хозяева. Их сравнение, как меня предупредили, требовало, чтобы я осталась с ними один на один, и Брен ушел.

При этом он слегка покачал головой, словно мы с ним соглашались в том, что происходящее отдает абсурдом. Он шепнул мне, что это не займет много времени и что он будет меня ждать.

Происшествие в том заброшенном обеденном зале с осыпающимися стенами ни в коем случае не было самым худшим, болезненным или неприятным из всего, что мне когда-либо довелось испытать. С этой точки зрения оно было вполне терпимым. Однако события более непонятного не случалось за всю мою жизнь ни до, ни после того. Я даже удивилась, до какой степени меня это расстроило.

Долгое время Хозяева вообще не обращали на меня внимания, увлеченно копируя какие-то движения. Они поднимали дающие плавники, делали шаг вперед, потом назад. Я чувствовала исходящий от них сладкий запах. Мне было страшно. Я готовилась: качество сравнения зависело от того, насколько точно я сыграю свою роль. Они заговорили. Я поняла лишь самую малость, выхватывая из сказанного то одно, то другое знакомое слово. Вслушиваясь в наплывающие друг на друга шепоты, я ждала одного слова — «она» — и, когда оно прозвучало, я вышла вперед и сделала то, что им было нужно.

Теперь я знаю, что сделанное мною тогда называется диссассоциацией. Я наблюдала за всем, что происходило, в том числе и за собой. Мне не терпелось, чтобы все поскорее кончилось; я ничего не чувствовала, никакого усиления связи между Хозяевами и мною. Я только наблюдала. Выполняя действия, необходимые для того, чтобы потом они могли произносить свое сравнение, я думала о Брене. Он, разумеется, не мог больше говорить с Хозяевами. Событие организовало посольство, и я считала, что бывшие коллеги Брена, послы, наверное, были рады дать ему возможность помочь. Но поручили они ему какую-нибудь настоящую

работу или нет, я не знаю.

Когда все кончилось и я вернулась в юношеский центр, друзья накинулись на меня, требуя подробностей. Мы ведь были дикие, как все послоградские дети.

— Ты была с Хозяевами? Круто, Авви! Честно? Честно, как Хозяин?

— Честно, как Хозяин, — произнесла я подходящую случаю клятву.

— Ничего себе. А что они делали? — Я показала синяки. Мне и хотелось и не хотелось говорить об этом. Постепенно я полюбила пересказывать то происшествие, привирая и приукрашивая его. Оно много дней выделяло меня среди остальных.

Другое следствие оказалось важнее. Два дня спустя папа Реншо отвел меня к Брену. Я не была в его доме с того случая с Йогном. Брен улыбнулся, поздоровался и провел меня внутрь, где я впервые в жизни повстречала послов.

Одежды красивее, чем у них, я никогда ни у кого не видела. Их обручи сверкали, их огоньки мигали в одном ритме с полями, которые они генерировали. Я была потрясена. Их было трое, и в комнате стало очень тесно. Тем более что позади них, двигаясь из стороны в сторону, перешептываясь то с Бреном, то с кем-то из послов, находился

автом, компьютер с сегментированным корпусом, женское лицо которого оживлялось с каждой сказанной фразой. Я видела, что послы стараются тепло говорить со мной, ребенком, как раньше старался Брен, но опыта им не хватает.

Женщины постарше спросили:

— Ависа Беннер Чо, верно? — Голос у них был изумительный, величественный. — Подойди. Сядь. Мы хотим поблагодарить тебя. Мы думаем, тебе следует услышать, как тебя канонизировали.

Послы заговорили со мной на языке Хозяев. Они произносили меня: они говорили меня. Они предупредили меня, что прямой перевод сравнения окажется неточным и обманчивым. Одна человеческая девочка, которая, превозмогая боль, съела то, что ей дали, в комнате, предназначенной для еды, где давно никто не ел.

— Со временем оно сократится, — сказал мне Брен. — Скоро тебя будут говорить как девочку, которая съела то, что ей дали.

— Что это значит, скажите, пожалуйста?

Они качали головами, поджимали губы.

— Не имеет значения, Ависа, — сказала одна из них. Она пошепталась с компьютером, и я видела, как опустилось в кивке созданное им для

себя лицо.

— Кроме того, это все равно будет неточно. — Я спросила еще раз, иначе, но они больше не желали об этом говорить. И все поздравляли меня с тем, что я стала частью Языка.

Дважды за время моего отрочества я слышала, как говорят меня, мое сравнение: один раз это был посол, другой — Хозяин. Годы, тысячи часов спустя после того, как я исполнила это сравнение, мне его, наконец, вроде как объяснили. Передача, конечно, грубовата, но, по-моему, им пользуются с некоторой долей удивления и иронии, когда хотят выразить обиду и подчинение судьбе.

За все мое детство и юность я больше ни разу не говорила с Бреном, но, как я выяснила, он приходил к моим дежурным родителям еще раз. Уверена, что именно моя помощь в создании фигуры речи и неявное покровительство Брена помогли мне пройти экзамены. Я много занималась, но интеллектуалкой не была никогда. Я обладала качествами, необходимыми для иммерлетчика, но не больше, чем остальные, кто экзаменовался со мной, и даже меньше, чем иные из тех, кто не прошел. Карты на выезд получили немногие гражданские и те из нас, кто проявил способность путешествовать в иммере, не впадая

в сон. Не было никаких особых причин, почему несколько месяцев спустя, когда все тесты были пройдены и мои способности признаны, мне все же дали право покинуть мой мир и выйти вовне.

0.3

Каждый учебный год во втором подмесяце декабря устраивались испытания. В основном для того, чтобы установить, что мы узнали за год занятий; но отчасти с целью выявить более редкие способности. Мало кто из нас обладал дарованиями, столь высоко ценимыми в других местах, снаружи. Нам говорили, что мы, послоградские, не той породы: у нас неправильные мутагены, неподходящий аппарат, да и стремления к высокому не хватает. Многие дети к самым заковыристым экзаменам даже готовиться не стали, но мое стремление держать их нашло поддержку. Полагаю, это значит, что мои учителя и дежурные родители видели во мне какие-то задатки.

С большинством предметов я справилась на «отлично»; «хорошо» получила по риторике и творческому заданию по литературе, что меня порадовало, а также за чтение стихов. Но оказалось, что наиболее выдающиеся результаты я, сама того не подозревая, показала в испытаниях, об истинной цели которых даже не догадывалась. Я разглядывала задания на экране причудливо-

го плазменного монитора. Каждое нужно было выполнять по-своему. Вся процедура занимала около часа и походила на игру, так что скучно мне не было. Я перешла к следующим заданиям, которые проверяли не знания, а реакции, интуицию, контроль внутреннего уха, нервозность. Их главной целью было выявление потенциальных иммерлетчиков.

Проводившая эти испытания женщина, молодая, в модной снаружи шикарной одежде, взятой взаймы, выменянной или выпрошенной у бременских служащих посольства, просмотрела вместе со мной мои результаты и объяснила мне, что они означают. Я видела, что они произвели на нее кое-какое впечатление. Без жестокости, но настойчиво, желая уберечь меня от возможных будущих огорчений, она повторяла мне, что выводы делать рано и что это лишь первая ступень из многих. Но пока она мне все это объясняла, я уже решила, что стану иммерлетчицей, и стала. Тогда я только начинала ощущать узость Послограда, брюзжать на его тесноту, но после результатов экзамена мое нетерпение усилилось.

Став старше, я обманными путями добывала себе пригласительные билеты на Балы Прибытия, где втиралась в компанию мужчин и женщин

извне. Кажущееся безразличие, с которым они перебрасывались названиями стран и планет, будило во мне удовольствие и зависть.

Лишь килочасы, или годы спустя, я поняла, что моя судьба вовсе не была предначертана заранее. Что многие студенты, более способные, чем я, потерпели поражение; что и у меня могло не получиться улететь. Моя история была типична, как волшебная сказка, их сюжеты были более просты и правдивы. От этой случайности меня даже затошнило, как будто я все еще могла провалить экзамен и остаться, хотя я давно уже жила вовне.

Даже те, кто никогда не погружался, уверены, что знают — по крайней мере, представляют себе, как они говорят, — что такое иммер. Ничего подобного. Однажды мы поспорили об этом со Скайлом. Во время нашего второго разговора (первый был о языке). Он полез со своими суждениями, а я ответила, что меня не интересует, как привязанный к земле представляет себе иммер. Мы лежали в постели, и он подразнивал меня, пока я распространялась о его невежестве.

— О чем ты? — сказал он. — Ты же сама не веришь в то, что говоришь; ты слишком умна для этого. Ты просто травишь мне ваши иммер-

летчицкие байки. Знаем, слышали. «Никто, ни ученые, ни политики, а уж тем более чертовы гражданские, не понимают этого так, как мы!» Любите вы нос задирать. Только чтобы отбить у людей охоту лезть в ваши дела.

Я даже расхохоталась, так он кипятился. И все же, сказала я ему, все же иммер неописуем. Но он и тут стал со мной спорить.

— Никого ты этим не обманешь. Думаешь, я не прислушивался к тому, как ты говоришь? Знаю, знаю, твое дело не болтовня, ты же у нас простой флокер, бла-бла-бла. Как будто ты не читаешь стихов, а язык принимаешь как данность. — Он покачал головой. — Короче, если все будут рассуждать так, как ты, я скоро без работы останусь. «Неописуем», как же. Ничего неописуемого не бывает.

Я прижала ладонь к его рту. Тем не менее, так оно и есть, сказала я ему.

— Пусть считается, — продолжал он говорить сквозь мои пальцы все тем же лекторским тоном, хотя и глухо, — что слова не могут быть референтами, тут я с тобой согласен, в этом трагедия языка, однако наши асимптотические попытки их употребления тоже нельзя сбрасывать со счетов. — Я сказала ему, чтобы он заткнулся.

Сказала, что это правда и что я говорю это ему, как Хозяин.

— Ну что ж, — ответил он. — Перед лицом истины отступаю.

Я долго изучала иммер, и все же мое первое погружение в него невозможно описать, и я на этом настаиваю. Вместе с горсткой других членов команды и иммигрантов, получивших карты на вылет, а также со служителями посольства из Бремена, которые, закончив дела, возвращались домой, меня привезли к моему кораблю на кече. Мое первое назначение было на «Осу Колькаты». Этот квази-автономный корабль-город, погружавшийся под собственным флагом, был зафрахтован на один рейс Дагостином. Помню, как я вместе с другими новичками стояла в называвшемся «вороньим гнездом» наблюдательном пункте и следила за тем, как огромной стеной проплывала мимо нас Ариека, пока наш корабль медленно и осторожно двигался по небу в точку, откуда начнется наше погружение. Там, под иллюзорно неподвижным облачным пологом ее неба, остался Послоград.

Штурман подвел нас вплотную к Руинам. Разглядеть их было трудно. Сначала они походили на линии, прочерченные в пространстве, и вдруг

мгновенно облеклись скудной плотью. Она то редела, то вновь уплотнялась. Оказалось, что в поперечнике они имеют несколько сот метров. Руины вращались, каждый их выступ двигался, причем согласно собственной программе, вся их капельно-решетчатая филигранная структура описывала сложную спираль.

По строению Руины напоминали «Осу», но были не в пример древнее и казались в несколько раз больше. Было похоже, что они — это оригинал, а мы — их уменьшенная копия, пока вдруг они не повернулись к нам другой плоскостью и не стали меньше, или просто отдалились. Они то совсем скрывались из виду, то показывались отчасти.

Офицеры, блестя подкожными приращениями, напомнили нам, новичкам, о том, что мы собираемся делать, и о том, чем опасно погружение. Они, Руины, демонстрируют это и то, почему Ариека так и осталась аванпостом, недоступным, недоразвитым, лишенным спутников после той первой катастрофы.

Я бы действовала профессионально. Да, я готовилась к своему первому погружению, но я выполнила бы все приказы и думаю, что не допустила бы ни одной ошибки. Но офицеры помнили, что значит быть новобранцем, и посадили нас,

кучку неопытных иммерлетчиков, в кресла наблюдателей. Сидя в них, мы могли реагировать, когда нужно, однако никакое количество тренировок не гарантировало нас от тошноты в самый первый раз. Когда выдавалась свободная минута и можно было понаблюдать и предаться восхищению, мы предавались восхищению. В иммере есть течения и грозовые фронты. В иммере есть отрезки, пересечь которые можно, обладая лишь бесконечным умением и почти бесконечным временем. Именно техники, которыми я владею сейчас, плюс соматический контроль, мантрическая отрешенность и инструментализированный прозаизм, которые сделали из меня иммерлетчика, позволяют иммерлетчикам сохранять ясное сознание и работоспособность при погружении.

По карте до Дагостина или любого другого центра не так уж много миллиардов километров. Только этими Евклидовыми звездными картами пользуются лишь космологи, некоторые экзотерры с непонятной нам физикой да религиозные номады, мучительно дрейфующие на скоростях, не достигающих скорости света. Я была потрясена, когда увидела их впервые, — в Послограде карты не были общедоступными — однако к путешественникам вроде меня они вообще не

имеют отношения.

Взгляните лучше на карту иммера. Перед вами огромная изменчивая сущность. Вы можете тянуть ее, вращать, измерять ее проекции. Разглядывайте этот световой фантом как угодно, и даже с учетом того, что это будет плоское или трехмерное воспроизведение топоса, который противится нашим попыткам его понять, ситуация все равно будет качественно иной.

Пространство иммера не совпадает с измерениями обыденного, с тем миром, в котором мы живем. Самое точное, что можно о нем сказать, это что иммер подстилает нашу действительность или покрывает ее, пропитывает, служит основой, соотносится с ней, как язык с речью, и так далее. Здесь, в повседневном, в мире световых десятилетий и петаметров, Дагостин куда дальше отстоит от Тарска и Ходжсона, чем от Ариеки. Но в иммере от Дагостина до Тарска всего несколько сотен часов при хорошем ветре; Ходжсон лежит в центре спокойных и густо населенных глубин; а от Ариеки вообще никуда не добраться, так она далека.

Она за порогами, там, где неистовые течения иммера сшибаются друг с другом, там, где материя повседневного прорывается в вечное, образуя

отмели, коварные выступы и банки. Она одиноко притулилась на самом краю познанного иммера, насколько он вообще может быть познан. Без опыта, отваги и умения иммерлетчиков никто никогда не попал бы в мой мир.

При первом же взгляде на его карты становится ясно, почему так суровы выпускные экзамены, которые мы сдавали. На одних способностях там далеко не уедешь. Политика исключения тоже, конечно, имеет место: понятно, что бременцы хотят держать нас, послоградцев, под строгим контролем; и все равно лишь самая умелая команда может спокойно добраться до Ариеки или улететь с нее. Некоторым из нас вставляли специальные разъемы, чтобы подключаться к повседневным программам корабля, иммер-программы и приращения тоже помогали; но их одних недостаточно, чтобы сделать из человека иммерлетчика.

Послушать офицеров, так могло показаться, будто остов Пионера, который мне пришлось перестать называть Руинами, когда я узнала, что это не звезда, а гроб для моих коллег, был своего рода предупреждением лентяям. Но это было бы несправедливо. Пионер застрял между двумя мирами вовсе не потому, что его экипаж

или офицеры недооценили иммер: напротив, осторожность и уважительное отношение исследователей привело к катастрофе. Как и многие другие корабли на торных путях иммера, он попал в ловушку, когда все только начиналось. Его заманило на верную гибель то, что люди считали посланием, зовом.

Когда иммернавты впервые подрезали сухожилия обычному пространству, среди многих поразивших их феноменов был и тот, что все они, хотя и пользовались достаточно примитивными инструментами, регулярно получали сигналы откуда-то из непространства. Четкие и явственные, они могли быть посланы только разумными существами. Иммернавты пытались добраться до их источников. Долгое время считалось, что недостаток навыков, отсутствие опыта погружений постоянно приводили к крушениям кораблей, отправлявшихся на такие поиски. Раз за разом они превращались в руины, застряв на полпути из иммера в материальную повседневность.

Пионер был потерей времен, предшествовавших пониманию того, что сигналы посылали маяки. Это был не зов. То, что манило к себе корабли, на деле было предупреждением: не приближайтесь.

Итак, маяки расставлены по всему иммеру. Не все опасные зоны отмечены ими, но все же. Похоже, что их возраст равен возрасту этой вселенной, которых тоже было несколько. Молитва, которую часто шепчут иммерлетчики перед погружением, обращена к тем неведомым, кто их поставил. Милостивые Фаротектоны, храните нас.

Фарос Ариеки я впервые увидела не тогда, а много тысяч часов спустя. Точнее говоря, я его, конечно, не видела, да и не могла увидеть; для этого понадобился бы свет, отражение и иная физика, которой нет в иммере. Но я видела представление о нем, переданное окнами корабля.

Специальное оборудование в корабельных иллюминаторах рисует иммер и все, что в нем есть, в образах, доступных восприятию команды. Я видела маяки похожими на сложные узлы, на контуры, заполненные перекрестной штриховкой. Когда я возвращалась в Послоград, капитан корабля, на котором я летела, сделал мне подарок: перевел оборудование иллюминаторов в режим картинки — приближаясь к заусенцам иммера, за которыми начиналась штормовая зона, окружающая Ариеку, я увидела луч света во фрактале темноты, луч двигался к нам, поворачиваясь вместе со своим источником. И когда посреди

непространства мы увидели маяк, он оказался кирпичным, с вершиной из стекла и бронзы.

Я рассказала об этом Скайлу при нашей первой встрече, и Скайл, которому вскоре суждено было стать моим мужем, захотел, чтобы я описала свое первое погружение. Конечно, он и сам путешествовал в иммере — он не был уроженцем того мира, где мы с ним делили постель, — но, как пассажир скромного достатка и ограниченной выносливости, спал все время пути. Хотя однажды, как он мне сказал, он заплатил кому-то, чтобы его разбудили пораньше и он мог испытать погружение. (Я о таком тоже слышала. Но команде запрещено это делать, и пассажиров будят только там, где мелко.) Потом Скайла ужасно тошнило.

Что я могла ему рассказать? В тот первый раз, когда «Оса», поплескавшись, погрузилась, я была под защитой поля повседневного, и иммер меня даже не задел. По правде говоря, теснее связь с иммером я ощущала в Послограде, когда стажеркой садилась в гнездо иммерскопа и тот вдвигался в его пространство, как пустой стакан, который опускают в воду донышком вниз. Вот тогда я заглядывала в его глубину, видела его совсем близко, и это изменило меня. Но и тогда я

не смогла бы ничего описать, даже если бы меня попросили.

«Оса» входила в иммер жестко. У меня не было опыта, но, сжав зубы, я справилась с тошнотой, которая накатила, несмотря на все тренировки. Даже в нежных объятиях поля повседневного я ощущала каждый рывок непривычного ускорения, когда мы входили туда, где нет направлений, а принесенный нами обманчивый пузырь гравитации, как мог, амортизировал толчки. Но я слишком волновалась и не могла не корить себя за то, что дала волю восторгу. Это пришло позже, когда с привилегиями новичков было покончено и началась бешеная работа начального этапа погружения, и даже еще позже, когда она завершилась и корабль вышел на походную глубину.

Мы, иммерлетчики, умеем не только сохранять стабильность, сознание и здоровье во время погружения, мы не просто не утрачиваем способности ходить и говорить, питаться и испражняться, слушать и отдавать приказы, принимать решения и работать с параинформацией, приближающей расстояния и условия иммера к привычным, не сходя при этом с ума от близости вечного. Хотя и это уже не мало. Дело еще в том, что нам присуща, как утверждают одни

(и опровергают другие), определенная неразвитость воображения, которая не дает иммеру заворожить нас собой до полного бесчувствия. Чтобы путешествовать в иммере, мы изучили его капризы, а знание, полученное одним человеком, всегда может усвоить и другой.

Находясь в поле обыденного, корабли — я имею в виду корабли Терры, на судах экзотов, бороздящих просторы иммера, я никогда не была и ничего не знаю о способах их движения, — представляют собой тяжеленные ящики, набитые людьми и всякой всячиной. При погружении в иммер, где все неуклюжие линии корабля преобразуются в соответствии с заданной целью, корабль становится единой структурой, а мы — ее функциями. Да, мы остаемся командой, работающей слаженно, как всякая команда, но не только. За пределы временного нас выносят моторы, но и мы сами осуществляем выход; мы толкаем корабль вперед в той же степени, в какой он влечет нас за собой. Это мы возникаем и исчезаем в складках непространства, подвижки которого зовем приливами. Гражданские, даже те, кто может бодрствовать, не выблевывая при этом душу и не заливаясь слезами, так не умеют. Одним словом, многое из той брехни, которую

мы рассказываем вам про иммер, — правда. Но и рассказывая, мы разыгрываем вас: история сама становится драмой, без нашего вранья.

— Это третья вселенная, — сказала я Скайлу. — До нее были еще две. Понимаешь? — Я не была уверена в том, что гражданским это известно: для меня это давно уже стало общим местом. — Каждая вселенная иная, чем предыдущая. У каждой свои законы — считается, что в первой скорость света вдвое превышала нынешнюю. Каждая вселенная рождалась, росла, старела и умирала. Три разных «иногда». Но под ними, или вокруг них, или где там еще, был только один иммер, одно-единственное «всегда».

Оказалось, он все это знал. Но в устах иммер-летчика широко известные факты звучали как откровение, и он заслушался, словно малыш.

Мы были в плохом отеле на окраине Пеллуциаса, небольшого города, привлекающего туристов своим расположением над роскошным магма-падом. Пеллуциас — столица небольшой страны в мире, названия которого я не помню. В повседневности он находится в другой галактике, в нескольких световых эонах пути от нас, но через иммер он и Дагостин — близкие соседи.

К тому времени у меня уже было достаточно

опыта. Я много где побывала. Когда мы повстречались со Скайлом, я как раз была в отпуске — двухнедельном, по местным меркам, — который подарила себе сама между двумя назначениями. Я собирала сплетни — кто на чем летает, куда, с какой целью. В баре отеля было полно иммерлетчиков, тех, кто вокруг них трется, путешественников, приходивших в себя, и, в тот раз, ученых. Все, кроме последних, мне уже давно примелькались. В лобби висело объявление о курсе лекций на тему Целительной Силы Рассказа, прочтя которое, я грубо фыркнула. Трехмерные слова, вертясь и выворачиваясь наизнанку, порхали по коридорам отеля, приглашая всех желающих на инаугурационное заседание Комиссии Золотого и Серебряного Круга; на ассамблею философов-бюрократов шурази; на КЧЛЭ, Конференцию Человеческих Лингвистов-Экзотерров.

Я сидела у стойки бара и выпивала с кучкой временных друзей, которые были там, как и я, транзитом и которых я теперь едва помню. Вели мы себя отвратительно. От ленивого флирта с барменом я перешла к издевкам над учеными из КЧЛЭ, которые сидели за столом, напились и шумели не меньше нашего. Сначала мы просто подслушивали, потом, с присущей иммерлетчи-

кам заносчивостью, заявили им, что они ничего не знают ни о жизни, ни о языках в иммере, и пошло-поехало.

— Ну давай, спроси у меня что-нибудь, — бросила я Скайлу. Это было первое, что я вообще ему сказала. Точно знаю, какой у меня был вид: сидя на высоком табурете, я повернулась спиной к стойке, и, опираясь на нее, вздернула нос, чтобы глядеть на него сверху вниз. При этом я наверняка показывала на него обеими руками и улыбалась довольно сдержанно, чтобы не давать ему ни малейшего спуску. Скайл за своим столом оказался самым трезвым и потому был рефери в нашем споре.

— Я все знаю про странные языки, — сказала я ему. — Уж побольше, чем вы, тупицы. Я из Послограда.

Когда он мне поверил, я в жизни не видела, чтобы человек так поразился и обрадовался. Из игры он не вышел, но на меня с этого момента смотрел совсем по-другому, особенно когда узнал, что остальные в моей компании — не мои земляки. Из Послограда была я одна, и Скайлу это нравилось.

А мне нравилось не только его внимание: я была довольна тем, что этот поджарый, крутой

с виду парень пикируется со мной всерьез и под искренний хохот окружающих задает мне вопросы со смыслом. В конце концов мы с ним ушли вместе и провели ночь и еще день в попытках доставить друг другу удовольствие сексом, спали, пробовали снова, и так несколько раз, добродушно переживая неудачи. За завтраком он буквально извел меня своими уговорами и приставаниями; я отвергала их с деланым презрением, забавляясь от души, затем уступила и позволила ему отвести меня, усталую, но, как я пошутила, не совсем затраханную, на конференцию.

Он представил меня коллегам. КЧЛЭ была посвящена изучению людьми языков экзотов, и ее участники были буквально заворожены самыми странными из них. Я видела наспех слепленные временные триды, извещающие о начале заседаний по межкультурным хроматофорным сигналам, по языку прикосновений у невидящих бурданов и по мне.

— Я работаю с гомашем. Вы знаете такой язык? — спросила меня одна молодая женщина ни с того ни с сего. Она была очень рада, когда я ответила, что нет. — На нем говорят, отрыгивая. Катышки со вставленными в них комбинациями

энзимов служат предложениями, которые собеседники должны съесть.

Тут позади нее всплыл мой трид. «Гостья из Послограда! О жизни среди ариекаев».

— Это неправильное название, — сказала я устроителям конференции, — они Хозяева.

Но они ответили:

— Только для вас.

Коллеги Скайла обрадовались возможности поговорить со мной: никто из них никогда не встречал послоградцев. Не говоря уже о Хозяевах.

— Они еще в карантине, — сказала я им, — и вообще, они никогда не просились наружу. Мы даже не знаем, выдерживают ли они погружение.

Роль диковины доставляла мне удовольствие, но мои собеседники были разочарованы. Я предупреждала Скайла, что так будет. Обсуждение стало расплывчатым, все ударились в социологию, поняв, что ничего конкретного о Языке я им не скажу.

— Я его почти не понимаю, — рассказывала я. — Все, кроме послов и служителей, учат его совсем немного.

Один из участников вытащил записи речи Хозяев, и мы прошлись по словарному составу. Я

с удовольствием добавила нюансов некоторым определениям, но, честно говоря, в комнате нашлись, по крайней мере, двое людей, которые понимали Язык лучше, чем я.

Вместо этого я рассказывала им истории из жизни далекого аванпоста. Они не слышали об эоли, об искусстве изготовления скульптур из воздуха, благодаря которому над Послоградом удерживается купол пригодной для дыхания атмосферы. Некоторые видели кое-какие импортные биомашины, но, пользуясь устаревшими тридами, которые у них были, я сумела рассказать им о более крупных структурах, таких как стада домов, или описать жизненный путь моста, начинающегося с клетки понтона и постепенно, без всяких видимых причин, разрастающегося до магистрали, соединяющей целые районы города. Скайл спросил меня о религии, и я ответила, что, насколько мне известно, у Хозяев ее нет. Я вспомнила про Фестиваль Лжецов. Скайл оказался не единственным, кого интересовала эта тема.

— Но я всегда думал, что они не умеют лгать, — сказал он.

— В этом вся суть, — ответила я. — Стремление к невозможному.

— Какие они, эти фестивали? — Я рассмеялась

и ответила, что не имею понятия, ведь я не присутствовала ни на одном из них, да и вообще никогда не была в городе Хозяев.

Они начали обсуждать Язык между собой. Не зная, как лучше отплатить им за гостеприимство, я в качестве анекдота пересказала им то, что произошло со мной в заброшенном ресторане. Они снова слушали внимательно. Скайл пожирал меня глазами маньяка.

— Так ты сравнение? — спросили они.

— Я сравнение, — ответила я.

— Ты рассказ?

Я была рада, что смогла дать что-то Скайлу. Он и его коллеги больше, чем я сама, радовались тому, что когда-то меня сделали сравнением.

Иногда я дразнила Скайла тем, что он любит меня только за то, что я немного знаю язык Хозяев, или за то, что я сама — его часть.

Он почти завершил свои исследования. Его работа касалась сопоставления ряда фонем нескольких языков, принадлежавших разным видам живых существ в разных мирах, что меня больше всего озадачивало.

— Что ты ищешь? — спрашивала я.

— Секреты, — отвечал он. — Ты знаешь. Сущности. Унаследованности.

— Поздравляю тебя с таким безобразным словом. Ну и?

— И их нет.

— М-м-м, — сказала я. — Неловко.

— Слышу пораженца. Что-нибудь сляпаю. Ученый не может позволить ошибке встать на пути теории.

— Еще раз поздравляю. — Я выпила за него.

Мы провели в том отеле больше времени, чем каждый из нас планировал, а потом я, в отсутствие определенных планов и работы, нанялась на судно, которое увозило его торговым путем домой. У меня был опыт, рекомендации, и получить работу оказалось легко. Дорога была недолгой, часов 400 или около того. Узнав, как тяжело Скайл реагирует на погружение, я была тронута тем, что он решил не засыпать в нашем первом совместном путешествии. Однако жертва оказалась бессмысленной — во время моих дежурств он боролся с тошнотой в одиночестве, а между сменами он, несмотря на медикаменты, едва мог со мной говорить. И все равно, хотя его состояние и раздражало меня, я была тронута.

Судя по тому, что он говорил, ему требовалось совсем немного времени, чтобы привести в порядок последние главы, схемы, звуковые файлы

и триды. Но Скайл вдруг объявил, что не будет представлять диссертацию к защите.

— Ты столько работал, а теперь отказываешься прыгать в последнее кольцо? — спросила я.

— К черту, — сказал он совершенно равнодушно. Я рассмеялась. — Революция не состоялась.

— Мой бедный неудавшийся радикал.

— Ага. Ну и пусть. Мне было скучно.

— Но погоди, — попыталась возразить я, — ты что, серьезно? Разве не стоит…

— Все, кончено, новость простыла, забудь об этом. И вообще, у меня давно уже новый проект, сравнение. Ты какое? — С этой неуклюжей шуткой он поклонился, прищелкнул пальцами и перевел разговор на другую тему. Снова начал расспрашивать про Послоград. Неослабность его интереса восхищала, но он разбавлял его насмешкой, и его одержимость казалась мне в большой степени позой.

В его провинциальном университетском городке мы задержались ненадолго. Он сказал, что будет ходить за мной хвостом и доставать меня до тех пор, пока я не соглашусь отвезти его сама понимаешь куда. Я не поверила, но, когда я получила следующее назначение, он полетел со мной, пассажиром.

Однажды в пути, когда мы плескались в мелком и спокойном иммере, я разбудила Скайла, чтобы показать ему косяк хищников, которых мы зовем хаи. Я говорила с капитанами и учеными, считающими, что они не форма жизни, но агрегатное состояние самого иммера, а их нападения, беспощадные и точные, как удары ножа, есть лишь толчки присущего иммеру хаоса, в котором наш ограниченный повседневностью мозг не может научиться видеть игру случая. Я сама всегда думала о них как о чудовищах. Подкрепленный лекарствами Скайл и я наблюдали за тем, как содрогнулся иммер, когда наши выводные батареи обратили хаи в бегство.

Когда мы появлялись там, где должны были появиться, и наш корабль вставал под загрузку или разгрузку, Скайл обязательно записывался в местную библиотеку, где собирал материалы по старому исследованию и новому проекту. Там, где были какие-нибудь достопримечательности, мы ходили их смотреть. Спали мы в одной постели, но с сексом покончили давно.

Везде, где мы бывали, он остервенело учил языки, и если основной словарь уже был ему знаком, то занимался сленгом. Я путешествовала куда больше, чем он, но говорила и читала только на

всеанглийском. Мне нравилась его компания, с ним часто бывало весело и всегда интересно. Я проверяла его, каждый раз нанимаясь на работу туда, где надо было лететь через иммер сотни часов подряд, ничего запредельного, но все же. Наконец однажды, поняв, что я не просто гадаю, останется он или нет, но надеюсь, что он не уйдет, я решила, что он прошел испытание.

Мы поженились на Дагостине, в Бремене, в Чаро-Сити, куда я посылала письма в детстве. Я говорила себе, и это было правдой, что мне важно было время от времени появляться в своем столичном порту. Даже в непереносимо медлительном мире межмирового письмообмена Скайл умудрялся переписываться с местными исследователями; я тоже никогда не была одиночкой, и у меня были свои связи и друзья в иммерлетчицком мире быстро завязывающихся дружб; так что мы оба знали, что каждому будет чем заняться. Там, в столице моего национального государства, которого большинство послоградцев никогда не видели в глаза, я могла отметиться в профсоюзе, сложить сбережения на свой основной счет, послушать новости о бременской судебной системе. Квартира, которой я владела, располагалась не в самой фешенебельной, зато приятной части

города. Там почти не встречались люди, увешанные статусными техническими побрякушками из Послограда.

Вступив со мной в брак по местным законам, Скайл получал возможность беспрепятственно путешествовать по всем провинциям и владениям Бремена. Долгое время на все его настойчивые приставания, оказавшиеся вовсе не шуткой, как он прикидывался сначала, я давала один ответ — что не планирую когда-либо возвращаться в Послоград. Но, думаю, к тому времени, когда мы с ним поженились официально, я была готова сделать ему подарок в виде совместного визита на мою малую родину.

Все оказалось далеко не так просто: Бремен контролировал вход на иные из своих территорий почти так же строго, как выход. Мы планировали сойти на Ариеке, поэтому я не могла просто подписаться на очередной рейс. В Доме Транзитов озадаченные чиновники посылали меня от одного начальника к другому. Ничего иного я не ждала, но все же невольно спрашивала себя, как далеко вверх по служебной лестнице — если я не ошиблась в оценке стоимости мебели в последнем офисе — может зайти перекладывание ответственности.

— Вы собираетесь вернуться в Послоград? — спросила женщина, которую от кабинета начальника отделяли две-три ступеньки. — Вы должны понимать, что это… несколько необычно.

— Так мне все и говорят.

— Скучаете по дому?

— Да нет, — сказала я. — Ради любви чего только не сделаешь. — Я театрально вздохнула, но она не захотела поддержать мою игру. — Нельзя сказать, чтобы мне очень хотелось снова застрять в этой дыре. — Она встретила мой взгляд и промолчала.

Она спросила меня, что я планирую делать на Ариеке, в Послограде. Я ответила правду — флокировать. Это ее тоже не позабавило. Кому я собираюсь доложить о своем прибытии? Никому, ответила я, там у меня нет начальства, я гражданское лицо. Она напомнила мне, что Послоград — один из портов Бремена. Где я была с тех пор, как уехала оттуда? Везде, подчеркнула она, а кто может это подтвердить? Пришлось мне поднимать все свои карты и записи, хотя она наверняка знала, что во многих местах к таким формальностям относятся спустя рукава. Она прочитала мой список, включавший терминалы и короткие остановки, о которых я даже не помнила. Задала

мне пару вопросов о внутренней политике пары-тройки мест, на что я могла лишь улыбнуться в ответ, так как совершенно не представляла, что отвечать; а пока я собирала всякую всячину, она сидела и смотрела на меня.

Не знаю, в чем она меня подозревала. В конце концов, как имеющая карту на вылет уроженка Послограда и иммерлетчица, поручившаяся за своего жениха, я имела право на вход, и оставалось только запастись терпением, чтобы получить разрешение для него и для себя. Скайл готовился к работе на Ариеке, он читал, слушал записи, смотрел немногие существовавшие триды и видео. Он даже придумал название для своей будущей книги.

— Только на одну смену, — предупредила его я. — Со следующей сменой улетаем назад. — В Чаро-Сити, в соборе Христа Загруженного — на чем, к моему удивлению, настоял Скайл, я вышла за него замуж по бременскому закону, и, зарегистрировав наш платонический любовный союз, повезла его в Послоград.

Часть первая
Прием

Настоящее, 1

В Дипломатическом Зале яблоку было негде упасть. На любом бале, на любой встрече или проводах гостей всегда бывало полно народу, но такого, как в тот день, не случалось. Хотя чему тут удивляться: все были крайне возбуждены. Как ни старались служители убедить нас в том, что это обычная встреча, судя по их голосам, они и сами в это не верили.

Со всех сторон толклись разодетые гости. Я тоже надела драгоценности и активировала несколько приращений, которые создавали вокруг меня приятное свечение. Прислонившись к стене, я почти утонула в листьях.

— Ну разве не красавица? — Меня нашла Эрсуль. — Стрижка короткая. Волнистая. Красиво. Ты попрощалась с Кайли?

— Большое спасибо, и да, я попрощалась. До сих пор не верю, что ей удалось получить документы на выезд.

— Что ж. — Эрсуль кивнула туда, где Кайли повисла на руке Дамье, женщины из служителей, частично ответственной за выдачу карт.

— Думаю, что без горизонтального заявления

тут не обошлось. — Я рассмеялась.

Эрсуль была автомом. В тот вечер ее наружную оболочку украшали павлиньи перья из акрила, а вокруг лица вращались триды, изображавшие драгоценности.

— Я так устала, — сказала она. Ее лицо пошло рябью и затрещало, как от радиопомехи. — Вот дождусь, когда можно будет взглянуть на нашего нового посла в действии — разве можно пропустить такое? — и пойду.

Ее стремление пользоваться одним корпусом за раз было продиктовано понятиями о вежливости или удобстве, принятыми у террафилов. Думаю, она знала, что общение с существами, имеющими более одного физического воплощения, представляет для нас проблему. Разумеется, она была импортным продуктом, хотя и неясно, откуда ее привезли и когда. В Послограде она жила дольше всех, кого я знала. Ее тюрингское программное обеспечение далеко превосходило местные возможности, да и вовне я ничего подобного не встречала. Обычно контактировать с автомом — все равно что разговаривать с кем-то, чьи способности к познанию глубоко повреждены, но с Эрсуль мы дружили. «Приходи и спаси меня от этих деревенских дурачков», — бывало,

говорила мне она, когда ей случалось загрузиться в компании других автомов.

— Ты шутишь сама с собой, когда никто не смотрит? — спросила я у нее однажды.

— А это имеет значение? — ответила она наконец, и меня словно кипятком обожгло. Грубо и по-детски было поднимать вопрос о ее личности, об очевидно присущем ей сознании и о том, всегда ли она такая. По традиции, ни один из тех немногих автомов, чье поведение настолько походило на человеческое, чтобы спровоцировать подобный вопрос, не стал бы на него отвечать.

Она была моей лучшей подругой, и, при ее необычности, местной знаменитостью. Когда мы с ней познакомились, у меня было такое чувство, будто я уже видела ее раньше. Сначала я никак не могла понять где; потом, когда до меня дошло, когда и где это было, я спросила ее напрямую (как будто это могло ее напугать):

— А зачем они тебя туда позвали? В дом Брена, давным-давно, когда послы читали мне мое сравнение? Это ведь ты была, правда? Помнишь?

— Ависа, — сказала она с легким упреком и заставила свое лицо задрожать, будто от огорчения. Другого ответа на свой вопрос я от нее так и не получила, да и не слишком настаивала.

Прижавшись друг к другу под сенью плюща, мы следили за тем, как порхают по залу маленькие камеры, записывая происходящее. Их декоративные биопанцири светились разными цветами.

— Так, значит, ты их уже видела? — сказала Эрсуль. — Этих почетных новобранцев, которых мы все ждем? Я нет.

Меня это удивило. Эрсуль нигде не работала, ее не связывали никакие обязательства, но как компьютер она имела определенную ценность для служащих посольства и нередко выступала от их имени. То же можно было сказать и обо мне — мой въездно-выездной статус был им полезен — до тех пор пока я не вышла у них из фавора. Я ожидала, что Эрсуль наверняка будет в курсе любых дискуссий, но, очевидно, с момента прибытия нового посла служащие посольства разделились на клики.

— У них там драка, — сказала Эрсуль. — Так я слышала. — Эрсуль постоянно что-нибудь рассказывали: наверное, потому, что она не была человеком, хотя казалось, что она почти человек. Думаю, что заодно она прослушивала местную сеть, взламывая коды доступа ко многим любопытным фрагментам информации, когда хотела поделиться ею с друзьями.

— Люди волнуются. Хотя кажется, некоторые даже прониклись симпатией… Посмотри на МагДа. А теперь еще и Уайат хочет влезть в это дело.

— Уайат?

— Раскапывает какие-то древние законы, пробует консультировать посла наедине. Все такое.

Уайат, представитель Бремена, прибыл с собственным небольшим штатом на предыдущем торговом корабле, чтобы сменить Четтенхема, своего предшественника. По плану он должен был отправляться назад через один рейс. Бременцы основали Послоград чуть более двух мегачасов тому назад. Юридически мы все были бременцами: пользовались протекторатом. Но послы, формально правившие от имени Бремена, были, разумеется, здешними уроженцами, так же как служащие посольства и все мы, их подданные. Уайат, Четтенхем и прочие атташе, получая длительное назначение к нам, зависели от их помощи во всем, что касалось торговой информации, всякого рода предложений, а также подхода к Хозяевам и технике. Крайне редко кто-либо из них давал иные указания, кроме «Продолжать». Кроме того, они сами тоже выступали советниками служащих, помогая им

ориентироваться в столичной политике. Так что энергичное продвижение Уайатом своего протеже меня заинтриговало.

Впервые на памяти живущих посол прибывал извне. Если бы не праздник — корабль уходил, и бал нельзя было откладывать, — подозреваю, что служащие и дальше держали бы нового посла в карантине, а сами продолжали бы плести интриги.

— КелВин здесь, — тихо предупредила Эрсуль, бросив взгляд через мое плечо. Я не обернулась. Она поглядела на меня, и ее компьютерное лицо приняло слегка вопросительное выражение, словно она еще надеялась когда-нибудь узнать, что произошло между нами. Я покачала головой.

Приехала Янна Саутель, старший научно-исследовательский сотрудник Послограда, а с ней еще один посол. Я шепнула Эрсуль:

— Отлично, это ЭдГар. Пора посплетничать. Погоди немного, скоро я все тебе расскажу. — Я медленно двинулась сквозь толпу туда, где вращались послы. Там, среди смеха и веселья танцующих, я подняла бокал и заставила ЭдГар повернуться ко мне.

— Посол, — сказала я. Они улыбнулись. — Итак, — продолжала я, — мы готовы?

— О нет, маяки Христовы, — ответил Эд или Гар.

— Ты так спрашиваешь, как будто я знаю, что происходит, Ависа, — сказал другой. Я наклонила голову. ЭдГар и я всегда развлекались подчеркнутым флиртом. Я им нравилась; любители поговорить и посплетничать, они всегда выбалтывали все, что было можно, и даже немного больше. Вот и теперь старые щеголи покрутили головами из стороны в сторону, театрально приподняли брови, точно боясь, что кто-то налетит на них и заткнет им рты. Конспирация была их пунктиком. Вполне возможно, что в последние несколько месяцев их предостерегали против меня, но они продолжали относиться ко мне с той же непринужденной куртуазностью, как и прежде, и я это ценила. Я улыбнулась, но улыбка сбежала с моего лица, едва я заметила, что, несмотря на праздничные лица, они по-настоящему расстроены.

— Никогда бы не подумал, что такое…

— …возможно, — сказали ЭдГар.

— Там творится такое…

— …чего мы не понимаем.

— А другие послы? — спросила я.

Мы оглядели комнату. Многие из их коллег

уже прибыли. Вон ЭсМе в переливчатых платьях; АрнОльд щупали тугие воротнички, сдавливавшие им шеи под обручами; ЖасМин и ХелЭн путано спорили, перебивая друг друга, и каждая половина одного посла заканчивала фразы за другую. От такого количества послов, собранных в одном месте, начинало казаться, будто я во сне. На вживленных в их шеи обручах, украшенных сообразно вкусу каждого, синхронно подмигивали светодиоды, меняя цвет.

— Честно? — сказал ЭдГар. — Все в тревоге.

— Более или менее.

— Некоторые считают, что мы…

— …преувеличиваем. РэнДолф думают, что для нас это к лучшему.

— Пришелец в наших рядах заставит нас встряхнуться. Но оптимизма никто не испытывает.

— А где ХоаКин? И где Уайат?

— Они везут нового мальчика. Вместе.

— Не хотят выпускать друг друга из виду.

Служители освобождали пространство у входа в зал, готовясь к прибытию ХоаКин, председателя послов, Уайата, атташе Бремена, и нового посла. Среди них были те, кого я не знала. Пилота я уже давно потеряла из виду, так что спросить, кто они — команда, иммигранты или временно-прибыв-

шие, — было не у кого.

Во время подобных балов всех новичков — постоянных или временных — непременно окружают местные. Так что одиночества они не испытывают, им есть с кем поговорить и с кем заняться сексом. Их одежду, снаряжение и приращения разглядывают, точно Священный Грааль. Все программное оборудование, которое у них есть с собой, копируют, и местная сеть еще много недель щебечет новыми экзотическими алгоритмами. Но в тот раз всех интересовал только новый посол.

— А что еще привезли? Полезное? — Посол ЖасМин подошли совсем близко, и я подчеркнуто адресовала вопрос им, а не ЭдГар. ЖасМин меня не любили, и я заговаривала с ними, когда могла, чтобы они знали — я их не боюсь. Они не ответили, а я пошла дальше, поздоровалась с Симмоном, офицером службы безопасности. Мы много лет не поддерживали отношений, однако искренне симпатизировали друг другу, так что никакой неловкости не возникло, хотя я присутствовала как гость, причем нежеланный, а он был на работе. Он пожал мою ладонь своей биомеханической правой рукой, которой пользовался с тех пор, как разорвавшийся на стрельбище пистолет уничто-

жил ее предшественницу из плоти и крови.

Я бродила в толпе, болтала с друзьями, наблюдала, как взблескивают, влияя друг на друга, приращения, услышав знакомый иммер-сленг, оборачивалась, чтобы сказать иммерлетчикам пару слов на их диалекте, или складывала пальцы в замок, показывая, на каком судне я летала в последний раз, и они были в восторге. Иногда мы чокались бокалами, и я шла дальше.

Но вообще-то, я, как и все, ждала появления нового посла.

И вот они появились, но иначе как разочарованием это назвать было нельзя. Двери бережно и осторожно открыл Уайат. ХоаКин, улыбаясь, встали рядом с ним, и я восхитилась тем, как хорошо они скрывали свое волнение. Голоса стихли. Я затаила дыхание.

За их спинами началась какая-то возня, шедшие сзади о чем-то спорили. Новый посол, миновав своих проводников, вошли в Дипломатический Зал. Упади в этот миг булавка, все бы услышали.

Один из вошедших, высокий и худой, с редеющими волосами, моргал, застенчиво улыбался, был бледен. Второй был плотный, мускулистый и почти на ладонь ниже первого. Он широко

улыбался. Оглядывался по сторонам. Ерошил пальцами шевелюру. В его крови были добавки: я видела идущее от него свечение. У его компаньона их, похоже, не было. У того, что покороче, нос был с горбинкой, у высокого — курносый. У них были разные оттенки кожи, разные глаза. Они были совсем разные и не глядели друг на друга.

Они, новый посол, стояли и улыбались каждый на свой манер. В них, словно в двух материализовавшихся чудовищ, никак не верилось.

Минувшее, 1

За несколько килочасов до этого мы готовились к отлету, и Скайл заключил со своими работодателями (они же научные руководители) некую договоренность. Я никогда не пыталась вникать в суть отношений в их академическом мире. Насколько я поняла, он выговорил себе продолжительный свободный год, а его пребывание в Послограде технически считалось частью какого-то проекта, под который его университет выделил ему малюсенький грант. А еще они обязались выплатить ему номинальный предварительный гонорар и поддерживать в действии его текущие счета до тех пор, пока он не предоставит им для публикации книгу «Раздвоенный язык: социопсихолингвистика ариекаев».

Исследователи приезжали в Послоград и раньше, в особенности бременские, завороженные живыми машинами Хозяев: двое или трое еще были там, дожидались смены. Но никаких лингвистов извне на памяти жителей планеты на Ариеке не было, по крайней мере, со времен пионеров, которые пытались подобрать к местному языку ключ почти три с половиной мегачаса

назад.

— Я воспользуюсь их достижениями, — говорил мне Скайл. — Им пришлось начинать с самого начала. Выяснять, почему мы можем понимать ариекаев, а они нас — нет. Теперь мы это знаем.

Пока мы собирались в Послоград, чтобы провести там, как выражался Скайл, наш медовый месяц, он обшаривал библиотеки Чаро-Сити. Я рассказывала ему иммерлетчицкие байки об Ариеке, а когда мы наконец прибыли на место, он обыскал весь послоградский архив, но никаких систематических исследований по своей теме не нашел. Это его обрадовало.

— Почему никто не писал об этом раньше? — спросила я у него.

— Сюда никто не летает, — ответил он. — Слишком далеко. Не обижайся, но это же настоящая дыра.

— Господи, да я и не думаю обижаться.

— К тому же дыра опасная. Да еще бременские бюрократические проволочки. И потом, честно говоря, в нем же просто нет смысла.

— В чем? В языке?

— Да. В языке.

В Послограде были свои лингвисты, но почти поголовно лишенные права на выезд — те, кто

не поленился написать заявление, — они занимались своей наукой абстрактно. Изучали и преподавали старый и новый французский, мандарин, панарабский, беседовали друг с другом для упражнения, как иные играют в шахматы. Кто-то учил языки экзотов, насколько позволяла физиология, разумеется. Местные паннегетчи забыли родной язык, выучив всеанглийский, но в Послограде были в ходу пять языков кеди и три диалекта шурази, и люди могли вполне сносно воспроизводить их все, кроме одного кедийского.

Местные лингвисты не занимались языком Хозяев. Однако на Скайла наши табу не производили никакого впечатления.

Он родился не в Бремене и не в колонии, и вообще не принадлежал ни к одной из наций Дагостина. Скайл был с урбанизированной луны, Себастаполиса, о котором я слышала вскользь. Он рос настоящим полиглотом. Я так и не поняла, какой язык он считал родным и был ли такой вообще. Во время наших путешествий я всегда завидовала той жизнерадостной легкости, с которой он игнорировал свою родину.

В Послоград мы летели с пересадками. Мне еще никогда не доводилось путешествовать с такими

разношерстными командами, как в тот раз. Я знала карты густонаселенного познанного иммера вокруг Бремена, было время, когда я могла перечислить названия почти всех народов, живших на его основных планетах, но многие из тех, с кем я летела домой, были из других мест. Среди них встречались терранцы из такой дали, что они подшучивали надо мной, говоря, что их планета называется Фата-Моргана или Зеленая Скрипка.

Если бы я села на встречный корабль и полетела в другом направлении, то попала бы в такие миры вечного и повседневного, в которых наш Бремен считается легендой. Люди путаются в перекрывающих друг друга слоях познанного пространства. Те же, кто служит на летательных аппаратах экзотов и овладевает искусством выдерживать непривычное напряжение их тяги — у одних она измеряется в силах ласточек, другие движутся за счет сверхсветового сожжения, третьих толкают вопли банши, — заходят еще дальше, описывая уж совсем непредсказуемые траектории, и запутываются окончательно. Так ведется уже много мегачасов, с тех пор как был обнаружен иммер и женщины и мужчины разлетелись по всей вселенной, образовав гомодиаспору.

Одержимость Скайла языком Хозяев всегда меня немного возбуждала. Не знаю, понимал ли он, чужой не только в Послограде, но и в Бремене вообще, какие мурашки бежали у меня по спине всякий раз, когда он говорил «ариекаи» вместо уважительного «Хозяева» или когда он кромсал на части их предложение и объяснял мне его смысл. Наверное, есть доля иронии в том, что именно из исследований моего мужа-иностранца я больше всего узнала о языке того города, в гетто которого я родилась.

УКЛ — ускоренная контактная лингвистика — представляла собой, как мне объяснил Скайл, дисциплину на стыке педагогики, рецептивности, программирования и криптографии. Ее использовали ученые-исследователи первых бременских кораблей с целью быстрого установления контакта с туземцами, которых они встретят или которые встретят их.

Судовые журналы тех ранних путешествий хранят трогательные восторги уклологов. На любых континентах, в любых мирах, полихромных или черно-белых, они отмечали первые проблески понимания между ними и колониями экзотов. Тактильные языки, биолюминисцентные слова, все разнообразие звуков, которые способны

производить живые организмы. Диалекты, доступные восприятию лишь как палимпсесты ссылок на нечто уже сказанное, или такие, в которых прилагательные грубы, а глаголы непристойны. Я видела три-дэ-дневник одного уклолога, который забаррикадировался в кабине, пока его судно грабили те, кого мы сегодня называем корсанцами — это был их первый контакт. Естественно, он боялся гигантов, которые ломились в его дверь, и в то же время радовался, делая запись о том, что ему только что удалось расшифровать тональную структуру их речи.

Но с прибытием уклологов на Ариеку начались 250 килочасов неразберихи. Нельзя сказать, чтобы язык Хозяев был так уж труден для понимания, или изменчив, или чрезмерно разнообразен. Хозяев на Ариеке оказалось удивительно мало, все они жили в окрестностях одного города и говорили на одном языке. Аудио-оборудование и компьютерные программы, которыми обладали лингвисты, позволили им быстро собрать базу данных звуко-слов (пришельцы считали их словами, хотя там, где они отделяли одно слово от другого, сами ариекаи никакой границы не видели). С синтаксисом тоже разобрались почти сразу. Конечно, как и в других языках экзотов, без

странностей тут не обошлось. Но ничего настолько чуждого, с чем не могли бы справиться ученые и их машины, в нем не было.

Хозяева были терпеливы, казались заинтригованными и, насколько можно было судить при общей непонятности их поведения, радовались гостям. У них не было ни выхода в иммер, ни экзотических средств передвижения, ни даже машин, скорость которых превышала бы скорость света; они никогда не покидали свою планету, зато обладали иными преимуществами. Они с удивительным искусством манипулировали всем живущим, и, казалось, совсем не удивились, узнав, что и в иных местах существует разум.

Наш всеанглийский Хозяева не учили. Похоже, даже не пробовали. Зато ученые Терры всего через несколько тысяч часов научились понимать почти все из того, что говорили они, и синтезировали вопросы и ответы на едином ариекайском. Фонетическая структура предложений, которые произносили их машины — изменения тона, гласные и ритм согласных, — была совершенно точной, почти безупречной.

Хозяева выслушали все и ничего не поняли.

— Сколько человек у вас обычно выходят наружу? — спросил меня Скайл.

— Тебя послушать, может показаться, что речь идет о побеге из тюрьмы, — сказала я.

— Ладно, брось. Помнится, ты сама не раз говорила, что тебе удалось вырваться. И еще ты, кажется, говорила, что, гм, никогда не вернешься. — И он хитро взглянул на меня.

— Туше, — сказала я. От Послограда нас отделял один бросок.

— Так сколько?

— Немного. Ты имеешь в виду иммерлетчиков?

— Я имею в виду всех.

Я пожала плечами.

— Время от времени карты должен получать и кто-то другой, не только летчики. Человека два-три. Хотя немногие вообще подают заявление, даже если им удается пройти тесты.

— А с кем-нибудь из одноклассников ты общаешься?

— Одноклассников? Ты про тех, с кем я училась летать? Почти нет. — Пальцами я изобразила движение, которое означало разбегание в разные стороны. — Да нас и вообще было всего трое. Мы не дружили. — Даже если бы практика посылки писем миабами не пресекала возможности отдаленных контактов на корню, я все равно

не стала бы и пытаться, как не стали бы и они. Классический пример невысказанного соглашения между беглецами из маленького городка: не оглядываться, не быть якорем друг для друга, никакой ностальгии. Я и не ждала, что кто-то из них вернется.

В ту нашу поездку в Послоград Скайл внес коррективы в свой сон, напичкав его геронами, чтобы во время пути мы старились вместе. Трогательный поступок, цель которого — не дать спящему путешественнику остаться моложе, чем его работающий партнер.

Вообще-то, он спал не всегда. Там, где позволял иммер, он с помощью медикаментов и приращений ненадолго просыпался и продолжал свои занятия, прерываясь лишь для того, чтобы поблевать или провести в положенные часы химиопрофилактику страха.

— Послушай вот это, — прочитал он мне. Мы сидели за столом, проходя очень спокойные отмели иммера. Из уважения к его вечностной тошноте я жевала сухие фрукты, почти лишенные запаха. — «Вы, конечно, знаете, что у каждого человека два рта, или голоса». Тут, — он ткнул пальцем в то, о чем читал, — они занимаются сексом, когда поют друг другу. — Это была какая-то древняя книга о

плоской земле.

— И какой смысл во всей этой чепухе? — спросила я.

— Я ищу эпиграфы, — сказал он. Потом попробовал другие старые истории. В поисках вымышленных родственников Хозяев он показывал мне описания корианцев и тукан, иторианцев, вессхаров, вымышленных двуязыких зверей. Но я не разделяла его восторга перед этими карикатурами.

— Можно процитировать Притчи 5:4, — сказал он, глядя на свой экран. Я не просила его объяснить, что это: иногда мы устраивали что-то вроде поединков. Потом, оставшись одна, я порылась в Библии и нашла: «Но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый».

Хозяева — не единственные поливокальные экзоты. Очевидно, есть расы, которые говорят, издавая два, три или больше звуков сразу. Язык Хозяев, ариекайский, еще сравнительно прост. Их речь представляет собой переплетение всего двух голосов, слишком многообразно сложных, чтобы их можно было свести к простым описаниям вроде «бас» и «дискант». Два звука — говорить одним голосом они не умеют — неотделимы друг от друга потому, что одновременно исходят из

двух отверстий, одно из которых предназначено для приема пищи, а другое служило, вероятно, для подачи сигнала тревоги.

Первые уклологи слушали, записывали и понимали их. «Сегодня мы слушали, как они говорят о новых домах, — сообщали нам со Скайлом озадаченные люди со старого трида. — Сегодня они обсуждали свою био-работу. Сегодня они слушали имена звезд».

Мы видели, как Урих, Беккер и их коллеги, еще не знаменитые в то время, когда мы подглядывали за ними, копировали звуки речи местных жителей, повторяя их же предложения. «Мы знаем, что это приветствие. Мы это знаем». Мы наблюдали, как давно скончавшаяся лингвистка проигрывает звуки терпеливо внимавшему ариекаю. «Мы знаем, что они нас слышат, — говорит она. — Мы знаем, что они понимают друг друга на слух; мы знаем, что если бы кто-нибудь из его друзей сказал ему сейчас то, что проиграла ему я, они поняли бы друг друга». Ее изображение покачало головой, и Скайл сделал то же самое в ответ.

О самом прозрении сохранилось лишь письменное свидетельство Уриха и Беккера. Как это обычно бывает в таких случаях, кто-то из их груп-

пы позже объявил запись искаженной, однако в историю вошел именно манускрипт Уриха — Беккера. Давным-давно я видела его детскую версию. Помню картинку, которая изображала тот момент; Урих, внешность которого была подарком для любого карикатуриста, и более утонченный с виду Шура Беккер, смотрят на Хозяина, преувеличенно вытаращив глаза. Я никогда в жизни не видела полного варианта этого текста, пока его не показал мне Скайл.

Мы знали множество слов и фраз (прочла я). Мы знали самое важное приветствие: сухайлл/джарр. Мы каждый день слышали его и произносили: без всякого эффекта.

Мы запрограммировали свой воспроизводящий голоса аппарат так, чтобы он без конца повторял одно и то же. Но ариекай по-прежнему не реагировал. Наконец мы переглянулись и со злости выкрикнули слово вдвоем, он одну половину, а я другую, как проклятие. По случайности они совпали. Урих орал «сухайлл», Беккер — «джарр».

Ариекай повернулся к нам. Заговорил. Мы и без оборудования поняли, что он сказал.

Он спросил нас, кто мы.

Он спросил, кто мы и что сказали.

Он нас не понял, но знал, что в наших звуках есть смысл. Синтезированные голоса, которые он слушал до этого, воспринимались им как простой шум: но теперь, хотя наш вопль уступал записям в точности воспроизведения, он понял, что мы пытаемся с ним говорить.

Версии этой невероятной истории я слышала много раз. С того события, или с того, что случилось тогда на самом деле, прошло семьдесят пять килочасов, и наши предки путем множества проб и ошибок, то и дело сворачивая на ложный путь, поняли, наконец, странную природу этого языка.

— Он что, уникален? — спросила я у Скайла однажды, и, когда он кивнул, это потрясло меня так, словно и я была иностранкой.

— Ничего подобного этому языку нет больше нигде, — сказал он. — Ни-где. И дело тут не в звуках, понятно. Звуки не служат хранилищем смысла.

Есть экзоты, которые говорят молча. Я думаю, что настоящих телепатов в этой вселенной не существует, но есть эмпаты, чьи языки настолько тихи, что может показаться, будто они обмениваются мыслями. Но не Хозяева. Они тоже эмпаты, но другого рода.

Когда мы говорим, к примеру, «рот», то звуки

«р», «о» и «т», связанные определенным образом, всегда воспринимаются нами как одно и то же слово. Независимо от того, кто его произносит: я, Скайл, какой-нибудь шурази или не умеющая думать компьютерная программа. У ариекаев все по-другому.

Их язык, как и все остальные в мире, складывается из упорядоченных шумов, но каждое слово для них — как воронка. Для нас каждое слово имеет свой смысл, а для них слово — это отверстие. Дверь, сквозь которую можно увидеть означаемое, то есть мысль, связанную с ним.

— Если я запрограммирую машину на всеанглийском так, чтобы она повторяла одно и то же слово, ты его поймешь, — объяснял Скайл. — Если я запрограммирую машину словом из языка Хозяев, то я его пойму, а они — нет, потому что для них это всего лишь звук, в котором нет смысла. За словом должен стоять разум.

Разум Хозяев неотделим от их раздвоенного языка. Они не могут учить другие языки, потому что неспособны даже помыслить об их существовании, равно как и о том, что шумы, которые мы производим, — это слова. Хозяин понимает лишь то, что сказано на его Языке осознанно, кем-то, у кого есть мозг. Вот что сбивало с толку ранних

уклологов. Когда их машины говорили, Хозяева слышали только шум.

— Нет другого языка, который работал бы так же, — сказал Скайл. — «Человеческий голос способен постигать себя как звук самой души».

— Кто это говорил? — спросила я. Ясно было, что он цитирует.

— Не помню. Философ какой-то. Все равно это не верно, и он это знал.

— Или знала.

— Или знала. Это не верно, по крайней мере, для человеческого голоса. Но ариекаи… говоря, они и вправду в каждом голосе слышат душу. Так у них передается смысл. В словах есть… — Он с сомнением покачал головой, а потом сказал просто, как говаривали в старину: — В них есть душа. Она должна быть, чтобы был смысл. Слово должно быть правдой, чтобы стать Языком. Вот зачем они делают сравнения.

— Как со мной, — сказала я.

— Как с тобой, но не только. Они делали их уже тогда, когда тебе подобных не было еще на их планете. И пользовались для этого чем угодно. Животными. Своими крыльями. И тот расколотый камень — тоже сравнение.

— Расколотый и починенный. Вот что главное.

— Ну, в общем, да. Они раскололи его и склеили, чтобы потом иметь возможность сказать: «Это как тот камень, который был расколот и склеен». Что бы это ни значило.

— Но я думала, что они не так часто прибегали к сравнениям. До нас.

— Да, — сказал Скайл. — То есть… нет.

— Я могу подумать о чем-то, чего на самом деле нет, — сказала я. — И они тоже. Ведь это же очевидно. Как иначе они могли бы планировать свои сравнения?

— Не… совсем. У них нет никаких «а что, если…», — сказал он. — В лучшем случае, представление о том, чего нет, рождается в их головах как призрак призрака. В их Языке все — правда. Сравнения нужны им для сопоставлений, для того, чтобы сделать правдой то, чего нет, но что им нужно сказать. Вряд ли они могут об этом подумать: может быть, просто таковы требования Языка. Душа, та душа, о которой я говорил, — это то, что они слышат в речи послов.

Лингвисты изобрели похожий на музыкальную партитуру способ записи двух переплетенных звуковых потоков Языка, дав обеим частям названия в соответствии с какими-то давно утраченными значениями: голос Поворот и голос

Подрез. Их, наша, человеческая версия Языка была более гибкой, чем оригинал, который она копировала довольно приблизительно. Ей можно было обучить машины, ею можно было писать, и все равно она оставалась непонятной Хозяевам, для которых Языком была речь, произнесенная кем-то, кто думает мысли.

— Ему нельзя научиться, — сказал Скайл. — Все, на что мы способны, — скопировать их звуки, а этого недостаточно. Мы создали обманную аварийную методологию, к чему были просто вынуждены. Наши мозги работают не так, как у них. Чистая случайность смогла помочь нам заговорить на их языке.

Когда Урих и Беккер заговорили вместе, вкладывая в слово искреннее, разделяемое обоими чувство, причем один говорил Поворотом, а другой — Подрезом, искра смысла сверкнула там, где не преуспели зеттабайты электроники.

Разумеется, потом они пробовали снова и снова, они и их коллеги часами репетировали дуэтом слова со значением «здравствуйте» и «мы хотим поговорить». Мы наблюдали за ними в записи. Слушали, как они учат слова.

— Звучит, по-моему, безупречно, — говорил Скайл, и даже я опознавала отдельные фразы, но

ариекаи, по-видимому, нет. — У. и Б. не имели общего разума, — сказал Скайл. — За каждым их словом не стояла единая мысль.

Хозяева реагировали уже не с тем безразличием, с каким они выслушивали машинно-синтезированную речь. В основном пары оставляли их равнодушными, но к иным они прислушивались с большим вниманием. Они знали, что к ним обращаются, хотя с какими именно словами, понять не могли.

Лингвисты, певцы, специалисты по психике обследовали те пары, которые вызвали наибольший интерес. Ученые хотели знать, что между ними общего. Так возник тест двухэлементной эмпатии Штадта. Двое достигают определенного порога на крутом вираже взаимной понимаемости, за которым запускается механизм связи разных мозговых волн, синхронизирующий и соединяющий их, и вот они уже способны убедить ариекаев в том, что звуки, которые они производят, — не просто шум.

И все же еще тысячи часов после контакта коммуникация оставалась невозможной. Много времени прошло, прежде чем исследования в области эмпатии дали свои плоды. Лишь немногие пары людей набирали приличный балл по шкале

Штадта, приличный настолько, чтобы изображать единый мозг за фасадом звуков, которые они воспроизводили, как чревовещатели. Это и был тот минимум, без которого не выстраивался межвидовой контакт.

Кто-то пошутил, что колония нуждается в двойных людях. В этом и крылось решение проблемы.

Первыми собеседниками Хозяев стали прошедшие изнуряющую подготовку монозиготные близнецы. В большинстве своем они владели Языком не лучше других людей, однако успешных пар среди близнецов было выявлено больше, чем среди других контрольных групп. Говорили они ужасно, теперь мы это знаем, так что непониманиям между ними и ариекаями не было конца, но это был прорыв, который делал, наконец, возможной торговлю и демонстрировал стремление учиться дальше.

Я только раз в жизни встречала пару идентичных близнецов — не уроженцев Послограда, я имею в виду, — в порту на Треоне, холодной луне. Они танцевали, у них было свое шоу. Разумеется, они были кровными, а не искусственными близнецами, но все же. Я онемела, когда их увидела. От их похожести, но не только. В основном от

того, что они были не совсем одинаково одеты и причесаны, их можно было различить по голосам, они могли находиться в разных частях комнаты и говорить с разными людьми.

На Ариеке в последние два мегачаса, то есть уже много поколений, наши представители были не двойняшками, а двойниками, клонами. Их выращивали попарно на фермах послов, где настраивали так, чтобы подчеркнуть определенные психологические свойства. Кровные близнецы давно были вне закона.

Двух людей можно обучить эмпатии в ограниченном объеме, насадить ее при помощи химических препаратов и укрепить обручами-механизмами, но этого недостаточно. Послов создают и воспитывают так, чтобы они были как бы одним человеком, чтобы их мозги работали как одно целое. У них одинаковые гены, но что всего важнее: именно их разум, созданный тщательно воспитанными генами, слышали Хозяева. Если их правильно воспитать, внушить им верное представление о себе, снабдить обручами, то они заговорят на Языке, настолько близко воспроизводя единое сознание, что оно будет понятно ариекаям.

Тест Штадта по-прежнему сдают снаружи те,

кто обучается психологии и языкам. Хотя теперь он утратил свое практическое значение — мы в Послограде выращиваем послов сами и не нуждаемся в том, чтобы выискивать драгоценные зерна способностей у каждой пары малолетних близнецов. И вообще я думала, что как способ выявить потенциально владеющих Языком, этот тест давно устарел.

Настоящее, 2

— Пожалуйста, поприветствуйте вместе со мной, — я не видела, кому принадлежал этот голос, который громко объявлял имена вошедших в Дипломатический Зал, — посла ЭзРа.

Их немедленно обступили со всех сторон. В то мгновение я не видела никого из близких друзей, не с кем было разделить охватившее меня напряжение, перекинуться заговорщицким взглядом. Я ждала, когда ЭзРа начнут обход зала. Когда они пошли, каждое их движение и каждый жест кричали о том, что они чужие друг другу. Они, наверное, знали, как мы это воспримем. Когда ХоаКин и Уайат представляли их, Эз и Ра разделились, разошлись в стороны. Сначала они время от времени переглядывались, как супруги, но вот между ними пролегли метры: совсем не похоже на двойников, на послов не похоже. Я подумала, что их обручи наверняка работают по-разному. Я взглянула на их мини-механизмы. У каждого была своя особая конструкция. Ничего удивительного. Прикрывая неловкость профессиональным апломбом, ХоаКин вели Эза, а Уайат — Ра.

Каждая половинка нового посла оказалась в центре заинтригованной толпы. Для большинства из нас это была первая возможность встречи с ними. Однако среди служителей и послов оказалось немало таких, кому не хватило первой встречи, чтобы насытить свое любопытство. ЛеНа, РэнДолф и ГенРи смеялись с Эзом, коротышкой, а Ра с застенчивым видом выслушивал вопросы ЭнДрю, пока МагДа, которые, как я поняла, стояли совсем рядом, трогали его за руки.

Празднество продолжало бурлить вокруг. Наконец я поймала взгляд подведенных глаз Эрсуль и подмигнула ей, пока ко мне шел Ра. Уайат сказал «а-а-а», протянул руки вперед и расцеловал меня в обе щеки.

— Ависа! Ра, это Ависа Беннер Чо, одна из послоградских… Впрочем, наша Ависа многозначна. — И он поклонился так, словно делал мне подарок. — Она иммерлетчица. Много времени провела вовне, а теперь оказывает нам неоценимые услуги человека, повидавшего свет и знакомого с разными культурами. — Мне нравился Уайат, и небольшие злоупотребления властью не вредили ему в моих глазах. Можно сказать, что мы с ним всегда были рады подмигнуть друг другу.

— Ра, — сказала я. Поколебавшись, я протянула ему руку — надеюсь, достаточно быстро, чтобы мое замешательство не бросилось ему в глаза. Не следовало обращаться к нему «мистер» или «эсквайр», ведь юридически он был не целым человеком, а его половиной. Будь рядом с ним Эз, я бы обратилась к ним «посол». ЭнДрю, Маг и Да, наблюдавшим за этой сценой, я просто кивнула.

— Рулевой Чо, — сказал Ра тихо. Он, тоже слегка поколебавшись, взял мою руку.

Я рассмеялась.

— Вы повысили меня в звании. Я Ависа. Зовите меня просто Ависа.

— Ависа.

Мгновение мы стояли молча. Он был высок и строен, светлокож, его темные волосы были заплетены в косы. Похоже, он немного волновался, но справился с этим, пока мы говорили.

— Восхищаюсь теми, кто может погружаться, — сказал он. — Я так и не привык. Конечно, я не так много путешествую, и это, возможно, одна из причин.

Не помню, что я ответила, но после моих слов наступило молчание. Потом я сказала ему:

— Придется вам подучиться. Вести светские разговоры, я имею в виду. Теперь это ваша работа.

Он улыбнулся.

— По-моему, не только это, — сказал он.

— Ну конечно, — ответила я. — Надо еще пить вино и подписывать бумаги. — Похоже, он был восхищен. — За этим вы и прилетели на Ариеку, — сказала я. — Где останетесь до скончания веков.

— Не до скончания, — сказал он. — Мы пробудем здесь семьдесят-восемьдесят килочасов. Через смену улетим. Вернемся в Бремен.

Я была ошарашена. И даже перестала болтать. Хотя, казалось бы, чему тут удивляться. Посол покидает Послоград. Совершенно невразумительная ситуация. Посол, у которого есть другой дом, — для меня это было противоречие в терминах.

Уайат бормотал что-то Ра. МагДа улыбались мне за их спинами. МагДа мне нравились: они были одним из немногих послов, которые не изменили своего отношения ко мне с тех пор, как я рассорилась с КелВин.

— Я из Бремена, — сказал мне Ра. — Мне нравится путешествовать, как и вам.

— А вы Подрез или Поворот? — спросила я.

Было видно, что ему не понравился вопрос.

— Поворот, — сказал он. Он был старше меня,

но ненамного.

— Как это случилось? — спросила я его. — У вас с Эзом? На это уходят годы… Сколько вы тренировались?

— Ависа, в самом деле, — сказал Уайат из-за спины Ра. — Ты все узнаешь… — И он вскинул брови, точно упрекая, а я в ответ вскинула свои. Они с Ра переглянулись, и Ра заговорил.

— Мы давно дружим, — начал он. — Тест сдали много лет назад. Килочасов, я хотел сказать. Мы сделали это просто так, в рамках демонстрации возможностей методики Штадта. — Он умолк, так как в комнате вдруг стало очень шумно. Маг или Да что-то сказали, засмеялись, завертелись между мной и Ра, требуя внимания, которое он им тут же вежливо уделил.

— Он напряжен, — сказала я Уайату тихо.

— По-моему, все это ему не по вкусу. А тебе на его месте понравилось бы? Бедняга тут как в зоопарке.

— «Бедняга», — передразнила его я. — В высшей степени странно слышать, как ты о нем говоришь.

— В странные времена приходится жить. — Мы засмеялись под музыкальное крещендо. Сильно пахло духами и вином. Мы наблюдали за ЭзРа,

которые были не ЭзРа, а скорее Эз и Ра, разделенные расстоянием в несколько метров. Эз легко и непринужденно болтал. Поймав мой взгляд, он извинился перед собеседниками и подошел ко мне.

— Привет, — сказал он. — Вижу, вы уже познакомились с моим коллегой. — Он потянул мне руку.

— Вашим коллегой? Да, мы познакомились. — Я покачала головой. ХоаКин стояли у локтей Эза, по одному с каждой стороны, точно престарелые родители, и я кивнула им. — Ваш коллега. Похоже, вы решили шокировать нас, Эз, — сказала я.

— Ну что вы. Нет. Конечно же, нет. — С извиняющейся ухмылкой он оглядел каждого из двойников рядом. — Просто… по-моему, это просто немного иной подход к делу, вот и все.

— И его невозможно переоценить, — с воодушевлением откликнулся Хоа, или Кин. Они заговорили по очереди. — Ты сама всегда говоришь нам…

— …что мы тут закоснели в своих порядках, Ависа. Это пойдет…

— …на пользу и нам, и Послограду. — Кто-то из них хлопнул Эза по плечу.

— Посол ЭзРа — выдающийся лингвист и бю-

рократ.

— Хотите сказать, посол, что они — та самая «новая метла»? — ответила я.

ХоаКин засмеялись.

— Почему бы и нет?

— В самом деле почему?

— Новая метла, вот именно.

Мы были грубиянками, Эрсуль и я. Во время любых событий подобного рода мы всегда держались вместе, перешептывались и всячески выделывались. Так что когда она помахала тридэ-рукой, привлекая мое внимание, я двинулась к ней, надеясь повеселиться. Но только я подошла, как она тревожно зашептала:

— Скайл здесь.

Я не оглянулась.

— Ты уверена?

— Вот уж не думала, что он придет, — ответила она.

Я начала:

— Не знаю, что… — Прошло некоторое время с тех пор, как я в последний раз видела своего мужа. Не хотелось бы, чтобы он устроил сцену. Прикусив костяшку пальца, я выпрямилась.

— Он ведь с КелВин, так?

— Неужели мне придется снова разлучить вас,

девочки? — Это опять был Эз. От неожиданности я вздрогнула. Ему удалось избавиться от назойливой опеки ХоаКин. В его руке был стакан, он предлагал мне выпить. Он активировал что-то внутри себя, и его приращения переливались, окружая его размытым свечением. До меня дошло, что с помощью своих внутренних приспособлений он мог нас подслушать. Я постаралась сосредоточиться на нем и не шарить глазами в поисках Скайла. Эз был ниже меня ростом, но мускулист. Он носил короткую стрижку.

— Эз, это Эрсуль, — сказала я. К моему удивлению, он лишь молча взглянул на нее и снова повернулся ко мне. Я едва не задохнулась от такого нахальства.

— Развлекаешься? — спросил он меня. Я смотрела на крошечные огоньки, вспыхивавшие в роговице его глаз. Эрсуль уходила. Я собиралась пойти за ней, надменно повернув к нему спину, но из-за его плеча увидела посланный ею сигнал: «Останься, разведай».

— Тебе придется поучиться хорошим манерам, — сказала я ему тихо.

— Что? — Он был в шоке. — Что? Твоя…

— Она не моя, — ответила я. Он вытаращил глаза.

— Автом? Прошу прощения. Мне очень жаль.

— Прощения надо просить не у меня.

Он склонил голову.

— За кем-то следишь? — спросила я его после паузы. — Я вижу твои сигналы.

— Привычка такая. Слежу за температурой, загрязнениями воздуха, посторонними шумами. В основном просто так. И еще кое-что: я много лет работал в таком месте, где… короче, я привык проверять наличие тридов, камер, ушей и прочего. — Я подняла бровь. — Не могу отвыкнуть от трансляционных программ, ношу их по умолчанию.

— Что ты говоришь! — сказала я. — Надо же, как интересно. А теперь говори правду. У тебя магнитофон в ухе? Пишешь звуковую дорожку?

Он расхохотался.

— Нет, — сказал он. — Это я уже перерос. Расстался с ним… пару недель назад.

— Зачем ты тогда активировал программы-переводчики? Ты… — Я положила руку ему на руку и притворилась сильно напуганной. — Ты ведь говоришь на Языке или нет? О, случилась ужасная ошибка.

Он снова расхохотался.

— Да нет, с Языком я справляюсь, дело не в

этом. — Он продолжал уже серьезнее: — Но я не говорю ни на одном из диалектов кеди, или шурази, или…

— О, здесь ты сегодня экзотов не встретишь. Кроме Хозяев, конечно. — Я была удивлена тем, что он этого не знает. Послоград был колонией Бремена и жил по бременским законам, согласно которым наши немногочисленные экзоты получали лишь статус гастарбайтеров.

— А как же ты? — сказал он. — Что-то я не вижу приращений. Значит, ты понимаешь Язык?

Я не сразу поняла, о чем он.

— Нет. Мои входные отверстия закрылись. Раньше я использовала кое-что. Для помощи в погружении. И еще, — продолжала я, — да, я знаю, что от штучек, которые помогают разбирать слова Хозяев, бывает толк. Но я их видела, и они слишком… громоздкие.

— Можно сказать и так, — ответил он.

— Вот именно, и я бы еще потерпела, будь от них настоящая польза, но Язык шире этого, — сказала я. — Одеваешь их, когда Хозяин говорит, и тут же тебе в глаза и в уши набивается полным-полно всякой чепухи. «Алло косая черта знак вопроса все в порядке вводное слово запрос касательно уместности косая черта намек на теплоту шесть-

десят процентов намека на то, что собеседник имеет тема для обсуждения сорок процентов бла-бла-бла». — Я подняла бровь. — Бессмыслица.

Эз наблюдал за мной. Он знал, что я лгу. Он не мог не знать, что сама идея использования программ-переводчиков для Языка немыслима для жителя Послограда. Ничего противозаконного, просто неприлично. Не знаю даже, зачем я ему все это наговорила.

— Я о тебе слышал, — сказал он. Я ждала. Если ЭзРа хоть что-нибудь смыслят в своем деле, то они должны были приготовить хотя бы по паре фраз для каждого, с кем они встретятся сегодня. Но то, что Эз сказал дальше, просто ошеломило меня. — Ра напомнил мне, когда мы услышали твое имя. Ты ведь сравнение, да? И ты, наверное, бывала в городе? В том, что вокруг Послограда? — Кто-то прошел мимо, слегка задев его плечом. Он продолжал смотреть на меня.

— Да, — сказала я. — Я там бывала.

— Прости, я, кажется… Извини, если я… Это не мое дело.

— Ничего, я просто удивилась.

— Конечно, я о тебе слышал. Мы ведь тоже проводим свои исследования. В Послограде немного таких, кому удалось то же, что и тебе.

Я промолчала. Не могу сказать, что я почувствовала, узнав, что мое имя фигурирует в бременских отчетах о Послограде. Чокнувшись с Эзом, я кое-как попрощалась и отправилась искать Эрсуль, которая маневрировала где-то в толпе на своих шасси.

— Так что у них за история? — спросила я. Эрсуль пожала нарисованными плечами.

— Эз душка, да? — сказала она. — Ра, кажется, получше, но очень скован.

— Что-нибудь на линии? — Она наверняка пыталась засечь обтекавшую нас информацию.

— Ничего особенного, — ответила она. — Похоже, Уайат совершил настоящий подвиг, чтобы протащить их сюда. И теперь кукарекает, что твой петух на навозной куче. Вот почему служители так нервничают. Я дешифровала конец какого-то сообщения… почти уверена, что служители заставили ЭзРа пройти тест. Знаешь, наверное, послов уже бог знает как давно не присылали извне, вот они и не верят, что те, кто не учился Языку с детства, в состоянии усвоить все его нюансы. Их наверняка обидело это назначение.

— Не забывай, технически они тоже назначенцы, — напомнила я. Для служителей это всегда было еще одной ложкой дегтя: прибыв в город,

Уайат, как всякий атташе, первым делом дал им официальное разрешение выступать от лица Бремена. — А они вообще могут говорить на Языке? Я про ЭзРа?

Эрсуль снова пожала плечами.

— Вряд ли они были бы здесь, если бы не прошли тест, — сказала она.

В комнате что-то произошло. Возникло чувство, что настал тот миг, когда, невзирая на праздничное настроение, необходимо сосредоточиться. Так всегда бывало при появлении Хозяев, а они как раз только что вошли в Дипломатический Зал.

Гости старались соблюдать вежливость — как будто мы вообще могли нагрубить им, и как будто представления Хозяев о вежливости имели те же основы, что и наши. Тем не менее, гости в основном продолжали болтать, делая вид, что им вовсе не хочется поглазеть.

Исключение составляли члены команды, которые пялились на ариекаев, никогда не виданных ими раньше. На другой стороне комнаты я заметила нашего рулевого, особенно мне бросилось в глаза выражение его лица. Помню, раз я слышала одну теорию. Это была попытка объяснить, почему люди, сколько бы они ни путешествовали,

и какими бы космополитами ни становились, и каким бы биотическим разнообразием ни отличались их собственные миры, не способны сохранять спокойствие при первой встрече с экзотами. Так вот, теория заключалась в том, что мы заражены каким-то биомом Терры, из-за которого при встрече с существами, хотя бы отдаленно не напоминающими те, которые водились на нашей планете, наши тела сопротивляются увиденному, словно знают, что оно не предназначено для наших глаз.

Минувшее, 2

Я не знала, будет ли Скайлу хорошо в Послограде. Он наверняка был не первым, кого ввозил на планету ее возвращающийся извне уроженец, но я других не знала.

Я много времени провела на кораблях в иммере или в портах планет, длительность светового дня которых враждебна человеку. Вернувшись, я впервые за тысячи часов смогла расстаться с циркадными имплантатами и погрузиться в естественный солнечный ритм. Мы со Скайлом привыкали к девятнадцатичасовому ариеканскому дню традиционными методами, стараясь как можно больше времени проводить вне дома.

— Я тебя предупреждала, — сказала я ему. — Городок крохотный.

Сейчас я с истинным наслаждением вспоминаю те дни. Несмотря ни на что. Возвращаясь, я твердила Скайлу о том, на какую жертву иду ради него, — бросаю иммер! хороню себя в дыре! — но стоило мне, выйдя из герметически закрытого поезда в зоне эоли, снова вдохнуть запахи Послограда, и я обрадовалась больше, чем сама могла ожидать. Ощущение было такое, будто я снова

стала ребенком, хотя не совсем. Нет ничего особенного в том, чтобы быть ребенком. Это значит просто быть. Уже потом, вспоминая, мы создаем из этого юность.

Мои первые дни в Послограде, с деньгами и чужеземным супругом, иммерлетчицкий шик. И я распускала хвост. Меня с восторгом встретили те, кого я знала раньше, те, кто и не надеялся увидеть меня опять, те, кто сомневался, услышав новость о моем приезде, доставленную предыдущим миабом.

По-настоящему богатой я не была, но все мои сбережения были в бременских эумарках. Это была базовая валюта Послограда, разумеется, но видели ее там редко: от одного визита из метрополии до другого проходило по тридцать килочасов и больше — то есть послоградский год с лишним — и неудивительно, что наша маленькая экономика давно стала самостоятельной. Из почтения к эумаркам наша валюта, как и валюта других бременских колоний, носила название эрзац. Разные эрзацы были несопоставимы между собой, каждый ходил только у себя в стране и ничего не стоил за ее пределами. Той суммы, которую я сняла со своего счета и привезла с собой, в Бремене хватило бы на несколько месяцев, а в Послограде

я могла прожить на них до следующей смены, а то и до позаследующей. Не думаю, чтобы люди на меня обижались — я заработала свои деньги вовне. И всем объясняла, что то, как я швыряю своими заработками сейчас, называется флокинг. Хотя это было не совсем правильно — ведь у меня не было командира, от приказов которого следовало увиливать, я просто не работала — но люди все равно радовались, так им нравился летчицкий сленг. Похоже, они считали, что право на безделье я тоже заслужила.

Те из моих сменных родителей, которые еще работали, устроили вечеринку в мою честь, и меня саму удивило то, с какой радостью я вошла в свою старую детскую, где обнималась, целовалась, плакала и обменивалась приветствиями с этими милыми мужчинами и женщинами, из которых одни обескураживающе постарели, а другие как будто совсем не изменились.

— Я же говорил, что ты вернешься! — твердил папа Шемми, когда я танцевала с ним. — Я же говорил! — Они разворачивали бременские безделушки, которые я им привезла. — О, это слишком, моя дорогая! — воскликнула мама Квиллер, увидев браслеты с эстетическими приращениями.

Моего мужа папы и мамы приветствовали с робостью. Весь вечер, пока я напивалась, он, задиристо улыбаясь, стоял в украшенном лентами зале и непрерывно отвечал на одни и те же вопросы о самом себе.

Пересеклись мои пути и кое с кем из моих былых товарищей по детской, например с Симмоном. А вот Йогна я не видела, хотя втайне надеялась на встречу. Зато у меня появились новые друзья, из далеких от меня прежде слоев общества. Меня стали приглашать на вечеринки к служителям. И хотя раньше я не относилась к их кругу, но, еще пока я готовилась стать летчицей, Послоград стал слишком тесен, чтобы я могла избежать встреч с ними. Теперь люди, служители и послы, которых в былые времена я знала лишь по именам или понаслышке, внезапно стали знакомыми, и даже больше. Но не все, кого я рассчитывала встретить, оказались на месте.

— А где Оутен? — спросила я о человеке, который часто выступал в наших послоградских тридах с сообщениями служителей. — Где папа Реншо? Где ГейНор? — о том пожилом после, одна из которых, принимая меня в Язык, сказала «Ависа Беннер Чо, не так ли?» с непередаваемой, великолепно сбалансированной интонацией, ко-

торая стала частью моего внутреннего идиолекта настолько, что, когда бы я ни представлялась полным именем, это размеренное, произнесенное ее голосом «не так ли» непременно всплывало в моем сознании. — Где ДалТон? — спросила я о после, прослывшем умными, склонными к интригам и не скрывавшими своих разногласий с коллегами, как это было принято; с ними мне особенно хотелось познакомиться с тех пор, как я узнала, что это они публично не сдержали гнева, когда лопнул тот миаб, в моем детстве.

Оутен ушел в отставку и жил на свои скромные местные богатства. Реншо умер. Молодым. Это меня опечалило. ГейНор умерла, сначала одна, потом, сразу за ней, другая, от обручевого шока и потери. ДалТон, насколько я поняла, исчез или его заставили исчезнуть — после продолжительных разногласий с коллегами, вылившихся, как мне намекали, в серьезные выяснения отношений и особенно темное дело о междоусобной борьбе служителей. Заинтригованная, я пыталась разузнать подробности, но не вышло. Как возвращенка, я могла задавать вопросы о послах напрямую, что было, в общем-то, не принято, однако я знала, до каких пор можно настаивать, а когда следует остановиться.

Не сомневаюсь, что это была иллюзия, однако тогда мне казалось, будто пребывание вовне сделало меня острее на язык, саркастичнее, умнее. Люди хорошо относились к Скайлу и были очарованы им. И он ими тоже. Побывав в нескольких мирах, в Послоград он попал неожиданно, точно вошел через дверь, которая вдруг открылась в стене. Он исследовал. Наш статус ни для кого не был секретом. О браках с неэкзотами в Послограде слышали, но воочию таких пар не видели, а потому мы приятно щекотали нервы. Мы по-прежнему ходили везде вдвоем, но со временем все реже, так как круг его личных знакомств непрестанно расширялся.

— Осторожно, — предупредила я его после одной вечеринки, где с ним заигрывал мужчина по имени Рамир, приращениями придавая своему лицу возбуждающий, по меркам здешней эстетики, вид. Я никогда не замечала, чтобы Скайл интересовался мужчинами, но все же. — Гомосексуальность здесь не в чести, — сказала я ему. — Разрешена только послам.

— А как же та женщина, Дамье? — спросил он.

— Она служитель, — ответила я. — И потом, я же не сказала, что это противозаконно.

— Пикантно, — заметил он.

— О, да, очаровательно.

— А они знают, что однажды у тебя была жена?

— Это же было вовне, дорогой, — сказала я. — Там я могла делать все, что мне, черт побери, было угодно.

Я показала ему, где мы играли детьми. Мы ходили в галереи и на выставки тридов. Скайл был очарован бродячими автомами Послограда, меланхоличными с виду машинами-бродягами.

— Они когда-нибудь заходят в город? — спросил он. Они заходили, но, сколько бы он ни приставал к ним, их искусственные мозги были слишком слабы для того, чтобы рассказать об увиденном.

Конечно, он приехал в Послоград ради Языка, но замечал и другие местные особенности. Его поразили ариеканские живые машины. В домах друзей он, словно оценщик, подолгу изучал их квазиживые артефакты, архитектурные украшения тончайшей работы или редкие медицинские штучки, протезы и тому подобное. Со мной он любил прийти на самый край эолийского дыхания, подняться там на какой-нибудь балкон или смотровой мостик со стороны Послограда и наблюдать стада пасущихся энергостанций и заводов. Да, его интересовало обиталище Языка, но

он видел и сам город. Однажды он начал размахивать руками, как мальчишка, и, хотя увидеть его с такого расстояния было невозможно, одна станция дернула антенной, как будто в ответ.

Возле самого сердца Послограда было место первого архива. Конечно, каменные завалы могли бы и разобрать, но все стояло как было с тех пор, как здание рухнуло: полтора с лишним мегачаса, то есть больше половины местного века. Вероятно, первые строители нашего города считали, что людям необходимы руины. Дети еще наведывались сюда иногда, как мы когда-то, но в основном поросший травой пустырь служил убежищем животным с Терры и тем представителям местной фауны, которые могли дышать одним воздухом с нами. За ними Скайл тоже подолгу наблюдал.

— Что это? — Рыжее обезьяноподобное создание с собачьей головой быстро лезло вверх по трубе.

— Это называется лиса, — сказала я.

— Она что, измененная?

— Не знаю. Если и так, то очень давно.

— А это что?

— Галка. Плавниковая кошка. Собака. Что-то местное, не знаю названия.

— Это не то, что называют собакой у нас, — говорил обычно он или тщательно повторял по слогам: «Гал-ка». Но больше всего он интересовался незнакомыми туземными животными Ариеки.

Однажды мы много часов провели на очень жарком солнце. Мы сидели, болтали о том о сем, потом перестали болтать и просто сидели, держась за руки, сидели так тихо, что звери и растения забыли, что мы живые, и начали воспринимать нас как пейзаж. Два существа, каждое длиной с половину моей руки, боролись в траве.

— Смотри, — шепнула я тихо. — Ш-ш-ш. — Неподалеку какое-то мелкое двуногое существо неловко тащилось прочь, волоча окровавленный зад.

— Он ранен, — сказал Скайл.

— Не совсем. — Как всякий послоградский ребенок, я знала, что это такое. — Смотри, — сказала я. — Вон тот — охотник. — Свирепый измененный барсучонок в пятнистой черно-белой шубе. — То, с чем он борется, называется трунк. И то, что убегает, тоже. Знаю, они кажутся двумя разными животными. Видишь, у того как бы оторван хвост? А у того, который борется с измененным барсуком, как будто нет головы? Это мозговая и

мясная части одного и того же животного. Когда трунка атакуют, они разделяются: мясная часть удерживает хищника, а мозговая убегает в поисках последнего шанса совокупиться.

— Совсем не похоже на то, что водится у нас, — сказал Скайл. — Но… он же, наверное, не терранский? — Мясная часть трунка побеждала, втаптывая барсука в землю. — До того как половина убежала, у него было восемь ног. На Терре ведь не было октоподов, верно? Разве что под водой…

— Он не терранский и не ариеканский, — ответила я. — Его занесли сюда случайно, несколько килочасов назад, на корабле кеди. Эти звери — бродяги. Они, наверное, хорошо пахнут, или еще что-нибудь в этом роде: на них нападают все, кому не лень. Но животное, которое победит и съест мясную часть трунка, скоро начнет тошнить, или оно вообще погибнет. Бедные маленькие эмигранты.

Голова автотрункатора сидела в тени камня, на котором сохранились обрывки проводки, и наблюдала триумф своих бывших задних конечностей. Она раскачивалась взад и вперед, словно сурикат или маленький динозавр. Голова забрала с собой единственную пару глаз трунка, и мясная

часть кружила в слепой ярости, вынюхивая еще врагов, от которых следовало защитить убежавший мозг.

Движимый непостижимой сентиментальностью, Скайл, не без усилий избежав когтей трунка — что само по себе было настоящим достижением, ведь лишенная мозгов задняя половина его тела стремилась только к драке, — поймал его и принес домой. Там зверь прожил несколько дней. Соорудив для него клетку, Скайл положил туда еду, а трунк подходил к ней и отхватывал от нее куски, ни на минуту не прекращая кружить по клетке, хотя мозга, который следовало защищать, там не было. Зверь бросался на все тряпки или щетки, которые мы вешали или ставили рядом. Он умер и разложился мгновенно, как посыпанный солью слизняк, оставив нам грязь, которую пришлось убирать.

У монетной стены я рассказала Скайлу о той первой встрече с Бреном. Я обнаружила, что не хочу ни вести его туда, ни рассказывать ему эту историю, и это так меня разозлило, что я заставила себя это сделать. Скайл долго смотрел на дом.

— Он все еще здесь? — спросила я у местного торговца.

— Почти не показывается, но живет здесь. —

Человек скрестил пальцы от дурного глаза.

Так я водила Скайла по своему детству. Как-то утром мы сидели за поздним завтраком на площади, когда на другом ее конце я вдруг увидела — и показала Скайлу — группу юных послов-практикантов, под строгим контролем, руководством и защитой совершавших экскурсию по городу, интересы которого им однажды придется представлять. Их было пять или шесть, похоже, что из одной партии, десять или двенадцать ребятишек в нескольких километрах от полового созревания, в сопровождении учителей, охраны, двух взрослых послов, мужчин и женщин, которых издали мне было не опознать. Обручи учеников неистово сверкали.

— Что они делают? — спросил Скайл.

— Ищут сокровища. Готовят уроки. Не знаю, — ответила я. — Осматривают свои владения. — Немного смутив меня и позабавив остальных обедающих, Скайл встал и стоя наблюдал за ними, не переставая жевать полюбившийся ему тягучий послоградский тост (слишком аскетичный для меня теперь).

— И часто такое бывает?

— Не очень, — ответила я. Те редкие группы, которые мне попадались, я в основном видела в

детстве. Если рядом оказывались друзья, то мы пытались привлечь внимание одного из будущих послов, а добившись своего, хихикали и убегали, и кто-нибудь из их эскорта иногда пускался за нами в погоню. Еще несколько минут мы выделывались, немного нервно передразнивая их, когда они уходили. Но теперь меня больше интересовал завтрак, и я ждала, пока Скайл сядет.

Когда он, наконец, заговорил, то первыми его словами были:

— Что ты думаешь о детях?

Я посмотрела туда, куда ушли маленькие двойники.

— Интересная цепь ассоциаций, — сказала я. — Здесь это не совсем так… — В стране, в которой он родился, на планете, где располагалась эта страна, детей воспитывали в основном в группах от двух до шести взрослых, соединенных между собой кровным родством. Скайл часто вспоминал о своем отце, матери, своих дядьях, или как там он их называл, и всегда говорил о них с большой теплотой. Но с тех пор, как он видел их в последний раз, прошло немало времени: вовне такие связи обычно быстро изнашиваются.

— Я знаю, — сказал он. — Просто я… — И он показал на город рукой. — Здесь так хорошо.

— Хорошо?

— Есть тут что-то.

— «Что-то». А я думала, слова — твоя профессия. Ладно, сделаем вид, что я тебя не слышала. С какой стати мне навлекать на это милое местечко…

— Да ладно тебе, хватит. — Он улыбался, но в голосе сквозил легкий укор. — Ты вырвалась, я знаю. Но, Ависа, тебе здесь нравится гораздо больше, чем ты пытаешься показать. Уж не так сильно ты меня любишь, чтобы согласиться вернуться сюда ради меня, будь это место для тебя сущим адом. — Он снова улыбнулся. — Да и что тебе так уж не нравится?

— Ты кое о чем забываешь. Тут тебе не вовне. Большую часть того, чем мы тут занимаемся — кроме живых машин, разумеется, которые мы получаем благодаря сам знаешь кому, — в Бремене считают чистым шаманством. Включая и секс-технологии. Ты хоть помнишь, как делают детей? Мы с тобой не очень-то…

Он засмеялся.

— Очко, — сказал он. И взял меня за руку. — Совместимы везде, кроме постели.

— А кто сказал, что я хочу делать это в постели? — ответила я. Это была шутка, а не попытка

соблазнения.

Если подумать, то теперь все это сильно напоминает прелюдию. Впервые я увидела незнакомых мне экзотов в беспутном городишке на крохотной планетке, которую мы зовем Себзи. Там меня представили группе ульев. Понятия не имею, кто они были такие и откуда вели свой род. С тех пор я никого похожего на них не видела. Один подошел ко мне на своих ложноножках, перегнул в талии похожее на песочные часы тело и, шевеля крошечным отверстием, полным похожих на пеньки зубов, на безукоризненном всеанглийском сказал:

— Мисс Чо. Очень рад встрече.

Не сомневаюсь, что Скайл реагировал на кеди, шурази и паннегетчей с бóльшим апломбом, чем я на ульев тогда. Он читал в восточном районе Послограда лекции о своей работе и путешествиях (меня всегда изумляло, как он, ничего не придумывая, ухитряется, тем не менее, превратить свою жизнь в связную историю, стройную и яркую, как радуга). Тройка кеди подошла к нему потом, перемигиваясь цветовыми клетками на брыжах, и она-самец поблагодарила его, выговаривая слова с характерной для этих существ любопытной дикцией, и пожала ему руку хвата-

тельным половым органом.

Он сам познакомился с торговцем-шурази, которого мы знали как Гасти, — позже Скайл с явным удовольствием произнес мне всю цепочку его имен, — и свел с ним кратковременную дружбу. Люди разевали рты, видя их вдвоем прогуливающимися по городу: рука Скайла дружески лежала поперек основного туловища Гасти, а реснички шурази переступали по земле в такт шагам Скайла. Они рассказывали друг другу истории.

— В следующий раз, когда будешь в иммере, — говорил Гасти, — попробуй поехать на веретенной тяге. Чтоб мне провалиться, вот это путешествие! — Я так и не поняла, на самом ли деле его мышление настолько близко к нашему, как позволяли предположить его анекдоты. По крайней мере, разговорный язык давался ему легко, один раз он даже спародировал убогий всеанглийский соседа-кеди, пересказывая какую-то довольно сложную шутку.

Но, конечно, Скайлу больше всего хотелось увидеть ариекаев. Именно ими он занимался по ночам, отдыхая от светской жизни. И именно они ему и не давались.

— Я все еще почти ничего о них не знаю, — говорил он. — Какие они, о чем думают, что делают,

как работают. Даже бумаги, в которых послы описывают свою работу, свои, как это сказать, взаимоотношения с ариекаями, какие-то на удивление… пустые. — Он посмотрел на меня так, словно чего-то хотел. — Они знают, что им надо делать, — сказал он, — но не понимают, что делают.

Я не сразу поняла смысл его жалобы.

— Работа послов не в том, чтобы понимать Хозяев, — сказала я.

— Чья же это работа?

— Ничья. — Думаю, что именно тогда я впервые ощутила пропасть между нами.

Тогда мы уже знали Гарду, Кайли и других, были знакомы со служителями и их кругом. Я подружилась с Эрсуль. Она дразнила меня тем, что у меня нет профессии (она, в отличие от большинства послоградцев, была знакома с понятием «флокер» еще до того, как я ввела его), и я отвечала ей тем же. В качестве автома Эрсуль не имела ни прав, ни обязанностей, но, насколько было известно, ее прежний хозяин скончался, не оставив завещания, и она так и не стала чьей-либо собственностью. Согласно некоторым вариантам законов об имуществе, кто-нибудь теоретически мог предъявить на нее права, но теперь это пока-

залось бы омерзительным.

— Все дело в тюрингских программах, — говорил Скайл, когда ее не было с нами, хотя и он соглашался, что лучше так, чем как раньше. Наши с ней отношения его забавляли. Мне не нравился его настрой, но поскольку он был отменно вежлив с ней, словно и впрямь считал ее человеком, я не стала устраивать скандал. Единственный раз он заинтересовался Эрсуль по настоящему, когда сообразил, что, раз она не дышит, то может входить в город. Я рассказала ему правду: о том, как однажды я ее спросила, а она ответила мне, что никогда там не была и не собирается, но почему, не объяснила, а тон у нее при этом был такой, что мне расхотелось вникать в подробности.

Иногда ее звали подхалтурить с искусственными умами и автомами Послограда, что приводило к ее тесному контакту со служителями: мы с ней часто встречались на одних и тех же официальных званых вечерах. Меня приглашали на них потому, что я тоже бывала полезна. Ведь я вернулась извне гораздо позже, чем кто-либо из начальства: редкие служители ездили по делам в Бремен и возвращались оттуда. Я была источником, из которого они могли узнать о последних событиях и культуре Чаро-Сити.

Когда я уезжала из Послограда, папа Реншо отвел меня в сторону — буквально прижал меня к стене комнаты, в которой проводилась моя отвальная. Я ждала отцовских наставлений, измышлений о жизни снаружи, но он только сказал мне, что, если я когда-нибудь вернусь, Послоград будет очень заинтересован состоянием дел в Бремене. Это было сказано так вежливо и прямо, что я даже не сразу поняла, что меня вербуют в шпионки. Сначала я забавлялась тем, что совсем не похожа на шпионку. А потом, тысячи часов спустя, когда я вернулась в Послоград и обнаружила, что стала полезна именно в том качестве, о котором мне говорили, мне сразу стало и грустно, и смешно.

Мы со Скайлом в любом случае вызывали бы интерес — он, зачарованный местной культурой одержимый иностранец, был явлением редким; я, часть Языка, иммерлетчица-возвращенка, была местной знаменитостью. Но, начав поставлять факты о Бремене, я, простолюдинка, и мой простолюдин-муж куда быстрее вошли в окружение служителей, чем могли бы при иных условиях. Приглашения продолжали поступать даже тогда, когда местные средства массовой информации уже перестали публиковать интервью и статьи о

блудной иммерлетчице.

Ко мне подошли вскоре после моего возвращения. Не послы, разумеется, а какие-то визири и другие важные шишки, и попросили меня присутствовать на встрече, где говорили так туманно, что я никак не могла понять, к чему все это, пока внезапно не вспомнила слова папы Реншо, и тут только сообразила, что все эти негромкие вопросы о некоторых тенденциях, существующих в данный момент в Бремене, об объединенных силах и возможном отношении к зависимым территориям и их притязаниям были на самом деле просьбами предоставить политическую информацию. За плату.

Последнее показалось мне глупым. Я не взяла денег за то, что поделилась с ними своими скромными знаниями. Я отмела в сторону чьи-то дипломатичные попытки объяснить суть их политических опасений: это не имело значения. Я показывала им новостные трубки, загруженные из сети файлы, давая тем самым слабое представление о балансе сил внутри правящей в Бремене Космополитической демократической партии. Войны и интервенции, которые вел Бремен, и тяжелое положение, в которое он в связи с этим время от времени попадал, никогда не представ-

ляли для меня особого интереса, но, возможно, для тех, кому это было очень важно, даже мои крохи информации о недавних событиях были откровением. Честно говоря, я сомневаюсь, чтобы их искусственные мозги и аналитики не предвидели всего того, о чем я говорила, и не догадывались об этом.

В общем, никакой шпионской драмы тут не было. Несколько дней спустя меня представили Уайату, тогда еще новому человеку Бремена в Послограде, о котором мои собеседники-служители упоминали в выражениях расплывчато-предостерегающих. Он тут же начал дразнить меня той встречей. Спросил, не установила ли я камеру в его спальне или что-то в этом роде. Я рассмеялась. Мне нравилось, когда наши пути пересекались. Он присвоил мне персональный номер.

Вращаясь в таких кругах, в высшем обществе Послограда, я повстречала посла КелВин и стала их любовницей. Они немало сделали для меня, в том числе дали возможность Скайлу встретиться с Хозяевами.

КелВин были высокими, серокожими мужчинами немного старше меня, склонными к некоторой игривости и обладавшими очаровательным высокомерием лучших послов. Они

приглашали меня и, по моей просьбе, Скайла, на приемы, и сами ходили с нами в город, где послы так редко появлялись без сопровождения служителей, что это зрелище привлекало внимание.

— Посол, — Скайл набирался смелости спросить, поначалу осторожно, — у меня есть вопрос касательно вашего… взаимодействия с Хозяевами. — И тут же пустился в какие-то узкоспециальные, таинственные подробности. КелВин, в то время стремившиеся заслужить мою благодарность, проявляли терпение, хотя их ответы, вне всякого сомнения, не оправдали его ожиданий.

В компании КелВин я видела, слышала и интуитивно догадывалась о таких подробностях разных сторон послоградской жизни, которых иначе не узнала бы никогда. Я улавливала любые мелкие оговорки, намеки и комментарии моих любовников. Они не всегда отвечали, когда я задавала им прямые вопросы, — иногда у них проскакивало что-нибудь насчет заблудших коллег или ариекайских фракций, и, хотя они отказывались развивать эти темы, я все мотала на ус.

Я спросила у них про Брена.

— Я нечасто его вижу, — сказала я. — Похоже, он не приходит на собрания.

— А я и забыл, что у тебя есть с ним контакт, — сказали КелВин, оба глядя на меня, хотя и немного по-разному. — Нет, Брен у нас вроде как в добровольном изгнании. С планеты он, конечно, не уедет, это понятно.

— Такой поступок противоречил бы его представлению о себе в наших глазах.

— А шанс у него был. Он мог уехать.

— После того, как его разделили.

— Вместо… — Они рассмеялись. — Он у нас вроде узаконенного изгоя.

— Он в курсе почти всего происходящего. И даже больше — он знает такие вещи, которые ему не следовало бы знать.

— Лояльным его назвать нельзя. Но польза от него есть.

— И все равно он больше не лоялен, а может, и раньше не был. — Скайл жадно ловил каждое их слово.

— На что это похоже? — спросил меня Скайл. — Я, конечно, и сам раньше бывал с двумя сразу, наверняка и ты тоже, но тут наверняка все…

— Нет, Фарои, нет. Господи, ты невыносим. Нет, с ними все совсем иначе. — Тогда я твердо стояла на своем: теперь у меня есть сомнения.

— А они оба концентрируются на тебе? — спро-

сил он. Мы захихикали, он от глупой похоти, а я от ощущения того, что богохульствую.

— Нет, мы с ними вполне на равных. Кел, я и Вин, все вместе. Честное слово, Скайл, я не первая, кого посол когда-либо…

— Зато ты единственная, кого я могу об этом расспросить. — К тому времени я уже не была уверена в том, что это правда. — Я считал, что гомосексуальные связи не одобряются, — добавил он.

— Ну вот, теперь ты выделываешься, — сказала я. — Они не занимаются этим, когда остаются наедине. Ни они, ни другие послы. Ты это знаешь. У них… мастурбация. — Таково было упрощенное, хотя и несколько скандальное описание процесса, и, выговорив это слово, я почувствовала себя как маленькая девочка. — Представь, как это выглядит, когда встречаются два посла.

Скайл часами, буквально часами слушал записи ариекайской речи, разглядывал плоские и объемные изображения их встреч с послами. Я наблюдала за ним, когда он беззвучно шевелил губами и делал неразборчивые заметки, одной рукой занося их в свое дата-пространство. Учился он быстро. Меня это не удивляло. Когда КелВин, наконец, пригласили нас на какое-то событие,

где должны были присутствовать Хозяева, Скайл уже понимал Язык почти в совершенстве.

Это была запланированная дискуссия из тех, которые послы проводили с Хозяевами каждую неделю. Межпланетный торговый обмен мог совершаться не чаще одного раза в несколько тысяч часов, но ему неизменно предшествовали тщательные, всесторонние переговоры. Как только из иммера прибывал очередной корабль, его капитану тотчас сообщались все договоренности, достигнутые Хозяевами и служителями (при непременном участии представителя Бремена), и снабженное этой информацией, а также нагруженное ариекайской техникой судно уходило в обратный рейс, а в следующий раз привозило то, что мы обещали ариекаям взамен. Они терпеливо ждали.

— Будет прием, — сказал нам один из КелВин. — Хотите пойти?

На сами переговоры нас, разумеется, не пустили. Скайл очень об этом жалел.

— Да какая тебе разница? — удивлялась я. — Там же с тоски помрешь. Торговые переговоры? Правда? Сколько вам нужно того, сколько этого…

— Вот именно, я хочу знать, вот именно. Что им нужно? Ты, вообще-то, знаешь, чем мы с ними

обмениваемся?

— В основном опытом. Искусственный интеллект, искусственные мозги и прочее. Это они делать не умеют.

— Знаю, из-за Языка. Но мне хотелось бы узнать, как они пользуются всей этой техникой, когда она попадает к ним.

Разумеется, ни один ариекай не мог записывать информацию в искусственный мозг: письменность на их языке была невозможна. С устным вводом дело обстояло не лучше: насколько могли определить экзопсихологи, Хозяева не понимали, как взаимодействовать с машиной. Компьютер обращался к ним на языке, который человеческое ухо воспринимало как неотличимый от местного диалекта, но для ариекаев, не чувствующих за ним разума, его слова были просто шумом.

И тогда наши дизайнеры создали компьютеры, которые были подслушивающими системами. Их делали из обычных животных-динамиков-и-телефонов, изготовленных Хозяевами. Они могли — хотя никто не понимал как — понимать голоса друг друга и даже наших послов как через громкоговорители, так и в записи: до тех пор пока за словами, не важно, произнесенными сейчас или записанными раньше, стоял настоящий,

думающий разум, сообщение не переставало быть понятным, или, как выражался Скайл, не утрачивало души, нигде и никогда. Человеческие ученые взяли этих посредников и усовершенствовали их, дополнив, а иногда и частично заменив технологиями, которые не умели создавать ариекаи. То есть перенаправили их голоса через искусственные мозги.

Программы предназначались для использования собеседниками, с целью переводить невысказанные намеки в конкретные указания. Ариекаи разговаривали между собой, как обычно, и, если их беседа принимала некий теоретический оборот, оборудование прислушивалось, производило расчеты, изменяло правила вывода, выполняло автоматизированные задания. Как происходящее в этих машинах истолковывали сами ариекаи, не могу даже представить, но мне говорили, что они знают — мы кое-что им дали, в конце концов, они ведь заплатили за это.

— А что получаем мы? — спросил Скайл.

КелВин указал на люстру над нашими головами, которая с ленивой грацией ползала по потолку, протягивая щупальца с пучками света на концах в самые темные углы комнаты и вновь убирая их, когда надо.

— Живые машины, разумеется, — сказали они. — Ты же знаешь.

— Ты их и в Бремене видел. Многое из съестного. А еще камни и всякие другие штуки. — Как почти все в Послограде, я слабо представляла себе подробности обмена, о котором они говорили.

— И золото.

В ту первую вечеринку КелВин дежурили, но роль хозяев выполняли превосходно. Скайл стоял у стола с деликатесами, как человеческими, так и ариекайскими, и ждал.

— Долгожданное братание с туземцами, а? — Эрсуль незаметно подошла ко мне сзади. Она заговорила внезапно, и я вздрогнула и засмеялась.

— Он такой послушный, — сказала я, кивнув на Скайла.

— Терпеливый, — сказала она. — Но тебе легко говорить, ты-то уже видела Хозяев.

Она объяснила, что просто шла мимо, наверное, с каким-нибудь заданием. Развернувшись, она прокатилась мимо Скайла, шепнув ему что-то, а он поздоровался и посмотрел ей вслед.

— Ты знаешь, что сказали мне КелВин? — прошептал он мне. Рукой со стаканом он показал на удаляющуюся Эрсуль. — Она говорит на Языке.

Безукоризненно. Все послы в точности понимают каждое ее слово. Но, стоит ей заговорить с Хозяином, и ничего. — Он встретил мой взгляд. — Так что она не говорит по-настоящему.

Он старательно прятал свое нетерпение — по крайней мере, не хамил. КелВин представили его тем служителям и послам, с которыми он еще не был знаком. И, разумеется, Хозяевам, когда те, наконец, пришли, вызвав обычную суету в комнате.

Впервые за тысячи часов я снова увидела их так близко. Их было четверо. Трое были в расцвете, в третьем возрасте, их высокие фигуры топорщились дрожащими усиками. Четвертый был в финальной стадии — старческий маразм. Его массивное брюхо колебалось, точно маятник, а конечности стали длинными и тонкими. Он твердо держался на ногах, но его движения были бессмысленными. Собратья привели его с собой просто из добрых чувств. Он шел за ними инстинктивно, реагируя на привычные силуэты и химический след. Эволюционная стратегия на Ариеке была такова: у многих видов животных организм, достигший финальной стадии развития, служил складом питательных веществ для молодых. Они могли сутками глодать оболочку

живота старика без всякой опасности для его жизни. Раньше так поступали и Хозяева, но они оставили эту практику несколько поколений назад, сочтя ее, как мы поняли, пережитком варварства. Они оплакивали своих стариков, когда те входили в финальную стадию жизни и их мозг угасал, и почтительно сопровождали эти фактические трупы повсюду, пока они не распадались на куски.

Теперь это не вполне мертвое существо налетело на стол, опрокинув бокалы с вином и рассыпав канапе, а ГенРи, ЛоГан, КелВин и другие послы засмеялись, точно над удачной шуткой.

— Прошу, — сказали КелВин, выводя Скайла вперед, к почетным туземным гостям. Лицо Скайла оставалось бесстрастным. — Скайл Чо Бараджан, это спикер… — и Подрезом и Поворотом они произнесли имя Хозяина.

Он обернул к нам похожие на коралловые ветки отростки, на конце каждого из которых сидел глаз.

— Кора/Шахунди, — вместе сказали КелВин. Только послы умели произносить имена Хозяев.

Покачивая выходящим из шеи горлом-стебельком, на котором держался рот-подрез, до ужаса похожий на человеческий, Хозяин зашептал: а

на уровне человеческой груди, там, где у него начинало круглиться брюхо, открылся и закашлял рот-поворот, издавая маленькие круглые звуки — тао, дао, тхао.

Органы каких-то мелких животных, свернутые в спираль, лежали вокруг его шеи. Между стилетами его ног вилась еще одна мелкая тварь, животное-компаньон. Такие сопровождали всех ариекаев, не считая стариков с атрофированным мозгом. Размером с грудного ребенка, они походили на толстых личинок с ножками-пеньками, филигранными усиками и дырочками по всей спине, некоторые с металлическими окантовками. Способ их передвижения представлял собой нечто среднее между прыжками и конвульсиями. Эти зверьки носили название зелле и служили самодвижущимися батарейками, к которым можно было подсоединять разные шнуры и провода и, в зависимости от того, чем кормил своего зверя Хозяин, получать из него разные виды энергии. В городе ариекаев таких ходячих источников питания было видимо-невидимо.

Кора/Шахунди шагнул вперед, переступив четырьмя ногами, очень похожими на паучьи — такими же длинными, коленчатыми и мохнатыми, — и раскинул крылья: на спине

развернулось многоцветное слуховое крыло; на груди, чуть ниже второго рта, зашевелилось интерактивно-манипуляторное крыло, дающее.

Мы хотели бы пожать ваше дающее крыло своими руками, сказали КелВин, и Скайл, чье лицо по-прежнему оставалось для меня загадкой, чуть надув губы, протянул руку. Хозяин стиснул руку Скайла в бессмысленном для него самого пожатии, а потом потянулся к моей руке.

Так Скайл увидел, как говорят на Языке. Он слушал. Он задавал КелВин вопросы между фразами, которыми те обменивались с Хозяевами, и они, к моему удивлению, не возражали.

— Что? Неужели он намекает, что вы не могли согласиться?…

— Нет, это…

— …сложнее. Подожди.

Затем КелВин начинали говорить вместе. «Сухаиш/ко», — услышала я в какое-то мгновение; они говорили «пожалуйста».

— Я почти все понял, — рассказывал мне потом Скайл. Он был очень возбужден. — Они меняют видо-временные формы, — продолжал он. — Когда зашла речь о переговорах, они — я имею в виду ариекаев — пользовались настоящим прерывистым, а потом перешли на скрывающее

настоящее-прошедшее. Это для того, чтобы э-э-э… — Я уверила его, что знаю, для чего. Он мне уже говорил. Разве можно было слушать его без улыбки? Я слушала его с симпатией, если не с интересом, несколько сотен часов.

— Тебе никогда не приходило в голову, что этот язык невозможен, Ависа? — сказал он. — Не-воз-мо-жен. В нем нет смысла. У них нет полисемии. Слова не указывают на другие предметы: они означают сами себя. Разве можно быть разумными существами и не выработать символический язык? А как они пользуются цифрами? Совершенно непонятно. И послы двойняшки, а не один человек. Когда они говорят на Языке, за их словами нет одного разума…

— Они не двойняшки, любимый, — сказала я.

— Какая разница. Ты права. Клоны. Двойники. Ариекаи думают, что слышат один мозг, но это не так. — Я подняла бровь, и он сказал: — Нет, не так. Похоже, что мы можем говорить с ними лишь благодаря обоюдному заблуждению. То, что мы называем их словами, на самом деле не слова: ведь они ничего не означают. А то, что они считают нашим разумом, на самом деле вовсе не разум. — Я засмеялась, но он не засмеялся вместе со мной. — Тебе следовало бы задуматься, — ска-

зал он. — Разве нет? Каким образом они — я имею в виду служителей — заставляют двоих людей считать себя одним человеком?

— Да, но ведь их не двое, — ответила я. — В этом-то все дело. Здесь твоя теория дает осечку.

— Но их могло быть двое. Должно быть двое. Так что с ними сделали?

В отличие от монозиготных близнецов, у двойников даже отпечаткам пальцев придавали единообразие, делали их одинаковыми. Из принципа. Каждый вечер и каждое утро послов корректировали. Микрохирургическая установка с искусственным мозгом находила любые, даже крошечные изменения или повреждения, индивидуально приобретенные одной половиной пары за день или ночь, и все, не поддававшееся немедленному устранению, тут же копировалось на второй половине. Это, но не только, имел в виду Скайл. Он хотел увидеть детей: маленьких двойников в яслях. Иногда его идеи все еще шокировали меня. Разумеется, такие просьбы оставались без ответа. Он хотел видеть, как растут двойники.

Служители и послы регулярно посещали город, но только неопытные или невоспитанные стали бы расспрашивать их о подробностях этих

визитов. В детстве мы взламывали сообщения, находили фотографии и отчеты, которые считали секретными (конечно, они таковыми не были), и по ним составляли свое представление о том, что там происходит.

— Иногда, — рассказывали нам КелВин, — они приглашают нас на так называемые муты. Они поют — без слов или со словами, которых мы не знаем.

— А когда они кончают петь, мы выходим и по очереди поем для них.

— Для чего? — спросила я, а КелВин синхронно ответили:– Не знаем. — И улыбнулись.

Для следующего события, очень непохожего на все предыдущие, мы снова принарядились. На мне было платье со стразами из темно-красного нефрита. Скайл надел фрак и воткнул в петлицу белую розу. Присланный за нами летательный аппарат был биомашиной-полукровкой ариекайского производства, однако его частично живой интерьер был приспособлен под нужды терранцев, а пилотировал его искусственный мозг.

Мы были просто потрясены, когда КелВин сказали, что мы можем сопровождать их. Но не на вечеринку в посольстве. Мы отправлялись в город Хозяев, на Фестиваль Лжецов.

Я провела в иммере тысячи часов. Я побывала в портах десятков стран на десятках планет, испытала даже тот шок, который мы, флокеры, называем детуром, когда, готовые увидеть ни на что не похожий мир, вы прибываете в столицу совершенно нечеловеческого государства, разглядываете его замысловатых обитателей и вдруг начинаете подозревать, что уже бывали здесь раньше. И все же в тот вечер, когда мы со Скайлом наряжались перед визитом в город, я нервничала, как никогда с момента отъезда с Ариеки.

Пока мы летели над крышами и увитыми плющом стенами моего родного маленького гетто, я смотрела в окно. И перевела дух, только когда мы пересекли зону, где кирпичи, дерево и плющ моего детства сменились полимерами и биороботоплотью Хозяев, а паутина переулков уступила место аналогам улиц в другой топографии. Здания-существа разрушали и заменяли другими. Стройплощадки напоминали скотобойню, собачий питомник и каменоломни одновременно.

Нас было человек двадцать: пятеро послов, кучка служащих, и мы. Скайл и я улыбались друг другу сквозь маски, вдыхая испарения портативных эоли. Скоро, слишком скоро мы уже опустились на какую-то крышу и последовали за

нашими компаньонами наружу, вниз и внутрь какого-то сооружения в городе.

Сложное, многокомнатное строение, углы которого меня ошеломили. Все, кто когда-либо превозносил мое самообладание, покатывались бы со смеху, если бы видели, как я буквально шарахалась по тем комнатам. Их потолки и стены кишели некими формами механической жизни, напоминавшими помесь краба с цепью. Один добрый служитель сжалился и повел Скайла и меня. Наша группа обходилась без проводника-ариекая. Мне хотелось потрогать стены. Я слышала, как бьется мое сердце. Слышала голоса Хозяев. И вдруг мы оказались среди них. Я еще никогда не видела столько Хозяев сразу.

Комната была живой, ее клетки переливались всеми цветами радуги. Ариекаи говорили поочередно, а послы пели чужие слова вежливости. Из перистальтирующего коридора выплыли еще Хозяева, они были в последнем возрасте и двигались величаво-бессмысленно. Нам свистнул какой-то мост.

Впервые в жизни я увидела молодь Хозяев: курящийся паром питательный бульон бурлил от кишевших в нем угрей. Чуть дальше были ясли-драчунки, где свирепый молодняк второго

возраста развлекался и убивал друг друга. В зале, все пространство которого было исчерчено дорожками, подвешенными на сухожилиях, и платформами на мускулистых конечностях, сотни ариекаев с протянутыми дающими и расправленными спинными крыльями, красиво изукрашенными чернилами и натуральным пигментом, ожидали начала Фестиваля Лжецов.

Для Хозяев речь была мыслью. Для них сказать или притвориться, будто говоришь неправду, было все равно, что для меня поверить в заведомую ложь. Их Язык, не имевший названий для того, что не существовало в действительности, не позволял им даже думать об этом; сны были для них реальнее вымысла. Если в мозгах у кого-то из них и возникали какие-то продукты воображения, то они наверняка были туманными и оставались в породивших их головах.

Зато наши послы были людьми. И они прекрасно могли лгать как на их Языке, так и на своем, к непреходящему восторгу Хозяев. Такие айстедфоды [1] лицемерия не существовали — да и откуда им было взяться? — до появления терранцев. Но с

[1] Примечания: 1

Айстедфод — ежегодный валлийский фестиваль песни и поэзии с призом за лучшую поэму на валлийском языке (прим. пер.).

тех пор, как возник Послоград, Фестивали Лжецов проводились регулярно: это был один из наших даров Хозяевам. Я о них слышала, но и мечтать не смела оказаться на одном из них.

Наши послы бродили среди сотен поскуливающих ариекаев. Служащие, Скайл и я — все, кто не мог здесь говорить, — наблюдали. Комната была испещрена отверстиями: я слышала ее дыхание.

— Они приветствуют нас, — сказал мне Скайл, прислушавшись к голосам вокруг. Прислушался еще. — Они говорят, что сейчас увидят, гм, мне кажется, чудеса. Он просит нашего первого что-то там выйти к зрителям. Это что-то сложносоставное, подожди, э-э… — Он напрягся. — Нашего первого *лжеца*.

— Как это по-ихнему? — спросила я.

— Ой, ну ясно как, — сказал он. — Тот-кто-говорит-то-чего-нет, что-то в этом роде.

Мебель экструдировалась в комнате по мере того, как та организовывала себя в амфитеатр. Посол МейБел, пожилые, стильные женщины, вышли и остановились перед ариекаем, в дающем крыле которого появилось что-то вроде волокнистого гриба. Длинные волокна скользнули в отверстия на спине зелле, юлившей у его ног, и похожая на гриб штука издала звук и

засверкала, быстро меняя цвета, среди которых то и дело мелькал перламутрово-синий.

Хозяин заговорил.

— Он сказал: «Опиши это», — прошептал Скайл. МейБел ответили, Мей подрезом, Бел — поворотом.

Вдруг ариекаи все, как один, начали сучить ногами. Возникло напряженное возбуждение. Они покачивались и болтали.

— Что они говорят? — спросила я. — МейБел? Что они?…

Скайл посмотрел на меня, как будто не веря.

— Они говорят: «Оно красное».

МейБел откланялись. Ариекаи продолжали шуметь, когда их место занял посол ЛеРой. Ариекай на сцене приласкал свою зелле, и привязанный к ней объект изменил форму и цвет, превратившись в большую зеленую каплю.

— Опиши это, — снова перевел Скайл.

ЛеРой переглянулись и начали.

— Они говорят: «Это птица», — продолжал Скайл. Ариекаи забормотали. Существительное служило кратким обозначением местной крылатой формы жизни, а заодно и послоградских птиц. ЛеРой заговорили опять, и некоторые из ариекаев завопили, потеряв над собой контроль.

— ЛеРой говорят, что она улетает, — сказал мне в маску Скайл. Клянусь, я видела, как ариекаи задирали кораллы своих глаз вверх, точно мертвая плазма и впрямь вспорхнула. Ле и Рой снова заговорили синхронно.

— Они говорят… — Скайл нахмурился, вслушиваясь в их речь. — Они говорят, что оно превратилось в колесо, — сказал он, перекрикивая столпотворение в зале.

Каждый посол солгал по разу. Хозяева пришли в такое возбуждение, которого я никогда не замечала у них прежде, мне даже стало страшно, настолько они были одурманены, буквально опьянены ложью. Скайл напрягся. Комната шептала, эхом откликаясь на эмоции своих обитателей.

Пришла очередь КелВин. Они с выражением начали.

— «И вот исчезают стены», — переводил Скайл. — «А плющ Послограда обвивает наши ноги»… — Хозяева проверили свои конечности. — «…и комната превращается в металл, и я расту, и мы с комнатой сливаемся воедино».

«Довольно», — подумала я, и кто-то, согласный со мной, зашептал на ухо КелВин. Они откланялись и сошли со сцены.

Ариекаи медленно успокаивались. Я думала, что все кончилось. И тут, пока мы сидели и смотрели, на сцену вышли Хозяева.

— Это спорт, — сказал, заметив мое удивление, Кел, или Вин, который подошел ко мне, обливаясь потом.

— Причем экстремальный, — заметил другой. — Уже… да, много лет они пытаются подражать нам.

— И некоторым это почти удается. — Я наблюдала.

— Какого оно цвета? — спросил у конкурсантов ариекай с мишенью в руках, как до того спрашивал у терранцев. Хозяева один за другим пытались солгать.

Большинству это не удавалось. Выходило лишь гудение и щелчки, свидетельство напряженных усилий.

— Красный, — перевел Скайл. Луковица была красной, и вой зрителей усилился, что, как я полагала, выражало недовольство.

— Синий, — сказал другой, и тоже попал; цвет объекта то и дело менялся. — Зеленый. — Черный. — Иным не удавалось и это, они только щелкали и сопели, признавая неудачу.

Каждый, самый крошечный успех привет-

ствовали криками восторга. Когда объект стал желтым, Хозяин, который в тот момент как раз пытался солгать, ариекай с узором в виде ножниц на спинном крыле, содрогнулся, закатил часть своих глаз, собрался и на два голоса произнес слово, которое можно было перевести как «желто-бежевый». Вряд ли это можно было назвать выдающейся неправдой, но толпа зашлась от восхищения.

Группа Хозяев приблизилась к нам.

— Ависа, — начали Кел или Вин вежливо. — Это… — И они принялись называть имена.

Такое щепетильное соблюдение этикета между Хозяевами и людьми всегда казалось мне бессмысленным. Ариекаи, должно быть, полагали, что только у тех, кто говорит на Языке, есть мозг, и наверняка находили странным, когда послы детально представляли им какие-то безъязыкие обрубки. С тем же успехом сами ариекаи могли бы требовать от людей приветствий их живым батареям.

Так я думала, но на деле все оказалось совсем по-другому. Ариекаи пожали мне руку своими дающими крыльями, когда КелВин попросили их сделать это. Кожа у них была сухой и прохладной. Крепко сжав губы, я подавляла нараставшие эмо-

ции (до сих пор не знаю, что я тогда чувствовала). Когда посол назвал ариекаям мое имя, на их лицах возникло какое-то иное выражение. Они заговорили, и Скайл быстро перевел мне на ухо.

— Они говорят: «Вот это?», «Та самая?».

Настоящее, 3

Не все Хозяева одинаковы. Их можно различить по уникальному рисунку спинного крыла (всякое упоминание этого факта непременно сопровождалось нудным отступлением о том, что Послоград — это единственное место, где обитают терранцы с неуникальными отпечатками пальцев). Есть еще нюансы окраски панцирей, колючек на ногах, формы рого-глаз. В те дни я редко обращала на них внимание, хотя в виде исключения заучила имена некоторых ариекаев, с которыми меня знакомили. Так что я не могу сказать, встречала ли я во время того первого или последовавших за ним визитов в город кого-нибудь из делегации Хозяев, которые пожаловали к нам в Дипломатический Зал много килочасов спустя, чтобы с нами приветствовать ЭзРа, этого невозможного нового посла.

Насколько я могла судить, они все были однолетки, третьего возраста, а, следовательно, разумные. Некоторые носили ленты, означавшие непонятные (мне) ранги и пристрастия; другие воткнули в хитин там, где он был особенно толстым, маленькие страшненькие драгоценности.

Старшие из послов, ХоаКин и МейБел, сопровождали их по комнате, предлагая каждому бокал шампанского — должным образом подправленного по их вкусу. Хозяева элегантно брали их и отпивали шампанское ртами-подрезами. Я видела, как наблюдает за ними Эз.

— Ра идет, — сказала Эрсуль.

— Как нам его называть? — спросила я. — Кто они с Эзом друг другу? Они ведь не двойники.

Где бы и с кем бы в этой комнате ни был Скайл, он, я знала, испытывал такое же напряжение, как и я, наблюдая странность происходящего. Эз и Ра приблизились друг к другу, меняя манеру держать себя и переходя в другой режим.

Как такое могло случиться?

Все структуры работают, работают уже тысячи часов, лет. Послоградских лет, тех, с которыми я выросла, с длинными месяцами, названными в глупой ностальгии по древнему календарю, многонедельными, в каждой неделе по дюжине дней. Почти целый здешний век, с тех самых пор, как появился Послоград, структуры пребывают на месте. Фермы по клонированию действуют; уникальная и тщательно выверенная система позволяет выращивать послов из двойников, снабжая их всеми навыками управления, кото-

рые могут им понадобиться. И все это, разумеется, под эгидой Бремена: он был источником нашей власти; на каждом общественном здании были часы и календарь, показывавшие время в Чаро-Сити. Но до сих пор здесь, на краю иммера, служители контролировали все.

Однажды КелВин сказали мне, что Бремен изначально переоценил возможности Ариеки в смысле объема импортируемых с нее редкостей, предметов роскоши и местного золота. Хотя, конечно, биоробототехника ариекаев представляет несомненную ценность. Превосходящие своей элегантностью и практичностью грубые химеры или молекулярное шарлатанство, к которым сводится вся виденная мной когда-либо техника Терры, эти создания Ариеки формируются Хозяевами из плодородной плазмы по технологиям не то что недосягаемым, но попросту невозможным с точки зрения нашей науки. Но разве этого достаточно? Ну во всяком случае, ни одну колонию пока не прикрыли.

Как и для чего в Чаро-Сити выпестовали этого невозможного посла? Я, как и все остальные, слышала историю об эксперименте и его причудливом результате, когда уровень эмпатии зашкаливал за все мыслимые пределы. Но даже

если эти двое случайных друзей и впрямь обладали такой связью, то с какой такой психологически объяснимой стати им становиться послами?

— Уайат в восторге, — сказала Эрсуль.

— И не он один. — К нам подошла Гарда, которая, отстояв свою музыкальную вахту, убрала инструмент в футляр. — Да почему бы и нет? — добавила она.

— Дамы и господа. — Приращения транслировали голоса ХоаКин непосредственно на скрытые громкоговорители. ХоаКин и МейБел завели панегирик нашим ариекайским гостям. Покончив с этим, они поприветствовали нового посла.

Я бывала на выпускных балах по поводу совершеннолетия послов (странные, высокомерные, очаровательные юные двойники приветствовали на них гостей). Но тут случай был совершенно особый.

ХоаКин сказали:

— Это экстраординарное событие. Перед нами стоит задача…

— …задача необычная и неизбежная…

— …выработать совершенно новое приветствие. Возможно, кое-кто из вас уже слышал, что к нам прибыл новый посол? — Вежливые смешки. — Мы провели с ними много времени в

последние дни…

— …узнали их, а они узнали нас.

— Мы живем в необычные времена.

— Слушайте, слушайте, — сказали РэнДолф.

— Это особая честь, быть здесь сегодня, присутствовать при событии, которое вы, надеемся, позволите нам…

— …назвать историческим. Это и в самом деле исторический момент.

— Дамы и господа…

— …Хозяева…

— …и все наши гости. Сегодня мы с величайшим удовольствием приветствуем в Послограде…

— …посла ЭзРа.

Когда аплодисменты стихли, ХоаКин обернулись к Хозяевам, которые стояли подле них, и четко и ясно произнесли на Языке имя нового посла.

— Эз/Ра, — сказали они. Хозяева задвигали кораллами глаз.

— Спасибо, посол ХоаКин, — сказал Эз. Он тихо посовещался с Ра. — Мы очень рады быть здесь, — продолжал Эз. Он сказал несколько стандартных любезностей. Я наблюдала за другими послами. Ра представился коротко, произнеся не многим больше собственного имени.

— Мы хотим подчеркнуть, какая это для нас честь, — сказал Эз. — Послоград является одним из самых важных аванпостов Бремена, и вполне жизнеспособной самостоятельной общиной. Мы не в силах выразить, как мы благодарны за ваш теплый прием. Мы с нетерпением ждем момента, когда сможем стать частью общины Послограда, работать вместе с вами ради ее будущего и будущего Бремена. — Разумеется, тут раздались аплодисменты. Эз подождал.

— Мы надеемся вскоре начать работать вместе с вами, — сказал Ра. Кое-кто из служителей и послов пытался скрыть нервозность. Другие, как мне показалось, прятали нетерпение.

— Мы понимаем, что у вас наверняка есть к нам вопросы, — сказал Эз. — Пожалуйста, не стесняйтесь их задать. Мы осознаем, что представляем собой… аномалию, ибо теперь… — Он улыбнулся. — Мы с радостью поговорим с вами об этом, хотя, честно говоря, мы и сами не знаем, как или почему мы делаем то, что делаем. Мы такая же тайна для самих себя, как и для вас. — Смех, которого он ждал и дождался, скоро стих. — А теперь мы хотели бы сделать то, к чему нас долго и тщательно готовили. Мы посол — я говорю это с гордостью — и у нас есть работа. Для начала

мы хотим поприветствовать наших любезных Хозяев. — На этот раз аплодисменты были вполне искренними.

Кругом роились осокамеры, и на стенные экраны проецировались снятые под разными углами изображения Эза и Ра, которые, объединившись, в сопровождении коллег подошли к Хозяевам. Ариекаи стояли полукругом. Понятия не имею, как они представляли себе то, что происходило перед ними. По крайней мере, они знали, что видят посла, которого зовут Эз/Ра.

ЭзРа посовещались шепотом, как делали другие послы, определяясь с содержанием речи. Хозяева вытянули стебельки глаз. Бывшие в зале терранцы и терранки тоже, казалось, затаили дыхание и подались вперед. ЭзРа театрально обернулись и заговорили на Языке.

Эз был подрез, Ра — поворот. Они говорили слаженно, красиво. Я достаточно слышала, чтобы судить. У них был правильный акцент, безупречное чувство ритма. Их голоса гармонировали друг с другом. Они говорили Хозяевам, что встреча с ними большая честь для них. Сухайль/шура сухайль, сказали они. Здравствуйте.

Этот миг изменил все. ЭзРа глядели друг на друга, улыбаясь. Их первое официальное выска-

зывание. Если бы это не считалось моветоном, думаю, мы все захлопали бы. Уверена, что многие сомневались в их способностях.

Мы были всецело заняты тем, что вслушивались в их речь, оценивали ее. Мы не заметили перемены. Вряд ли кто из нас обратил тогда внимание на реакцию Хозяев.

Часть вторая
Праздники

Настоящее, 4

Мы все следили за новым послом.

Эз занял слегка драчливую позу. Его кулаки сжимались и разжимались. Я видела, что работа ему по вкусу. Он смотрел на Хозяев из-под насупленных бровей.

Ра глядел на них искоса. Он вытянулся, весь такой прямой и упругий, что казалось, он слегка вибрирует. Они были до смешного не похожи, из-за их непохожести все происходящее выглядело шуткой, которая зашла слишком далеко. Они напоминали Лорелла и Харди, Мерло и Рэттлшейпа или Санчо Пансу и Дон Кихота.

Когда они умолкли, по всему Дипломатическому Залу прокатилась какая-то волна, от которой, по-моему, затрепетал даже плющ на стенах. Я повернулась к Эрсуль и подняла брови. Все понимали, что момент был исторический, но прошло не меньше пяти секунд, прежде чем кто-нибудь осознал, что это плохая история.

Хозяева покачивались, словно на морских волнах. Крылья одного судорожно сжимались и расправлялись, у другого, наоборот, застыли в

противоестественной неподвижности. Третий открыл и закрыл свои мембраны несколько раз подряд, точно нервничая.

Трое были подключены к своим зелле при помощи пучков кожи, по которым текли химикаты или энергия, и, кажется, благодаря обратному току ненормальное поведение Хозяев передалось их батареям-зверям. Маленькие ходячие генераторы зашатались и стали издавать звуки, которых я никогда не слышала от них раньше.

Очень медленно и пугающе синхронно ариекаи вышли из транса. Кораллы их глаз склонились к нам и наконец сфокусировались. Словно спросонья, они вытягивали и разминали ноги.

ЭзРа нахмурились. Пошептавшись, они начали снова.

— Возможно, тела и/или умы наших Хозяев подверглись нападению каких-нибудь биологических сущностей или страдают аллергической реакцией на некий фактор окружающей среды? — сказали они, как я узнала позже. То есть они спросили: — Случилось ли что-нибудь, отчего ваше самочувствие перестало быть оптимальным? То есть с вами все в порядке?

Их речь звучала так, словно Эз, заикаясь, читал какое-то стихотворение, а Ра в это время подра-

жал пению птиц. Как только они заговорили, ариекаи все с той же безобразной синхронностью вздрогнули, а пристегнутые к ним зелле подпрыгнули. И снова все вместе как будто впали в транс. Только на этот раз один из них издал звук, точнее стон, и вылетел он изо рта-подреза.

ХоаКин и МейБел возбужденно совещались. МейБел направились к ариекаям. Хозяева медленно, очень медленно, но все же приходили в себя. КелВин заметили меня. Впервые за долгое время я и они, оказавшись в одной комнате, глядели прямо друг на друга. В их глазах я не видела ничего, кроме страха.

Забегали служители, вошли послы, засуетились вокруг Хозяев, повели их прочь. Просыпаясь от своего странного сна, ариекаи болтали и перекрикивались, громко и беспорядочно. Они спрашивали про нового посла.

— Где Эз/Ра? — твердили они. — Где Эз/Ра?

Моих познаний в Языке хватало, чтобы это понять.

— Дамы и господа, прошу вас, — сказал один из ХоаКин. Кто-то из служителей, наверное, отдал распоряжения музыкантам, поскольку музыка зазвучала вновь. Я даже не заметила паузы. Снова забегали официанты. Я видела офицеров службы

безопасности, с ними был Симмон, они шли спокойно, но, очевидно, их сняли по тревоге.

— Прошу прощения, дамы и господа, — сказали ХоаКин. — Наши гости, Хозяева… — ХоаКин умолкли и посовещались. — Произошло небольшое недоразумение…

— …беспокоиться совершенно не о чем… — Я видела, как ЛоГан, ЧарЛотт, ЛюСи и ЭнДрю, обступив Хозяев, вели их прочь.

— Ничего значительного, и всецело по нашей вине… — Оба рассмеялись. — Сейчас мы все поправим.

— У вас нет абсолютно никаких причин для беспокойства!

— Вечер продолжается. Давайте поднимем бокалы.

Многие местные с радостью позволили себя успокоить. Пришельцы и временные гости не понимали, до какой степени им следует волноваться. Мы подняли бокалы.

— За капитана и команду иммерсудна «Ответ Мучеников Толпудла»… — сказали ХоаКин.

— …за наших долгожданных иммигрантов и новых граждан…

— …и особенно за посла ЭзРа. Да будет их карьера в Послограде продолжительной и успешной.

— За ЭзРа! — воскликнули за ними все. Виновники тоста подняли свои бокалы. Они смотрели на дверь, за которой скрылись Хозяева. Праздник не расстроился только благодаря заботам служителей. Минут через десять почти все вели себя более или менее так, как раньше.

— Что за чертовщина стряслась? — спросила я у Гарды.

— Понятия не имею, — ответила она.

Скайла я не видела. В комнате вместе со служителями остались несколько послов. Я подошла к ЭдГар и страшно удивилась, когда они отвернулись от меня. Тогда я окликнула их по имени так, что они не могли притвориться, будто не слышат, и, обернувшись, ответили:

— Ависа, не теперь.

— Вы даже не знаете, чего я от вас хочу, — сказала я.

— Ависа, в самом деле.

— Позже. — Их слова перемежались приветственными улыбками тем, кто проходил мимо.

Толпа на мгновение расступилась и, точно по взмаху палочки дирижера, появился Кел или Вин. Как и прежде, он смотрел прямо на меня. Я так испугалась, что застыла на месте. Его двойника нигде не было видно. Толпа сомкнулась и

скрыла его опять.

Появилась Гарда, с пилотом под ручку. При виде меня она замешкалась, во взгляде засветилось сомнение. Я махнула ей рукой, мол, на здоровье. Весь мой опыт путешественника, все приобретенные в странствиях знания, которыми я щедро делилась с начальством, жадность, с которой они впитывали полученную от меня информацию, все было забыто. ЭдГар отвернулись от меня, и я превратилась в ноль. Теперь они и другие послы будут на закрытых заседаниях решать, что случилось и что еще произойдет. Законы принимали они.

Минувшее, 3

Давным-давно я исполнила странный и неприятный обряд в пустых стенах бывшего ресторана. За это, как говорили мне служители и послы, ариекаи чествовали меня в мое отсутствие. Но это ничего не значило до того момента, на Фестивале Лжецов, когда после представления Хозяева в зале узнали, кто я.

Они торопливо заговорили, изгибая глаза-кораллы. Они говорят меня каждый день, перевел мне потом Скайл. Так они говорили КелВин. Не знаю, сказал один из них КелВин, как я обходился без нее раньше, как я думал то, что мне надо было подумать.

Без нее? Этот вопрос назывался у нас Тайной Счета: считают ли Хозяева послов одним разумом, людьми с двумя телами? И если так, то кем они считают всех остальных: ничего не значащими половинками или механизмами? Городом марионеток, которыми управляют послы? Узнав, что я — их сравнение, они приглашали меня приходить еще, но я так и не поняла, в каком качестве — гостя, экспоната или чего-то другого. Когда мы приходили, Хозяева заботились о нас, хотя и

неизвестно, понимали ли они, что мы — люди.

Я принимала их приглашения потому, что со мной всегда мог пойти Скайл. Для него каждое такое посещение было подарком, и он принимал их с бурной радостью, хотя, думаю, после события ему всегда хотелось поговорить о нем, обсудить происшедшее. Обычно нас приводили в тот или иной хозяйский зал. Там уже были послы, визири и все прочие, и возможность прикоснуться к тайнам, которые окружали меня с самого детства, наблюдать передвижения служителей по городу Хозяев волновала меня едва ли не больше всего остального. Я все время украдкой следила за послами, которые бродили по коридорам из плоти, погруженные в беседы с Хозяевами, и удивлялась тому, что смертные люди могут иметь какие-то дела в столь невообразимых местах.

Рассказы о подобных событиях щекотали воображение моих друзей, никогда не получавших приглашений на такие мероприятия.

— Фестиваль? Лжецов? — спрашивала Гарда на какой-то вечеринке после того, как я побывала на первом из них. — Тебя пригласили Хозяева?

Друзья окружили меня, требуя, чтобы я рассказала им о городе, какой он, а я расхохоталась, потому что кто-то из них сказал «Ништяк!», со-

всем как мы в детстве.

Однако я замечала, что мое периодическое присутствие в городе тревожит послов. Им не нравилось встречать меня там. Город был их тайной. После каждого визита туда служители до изнеможения расспрашивали меня, допытываясь, что я там видела и что поняла.

Прибыв в город повторно, снова в какой-то зал, полный Хозяев, я оказалась возле коллекции непонятных предметов и обездвиженных ариекайских животных в компании еще четырех людей, в изгибах шлемов-эоли которых горели энзиматические фонари. Двое были послом ЛеНа и игнорировали меня. Еще двое оказались молодыми мужчинами, из простолюдинов, как я.

— Привет, — обратился ко мне один из них. Он радостно улыбался, я на его улыбку не ответила. — Я Хассер: пример. Давин — тема. А ты Ависа, да? Сравнение.

Ни тогда, ни позже, появляясь в городе, я не видела ничего подобного Фестивалю Лжецов. Прочие собрания были более хаотичными и, как я поняла, спонтанными. Одно время у Хозяев была мода на так называемые конвенции. Это были праздники Языка с куда более насыщенными программами, а не просто очередные фестивали

вранья. Хозяева собирали в одном месте как можно больше нас, фактов, созданных под давлением необходимости и ставших элементами Языка, — одушевленных, неодушевленных, разумных и нет — и приходили глядеть на нас, говорить нас и теоретизировать нами, не приходя к консенсусу. Мы сидели и вежливо молчали, пока над нами и вокруг нас все пело, сопело и трещало новыми аргументами. Меня это интересовало куда меньше, чем то увлеченное вранье, которое я видела в первый раз.

Рты-подрезы и рты-повороты навевали на меня дрему своим непрестанным ревом и шепотом, пока Скайл пытался переводить. Хозяева ходили взад и вперед, разбивались на фракции. Насколько я поняла, полемика шла между теми, кто считал меня полезной фигурой речи, и теми, кто этого мнения не разделял.

По-моему, то были странные, ущербные дебаты. Среди Хозяев были такие, кто думал, что если бы меня заставили сделать не то, что я сделала, а нечто иное, то они могли бы говорить лучшие слова и, следовательно, думать лучшие мысли. Что я была бы полезнее тем, кто пользуется мною для точного выражения своей мысли; и что тогда они могли бы говорить мною о том, что не

было мною, но было — по их утверждению — на меня похоже. Однако даже критики не могли объяснить, что это были бы за мысли, ведь они не могли их подумать.

— Но… — начал Скайл. Он был расстроен.

— Должно быть, эти мысли запрятаны очень глубоко у них в мозгу, — сказала я. — Из-за этого они сердятся? Что не могут произнести их?

— Подожди, — сказал он. — Один из них говорит о тебе так: «Это сравнение, и… это что-то новое». Я не понимаю. Не понимаю я.

— Ладно, дорогой, просто…

— Погоди-ка, — зашептал Скайл. — Они перешли к другим фигурам речи. — И он кивнул на наших послоградских спутников, на которых устремили свои взгляды Хозяева. Вдруг он в изумлении повернул голову. — Если я правильно понимаю… тот человек, Хассер — он нам солгал. Он не пример: он тоже сравнение, как ты.

Какие бы сомнения ни вызывала моя эффективность в качестве сравнения, польза от меня, очевидно, была: мода на языковые конвенции держалась несколько недель, и все это время Хозяева приглашали меня снова и снова.

Что-то разладилось между КелВин и мною. В те недели, когда мы занимались сексом, я дразнила

их тем, что различаю их по прикосновениям: они, наверное, и сами знали, что в этом была доля правды. Когда мы впервые провели вместе ночь, я, как молоденькая девочка, млела от мысли, что сплю с послом. Однако это несколько наигранное головокружение быстро прошло.

Помню, какие они вызывали у меня ощущения, помню прохладу обручей на их шеях, этих минималистских драгоценностей, служивших усилителями мыслей, которые они посылали друг другу. Помню, как я наблюдала за их прикосновениями друг к другу — особая, ни на что не похожая эротика. И потом, сколько бы я ни улыбалась распутно, когда мне удавалось отличить одного от другого, это всегда была рискованная игра.

— Кел, — говорила я, указывая сначала на одного, потом на другого. — Вин. Кел… Вин. — Они то улыбались, то отводили глаза. Иногда, особенно поутру, я воочию видела различия между ними. Следы ночи — отпечаток подушки на лице, непохожие мешки под глазами. КелВин никогда не затягивали с уравниванием: проснувшись, первым делом запирались в коррекционной камере и выходили оттуда с гладкими лицами или тщательно скопированными недостатками.

Им не понравилось то, что меня стали регулярно приглашать на конвенции и конференции. Но служители не могли просто взять и отменить приглашение, которое исходило от Хозяев. Однажды, в приступе ярости, для которой я не давала никакого повода, КелВин заявили мне, что у послов, черт возьми, вообще нет власти, что прочие служители, визири и все остальные принимают решения, а ему и его двойнику и рта не дают раскрыть.

Мы стали ссориться, иногда. После одной особенно ожесточенной перепалки, которую, клянусь, начала не я, Кел или Вин на мгновение задержался в дверях, глядя на меня с выражением, которого я не могла понять, а его двойник ушел. Я тогда подумала, что, может быть, мне тоже не понравилось бы, если бы они занялись погружением. Хотя, скорее всего, мне было бы все равно.

— Мы в разных положениях, — сказала я тогда тому, который задержался. — Вы владеете Языком. Я принадлежу ему.

Среди Хозяев были те, которые предпочитали мое сравнение всем остальным и посещали каждое мероприятие с моим участием. Они превозносили меня над всеми аллегориями и

риторическими приемами, воплощенными в других присутствовавших там женщинах, мужчинах и вещах.

— У тебя есть поклонники, — сказал Скайл. То были месяцы моей относительной славы.

Мы еще не раз встречались с Хассером; стояли бок о бок и ждали, пока нас развернут в жарких дискуссиях. Среди носителей Языка нашлись диссиденты, которые отстаивали необходимость переосмысления того, что могла значить я и прочие сравнения. Судя по реакции других Хозяев, эти мыслеопыты считались у них дурным тоном. После одного такого мероприятия я спросила у Скайла, слышал ли он, как Хозяева говорят Хассера, и если да, то о чем он.

Скайл понимал Язык не хуже любого посла, но ответил: «Я вообще не знаю, как вы, чертовы штуки, работаете».

— Никак не могу понять, какая связь между тем, что ты значишь, и тем, о чем они говорят, с чем тебя сравнивают и для чего используют. Ты спрашиваешь, о чем они думают с Хассером? Понятия не имею.

— Я не то имела в виду.

— Тебя интересует, что он значит буквально?

— Точно. Самое основное, вроде «девочки, кото-

рая съела…». Ну, ты знаешь.

Скайл замешкался.

— Я не уверен, — сказал он, — но, по-моему, это что-то вроде… их слова можно понять как «мальчик, которого открыли и закрыли снова». — Мы уставились друг на друга.

— О, Господи, — сказала я.

— Да. Я не могу сказать точно, так что не надо… но, да.

— Иисусе.

В корвиде, на пути в Послоград, я спросила Хассера:

— Почему ты не сказал мне, что ты сравнение?

— Извини, — ответил он. — Подслушивали, да? — Он улыбнулся. — Это непросто. Я много думаю о том, что значит быть сравнением. Но я не знаю, что это значит для тебя… для многих из нас. Если ты… если ты захочешь поговорить об этом, — голос у него сделался восторженным, хотя и не без оттенка тревоги, — то найдется целая группа таких, для кого это важно.

— Группа сравнений? — сказала я. — Вы что, вместе зависаете?

Ну, не только сравнения. Там есть другие тропы, и вообще разные языковые явления, объяснил он. Но сравнения особенно близки друг другу,

они даже образовали своеобразную общину. Я запрезирала их, как только он это сказал.

— Ума не приложу, как мы тебя упустили, — удивился он. — Я знаю, что они тебя говорят, но почему Хозяева до сих пор не приглашали тебя на всякие такие события? И почему ты про нас не слышала?

— Наверное, потому, что быть частью Языка для меня не главное в жизни, — сказала я. Боюсь, что, отвечая, я не смогла скрыть презрение. И тут же напомнила себе, что, если бы я не научилась погружаться и не вырвалась наружу, то, вполне возможно, тоже слонялась бы по барам, залам и питейным заведениям, где встречаются сравнения. Странная это, должно быть, жизнь, и известность относительная, но все-таки больше, чем ничего. Мне захотелось извиниться за свою насмешку. Я спросила его, что это для него значит. Сначала он запирался, а потом сказал:

— Быть его частью! Частью Языка.

Настоящее, 5

Люди, у которых была хотя бы капля ума, ни на секунду не поверили в то, что вечеринка вернулась к норме.

— Эрсуль. — Я звала ее шепотом и знаками, но когда она, виляя длинными шасси, приблизилась ко мне, то оказалось, что она хочет сообщить мне лишь одно: ей не удалось найти компьютер, который знал бы, что случилось.

Я разыскала в зале пару оставшихся послов, МагДа и ЭсМе.

— Что стряслось? — обратилась я к ним. — Эй. МагДа. Пожалуйста.

— Нам надо… — сказала одна из ЭсМе. — Это…

— Все под контролем.

— МагДа. Что происходит?

Маг и Да, Эс и Ме смотрели так, как будто хотели что-то сказать. ЭсМе всегда недолюбливали меня, придерживаясь распространенного среди послов мнения о возвращенцах, иммерлетчиках, флокерах и прочей подобной публике, но высказать его не решались.

К моему несказанному удивлению, за их спинами появился Скайл. Он встретил мой взгляд

прямо, без эмоций.

— МагДа, — сказал он. — Ты должна пойти и поговорить с Ра.

Они кивнули, и я упустила шанс. Когда они все пятеро повернулись, чтобы уйти, я схватила Скайла за руку. Я старалась, чтобы мое лицо ничего не выражало, и, когда он обернулся, оказалось, что и он тоже. Меня не удивляло, что он был ближе к происходящему, чем я. Он давно уже работал со служителями и был в сговоре с послами. Эти последние так сосредоточились на владении Языком, что совсем отвыкли узнавать о нем что-то новое, поэтому, когда в Послограде начались перемены и задумываться о таких вещах стало полезно, Скайл со своими теориями, как я понимаю, оказался для них весьма кстати. Его работа сделала его полезным. Наверняка служители глубже допускали его в свои дела, чем меня.

— Итак? — сказала я. И сама почти не удивилась своей наглости. Флокеры всегда делают то, что в данный момент необходимо. — Что происходит?

— Авви, — ответил он. — Я не могу тебе сказать.

— Скайл, ты знаешь, в чем дело?

— Нет. Не знаю. Я бы… Я правда не знаю. Это

не то, чего я ожидал. — Рядом с нами двое людей чокнулись бокалами, и они зазвенели, как маленькие колокольчики. Музыканты, похоже, перебрали спиртного, и мелодия то и дело шарахалась из стороны в сторону. Для многих местных вечеринка была редким шансом пообщаться с командой извне, и они не хотели его упускать. Видя, как парочки и небольшие группы покидают зал, я вспомнила, какую сексуальную притягательность придает иммер людям. Я и сама хорошо попользовалась этим в первые недели после возвращения: горячее было времечко.

— Мне надо идти, — сказал Скайл. — Я им нужен.

Эс взяла его за одну руку, Ме — за другую. Он наверняка были в курсе того, что наши со Скайлом отношения разладились, и, может быть, даже знали причину. Не думаю, что они спали с ним. Романы Скайла всегда были редкими и скоротечными. Хотя бременские браки признавались в Послограде законными, местные жители предпочитали моногамную, основанную на собственности модель. Конечно, я ревновала Скайла, но в основном к тому положению, которое он теперь занимал, и к секретам, которые были ему доступны.

До моей квартиры было полчаса пути. Эрсуль ушла со мной. Во многих странах, где мне доводилось бывать, все жители без исключения владели собственными средствами передвижения. В Послограде все улицы, кроме главных, были слишком узки, а иногда и слишком круты, чтобы по ним можно было проехать. Существовали, конечно, измененные животные и биороботы-экипажи, которые передвигались по определенным маршрутам, меняя колеса или гусеницы на ноги там, где это было необходимо, но люди чаще ходили пешком.

Послоград был тесным и скученным местом, рост населения в нем сдерживался только границами дыхания эоли. Город Хозяев окружал его по всему периметру, за исключением самой северной точки, где начинались равнины Ариеки. На полулегальный рост города смотрели сквозь пальцы, временные пристройки лепились к стенам домов, нависая над тротуарами, как карнизы, вырастали на крышах, откуда владельцы готовы были убрать их по первому требованию. Служители в основном молчаливо одобряли предприимчивость горожан в том, что касалось оптимизации пространства. Тут и там полуобученные фрагменты живых машин, а то и их

терротехнические гибриды, собранные буквально на коленке и каким-то чудом державшиеся вместе, обслуживали домашние нужды жителей.

И наконец, над Послоградом, ближе к северным равнинам, вставало само Посольство. Больше ста метров вверх оно было самым высоким зданием в городе. Огромный ствол с бесчисленными горизонтальными ветвями, оканчивавшимися пятачками посадочных площадок, вокруг которых даже в такой поздний час вились биолюминисцентные корвиды. Словно подтаивая, Посольство расползалось от основания в стороны, захватывая прилегавшие к нему улицы и присваивая их себе. Кварталы служителей частично находились под крышей, являясь и внутренностями Посольства, и окружающими его улочками сразу. Мы с Эрсуль сели в обшитый панелями лифт и поехали мимо переулков и проходов, ставших чем-то средним между коридорами и улицами, мимо полуоткрытых аркад с незастекленными окнами вниз, где вышли на настоящую улицу с ветром.

— Господи, до чего же хорошо оказаться снаружи, — сказала я.

— Вообще-то, мы и здесь не снаружи, — заметила Эрсуль. — Мы внутри дыхания эоли. — В

комнате из воздуха.

Ее слова снова напомнили мне о том, что она никогда не выходит из Послограда, хотя могла бы. Наверное, интерес к городу не входит в ее программу, предположила я. И перестала думать об этом. У себя в комнатах я выпила еще немного вина, и Эрсуль составила мне компанию, изобразив аналогичный три-дэ-бокал, из которого пила ее три-дэ-голова. Через мою машину она зашла в местную сеть, но о происшествии минувшего вечера ничего выяснить не смогла.

— Попробую еще, когда вернусь домой, — сказала она. — Не обижайся, но машина у тебя… камнем о камень постучи, и то больше узнаешь, чем с ее помощью.

Я несколько раз заходила к ней. Квартирка была крохотной, тесной, но с картинами на стенах, с кухонькой, мебелью для людей и других гостей (в том числе одним красивым, но неприличным с виду табуретом для шурази). И сама квартирка, и все ее изысканное убранство предназначались, очевидно, в большей степени для меня и других посетителей: картины, кофейный столик, импортные, не без труда раздобытые элементы операционной системы должны были сделать Эрсуль удобной для пользователей. Но эти раз-

мышления показались мне постыдными. И я стала думать об ЭзРа.

Минувшее, 4

Мне позвонил Хассер.

— Где ты взял мой номер? — спросила я.

— Я тебя умоляю, — сказал он. Голос у него был не слишком испуганный, хотя я постаралась напустить на него страху своими летчицкими замашками. — Тебя не трудно вычислить. Приходи, выпьем вместе.

— С чего это мне пить с тобой?

— Пожалуйста, — добавил он. — Есть люди, с которыми тебе не мешало бы познакомиться.

Сравнения собирались в уютном, потихоньку ветшавшем районе Послограда, недалеко от развалин. Я отправилась туда долгим путем и шагала почти все утро, то и дело встречая бездомных брошенных автомов. Я даже прошла мимо денежной стены и, как обычно, глянула на дверь.

В Чаро-Сити есть трущобы, у которых я прожила дольше, чем мне хотелось бы. Почти все порты, где мне случалось приземляться, тоже расположены вблизи или внутри трущоб: они как пятна проказы, которую переносят из города в город корабли. Так что, когда на вечеринках в Послограде кто-нибудь из местных реформистов

начинал лопотать что-нибудь насчет трущоб, я обычно встревала в разговор.

— Трущобы? — спрашивала я. — Поверьте, друг мой, уж я-то их повидала. Знаете, где я была? В таких трущобах, какие вам и не снились. У нас таких нет.

В Послограде не было оборванных ребятишек, которые пускали бумажные кораблики в колдобинах разбитых дорог, залитых сточными водами; не было тех, кто ради куска хлеба продавал себя иммерлетчикам или туристам с других планет, ни тех, кто за деньги отхаркивал биопиратам образцы своей ДНК или продавал свои органы; глинобитные домишки не тряслись, когда с неба спускались или поднимались в него корабли, и не рушились на головы своим обитателям при каждой второй посадке. Социальная кривая в нашем городе вообще не отличалась крутыми перепадами: имущественные и правовые различия между гражданами были минимальны. Не считая, конечно, служителей и послов.

У нас самые неприглядные районы отличались всеми забытыми настенными экранами и проекторами, которые давно показывали одни и те же куски рекламы, постепенно выходя из строя. Многие рекламировали товары, снятые

с производства часы тому назад, и импортные предметы роскоши, о которых мне было известно, что их уже не осталось в природе. Как и везде в Послограде, стены в таких районах покрывал плющ, настоящий и измененный, и островки местного аналога мха, так что свет, струившийся с экранов и грубоватых объектов общедоступного искусства, был рассеянным, как солнечные лучи, проникающие сквозь кроны деревьев.

Местами из живого ковра, покрывающего стены, торчали выходные отверстия скрытых в толще кирпича и пластона трубок, посредством которых либо выводились наружу звуки рекламы, либо наоборот, запрещенные законом экстремистские идеи закачивались на экран. Я шла, окруженная мерцанием экранов, обрывками поношений Бремена и угроз Уайату и его подчиненным. Болтливый трехмерный призрак распространялся насчет свобод, демократии и налогов. Даже Уайат вряд ли воспринял бы всерьез эти жалкие выходки доморощенных радикалов, хотя наверняка содрал бы с констеблей три шкуры за то, что они не уследили и вовремя не пресекли распространение этих онлайновых граффити.

Я вышла на улицу галантерейщиков, где

торговали изделиями из натуральной и альтернативной кожи. У дверей одного магазина, где с ветвей биологически измененного дерева снимали зрелые кошельки, пахло дубильным веществом и кишками. Мясники работали споро, срезая кошельки, они проделывали в них щелку, к которой позже будет прикреплена застежка, вычерпывали внутренности и готовили кожу к дальнейшей обработке. На заднем плане маячили незрелые зонты, глупые предметы роскоши, еженедельно раскрывающие свои энтомопрептильные купола. Товары из измененной кожи были примитивными существами без ртов и анусов, неспособными жить: их внутренности, шлепавшиеся в канаву подле магазина, были непонятны и бессмысленны.

Не меньше дюжины сравнений собрались в кафе-баре под названием «Галстук», куда пригласили и меня. У входа бесконечно маячила вывеска-голограмма: человек, который никак не мог завязать свой шейный платок. Шагнув сквозь него (повинуясь шаловливому росчерку программы, он поднял голову, точно удивленный, а потом вернулся к своему занятию), я вошла внутрь.

— Ависа! — Хассер был в восторге. — Знакомься… Дариус, который носил вместо украшений

орудия труда; Шанита, которой три ночи завязывали глаза и не давали уснуть; Валдик, который каждую неделю плавает с рыбами. — Так он провел меня по всей комнате. — А это Ависа, — сказал он, — которая съела то, что ей дали.

Разумеется, мы были не единственными сравнениями ариекаев. Они пользовались для этой цели животными и неодушевленными предметами: в Послограде был один дом, из которого много лет назад Хозяева сначала вынесли всю мебель, а затем вернули ее на места, чтобы сделать возможной какую-то фигуру речи. Расколотый камень, который сделали специально для того, чтобы кто-нибудь мог сказать: это как тот камень, который раскололи и снова склеили. И все же сравнениями чаще всего служили терранские женщины и мужчины: видимо, в нас было что-то, облегчавшее передачу смысла.

Разумеется, далеко не все сравнения интересовались своим статусом. Насколько я поняла, среди них были один или два служителя. И даже послы. Те никогда не посещали собрания.

— Им не нравится быть частью Языка, — сказал Хассер. — Так они чувствуют себя уязвимыми — им нравится говорить на Языке, но не быть им. Да еще им пришлось бы водить компанию с

простолюдинами. — Его голос звенел тем сложным сплавом уважения и обиды, который я уже слышала раньше и который мне еще не раз предстояло услышать потом.

Мы беседовали о Языке и о том, что это значит — быть тем, чем мы были. Говорили в основном они: я больше слушала. И старалась сдержать раздражение, которое вызывала у меня их болтовня. Но в конце концов они меня допекли. Сравнения в подавляющем большинстве оказались сторонниками независимости, кто больше, кто меньше. Речь то и дело заходила о невежественной руке Бремена и его безжалостных агентах. Мне это казалось смехотворным, особенно после знакомства с Уайатом.

— Что-то я не заметила, чтобы кто-нибудь из вас отказывался от вещей, которые мы получаем с миабами, — заметила я.

— Нет, — ответил кто-то, — но мы должны торговать, а не просто платить им дурацкую дань и получать подаяние взамен.

Хассер вполголоса снабжал меня информацией о собеседниках, когда те начинали говорить, точно визирь, нашептывающий на ухо послу.

— Она злится потому, что ее не так часто произносят. Ее сравнение слишком вычурно.

— А этот не столько сравнение, сколько пример, честно говоря. И он это знает. — По пути домой я чувствовала, что злюсь на них всех. И рассказала Скайлу, до чего все это было смехотворно. Но все же вернулась туда опять. С тех пор я часто думаю о том, почему я это сделала. Что отнюдь не означает, будто я нашла ответ.

В мой второй приход Валдик, который каждую неделю плавал с рыбами, рассказывал историю своего воязыковления. Он находился в развитии: его статус зависел не от того, что когда-то сделал он или что сделали с ним, а от того, что он продолжал делать. Это как тот человек, который каждую неделю плавает с рыбами, мог захотеть сказать кто-нибудь из Хозяев, чтобы пояснить какую-то неясную для нас мысль, а для того, чтобы он мог так сказать, это должно было оставаться правдой. Отсюда и нескончаемая обязанность.

— В квартале служителей есть мраморный бассейн, — говорил Валдик. Бросил на меня взгляд, снова потупился. — Много лет назад его привезли на корабле аж через весь иммер. В него каждую неделю впускают вместе со мной маленьких измененных рыб, которые переносят хлорку. Я плаваю каждый овердей. — Тогда я заподозрила, что остальные одиннадцать дней он только и

делал, что готовился к следующему заплыву. В ту пору я еще не знала, каких усилий стоило проводить такие события регулярно, чтобы видо-временные формы ариекайских сравнений не оказались нарушенными. Я подумала, что, может быть, поэтому Хозяева всегда немного скованны с нами: наверное, боятся, а вдруг сравнения забастуют.

Когда пришла моя очередь, я рассказала новым знакомым про ресторан и про то, что я ела, и все это было так неприятно — само происшествие, — что мне даже поверили. Некоторые не сводили с меня глаз; один или двое, как Валдик, старались на меня не смотреть.

— Добро пожаловать домой, — сказал кто-то тихо. Мне это ужасно не понравилось, и я перестала следить за своим языком, так что все сразу поняли, что мне это не по вкусу. А еще мне не понравилось то, что Хассер, когда пришла его очередь пересказывать те ужасы, которые для его воязыковления проделали с ним — его открыли и снова закрыли, — говорил выразительно, следя за ритмом и интонациями, так что подлинная история превратилась у него в рассказ.

Настоящее, 6

Гражданин, редко бывавший в Посольстве, мог и не заметить перемен: охранники стояли на местах; служители и их подмастерья сновали вокруг; на голографических и плоских экранах по-прежнему возникала информация. Однако беспокойство так и осталось разлитым в воздухе после той вечеринки, и те, кто знал, ощущали его.

Ни один корабль еще не провожали из Послограда с такими туманными напутствиями, как наших последних гостей. Разумеется, приличную случаю помпу постарались соблюсти. Так скоро после Прощального Бала, что не все успели привести себя в порядок, послы, служители и люди вроде меня проводили команду иммерлетчиков на лодке к кораблю, после чего временно затаившие дыхание послоградцы остались один на один со своей проблемой, чем бы она ни была. Хотя, вообще-то, они, точнее мы, ничем особенным не занимались. Позже я узнала, что среди служителей были те, кто настаивал на задержке корабля.

Я, Ависа Беннер Чо, иммерлетчица, когда-то действующая, а в ту пору бывшая любовница

посла КелВин (некоторые в Послограде, наверное, считали это ложью, но это было частью меня, а значит, правдой), советник служителей по внешним делам, добилась того, что меня пропустили в правительственные офисы, вход в которые преграждал нервный констебль. В общем-то, для этого потребовалось совсем немного. Капелька флокинга — полагаю, вы ошиблись, офицер, минутку, да, но именно поэтому я здесь, им нужна моя помощь — и я уже иду по коридору. Касательно моей истинной ценности для их обитателей у меня никаких сомнений не было. Но, раз уж я прошла через кордон, не стоять же в коридоре?

Внутри никто даже не притворялся спокойным. Повсюду толклись служители, шепотом препираясь друг с другом. Я искала ЭдГар или еще кого-нибудь, кто не откажется со мной говорить.

— Что ты тут делаешь? — спросила Аг или Нес из АгНес, пока ее двойник трясла головой. Они были гранд-дамами посольства и потому не обратили внимания на мои сбивчивые объяснения.

— Я бы на твоем месте ушла отсюда, девочка.

— Ты будешь только…

— …мешать. — Другие реагировали на меня с меньшим пренебрежением. РэнДолф улыбнулись мне и изобразили смертельную усталость, а

один визирь высокого ранга, с которым мы както вместе напились, даже подмигнул мне — но АгНес были правы, я всем мешала.

В чайной верхнего этажа, откуда открывался вид на крыши наших домов и их аналогов в городе, я обнаружила Симмона, из службы безопасности, и приперла его к стене. Исполнив обязательную программу на тему «я ничего не знаю, я все равно ничего не скажу», он заявил:

— Я не видел посла ЭзРа с той вечеринки. Где они, я не знаю. По расписанию они должны были участвовать в церемонии встречи-приветствия полчаса тому назад, но не пришли. И не они одни. Все планы пошли псу под хвост. Где эти чертовы Хозяева?

Хороший вопрос. Переговоры по главным пунктам — права на добычу ископаемых, наши фермы, технологический бартер, праздники Языка — проводились между Послоградом и Хозяевами довольно редко, но каждый день возникало множество мелких вопросов, требовавших урегулирования. В коридорах всегда можно было встретить одного-двух ариекаев, пришедших уточнить какие-то детали. В Посольстве даже были настланы специальные крепкие полы, которые не могли продырявить их острые, как

шпаги, ноги.

— Их тут нет, — сказал Симмон. Настоящей рукой он массировал странную плоть своего биопротеза. — Ни единого. Несколько поколений людей жизнь положили на то, чтобы прийти с ними к компромиссу о расписании встреч, и мы, черт возьми, ожидали, что кто-нибудь из них появится здесь сегодня утром, как обычно, и вот их нет. На звонки они не отвечают. И вообще никак не выходят на связь.

— Наверное, мы сильно их обидели, — сказала я.

— Похоже на то, — ответил он.

— Чем, как ты думаешь?

— Да кто, Фаротектон их возьми, это знает. Разве что ЭзРа. — На миг мы оба умолкли. — Ты знаешь, кто такие орати? — спросил он. — Или оратеи?

— Нет. А кто это? — Вряд ли так звали посла: странное имя, без призрачной границы посредине.

— Не знаю. Я слышал, как КелВин и ГенРи про них говорили, похоже, они знают, в чем дело. Я думал, может, ты тоже знаешь. Ты же всех знаешь. — Очень мило с его стороны, но у меня не хватило наглости поддержать его заблужде-

ние. — Знаешь, АгНес и еще пара послов во всем винят Уайата.

— В чем?

— Да во всем. В том, что случилось. Я слышал. «Это все он и его Бремен», говорили они. «Мы всегда знали, что они копают под нас. И вот, пожалуйста…» — И Симмон пошевелил своим протезом, изображая болтливый рот.

— Получается, они знают, в чем дело?

Он пожал плечами:

— Вряд ли. Хотя не обязательно понимать, что происходит, чтобы обвинять в этом других, — сказал он. — Но все-таки они правы. Это наверняка… уловка, конечно. ЭзРа… это какое-то оружие Бремена.

Что, если АгНес правы? Если так, и я потрачу последнюю оставшуюся у меня контактную карту, то это будет вроде как предательством по отношению к Послограду. Тут мне вспомнились КелВин и Скайл, и я отбросила все колебания. Я позвонила Уайату. Набирая номер, я старалась мыслить стратегически, просчитывала его профессиональные сильные места и слабости, придумывала, что сказать, чтобы получить доступ к внутренней информации, заставить его проболтаться. Однако все мои ухищрения ждал

смехотворный конец.

— Ависа, — заорал Уайат, едва установилась связь. — Слава богу, ты позвонила. Мне некого даже послать за тобой. Черт побери, Ависа, что происходит?

Оказалось, он еще меньше знал о том, что происходило, чем я. Разумеется, у него и его помощников были кабинеты в самом сердце посольства, но одни служители винили его во всем, другие просто не хотели ему ничего говорить, и те и другие полагали, что могут обойтись без него. И обходились, ни разу не нарушив закон, который ставил его, их бременского начальника, над ними.

Как и полагалось, служители прислали ему циркуляр с перечислением всех многочисленных встреч, назначенных на день. Уайат послал на каждую по одному из своих офицеров, а себе выбрал «Организацию безопасности», где обнаружил, что все эти мероприятия — не более чем дымовая завеса, срочно импровизированные пререкания между служителями среднего звена по вопросам вроде приобретения канцтоваров. Настоящие дебаты, разбор приснопамятной вечеринки, гипотезы относительно молчания Хозяев — все это уже имело место под пунктом «Разное»

в повестке заседания комитета общественных работ.

— Это, черт меня побери, возмутительно, Ависа! — сказал он. — Именно это нам следует прекратить, именно этому нас прислали положить конец. Они сговорились все скрывать от меня. А ведь я их начальник! Не говоря уже об их отношении к ЭзРа — это же их коллеги, а их подвергают остракизму. Позор.

— Уайат, подожди. Где ЭзРа?

— Ра у себя в комнате, или был там, когда я звонил ему. Где Эз, не знаю. Твои коллеги…

— Они не мои…

— Твои коллеги их просто вымораживают. Уверен, они бы арестовали их, если бы могли. Эз не отвечает, я не могу его найти… — От одной мысли о том, что посол могут жить в разных комнатах и заниматься разными делами в одно и то же время, у меня все еще кружилась голова.

— Они знают, что происходит?

— Ты думаешь, они мне скажут? — ответил он. — Не все здесь пытаются оставить меня не у дел, ты же понимаешь, только чертовы послы. Что бы они там ни замышляли…

— Успокойся, Уайат. Что бы ни происходило, ты же видишь, служители контролируют ситу-

ацию не больше тебя. — Он не мог не знать, что посольство не имело никаких вестей из города с той ночи. — Хозяева молчат. По-моему… — начала я осторожно, — по-моему, ЭзРа… или мы… нечаянно сделали что-то такое, что их обидело… сильно обидело…

— Ой какая чушь! — сказал Уайат. Я моргнула. — Слышали мы такие истории. Маленькая неловкость, капитан Кук нечаянно оскорбляет чертовых туземцев вырвавшимся словом или неправильным употреблением священных ножей и, бац, его уже поджаривают на гриле. Ависа, тебе не кажется, что мы сильно льстим себе, сочиняя подобные анекдоты? Мы делаем вид, будто бьем себя в грудь, меа кульпа, мол, не вникли в тонкости чужой культуры, а на самом деле рассказываем о тупоголовых туземцах, слишком бурно реагирующих на всякую ерунду. — Он засмеялся и покачал головой. — Ависа, да за прошедшие годы мы уже тысячи раз облажались не меньше вчерашнего. Сама подумай. Точно так же, как те, кто впервые встретился с нами на Терре. А ведь мы не психовали каждый раз до усрачки, правда? Ариекаи — и кеди, и шурази, и симар, и кто там еще, короче, все экзоты, с которыми мне когда-либо приходилось иметь дело, — все

прекрасно отличают намеренное оскорбление от простого недопонимания. Любая история про Ку и Лоно прикрывает лишь… воровство и пушечную пальбу. Поверь мне, — добавил он кисло. — Это моя работа. — И он сделал движение руками, как будто собирался обчистить чей-то карман. Именно тем, что он не стеснялся говорить такие вещи, он мне и нравился.

Интриги неизбежны, Ависа, — сказал он, склоняясь над экраном. — В работе вроде моей. Но ведь и я в хорошей форме, верно? — Это вырвалось у него внезапно и прозвучало почти жалобно. — Но такое… Ависа, всему есть предел. ХоаКин и МейБел и вся их компания — им надо напомнить, кого я здесь представляю.

Бремен был могучей державой, беспрерывно воевавшей с другими странами на Дагостине и в других мирах. А что, если враги пошлют сюда свои военные корабли? Чтобы ударить по Бремену через колонии? Что нам тогда делать, хвататься за винтовки, заряжать наши биологические пушки, целиться в небо? Нет, за такой небольшой простенький геноцид отплатит сам Бремен, если, конечно, там сочтут, что оно того стоит. Стычки в вакууме иногда-пространства, или ужасные странные огненные бои в иммере.

Такая угроза плюс изолированность Ариеки в открытом иммере — а также, хотя об этом не говорим, ее незначительность — гарантировали планету от нападений на этом уровне. Однако в военные расчеты Бремена входили и другие факторы.

Ариекаи не были пацифистами. Я слышала, что иногда у них случались непонятные междоусобицы и кровавая вражда; и, что бы ни говорил Уайат, в годы установления контактов между нашими двумя видами случались и вооруженные противостояния, и убийства, по разным мотивам. Но достигнутые между нами соглашения соблюдались неукоснительно, и на протяжении многих поколений никаких проблем не возникало. Поэтому даже самая мысль о том, что ариекаи, их город, могут обратиться против Послограда, казалась абсурдной. Но нас было всего несколько тысяч, а их — тысячи тысяч, и они были вооружены.

Уайат был больше, чем просто бюрократом. Он представлял Бремен, нашего официального протектора; и, как таковой, наверняка был вооружен. Его подчиненные были подозрительно атлетического сложения для простых офисных служащих. Все знали, что в Послограде существо-

вал закрытый склад оружия, к которому имел доступ только Уайат. Тайный бункер, поговаривали, содержал огнестрельное оружие совершенно иной мощности, чем наши жалкие ружьишки. Разумеется, все это лежало там для нашей же защиты, как нам объясняли. Ключи от тайника были закодированы в приращениях чиновников из Бремена. Со стороны Уайата было бестактно и слегка страшновато так неприкрыто заявлять мне, в некотором роде постороннему человеку и другу, тоже в некотором роде, о том, что его служащие — солдаты, а он — их старший офицер.

Он был терпелив, это правда. Он закрывал глаза на мелкое и не очень мелкое воровство из прилетавших миабов и на частичные растраты налоговых выплат, которые Бремен собирал раз в несколько лет. Он поощрял общение своих служащих со служителями и простолюдинами и даже изредка разрешал перекрестные браки. Работа у него была непростая, как у всякого крупного колониального чиновника. Поскольку связь с боссами могла осуществляться лишь оказионально, то от него постоянно требовались инициатива и гибкость. До Уайата его место не однажды занимали чиновницы и чиновники, чья привычка следовать букве закона каждый раз приводила

к плачевным результатам. И Уайат считал, что заслуживает уважения за свой супермягкий подход. Он считал, что послы не правы.

Уайат мне нравился, но он был наивен. При всех прочих равных он оставался человеком Бремена. А я понимала, что это значит, даже если он сам отказывался понимать.

Минувшее, 5

Хозяева иногда показывались в поле нашего зрения, одни или небольшими группами, в сопровождении зелле они двигались замедленной рысью по своим переулкам. С какими целями они приходили, кто знает? То ли из любопытства, то ли чтобы срезать путь. Иные заходили глубоко в область дыхания эоли, прямо на окраины Послограда, причем некоторые из них искали сравнения. Это были ариекаи-фанаты.

Раз в несколько дней двое-трое, а то и целый конклав ариекаев появлялись, изящно переступая тонкими хитиновыми ножками. Подрагивая веерами крыльев, принаряженные — в кушаках с бахромой из плавников и филигранных украшений, каждое из которых отзывалось на ветер определенным звуком, таким же броским, как яркий цвет, — ариекаи заходили в «Галстук».

— Наша публика нас требует, — сказал кто-то, когда я увидела такое явление впервые. Несмотря на заезженную остроту, было понятно, что сравнения очень ценят эту публику. В тот единственный раз, когда я убедила Эрсуль пойти со мной, чтобы собрать анекдоты и потом вместе

посмеяться над моими новыми товарищами, появление Хозяев полностью вывело ее из равновесия. Сколько я ни уговаривала ее шепотом не бояться ариекаев, она молчала, и лишь пару раз ни к селу ни к городу вставила несколько коротких вежливых фраз. Я и раньше бывала с ней в компании местных, но никогда еще эта компания не была такой неформальной, такой свободной от официальных процедур, принятых в Послограде, и подчинения неведомым желаниям Хозяев. Больше она со мной туда не ходила.

Владелец «Галстука» и его клиенты любезно не обращали внимания на Хозяев, пока те перешептывались между собой. Кораллы их глаз тянулись к нам, растопырив отростки, и осматривали нас, а мы смотрели на них. Официанты и посетители привычно скользили мимо них. Разглядывая нас, Хозяева негромко о чем-то переговаривались.

— Говорит, что ищет того, кто балансировал с металлом, — обычно переводил кто-нибудь. — Это ты, Бернхам. Встань, парень! Пусть тебя узнают.

— Говорят о твоей одежде, Саша.

— Вон тот говорит, что я полезнее тебя — он меня все время произносит.

— Я не это имел в виду, ты, нахал… — И так

далее. Иногда, когда меня обступали Хозяева, мне приходилось гнать внезапно нахлынувшие воспоминания о себе-девочке в том ресторане.

Частых визитеров было легко распознать по расположению глаз-кораллов, по пятнам на спинном крыле. В порыве озорства мы окрестили их согласно этим особенностям: Коренастый, Круассан, Пятерка. Похоже, что и они нас тоже легко различали.

Мы узнали, у кого какие сравнения были любимыми. Так, меня регулярно произносил один высокий Хозяин с ярким черно-красным спинным плавником, так похожим на юбку для фламенко, что мы прозвали его Испанской Танцовщицей.

— Он делает такую замечательную штуку, — сказал мне Хассер. Он знал, что я почти ничего не понимала. — Когда говорит о тебе. — Я видела, что он подыскивает слова, чтобы передать нюансы. — «Когда мы говорим о говорении, — говорит он, — большинство из нас как та девочка, которая съела то, что ей дали. Но с ней мы можем выбирать, что мы говорим». Он просто виртуоз. — Видя выражение моего лица, он пожал плечами и хотел оставить эту тему, но я заставила его объяснить.

В основном мое сравнение использовали, когда хотели сказать, что приходится обходиться тем, что есть. Испанская Танцовщица и его друзья каким-то странным риторическим вывертом, переносом ударения с одного слога на другой умудрялись передать мною потенциальную перемену. В этом был особый шик, от которого Хозяева приходили в экстаз. Я не знала, всегда ли они были так заворожены Языком или их одержимость стала результатом взаимодействия с послами и нами, странными безъЯзыкими существами.

Скайлу всегда хотелось в подробностях знать, как было дело, кто и что говорил, кто из Хозяев присутствовал.

— Так не честно, — говорила я ему. — Пойти туда со мной ты не соглашаешься, а потом злишься, если я не могу повторить всю эту скучную дребедень, которую там говорили.

— Мне там не обрадуются, ты это знаешь. — Это была правда. — А ты зачем ходишь, если там так скучно?

Это тоже был резонный вопрос. Восторг, с которым другие сравнения встречали каждый визит Хозяев, и глубина их бесед, точнее, ее отсутствие, когда Хозяев не было, каждый раз сильно меня раздражали. И все же меня не оставляло ощу-

щение, что именно там может случиться нечто очень важное.

Один Хозяин часто сопровождал Испанскую Танцовщицу. Он был коренастее прочих, с узловатыми ногами, с провисшим брюхом, свидетельствами приближающейся старости. По какой-то забытой мной причине мы звали его Улей.

— Я видела его раньше, — сказала Шанита. Он говорил беспрерывно, а мы слушали, но его речь казалась составленной из неоконченных предложений. Мы ничего не понимали. И тут я вспомнила, где видела его раньше: во время моего самого первого визита в город. Он участвовал тогда в Фестивале Лжецов. Это ему лучше всех удалось неправильно описать целевой объект. Он назвал не тот цвет.

— Это лжец, — сказала я. И щелкнула пальцами. — Я тоже его видела.

— Хм, — сказал Валдик. Вид у него был недоверчивый. — А что он говорит сейчас? — Улей ходил кругами, рассматривая нас, скреб своим дающим плавником воздух.

— «Вот так, вот так», — переводил Хассер. Он тряхнул головой, ничего, мол, не понимаю. — «Похожи, они, сходные, разные, не одинаковые, одинаковые».

«Галстук» был не единственным местом, где мы собирались, но чаще всего это происходило именно там. Время от времени мы назначали собрание в каком-нибудь ресторане недалеко от торговых кварталов или на открытых скамьях другого заведения вблизи канала, но такие выходы всегда планировались заранее, да и то скорее из чувства приличия и нежелания прослыть закоснелыми консерваторами. Однако именно «Галстук» был тем самым местом, где привыкли искать нас жаждавшие встречи Хозяева, а поскольку мы не меньше их жаждали быть найденными, то это место и стало главным для нас.

Сравнения считали себя чем-то вроде дискуссионного клуба, где инакомыслие было допустимо, но лишь до определенной степени. Один раз некий молодой человек пытался вовлечь нас в полемику, которая от пропаганды независимости перешла к прямому подстрекательству к мятежу и нападкам на служителей, так что мне пришлось вмешаться, чтобы его не побили.

Я отвела его в сторону.

— Уходи, — сказала я ему. Столпившиеся сравнения осыпали его колкостями, кричали ему, чтобы он вернулся и попробовал еще что-нибудь сказать против послов.

Он сказал:

— А я-то думал, что они радикалы. — Вид у него был до того потерянный, что мне даже захотелось обнять его, чтобы утешить.

— Эти-то? Ну, это смотря у кого спрашивать, — сказала я. — Да, с точки зрения Бремена они предатели. Но служителям они преданы больше, чем те сами.

Политика плебисцита в Послограде была абсурдом. Ведь никто, кроме послов, не мог говорить с Хозяевами! А что до завсегдатаев «Галстука», то, даже если не принимать во внимание неизбежный коллапс Послограда в случае исчезновения послов, кто еще, кроме них, стал бы произносить этих мужчин и женщин, так гордившихся своей ролью сравнений?

Настоящее, 7

Ариекаи игнорировали любые попытки войти с ними в контакт. В те часы изоляции я не раз подумывала позвонить КелВин или Скайлу и потребовать информации: из всех моих знакомых именно они должны были хоть что-нибудь знать. И останавливала меня не возникшая между нами вражда, а убежденность в том, что ни упреками, ни угрозами из них ничего не вытащишь.

В Послограде стояла весна, и холодная погода располагала к безделью. С верхних этажей посольства я наблюдала крыши хозяйского города, их зверокорабли и моргающие постройки. Что-то менялось. Цвет или его отсутствие, движение, паралич.

Корвид поднялся с взлетной площадки посольства, прочертил небо в направлении городского воздушного пространства, повертелся в нем, медля то тут то там в поисках места для посадки; ничего не нашел, вернулся. Бывшие на его борту послы наверняка посылали сообщения вниз, к домам-телам, над которыми они пролетали, но безрезультатно.

Наверное, многие послоградцы еще не знали,

что что-то пошло не так. Официальная пресса демонстрировала лояльность или непрофессионализм. Но на той вечеринке было много приглашенных, и слухи расползались.

Солнце по-прежнему всходило, в магазинах продавали товары, а люди ходили на работу. Катастрофа была медленной.

Я набрала номер, вытащенный Эрсуль из недавно и неаккуратно усовершенствованной сети, который, по ее словам, принадлежал Эзу. Он — или тот, кому на самом деле принадлежал этот номер, — не отвечал. Матерясь беспрерывно, но настолько тихо, насколько я могла себя заставить, я снова набрала комбинацию цифр, и снова без результата.

Позже я узнала, что в тот день послы, отчаявшись, пошли в город пешком. Пары отчаянных двойников приставали к встреченным на улицах Хозяевам, обращались к ним на Языке через передатчики шлемов-эоли и получали вежливые не-ответы, или непонимание, или бесполезные сообщения о катастрофе.

Кто-то подошел к моему дому. Я открыла дверь и увидела Ра, который стоял прямо у меня на пороге. Я молча смотрела на него несколько долгих секунд.

— Похоже, ты удивлена, — сказал он.

— Мягко говоря, — ответила я. И сделала шаг в сторону, давая ему дорогу. Ра то и дело вытаскивал телефон, как будто хотел его выключить, но так и не решился.

— Тебе должны позвонить? — спросила я.

— Только Уайат, — ответил он.

— Правда? И больше никто? А как же послы? Разве за тобой не следят?

— Как твои дела? — сказал он. — Я тут думал… — Мы уже давно сидели на стульях, лицом друг к другу. Время от времени Ра бросал взгляд через плечо, себе за спину. Но там не было ничего, кроме стены.

— А где Эз? — спросила я.

Он пожал плечами.

— Вышел.

— Разве вам не положено быть вместе? — Он снова пожал плечами. — В посольстве? Слушай, Ра, как тебе вообще удалось выйти? Я думала, они держат тебя взаперти. — Будь я начальником, я бы посадила ЭзРа в камеру и день и ночь не спускала с них глаз, чтобы привести ситуацию в норму или, по крайней мере, взять ее под контроль. Может, они пытались. Но если Ра говорил правду, значит, обоим новым послам удалось

смыться.

— Ну да, — сказал он. — Ты же знаешь. Охота пуще неволи. Я просто думал… Пришлось расколоться. — Я нехотя рассмеялась. Без истории тут наверняка не обошлось.

— Ладно, — сказала я, наконец. — Как тебе нравится наш городок?

Тут настала его очередь смеяться.

— Господи Иисусе, — сказал он. Как будто увидел что-то неожиданное и приятное.

Снаружи кричали чайки. Они кружили над крышами, то и дело устремляясь к морю, которое сверкало в нескольких километрах отсюда, но каждый раз их отбрасывали назад скульптурные ветра и дыхание эоли. Очень редко какой-нибудь одной чайке удавалось вырваться наружу, в настоящий воздух планеты, где она и умирала.

— Ты должна мне помочь, — сказал он. — Мне надо знать, что происходит.

— Ты что, шутишь? — сказала я. — Что мне, по-твоему, известно? Господи Иисусе, вот где комедия ошибок. Что я, бога ради, пытаюсь, по-твоему, выведать? Зачем ты пришел ко мне?

— Я говорил со всеми с той вечеринки, кого только смог найти…

— Не очень-то ты, наверное, старался, раз толь-

ко что добрался до меня…

— Я имею в виду, со всеми служителями и людьми из посольства. Самые большие шишки вообще со мной не разговаривали, а остальные… Один или двое отослали меня к тебе.

— Не знаю, с чего вдруг. Я думала, раз ты был в центре всего этого, то ты…

— Если кто-нибудь из начальства и знает, что происходит, то мне они не говорят. Нам не говорят. А те, другие, они просто… Они говорят, что ты знаешь нужных людей, Ависа. Знаешь послов. И они тебе все рассказывают.

Я покачала головой.

— Сплошное бахвальство, — вздохнула я. — А ты решил пойти кружным путем и разузнать что-нибудь через меня? Они говорят так только потому, что я иммерлетчица. И еще потому, что я спала с КелВин, недолго. Не месяцами. Здешними месяцами, не бременскими. Мой собственный чертов муж-иностранец знает больше меня, но он со мной не разговаривает. — Я уставилась на него. — И ты всерьез хочешь мне сказать, что понятия не имеешь о том, что происходит? Уайат знает, что ты здесь?

— Нет. Он помог мне ускользнуть, но… И Эз не знает. Их это не касается. — Он прикусил гу-

бу. — Ну, то есть официально, конечно, касается. Я хотел сказать… я просто хотел… — Помолчав, Ра посмотрел мне в глаза. Встал. — Слушай, — сказал он, внезапно успокаиваясь. — Я должен узнать, что происходит. Уайат меньше чем бесполезен. Эз пытается извлечь выгоду из своего положения. Посмотрим, куда это его заведет. А у тебя, я слышал, есть знакомые, которые могут быть в курсе. — В тот миг он перестал быть бесплатным приложением к Эзу, а стал офицером, чиновником колониальной державы.

— Расскажи мне, — сказал он, наконец. — Все, что ты знаешь. Все, что происходило в последнее время. Все, что ты слышала, подозревала, все.

Хозяева тогда уже вернулись. Два дня прошли в молчании, а на третий они появились в посольстве, целым отрядом тяжеловесов протопав по взлетно-посадочной площадке.

— Их было, по крайней мере, сорок, — сказал он. — Один Господь знает, как они все влезли в эту свою летающую посудину. Им нужен был я и Эз.

По его словам, ариекаи едва реагировали на вопросы и приветствия послов. Непрерывно твердя одно и то же, они непривычно грубо требовали, чтобы им дали поговорить с ЭзРа.

— Я к этому готовился, — сказал Ра. — Я изучал

их самих, учил их Язык. Ты видела ту первую группу, которой нас представили на празднике? Они вели себя ненормально, не так ли? Я сразу это понял. Эти были такие же, только еще хуже. Они были… взбудоражены. Несли какую-то чепуху. Я был уже там, но тут пришел Эз, и они нас узнали. Начали говорить: «Пожалуйста, добрый вечер, посол ЭзРа, пожалуйста, пожалуйста, да». Что-то в этом роде.

Кто-то из остальных — вроде твоих друзей КелВин — пытались преградить нам путь. Сказать нам «нет». Мы и так уже слишком много наговорили. — Он покачал головой. — А Хозяева все напирали и напирали. Нам некуда было отступать, а они были такие огромные. Такое чувство… в общем, мы просто… открыли рты и заговорили на Языке. Эз и я. Мы сказали им добрый вечер. Сказали, что это для нас честь. А когда мы…

Когда они заговорили, произошло то же, что в первый раз, только толпа была больше. Можно было найти телерепортаж или голограмму — там наверняка были осокамеры, — но Ра описал мне происшествие, и я все представила с его слов. Толпа Хозяев застыла; некоторые зашатались; может быть, даже попадали, давя друг друга панцирями. Шум, двойные вопли ариекайского горя,

превращаясь во что-то незнакомое, наполнили воздух. Неужели они упали в обморок? Их голоса взмывали вверх и стремительно падали, сложно перекликаясь с голосами ЭзРа.

— Мы пытались продолжать, — сказал Ра. — Старались не останавливаться. Но, в конце концов, Эз просто иссяк. Тогда и я тоже умолк. — Когда они кончили говорить, передний Хозяин выпустил отростки глаз и, изогнув их назад, к остальным, не оборачиваясь, бросил:

— Я же вам говорил.

Ковыляя, ариекаи забрались в обшитую деревянными панелями каюту, оставив бетон Послограда позади, и небо потемнело от птичьих стай. Озадаченные послы и служители остались стоять чуть не по стойке смирно.

Мы всегда думали об ариекаях в терминах античного мира — мы смотрели на наших Хозяев и видели в них насекомо-коне-коралло-рыбо-существ. Химер из нашего далекого прошлого. И вдруг они, эти самые химеры, мелодично загудели и погрузились в какие-то им одним понятные мечты.

— Они улетели. Послы пробовали их остановить, но что они могли сделать, под ноги им броситься, что ли? Они кричали, приглашали их

задержаться, поговорить. ЭдГар и ЛоГан надрывали глотки, ХоаКин и АгНес старались… быть более убедительными. Но Хозяева просто прошли мимо, и все. Мы с Эзом спросили, что нам теперь делать, но КелВин и АрнОльд ответили, что мы и так уже сделали достаточно. — Он схватился за голову. — А теперь даже МагДа не разговаривают с нами. Я уже несколько дней их не видел. Разве ты не хочешь узнать, что происходит?

— Конечно, — ответила я. — Не говори глупостей.

— Там столько кричали.

— Кто такие оратеи? — спросила я.

— Не знаю, — сказал он. — А что?

— КелВин и ГенРи упоминали о них, — сказала я. Непроверенная информация Симмона. — Я думаю, они могут оказаться теми, кого нам надо искать. Я думала, может, ты знаешь…

— Кого нам надо искать, оратеев, КелВин или ГенРи?

— Не знаю, — сказала я. — Да. — Я пожала плечами. Да, почему бы и нет?

— Я думал, ты сможешь помочь, — сказал он. — Люди очень верят в твои способности.

— Они говорили тебе, что я флокер? — спросила я. — Угораздило же меня обучить их этому гадско-

му словечку. Теперь они будут думать, что я могу все. Хотя ничего они на самом деле не думают: просто не упускают случая блеснуть термином «флокировать».

— Они разговаривают с экзотами, — сказал Ра. — Послам пришлось сообщить кеди и другим о том, что происходит. Должно быть, они еще надеялись удержать ситуацию под контролем, но… — Тут снова задребезжал дверной звонок. — Подожди, — начал он, но я уже встала и вышла из комнаты.

Открыв дверь, я увидела за ней констеблей и офицеров безопасности. Среди них были парни моложе меня, они казались смущенными.

— Мисс Беннер Чо? — спросил один из них. — Извините за беспокойство. Я полагаю, здесь, гм, Ра? — Он поперхнулся на отсутствии обращения.

— Ависа, где он?

Я узнала голос.

— МагДа? — спросила я. Их не было видно за спинами эскорта.

Посол протолкались вперед.

— Мы должны поговорить с ним.

— Срочно.

— Привет. — Это сказал Ра из-за моей спины. Я не обернулась.

— Ра. — Я думала, они будут в ярости, но Маг и Да, казалось, просто испытали облегчение при виде его. Расчувствовались. — Вот ты где.

— Ты должен вернуться.

— Вас необходимо взять под покровительственный арест, — сказал один офицер. Вообще-то, МагДа при этих словах разозлились, но не стали его перебивать. — Ради вашей безопасности. Пока ситуация не нормализуется. Пожалуйста, пройдемте.

Ра подтянулся. Офицер встретил его взгляд. В следующее мгновение Ра кивнул мне и позволил себя увести. Я кивнула ему в ответ. Он немного разочаровал меня.

Уводя его, они обошлись без наручников. Почтительно шагали чуть поодаль, как будто и в самом деле были теми, за кого себя выдавали, почетным караулом. Полагаю, что это была своего рода честь, но любой, кто хоть немного понимал в послоградской политике, не усомнился бы в том, что это арест. Я наблюдала, как он уходит, чтобы составить компанию Эзу, а может быть, и Уайату, в их безупречно прибранных комнатах — в этом я не сомневалась, — запертых и охраняемых снаружи.

Минувшее, 6

Религиозные установления Послограда точно копировали бременские. Официальной церкви в городе не существовало, но, как обычно во всех маленьких колониях, среди его основателей было изрядное количество людей верующих. Церковь Бога Фаротектона ближе всего подходила к нашему варианту титульной религии. Башни-маяки тут и там прорезали крыши Послограда, подвижные фонари на их верхушках вращали в ночном небе лучи света.

Существовали и другие молельные места: крошечные синагоги; храмы; мечети; церкви, каждая со своей регулярной паствой из нескольких десятков человек. В каждой конфессии была своя кучка ультраортодоксов, которые твердо стояли против любых безбожных нововведений и старательно соблюдали церковный календарь, основанный на тридцатисемичасовом бременском дне или, еще безумнее, на предполагаемой продолжительности суток и времен года на Терре.

Как и Хозяева, послоградские кеди не имели богов: по их верованиям, души предков и еще не рожденных детей вечно вели ревнивую

войну против живущих, хотя последние выглядели отнюдь не постными и не истомленными непрекращающейся битвой, как то заставляла предположить такая теология. Верующие встречались среди шурази, но там они числились в отступниках: основная масса считала себя атеистами, возможно, потому, что они никогда не умирали своей смертью, а только из-за несчастного случая, и очень редко рожали детей.

Послоградцы имели полную свободу неверия. Я не привыкла думать о зле.

Улья звали Сурль/Теш-Эчер, как мы узнали из его разговоров с другими Хозяевами. Я сказала об этом КелВин, искалечив его имя своим многоголосом, которым произнесла сначала одну, потом другую его половину.

— Вы не могли бы узнать, когда он будет выступать на Фестивале Лжецов в следующий раз? — сказала я. — Он мой верный фанат, и мне бы хотелось… отплатить ему той же монетой.

— Ты хочешь снова…

— …пойти на Фестиваль?

— Ага. Я и еще парочка сравнений. — Сначала это был просто каприз, продиктованное обычным любопытством желание понаблюдать за своим наблюдателем, но чем дольше я об этом

думала, тем больше мне этого хотелось. Когда я поделилась мыслью с Хассером и кое с кем еще, они тоже загорелись.

— Думаешь, мы тоже сможем пойти? Думаешь, тебе удастся еще раз провести нас туда? — Нас уже давненько не звали на праздники Языка, и хотя лишь я больше интересовалась ложью, чем своим собственным употреблением, остальные галстучники вряд ли ответили бы отказом на подобное приглашение.

КелВин и в самом деле занялись этим вопросом, хотя и без особого желания. Временами я удивлялась, почему они вообще мне потакают. Кто-нибудь из них вечно на меня дулся. Разница в их поведении была почти незаметна, но я привыкла к послам и легко ее чувствовала. И думала, что они по очереди то остывают ко мне, то снова теплеют, как в известной полицейской процедуре.

Тем временем в «Галстуке» разговоры Хозяев высвечивали разногласия между ними. У них были свои лагеря, каждый со своей теорией и тайной политикой. Одни как будто любили нас — хотя, конечно, это слово мало тут подходит — как разновидность зрелища. Другие сравнивали наши достоинства: их мы звали критиками. Человек,

который плавает с рыбами, прост, говорил один. Девочка, которая съела то, что ей дали, похожа на многое. Валдик посмеялся, но был не очень обрадован, услышав, что у него заезженный троп. Улей, которого я стала называть Сурль/Теш-Эчер, грубовато подражая его настоящему имени, был гуру другой группы. Чемпионом лжецов.

У него были свои постоянные спутники: Испанская Танцовщица; еще один, мы звали его Жердью; и другой, по прозвищу Длинный Джон — у него вместо копыта был биопротез. Отрывки, понятые нами из их слов, с трудом складывались во что-то осмысленное на всеанглийском: представьте себе людей, которые осматривают на выставке экспонат, время от времени бросая короткие фразы, вроде «Незавершенность», или «Потенциал», или «Содержание любопытное, но воплощение неуверенное», а иногда что-нибудь более длинное, но не менее туманное.

— «Птицы кружили, как девочка, которая съела то, что ей дали», — перевел Хассер. — «Птицы похожи на девочку, которая съела то, что ей дали, и на мужчину, который плавает с рыбами, и на расколотый камень…»

Другие ариекаи, не принадлежавшие к партии Сурль/Теш-Эчера, громко реагировали на их пу-

таные утверждения. Само присутствие Сурль/Теш-Эчера и его компаньонов вызывало у них волнение или восторг. Испанская Танцовщица, Сурль/Теш-Эчер и другие, напротив, совершенно не принимали критиков во внимание, насколько я могла судить. Группу Сурль/Теш-Эчера мы называли Профессорами.

Сурль/Теш-Эчер раздвигал пределы логики сравнений — птицы не походили на меня, съевшую ту еду, которую мне дали, и это видел любой ариекай.

— Они считают, что он проявляет неуважение, когда говорит, что они похожи, — сказал Хассер. Вид у него был несчастный. Птицы похожи на девочку, которая съела то, что ей дали, снова сказал один из Профессоров.

Произнося это, он заикался, жевал слова, запнулся и начал сначала.

Как-то в начале зимы я зашла в «Галстук» — надо же, все еще сюда таскаюсь, отметила я про себя ехидно, — грязный от размокших листьев и влажной пыли, принесенных посетителями с улиц Послограда. Кроме Валдика, никого из сравнений не было. Со мной он чувствовал себя скованно и даже говорил меньше, чем всегда. Я подумала, что, может, у него что-нибудь стряслось в другой,

настоящей жизни, о которой я ничего не знала и не хотела знать. Мы сидели и хмуро молчали.

Выпив кофе, я уже собралась уходить, как вдруг вместе вошли Шанита и Дариус. Она была молчаливым сравнением, и я подозревала, что она меня побаивается; он был искренен и наивен, не очень умен. Оба вполне мило поздоровались со мной.

— А зачем сюда приходил Скайл? — спросил Дариус, когда мы сели. Я отметила неподвижность и молчание Валдика.

— Скайл? — переспросила я.

— Он снова приходил сюда, недавно, — сказал Дариус. — Здесь был один Хозяин. Очень странно себя вел. Не Хозяин, твой муж. Ходил по залу и раскладывал мелкие… — Он написал слово пальцем в воздухе. — Мелкие гайки и болтики. Не хотел объяснить зачем.

— Снова? Он здесь уже бывал?

Оказалось, что он заходил сюда как-то поздно вечером, когда я уже ушла, зато остались трое Хозяев. Сам Дариус его не видел, но Хассер видел и рассказал ему. Скайл был странно одет тогда, во все одного цвета. Шанита, услышав эту историю, кивнула. Скайл, сказала она, пока Валдик молчал, раскладывал тогда те же самые предметы, что и в прошлый раз.

— Что он хочет этим сказать? — спросил Дариус.

— Не знаю, — ответила я. Я говорила очень осторожно.

Судя по неподвижности Валдика, я догадалась, что он, как и я, тоже догадался, что это могло означать. Совершая эти непонятные, но запоминающиеся действия, Скайл хотел привлечь к себе внимание. Хотел сделать себя пригодным для размышлений, наводящим на мысли. Стать сравнением.

«И что, черт его побери, он думает, это может значить? — подумала я, но тут же поправилась: — Какая разница».

Корвид опустил нас в глубине города, в потрясающий дом, комнаты которого походили на катакомбы, вырытые в коже, альковы, полные внутренних органов, пришитых к своим местам.

Зал наполняли сплетающиеся каденции Языка. Я еще ни разу не видела столько молоди, едва проснувшейся для третьего возраста и Языка. Они не отличались от родителей ни ростом, ни размером, но были детьми, это было видно и по цвету их животов, и по их привычке покачиваться из стороны в сторону. Они жадно наблюдали за тем, как лжецы пытались лгать.

Пределом возможностей конкурсантов в основном было молчание, их попытки сказать какую-нибудь неправду терпели поражение. Со мной были Валдик, Хассер и еще несколько человек, уж не знаю, как отобранные среди наших завсегдатаев. Нас сопровождали АрнОльд. Вообще они пришли туда выступать, и явно досадовали на то, что на них взвалили еще и обязанности чичероне. Хозяева называли их правильно: Арн/Ольд.

Скайл пошел со мной. Он беседовал, для пробы, с моими товарищами-сравнениями. Давненько он уже не наблюдал Язык в его собственном доме; моя затея была ради него: он знал это и из благодарности вел себя скромно. Та близость, которая еще сохранялась меж нами во время первого праздника, испарилась, и, наверное, мой подарок его удивил. Слухи о его попытках сделаться частью Языка до меня больше не доходили. Я не спрашивала его ни о чем.

Раньше выступали люди. Теперь говорил Хозяин, лжец-спортсмен, один из Профессоров, как я заметила.

До появления людей мы были… и он умолк. Один из его товарищей продолжил. До появления людей мы не так много говорили о некоторых

вещах. Аудитория всколыхнулась. За ним вступил другой. До появления людей мы не так много говорили…

Я уже видела достаточно, чтобы знать, как работал этот трюк, совместная псевдоложь: говорящий повторял предложение предыдущего, в конце переходя на едва различимый шепот. «О некоторых вещах» было сказано, но так тихо, что зрители не слышали. Шоу, трюкачество, развлечение для толпы, и толпа развлекалась вовсю.

АрнОльд напряглись и вместе сказали: Сурль/Теш-Эчер.

Улей. Он качался. Его дающее крыло ходило кругами, веерное было раскрыто. Он ступил на площадку для вранья.

У ариекаев было два главных вида лжи, то есть у тех из них, кто вообще мог лгать. Один заключался в том, чтобы говорить медленно. Они пытались скрыть ту часть предложения, которая содержала неправду — затея почти невозможная, ложь, даже невысказанная, замаскированная, действовала на их мозги как аллерген. Приготовившись умственно, не важно, с успехом или без, они притворялись перед самими собой, что забывают. И произносили ложь с определенной скоростью, подчиняя слова ритму, выговаривая

их по отдельности, через такие промежутки времени, чтобы каждое слово казалось независимым и значило только то, что оно значило; и в то же время достаточно быстро и ритмично для того, чтобы для слушателей они сложились в одно тягучее предложение, воспринимаемое, однако, как целостное и содержащее к тому же неправду. Все успешные лжецы, виденные мною до сих пор, лгали медленно.

Существовала и другая техника. Более грубая и запоминающаяся, а также более сложная. Говорящий должен был отказаться, даже в уме, от значений всех произносимых им слов и просто проговаривать все необходимые звуки. Усилием воли вырывать из себя утверждение. Это было скоростное вранье: говорящий выпаливал кучу звуков раньше, чем их общий смысл лишал его возможности их помыслить.

Сурль/Теш-Эчер открыл рты.

До появления людей, выдал он раздражительным стаккато, мы не говорили.

Настала долгая пауза. И вдруг толпа вздрогнула и заорала.

Вот когда я пожалела, что совсем не понимаю ариекайского языка жестов. Сурль/Теш-Эчер, наверное, торжествовал, а может, терпеливо

ждал или ничего не чувствовал. Он не шептал беззвучно правду в конце; не отстукивал, подобно метроному, слово за словом, рубя на куски заранее составленное предложение. То, что он сказал, было ложью чистой воды.

Аудитория бушевала. И я вместе с ней.

Просыпаясь в третьем возрасте, Хозяева уже в совершенстве владели Языком, его продуцирование было прямой функцией их сознания.

— Миллионы лет назад умение отличать правду от неправды давало, вероятно, некое адаптивное преимущество, — сказал мне Скайл, когда мы с ним в последний раз теоретизировали по поводу этой истории. — Естественный отбор отдавал предпочтение мозгам, которые не могли лгать.

— Эволюция, основанная на доверии, — начала было я.

— Доверие тут ни при чем, — перебил он. — Случай, борьба, неудача, выживание, дарвинистский хаос инстинктивной грамматики, преимущества животного с большим мозгом в жестокой окружающей среде, отбор по характеристикам создали расу исключительных правдолюбцев. — Этот Язык чудесен, — сказал тогда Скайл. Помню, мне даже противно стало. Поразительно, как ариекаям вообще удалось уцелеть, учитывая основные

функции Языка. Решив, что Скайл, наверное, тоже имел в виду именно это, я согласилась.

Будь эволюция моральна, они не слышали бы лжи, как две трети обезьян из известной притчи, но ее основа — красота и случай, и потому ложь не могли слышать только те, кто ее произносил, и касалось это лишь их собственных маленьких обманов. Без поддержки означаемых, неправды, сказанные на Языке, воспринимались как бессмысленный шум самими лжецами. Биология ленива: если рты говорят только правду, то зачем уху умение отличать истину от ее противоположности? Когда сказанное по определению есть то, что оно означает? И только благодаря этой бреши в своей адаптационной системе Хозяева понимали ложь, несмотря на то, или, наоборот, благодаря тому, что они не были способны ее говорить. И либо верили ей — способность к вере была дана им изначально без всякого смысла, — либо, в тех случаях, когда неправда была настолько очевидна, что этого нельзя было не заметить, воспринимали ее как головокружительную невозможность, как облеченную в слова мысль, которую нельзя помыслить.

Я знаю, что веду себя как маньяк: нечестно без конца намекать, будто ариекаев не интересовало

ничего, кроме Языка, однако я ничего не могу с собой поделать. История, которую я рассказываю, подлинная, но ведь я ее рассказываю, и это приводит к определенным последствиям. Итак: Хозяева любили многое, но Язык — больше всего.

Упрямый бунтарь Сурль/Теш-Эчер вытолкнул свою ложь в мир, выблевал сгусток фонем вопреки велению собственного мозга.

Публика бесновалась. Мы стали свидетелями редкого представления. Я была в восторге. Посол АрнОльд удивились. Хассер смутился. Валдик и Скайл были поражены.

Настоящее, 8

Кеди и шурази вели в посольство. Их видели маленькие камеры последних известий.

Служители среднего звена набрали тройки и четверки в общине кеди, а среди шурази нашли несколько мыслящих капитанов. Транспортные средства носились над нашими крышами, антеннами и балками наших строек, над белым дымом из наших труб. Один и тот же кадр то и дело мелькал в информационных сообщениях: молодой служитель прихлопывает камеру, через которую его видят зрители. Должно быть, он очень нервничал, если позволил себе такой непрофессионализм.

Последние известия, как голосовые, так и текстовые, были в замешательстве. Вероятно, большинство местных впервые почувствовали опасность, когда завербовали наших экзотов. Стручки, которые увозили их на консультации к послам, сопровождали тучи птиц, среди которых вились и камеры величиной с кулак.

Было видно, как за пределами Послограда расползается болезнь странных движений и непонятных углов.

Я звонила Эрсуль, РэнДолф, Симмону, но они не отвечали. Поколебавшись немного, я набрала Уайата, но и он тоже молчал.

В моей трубке еще остались телефоны Хассера, Валдика и некоторых других сравнений. Давно это было. Я решила позвонить кому-нибудь из них. «Какая теперь разница?» — подумала я, но так и не решилась.

Уверена, что не одну меня посетила такая мысль, но я решила подготовиться к тому, что ожидало нас впереди. Скопировала информацию, которую считала ценной, вещи подороже припрятала, самое необходимое сложила в перекидную сумку. Меня всегда удивляло, как иной раз мое тело само бралось за дело, без моего ведома. Я могла чувствовать себя так, словно вот-вот отдам концы, но мои руки и ноги продолжали делать все, что было нужно.

Ночь подкралась незаметно, дыхание эоли оставалось холодным. Помню, в тот миг решительных и опасных перемен кричали ночные птицы и бормотали местные звери. Было еще не так поздно, и движение на улицах продолжалось. Я совсем не устала. В съемках из Послограда, которые я смотрела, трудно было что-нибудь понять. По крайней мере, оборудование для передачи

новостей еще действовало. Голос человека-комментатора говорил:

— Мы не уверены в том, что… мы… видим сейчас в городе… э-э… какое-то движение…

Силуэты, которые снимали камеры, принадлежали ариекаям. Ариекаям на марше. На экране и в окне были видны корвиды, которые, как бешеные, летели в разные стороны. Я услышала звуки. Свесившись из окна, я увидела его источник. Хозяева покидали свой город и входили в Послоград.

Я бросилась в просвет между Послоградом и городом. По мере того, как люди просыпались от шума, в окнах тут и там загорался свет, но, хотя сонно моргавших граждан вокруг меня все прибывало, я не чувствовала себя частью какой-то общности. Я шла под светящимися сферами, которые слегка шипели, когда в них стукались насекомые. Проходя под арками, которые я знала всю жизнь, я принюхалась к редеющему воздуху и поняла, что до края города осталось рукой подать. Я была на Бекон-стрит, которая вела по склону холма вниз и прочь из наших владений.

Это был старинный район Послограда. Края карнизов украшали гипсовые грифоны. Неподалеку наша архитектура ослабевала, обвивавший

ее плющ сдавал позиции гирляндам из плоти и прочим ариекайским делам. Живые дома втискивались между рукотворными стенами, морща кирпич и штукатурку, как кожу.

Хозяева заполнили всю дорогу, соударяясь друг с другом на неритмичном марше. Хозяин, когда он один, не лишен грации, но en masse они напоминают медленно топочущее стадо. Я никогда еще не видела их так много. Я слышала, как трутся друг о друга их панцири, как цокают тысячи копыт. Рядом с ними спешно семенили зелле.

Когда они подошли вплотную, уличные фонари и свет от дисплеев придали им сходство с галлюцинацией. Растрепанные женщины и мужчины в пижамах заполнили тротуары, и ариекаи входили в Послоград мимо нас, точно мы собрались, чтобы приветствовать их, как на параде. Над нашими головами метались камеры, эти вездесущие соглядатаи.

Там были Хозяева всех разумных возрастов, от едва пришедших в сознание до тех, кто вот-вот должен был с ним расстаться. Сотни крыльев-вееров трепетали, и мне захотелось посмотреть на этот камуфляж содрогающихся цветов откуда-нибудь сверху. Они прошли, я двинулась за ними.

Многие из высыпавших на улицы терранцев

понимали Язык, но никто, разумеется, не говорил на нем. Некоторые не выдерживали и спрашивали на всеанглийском:

— Что вы делаете? Куда идете? — Мы следовали за ариекаями на север, преодолевая подъем, ведущий к посольству, шагая по дорогам и обочинам, развалинам и траве. Прибыли констебли. Они размахивали руками, как будто прося нас не задерживаться, проходить, точно жалели наши дряхлеющие стены. Они выкрикивали бессмысленные команды вроде «Двигайтесь там!» или «Поживее!».

Человеческие дети сбежались поглядеть. Я видела, как они играли в послов, на два голоса распевали всякую чепуху, а потом важно кивали, точно ариекаи им отвечали. Хозяева вели нас непрямым путем, и по дороге мы все больше обрастали зеваками, а кошки и измененные лисицы бросались пришельцам под ноги. Мы миновали руины.

Несколько послов — я видела РэнДолф, МагДа и ЭдГар — вышли из темноты в окружении констеблей и служителей. Они прокричали приветствия, но Хозяева не остановились и ничем не показали, что узнаютих.

Послы сказали: Урш/хессер! Стойте. Подождите.

Стойте.

Друзья, кричали они, скажите, чем мы можем вам помочь, зачем вы пришли? Пятясь, они двигались впереди толпы ариекаев, но их все так же не слышали. Кто-то зажег в церкви свет, как будто сегодня был Утудей, и над нами завертелся луч. Хозяева заговорили, закричали на два голоса каждый. Сначала это была какофония, смесь шума и слов, не похожая на речь, но потом звуки сложились в речитатив. Почти все слова были мне незнакомы, кроме одного.

— …Эз/Ра… Эз/Ра… Эз/Ра…

Ариекаи встали напротив черной каменной лестницы, ведущей в посольство. Я ходила среди них. Хозяева позволили мне войти в их толпу, двигались, давая мне дорогу, смотрели на меня глазами-кораллами. Их покрытые шипами жилистые конечности походили на лес, а твердые бока напоминали полированный пластик. Меня не было видно среди них, и я, никем не замеченная, наблюдала за паникой послов.

— Эз/Ра, — продолжали твердить хозяева.

Жители Послограда тоже повторяли за ними, как могли:

— ЭзРа… — Одно и то же слово, имя, произнесенное на двух языках, гремело, как хорал.

ХоаКин и МейБел спорили яростным шепотом. За спинами ЖасМин, и АрнОльд, и МагДа я увидела КелВин. Вид у них был такой, точно их поразила внезапная болезнь. Служители тоже пререкались, а констебли вокруг них были близки к панике, причем их карабины и гайстганы стояли на опасном боевом взводе.

Один Хозяин сделал шаг вперед.

— Да кора эсхин/у шахунди кес, — сказал он, «Я — Кора/Шахунди».

Один из тех, кто приходил приветствовать ЭзРа во время Бала Прибытия.

— Здравствуйте, — сказал Кора/Шахунди. — Мы пришли к Эз/Ра. Приведите Эз/Ра. — И дальше. ХоаКин пытался заговорить, и МейБел, но Хозяева не обращали внимания. К первому присоединились другие, с тем же требованием. Они медленно пошли вперед, и, глядя на то, как колышутся их твердые, словно раковины, ноги, нельзя было не ощутить, какие они большие.

— …у нас нет выбора! — услышала я слова Хоа или Кина, думая, что он говорит это МейБел, но, приглядевшись, с ужасом поняла, что он обращается к Кину или Хоа. Послы расступились, и из-за их спин, словно фокусник на арену, вышли Эз/Ра.

Эз выглядел встревоженным; лицо Ра остава-

лось безразличным, как пустая фишка домино. Пока коллеги расступались, давая им пройти, Эз бросал на них полные ненависти взгляды. С верхней ступени Эз/Ра оглядели собравшихся.

Ариекаи шире развели отростки своих ветвистых глаз, чтобы видеть обоих сразу.

— Эз/Ра.

Кора/Шахунди заговорил опять. Те из людей, кто хорошо понимали Язык, позаботились о том, чтобы его слова быстро распространились в толпе.

— Эз/Ра, — сказал он. — Говори.

Эз/Ра будет говорить с нами, или мы его заставим.

— Вы не можете так поступить, — крикнул кто-то из посольско-служительской верхушки, а кто-то другой ответил:

— Что нам еще остается? — ЭзРа смотрели друг на друга и перешептывались, готовя речь. Эз вздохнул; лицо Ра оставалось неподвижным.

Друзья, сказали они. Эз сказал «кьюриш», а Ра — «лоа»; «друзья». Раздался треск ариекайских панцирей и ног.

— Друзья, мы благодарны вам за этот визит, — сказали ЭзРа, и ариекаи заплясали на месте, пихая меня со всех сторон. — Друзья, мы благода-

рим вас за ваши приветствия, — сказали ЭзРа, и экстаз продолжался.

Ра продолжал бормотать что-то время от времени, но Эз умолк, и Язык распался. Хозяева гудели. Одни молотили дающими крыльями и обматывали ими себя, другие сплетались ими с соседями.

Кора/Шахунди крикнул «Говори», и Эз/Ра заговорили снова. Они повторяли любезности, ничего не значащие фразы, перебирали вежливые варианты приветствий.

Ариекаи сосредоточились, как будто спали или переваривали. Площадь обступили сотни послоградцев, сверху беззвучно порхали камеры.

— Ах вы, тупые, бестолковые ублюдки, — произнес кто-то на ступенях посольства, но на его слова обратили не больше внимания, чем на плющ. Все смотрели на Хозяев. Те выходили из своего странного оцепенения.

«Хорошо», — сказал один. Не Кора/Шахунди. «Хорошо». Он повернулся спиной. Кора/Шахунди тоже. Все ариекаи повернули назад, туда, откуда пришли.

— Подождите! Подождите! — Это были МагДа. — Фарос!

— Нам надо… — одна из них повернулась к Эзу и Ра: молчите. МагДа посовещались и закричали на

Языке. «Нам надо поговорить», — сказали они.

Из жалости, вежливости, любопытства или по какой-то еще причине Кора/Шахунди и остальные предводители этой толпы, если они ими были, вытянули свои глаза-кораллы, изогнули их назад и, не оборачиваясь, заглянули себе за спину. Я слышала, как кто-то сказал:

— Отставить, офицер. О, Господи, черт…

«Нам многое нужно обсудить, — говорили МагДа. — Пожалуйста, не уходите. Мы просим вас пройти внутрь».

Констебли и сотрудники спецслужб пробились сквозь толпу.

— Уходите. — Женщина-офицер стояла прямо передо мной. В руке у нее был кургузый пистолет. Она затараторила, сообщая мне те же глупости, что и остальным. — Пожалуйста, покиньте улицу. Мы пытаемся взять ситуацию под контроль. Пожалуйста.

Как и все, я медленно повиновалась приказу. Ариекаи шли в город едва ли не строем. Возвращаясь, они ковыляли каждый сам по себе, и за каждым тянулся шлейф уникального запаха и цепочка неповторимых отпечатков в грязи. Мальчик в форме констебля с тревожным лицом шепнул мне, чтобы я сматывалась поскорее, и я

слегка прибавила шаг. Послы пытались залучить пару замешкавшихся Хозяев в посольство. Но им это плохо удавалось.

Часть третья
Может, да, а может, нет

Минувшее, 7

После того праздника Скайл исчез. Он не отвечал на мои звонки, а если отвечал, то кратко, и обещал скоро вернуться. Где бы он от меня ни скрывался, я подозревала, что он ведет переговоры с неподходящими людьми. Я была с Валдиком и Шанитой в день после праздника, когда у Валдика вдруг зазвонил телефон; ответив, он тут же осекся и уставился на меня круглыми глазами. Я сразу поняла, что на линии Скайл.

Пару дней спустя мой муж вернулся в наши комнаты, и разразился давно назревший скандал. Как в большинстве подобных случаев, его подробности малоинтересны и не имеют отношения к делу. Скайл был хмур и зол, вставлял шпильки насчет того, как я проводила время, отпускал колкости настолько же поганенькие, насколько и похотливые, хотя мне, в общем-то, было все равно. В последнее время мне уже изрядно прискучили его склонность к гномическим сентенциям и дурной нрав.

— Кто, по-твоему, организовал эту поездку, Скайл? — заорала я. Он не отвечал и даже не смотрел на меня, а я не подбоченивалась и не

размахивала руками, а просто сложила их на груди и мерила его взглядом, как при нашей первой встрече. — Другой на твоем месте благодарил бы меня, а не дулся бы изо дня в день. С чего ты решил, что тебе позволено так себя вести? И где ты был, черт возьми?

Он бросил пару намеков, из которых следовало, что он проводил время с послами. Это остановило меня, хотя я уже приготовила ответный удар. «Что за черт? — помню, подумала я. — Кто это посещает важные встречи на высоком уровне в таком паршивом настроении?»

— Послушай, — сказал Скайл. Я видела, что он принял какое-то решение и теперь стремится унять нашу перепалку. — Послушай, пожалуйста, послушай меня. — Он размахивал какой-то бумажкой. — Я знаю, чего он добивается. Сурль/Теш-Эчер. Он учится сам и проповедует своим ученикам. Вот его слова. — О том, где он взял запись, он не упомянул. — Вы, сравнения… — продолжал он. — Хозяева не такие, как мы, ясно: немногие из нас пришли бы в восторг при встрече… ну, скажем, с адъективированным оборотом или пассивным причастием или чем-нибудь в этом роде. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они хотят видеть сравнения. Вы помогае-

те им думать. Любому, кто испытывает почтение к Языку, это понятно.

— Но кому нужна ложь? Гадам, вот кому. Ависа, слушай. Есть фанаты, а есть лжецы. И только Сурль/Теш-Эчер и его друзья — и то, и другое. — Он разгладил свою бумажку. — Ты готова выслушать меня? Или ты думаешь, что я все это время в шкафу просидел, берег здоровье? Вот что он говорит.

«До прихода людей мы мало говорили о некоторых вещах. До прихода людей мы мало говорили. До прихода людей мы не говорили». Он взглянул на меня. «Мы не ходили на крыльях. Мы не ходили. Мы не глотали землю. Мы не глотали». Скайл читал нервно, торопливо.

«Есть один терранец, который плавает с рыбами, один, который ходил без одежды, одна, которая съела то, что ей дали, один, кто ходит спиной вперед. Есть камень, который был расколот, а потом склеен цементом. Я спорю с собой, потом я примиряюсь, как тот камень, который был расколот и склеен. Я меняю свое мнение. Я похож на тот камень, который был разбит и склеен. Я не был не похож на тот камень, который был разбит и склеен».

«Я делаю то, что я делаю всегда. Я похож на того терранца, который плавает с рыбами. Я не непо-

хож на того терранца. Я очень на него похож».

«Я не вода. Я не вода. Я вода».

Я никогда еще не видела ни одной вполне вразумительной записи хозяйского разговора, но с этой все обстояло по-другому. В ней мне почудилось глубокое подсознательное родство. Несмотря на всю ее странность, она чуть-чуть, незначительно, но все же больше походила на всеанглийский, чем весь остальной Язык. В ней отсутствовала обычная, скрупулезно и педантично выраженная точность.

— Он не как другие конкурсанты, которые просто пытаются солгать, — сказал Скайл. — У него есть система. Он учит себя говорить неправду. Эти чудные фразы нужны ему для того, чтобы сказать сначала что-то правдивое, а потом перебить себя и солгать.

— Он не все это говорил, — сказала я.

— Он учится, — ответил Скайл. — Мы ведь всегда знали, что ты нужна Хозяевам, так? Ты и такие, как ты. Точно так же им нужен тот расколотый камень, или те две несчастные кошки, которых они зашили в мешок. Им нужны сравнения, чтобы выражать определенные значения, так? Чтобы думать их. Им надо сначала воплотить сравнения в мире, а уж потом они будут их

говорить.

— Да. Но… — Я посмотрела на бумагу. Перечитала то, что было на ней написано. Сурль/Теш-Эчер учил себя лгать.

«Я как тот камень, который был расколот», — повторил Скайл, — а потом идет «я не он». У него еще плохо получается, но он уже пытается перейти от «Я похож на камень» к «Я камень». Понимаешь? Та же компаративная терминология, но работает по-другому. Это уже не сравнение.

Он показал мне несколько старых книг, печатных и виртуальных: Леезенберг, Лакофф, у-зенХе, Рикер. Меня не удивили его странные вкусы, ведь именно они очаровали меня давным-давно. Но теперь и он, и его пристрастия вызывали у меня беспокойство.

— Сравнение, — продолжал он, — истинно постольку, поскольку мы так говорим. Мы убеждаем друг друга: это похоже на то. Ему этого больше недостаточно. Ему мало сравнений. — Он вытаращился на меня. — Он хочет превратить тебя в своего рода ложь. И все изменить.

— Сравнение расшифровывает тему: оно действенно, эксплицитно, оно творит истину. С ним тебе не нужен… логос, как говорили раньше. Суждение. Тебе не надо… соединять несоединимое.

Совсем иначе, если ты говоришь: «Это есть то». Когда оно совершенно не то. Так делаем мы. Мы называем это «разумом», эту подмену, метафору. Эту ложь. Мир становится ложью. Вот чего хочет Сурль/Теш-Эчер. Принести ложь. — Теперь он говорил очень спокойно. — Открыть дорогу злу.

— Меня беспокоит Скайл, — пожаловалась я Эрсуль.

— Ависа, — ответила она на мою попытку объяснить ей, чем именно. — Мне очень жаль, но я не совсем понимаю, о чем ты. — Она меня слушала: не подумайте, будто она просто взяла и сказала мне, чтобы я заткнулась. Эрсуль слушала, только не знаю что. Вряд ли я тогда выражалась ясно, я просто не могла.

— Я беспокоюсь о Скайле, — сказала я КелВин. Теперь я решила обратиться к ним. — Он слегка помешался на религии.

— Фаротектон? — спросил один из них.

— Нет. Не церковь. Но… — Я по крупицам собрала нарождающуюся теологию Скайла. Так называла ее я, хотя он твердо стоял на том, что его верования не имеют никакого отношения к богу. — Он хочет защитить ариекаев. От изменения Языка. — Я рассказала КелВин об искушении, о том, что, по мнению Скайла, затевалось. — Он

считает, что ставка очень велика, — закончила я.

Я все еще люблю этого человека и боюсь того, что с ним происходит, объясняла я. Вы можете мне помочь? Я не понимаю, почему он делает то, что делает, чего он боится, как ему вообще удается связать это со мной. Что-то в этом роде.

— Я поговорю с ним, — сказал один из КелВин. Тот, который молчал, посмотрел на своего двойника, вскинув брови, потом улыбнулся и снова перевел взгляд на меня.

Минувшее, 8

КелВин, как и обещали, занялись Скайлом. Исследования моего мужа были интенсивными и антиобщественными, заметки, которые он писал для себя, попадались мне повсюду, но разобрать в них ничего было нельзя, его файлы были разбросаны по всему нашему информпространству. По правде говоря, мне было страшновато. Я не знала, как реагировать на то, что проступило теперь в Скайле. Пыл, с которым он взялся за работу, не исчез, и, хотя он пытался маскировать его, — после того первого разговора он больше не делился со мной своими тревогами — я видела, что он лишь разгорается.

Больше всего меня смущало то, что он пытался это скрыть. Я спрашивала себя, не считает ли он свою тревогу касательно перемен в некоторых привычках Хозяев единственно правильной реакцией на них, а наше отсутствие таковой — разрушительным фактором? Не думает ли он, что все вокруг сумасшедшие и он должен прикидываться таким же? Я просмотрела все конспекты к его диссертации, дневники встреч, аннотации учебников, которые смогла найти, словно искала

код к шифру. Это помогло мне глубже вникнуть в его теории, хотя в основном они, конечно, оставались для меня отрывочными и путаными.

— Что вы думаете? — спрашивала я у КелВин. Их, казалось, смущала нехарактерная для меня нотка мольбы. Они ответили мне, что да, без сомнения, взгляд Скайла на вещи отличается от общепринятого, в том числе и интенсивностью. Но в целом беспокоиться не о чем. Бесценный совет.

К моему удивлению, Скайл начал посещать со мной «Галстук». Мне казалось, что вместе мы еще меньше подходим для тамошней компании, чем порознь. О том, что я знаю о его одиноких визитах туда, я молчала. У меня не было никаких доказательств того, что он по-прежнему пытается убедить Хозяев говорить его. Вместо этого он принялся искать подходы к сравнениям. Он вступал в дискуссии, намекал на некоторые свои теории, согласно которым сравнения были высшей точкой и пределом развития Языка. Коммуникацией, порождающей правду. Меня немного удивляло то, что его, чужака и несравнение, не принимали в штыки. Даже напротив. Валдик слушал его внимательно, другие тоже. Но Валдик был умный человек, и я за него боялась.

Не следует преувеличивать. Думаю, что Скайл оставался самим собой, только сосредоточенности на чем-то внутреннем и рассеянности в нем стало больше, чем всегда. Я считала, что быть вместе мы уже не можем, но хотела убедиться, что с ним все в порядке.

Во всем остальном то было неплохое для меня время. Город жил в перерыве между сменами. Только углубляясь в такие дни, Послоград полностью становился самим собой, ничего не ожидая и не празднуя. Такое состояние называлось у нас штилем. Разумеется, все понимали истинное значение этого слова, но, как это часто бывает со словами, для нас оно означало само себя и в то же время свою противоположность. Только в такие тихие, однообразные дни, отрезанные на нашей окраине от всего иммера, без контактов, между миабами, мы обращались к самим себе.

Фиесты и зрелища по свободным дням в конце каждого из наших длинных месяцев, ленты и музыка на кривых улочках. Танцы детей в голографических костюмах, радуга из наложенных друг на друга прозрачных световых покровов. Вечеринки. Иногда официальные; чаще нет; иногда костюмированные; изредка без одежды.

Штилевая культура была частью нашей эко-

номики. Каждое посещение извне приносило нам предметы роскоши и новые технологии, оживлявшие местный рынок и производство: преддверие визита неизменно сопровождалось ростом расходов и нововведений, люди тратились не только от радости, но и от сознания того, что скоро наши предметы потребления изменятся, а товары нового сезона станут дорогостоящей модой. Между визитами, в штиль, жизнь замирала, всего становилось не то чтобы мало, но в самый раз, и местные праздники не только отмечали ход времени, но и означали некоторое послабление режима экономии.

Как-то ночью я была в постели с КелВин. Один из них спал. Другой гладил меня по боку, шепотом поддерживая разговор. Редкий случай, быть только с одним из двоих. Меня так и подмывало спросить, как его имя. Кажется, теперь я его знаю. Я водила пальцем по его шее сзади, трогала обруч, аккуратно вставленный в изгиб пониже затылка. Я взглянула на его двойника, на спящую половину посла.

— Так стоит ли мне волноваться за Скайла? — спросила я. Спящий пошевелился, и мы на мгновение застыли.

— Не думаю, — прошептал мой компаньон. —

Он что-то учуял, ты знаешь.

Я не поняла.

— Меня беспокоит не то, что он ошибается, — сказала я. — Меня беспокоит, что он… что…

— Но он не ошибается. Или, по крайней мере, — он что-то нащупал.

Я села.

— Ты хочешь сказать?… — Я встала и заходила туда-сюда, а спавший близнец проснулся и снисходительно поглядел на меня. Кел и Вин шепотом посовещались, и, похоже, решение далось им с трудом.

— Что ты хочешь сказать? — повторила я.

— В его словах есть некий элемент убедительности. — Теперь говорил недавно проснувшийся близнец.

— Неужели ты хочешь мне сказать…

— Нет. Я ничего не собираюсь тебе говорить. — Его голос был бесстрастен. Другой близнец посмотрел на него, потом на меня, сконфузился. — Ты просила нас приглядеть за ним, и мы приглядываем, и приглядывали. А заодно изучаем кое-что из того, о чем он говорит. При всей своей эксцентричности Скайл не дурак, и нет никаких сомнений в том, что этот Хозяин… — Он посмотрел на своего близнеца, и вместе они

сказали: — Сурль/Теш-Эчер. — Половина КелВин, которая говорила до этого, продолжила: — …определенно следует очень странной стратегии.

Голая, я стояла у края кровати и смотрела на них: один лежал на спине, глядя на меня, второй сидел, подтянув колени к груди.

Признаю свое поражение. Я пыталась придать этим событиям некую структуру. Я просто не знаю, как это произошло. Может, причина в том, что я была недостаточно внимательна, или в том, что это случилось на самом деле, но почему-то мой рассказ не хочет становиться таким, каким я хочу его написать.

На улицах Послограда собирались толпы. Их центром, похоже, был Валдик. Теперь Валдик излагал теории моего мужа. Скайл даже в одержимости оставался человеком проницательным.

— Валдик Друман теперь в центре всего? — переспросил КелВин. — Валдик? В самом деле?

— Знаю, звучит неправдоподобно… — сказала я.

— Что же, он взрослый человек, и сам сделал свой выбор.

— Все не так просто. — Я понимала, что КелВин правы и не правы.

Большинство послоградцев ни о каких таких дебатах знать не знали и думать не думали. Остальные в массе своей сочли бы их несущественными, успокоив себя тем — а это и правда успокаивало, — что Хозяева не лгут, что бы там ни плела кучка взбалмошных сравнений. Для тех, кто знал о праздниках лжецов, пара-тройка Хозяев, исполненных решимости раздвинуть возможности Языка, была слишком туманным явлением, чтобы представлять собой проблему, особенно моральную. А значит, доля граждан Послограда, верящих в такую чушь, была смехотворно мала. Однако она все время увеличивалась.

Валдик разглагольствовал в «Галстуке» о природе сравнений и роли Языка. Говорил он путано, но трогательно и страстно.

— Нигде больше нет ничего похожего, — говорил Валдик. — Во всей вселенной нет другого такого языка. В котором каждое слово правда. Только представьте, что это значит — потерять такую редкость?

— Ты нечестен с Валдиком, — сказала я Скайлу в один из его редких визитов в бывший наш дом.

— Черт, он уже не ребенок, Ависа, — ответил он. Он собирал одежду и бумаги. И даже не взглянул на меня, роясь в шкафах. — Он сам знает, что

ему нужно.

Когда я шла мимо руин, мне в руки сунули листовку из дешевой нанотехнической бумаги, над которой, едва я ее развернула, вскочила голограмма. Я вздрогнула: на моей ладони стояла голова Валдика с яблоко величиной.

ДРУМАН, — гласила она, — В БОРЬБЕ ПРОТИВ ЛЖИ. Время и место, не в «Галстуке», а в каком-то маленьком зале. После этого я еще не раз замечала объявления об этой и подобных встречах на рекламных экранах, где они появлялись закодированными или в виде хакерских надоедливых голограмм. Я сходила туда. Думала, что встречу Скайла, но его не было. Я стояла в заднем ряду.

Валдик надел проектор, и голограммы с его изображением беспорядочно замелькали по всему помещению, как атмосферные помехи. В передних рядах я увидела Шаниту, Дариуса, Хассера и другие сравнения и тропы. Валдик проповедовал. Оратор он был неважный. Понятия не имею, как, при его посредственности, он ухитрился собрать столько сторонников — наверное, из-за штиля. Религиозные глупости так и сыпались из него — «два голоса, но одна истина, ибо что есть истина, как не двойственность, раздвоенность, существующая не как конфликт, но

как две формы одной правды» и так далее.

Зал не был заполнен и на четверть. Пришли снисходительные друзья, любопытствующие, изгои других культов. Ассамблея безнадежных и скучающих. Когда я пришла домой, Скайл общался с кем-то в сети. При виде меня он фальшиво улыбнулся, а потом повернулся так, чтобы я не могла видеть движения его рта. Я подумала: что, если снять Валдика с должности, на которую он сам себя назначил, и тем самым лишить Скайла его орудия — в этом я была убеждена, — не излечится ли он от своей мании?

— Что мы можем поделать? — сказали КелВин. — В этих собраниях нет ничего противозаконного.

— Вы можете поделать все, что захотите.

— Ну…

— Мы могли бы задержать Друмана в административных целях…

— …но неужели тебе и в самом деле это нужно?

— Да! — сказала я, хотя, разумеется, ничего подобного мне не было нужно, да и они не стали бы этого делать.

— Слушай, — сказали они. — Успокойся.

— Мы приглядим за Скайлом.

— Мы проследим, чтобы с ним ничего не случилось. — Это они исполнили, хотя совсем не так, как я предполагала.

Минувшее, 9

Кто-то запустил программу-вирус в бродячих автомов Послограда и заразил их манией Валдика. Они стали проповедниками его новой церкви. Их красноречие зависело от изощренности их процессоров: большинство просто впадали в экстаз, но у некоторых неожиданно открылся дар теологов. Как и прежде, они бродили по улицам, но теперь они подходили к людям и заклинали их защитить от грехопадения язык, двуустый Язык истины, которому нам, бедным грешникам (дешевая риторика), осужденным вечно барахтаться во лжи, дано хотя бы служить, и так далее в том же духе.

Автомов запрограммировали и отпустили, и они делали свое дело, однако инфекция оказалась липучей, и, пока бродячие проповедники неделями пытались обращать нас в свою веру, их программы деградировали, и постепенно вместо заложенного в них катехизиса стали все чаще выдавать протестантские, даже сектантские лозунги. «Мы — слуги ангелов, — заявила мне одна машина, пошатываясь, как попрошайка. — Мы — слуги говорящих ангелов, божественного языка».

Вирус закрылся, когда порожденные им теории слишком далеко отошли от своего первоисточника — ортодоксального друманианства.

Я спросила Эрсуль, не затронула ли ее эта болезнь, не почувствовала ли она щекотки вирусов. Но она считала других автомов слабоумными, и сказала, что да, кое-что она ощущала, но это для нее не опасно. Разумеется, подозрение пало на Валдика и его радикально настроенные сравнения, однако доказать, что именно они запрограммировали машины, не удалось, и, инцидент, хотя и неприятный, был исчерпан.

Не знай я, что Скайл — никудышний программист, я бы подумала, что это его рук дело.

Теперь я ходила в «Галстук» исключительно в целях социальной диагностики. Многие из бывших завсегдатаев перестали там появляться: пророческие заявления Валдика оттолкнули их, и они основали свой салон сравнений-отказников. Их место заняли другие. Я ходила слушать Валдика, повинуясь тому, что сама называла порнографией обреченного начинания, и, может быть, надеясь услышать что-нибудь такое, что позволит властям вмешаться. Он воспевал послов (в его терминологии, иерофантов-посредников); выражал благодарность за то, что он сравнение,

правда, часть языка во плоти.

Сурль/Теш-Эчер с Испанской Танцовщицей и другими были на последнем собрании Валдика, куда ходила и я. Последователей у него стало больше, и я решила, что, наверное, его техника совершенствуется и он лжет все лучше и лучше. Они смотрели друг на друга. Валдик злился. Чувствовал ли Хозяин его враждебность, мне было непонятно. Пришел Хассер — единственный, кто сохранил друзей в обоих лагерях расколовшихся сравнений. Он узнал меня, его лицо выразило чувство, для которого у меня нет названия; оно напоминало мне мое собственное. Неловкость, вот самое точное определение, которое я могу подобрать.

— Тебя это не волнует? — спросила я у Эрсуль.

— Я же тебе говорила, — сказала она. — У меня иммунитет.

— Нет, я не об этом… я о твоем мнении. Ты когда-нибудь об этом думаешь? Я имею в виду, то, что некоторые Хозяева учатся говорить… в обход правды, тебя это как-нибудь волнует? — Она ничего не ответила, поэтому я добавила: — Учатся лгать.

Мы сидели в баре на одной из торговых улиц Послограда. Эрсуль, довольно известная в опре-

деленных кругах, привлекала взгляды слегка забогатевших юнцов. Наша тихая беседа проходила под музыку и звон бокалов. Эрсуль не отвечала.

— Что-то меняется. Может, к добру, а может, и нет, — сказала, наконец, я.

Она обратила ко мне свою проекцию лица, которое, случайно или в соответствии с запрограммированной в нее неоднозначностью реакции на возбудители, хранило непроницаемое выражение. Она молчала. От этого таинственного молчания мне стало не по себе, и я завела речь о чем-то другом, на что она отвечала как всегда, со всей утрированной доверительностью нашей дружбы.

Для меня никогда не имело особого значения то, что я сравнение: проповеди Валдика были мне безразличны. Все дело в Скайле, говорила я себе: но нет, хотя я переживала за него, это было не все. Но в чем еще тут было дело, я так и не поняла.

— Так что вы предпринимаете? — спросила я у КелВин. Как я понимала, теперь встревожились даже послы. У новой философии вряд ли могло быть больше трех-четырех десятков серьезных последователей, но любое проявление страсти пугало послоградцев. Хозяева наверняка что-то

учуяли: в пределах эолийского дыхания наших кварталов мне попадалось больше ариекаев, чем когда бы то ни было.

— Мы ведем переговоры с Хозяевами, — сказали КелВин. — Мы думаем устроить…

— …праздник.

— Здесь, в Послограде.

— Чтобы подчеркнуть, что здесь они у себя дома, в некотором смысле.

— Понятно, — медленно сказала я. Сроду не слышала ни об одном ариекайском празднике в Послограде. — Но разве он не должен… Что вы думаете делать с Валдиком?

Один из КелВин глядел прямо на меня, другой отводил взгляд. Я злилась, но не знала на кого. Скайл скрывался где-то в компании радикальных сравнений или служителей и даже не отвечал на мои сигналы, и это никого, похоже, не волновало. А я металась между кликами и секретами. И не могла понять, то ли я такая проницательная, то ли сумасшедшая.

— Это все штиль, Авви, — сказала мне позже Эрсуль. — Вот что происходит. Ты так говоришь, как будто настал конец света. Думаю… — Она сделала паузу. — Ты расстроена из-за Скайла. Ты его любишь, а он от тебя сбежал. — Она запну-

лась точно так, как это сделал бы задумавшийся человек.

Представители ариекаев прибывали в летательных аппаратах, чтобы планировать этот гибридный фестиваль. Я часто бывала в посольстве, флокировала, и там познакомилась со всеми. У одного высокого крепкого ариекая на веерном плавнике было пятно, напоминавшую птицу в кроне дерева, и я назвала его Грушей.

— Это как раз то, что нам нужно, — сказали КелВин. — Мы слишком напряжены.

— Устроим парад, ярмарку и игры для терранцев…

— …и праздник лжи для Хозяев.

— А как же Валдик? — снова спросила я. — И Скайл?

— Валдик ничтожество.

— Скайла мы не видели уже пару недель.

— Так где же он?

— Не волнуйся.

— Все будет в порядке.

— Честно говоря, этот праздник должен решить сразу все проблемы.

На мой взгляд, это было абсурдно. Но со мной никто не соглашался. Никогда в жизни я не чувствовала себя такой одинокой.

Праздник должен был состояться на площади вблизи южной границы Послограда. Его уже обозвали Праздником Вольности: имелась в виду вольность как свобода и как неправда. При чем тут была свобода, я так и не поняла. Но рекламы, пропагандирующие и объясняющие это идиотское название, были уже запущены.

Валдик жил на востоке Послограда. Его дверь выходила на веранду, откуда открывался вид на тихий канал и сад, полный цветов, птиц — настоящих и измененных — и всякой местной живности.

— Ависа, — сказал он медленно, открыв мне дверь. Если он удивился, то хорошо это скрыл.

— Валдик, — сказала я. — Ты можешь мне помочь? Мне надо найти Скайла.

Его облегчение было очевидным.

— У тебя все в порядке? — сказал он.

— Да, — сказала я. — Нет. Я просто… давно его не видела… — Мои колебания были неподдельными, хотя на самом деле я пришла к нему вовсе не из-за Скайла, а для того, чтобы оценить самого Валдика и его теологию. Он провел меня внутрь, и я увидела все признаки его новой веры. Повсюду валялись бумаги, была разбросана всякая белиберда, ощущался неуместный сектантский

аскетизм.

— Я тоже, — сказал он. — Мне жаль. Я не знаю. Думаю, он все еще с КелВин и другими.

— Они уже несколько недель его не видели, — ответила я.

— Да нет, они были с ним пару дней назад. — Я не знала, что сказать. — Он был в «Галстуке», а они зашли за ним, — добавил Валдик.

— Когда? — спросила я. — Кто?

— КелВин и кое-кто из служащих.

— КелВин? — переспросила я. — Ты уверен?

— Да. — Валдик сказал это не как пророк. Пришлось уходить: в тот момент я была не в силах сосредоточиться на его верованиях.

Когда, наконец, КелВин снова сказали мне, что у них есть время встретиться, я постаралась, чтобы им было со мной хорошо. Мы вместе поели. Они только и говорили, что о Праздники Вольности. День, ночь и еще половина дня. Из санитарно-бытовой комнаты КелВин вернулись, уравнявшись. Проявившиеся различия были скопированы или исчезли. Я ничего не сказала.

Я наблюдала, как они спят, как на их коже проступают складки от белья, отмечала бессознательные движения их рук. Я подкарауливала, когда один из них наполовину проснется. Тогда я

попытаюсь лаской выудить у него что-нибудь: и сверю с тем, что сказал Кел или Вин. Странно было замышлять то, что никогда раньше не могло даже прийти мне в голову.

Наконец я решила, что тот, который слева, шептал мое имя со знакомой нежностью, улыбался по-настоящему тепло. Очень трудно было судить по этим ночным моментам. Но я все же решила, что тот, который слева, Кел или Вин, любил меня больше, чем другой. Приложив пальцы к его губам, я разбудила его без звука. Он открыл глаза.

— Кел, — прошептала я. — Или Вин. Скажи мне. Я знаю, он не скажет. — Я показала на спящего другого. — Я знаю, что вы видели Скайла. Знаю. Где он? Что происходит?

Я поняла, что ошиблась. Поняла, как только отняла пальцы от его губ.

— Ты, — сказал он тихо, но так отчетливо, что я сразу услышала ярость. Чтобы я стала выведывать их секреты, да еще таким еретическим способом. Выражение неуместной доверительности застыло на моем лице. — Как ты посмела…

Я выругалась. Он сел. Его двойник пошевелился.

— Ты чертовски нахальна, Ависа, — сказал тот, кого я разбудила. — Как ты смеешь. Ты прихо-

дишь сюда, ты ведешь себя с нами так… чтобы… ради этого?…

Рядом с нами садился только что проснувшийся близнец. Я поглядела на него, и мне стало стыдно. Как же я могла так обознаться? Ведь вот же оно, то, что я, как мне казалось, нашла в его брате.

— Ты думала, что он — это я?… — сказал он. Я видела его боль и другие чувства.

— Как ты могла? — сказал он.

— …поступить так? — добавил его двойник.

Тот, который злился, встал, сбросив простыни на пол.

— Уходи, — сказал он. — Убирайся. Тебе чертовски… повезло, что мы не предадим этот случай огласке.

— Не могу поверить, что ты это сделала, — тихо повторил другой.

— Все кончено, — сказал тот, который встал, Кел или Вин, а его двойник, человек, которого я должна была разбудить, посмотрел на него, потом на меня, покачал головой, отвернулся. Я вышла из комнаты, где только что своими руками разрушила свой план.

Идя домой темной ночью, я всю дорогу ругала себя. Навстречу мне попались туристы-ариекаи, которые перешептывались на Языке, оглядывая,

точно кураторы, наши освещенные лампами жилища.

Минувшее, 10

На разных ярмарках и других событиях в Послограде меня просили рассказать об иммере. Я показывала голографические и другие изображения из тех времен, которые я провела снаружи, якобы для детей, хотя в аудитории всегда хватало и взрослых. В иммере и раньше, и сейчас полно предателей и беженцев. Они появляются, где могут, и творят все, что может сойти им с рук. Про них и были мои истории. В свое время я возила что угодно куда угодно: драгоценности; страдающий болезнью полетов скот; контейнеры с органическими отходами на планету-помойку, где есть всего одно государство, управляемое пиратами. Но лучшее я всегда приберегала на самый конец, когда включала слайд-шоу фароса, который отмечает границу познанного всегда: здесь, у самой Ариеки. Я показывала его сквозь разные фильтры, и, наконец, ставила стилевой фильтр, который превращал его в маяк, свет во мгле.

— Видите? Вот это он. Он прямо здесь. За нами зона, не нанесенная на карты. Мы живем у края света. — Меня всегда изумляло, как людям не

надоест испытывать одно и то же возбуждение и страх. Но на этот раз, для Праздника Вольностей, мое присутствие не потребовалось.

— Что произошло между тобой и КелВин? — спросила меня Эрсуль. Я не сказала ни ей, ни остальным.

Микроклиматы над городом и Послоградом устанавливались в соответствии с каким-то сложным алгоритмом, который я так и не удосужилась расшифровать. Меня всегда очаровывали планеты, зависимые от наклона своей оси, где времена года были более или менее предсказуемы. В Послограде я, конечно, всегда обращала внимание на то, какая стоит погода, но никогда ничего от нее не ждала.

Теплело. По всей видимости, приходила пора лета.

Я пошла на Праздник Вольностей одна. Поняв, что Эрсуль ждет от меня приглашения, я вынуждена была ей отказать. По ее молчанию я поняла, что обидела ее или вызвала сбой стандартной подпрограммы ее тюрингского софта, отчего и возникло такое впечатление. Но я не могла быть там с кем-то. Я не собиралась ее наказывать — Эрсуль уже не раз приходилось обиженно молчать за последнее время, — но мне необходимо было

быть одной в тот миг, когда что-то произойдет. А в том, что оно произойдет, я не сомневалась так же, как не сомневалась тогда, что это будет последняя глава.

На празднике были комнаты для игр, залы для еды, массажные салоны, места для секса; были зоны, оборудованные специально для Хозяев. Они стекались туда толпами, получив информацию по своим сетям, работавшим наподобие городских глашатаев, которые мы помогли автоматизировать. Я еще никогда не видела в Послограде столько Хозяев.

На улицах было полно предсказателей будущего и актеров. Голографические карикатуры на прохожих вспыхивали и тут же исчезали. Мы прошли через зону безопасности: сначала сквозь терратехнические металлодетекторы и энергетические потоки, потом через биологический просцениум, который принюхивался, пока мы шли, не выдаст ли нас запах составляющих оружия. В толпе мелькали констебли.

К ночи люди и кеди еще больше напились или обкурились. Дети носились с поручениями как сумасшедшие. Внутрь забрели автомы. Я видела стручок взрослых шурази и одинокого паннегетча, бросающего кости. Хозяева наблюдали за

нашей игрой в деньги. Они смотрели, не отрываясь, как туристы, вслушивались в песенки, которыми сопровождалась игра, приятно возбужденные их мелодиями. Скайла нигде не было.

По-моему, ариекаи никогда не понимали нашего пристрастия к симметрии и всякого рода точкам отсчета, вроде солнцестояния или полдня. Но Праздник Вольностей был затеян не только для них, но и для нас, и потому в полночь начался Фестиваль Лжецов.

Палатка была размером с собор: местами биологическая кожа еще выросла, и дыры замаскировали пластиком или декоративной вуалью. Вокруг арены устроили сидячие места для терранцев, как в театре, а за ними стоячие, для Хозяев и экзотов. Я увидела знакомых людей. Они громко окликали меня по имени. Я увидела Хассера, он поднял руку. Вид у него был испуганный. Он исчез раньше, чем я до него добралась. В пространстве для представления стояла большая группа послов. Там были КелВин и ШарЛотт, ХоаКин и МагДа, и ЖасМин, и другие, все они переговаривались со служителями. Возле них стояли ариекаи, одного-двух я узнала. Грушевое Дерево и других, которых, вероятно, можно было назвать предводителями. За ними ждали участ-

ники, Хозяева и ариекаи.

Сурль/Теш-Эчер тоже был там, с Испанской Танцовщицей и другими из своего окружения. Его было нетрудно узнать.

Когда погас свет и зажглись цветные огни, по рядам терранцев прокатился вздох и шепот восхищения. Посол ШарЛотт, громким, усиленным голосом говоря на Языке, шагнули в центр зрителей. Какой-то переводчик театрально закричал нам, местным:

— «Здесь идет дождь!» — говорит посол! «Здесь на нас льется жидкость!»

Впечатление было такое, как будто и нас, послоградцев, хотели завести этими фальшивками заодно с Хозяевами, и мне это показалось глупым. Однако восхищенный ропот ариекаев, задиравших головы в поисках несуществующего дождя, перекрывали вопли моих терранских соседей, приветствовавших каждую новую неправду посла. Можно было подумать, будто и они не умели лгать.

Я добралась до первых рядов, как раз когда ШарЛотт закончили свое выступление. Вступили другие послы. Я поняла, что они разогревают зрителей. Нас. Их обманы то смешили публику, то нагнетали напряжение, то трогали до слез.

Когда, завершив через несколько минут свое головокружительное представление, они ушли, их место заняли Хозяева. Каждый ариекай произносил одну коротенькую ложь или две. Большинство шли на словесный подлог — произносили конец предложения шепотом. Каждый успех сопровождался аплодисментами, громкими криками терранцев и одобрением ариекаев. Многие участники запинались и выпаливали правду. Аудитория Хозяев реагировала звуками, которые, возможно, выражали презрение или жалость.

Я стою, я не стою.

Это передо мной не красное.

Наконец, как и планировалось заранее, вперед выступил Сурль/Теш-Эчер. Навстречу ему, по-боксерски подскакивая, вышли посол ЛюСи, они размахивали руками, точно разминались. Я удивилась, ведь, когда я читала об этом соревновании, то поняла, что Послоград будут представлять КелВин. Посол и Хозяин посовещались. «Ересь какая-то», — подумала я. Разве такое допустимо? Все одобрительно закричали и захлопали, только какой-то мужчина возле меня, вторя моим мыслям, пробормотал:

— Непорядок.

— До прихода людей мы не так много говорили о некоторых вещах, — сказал Сурль/Теш-Эчер.

ЛюСи огласили правила поединка.

— До прихода людей мы не так много говорили о некоторых вещах, — снова сказал Сурль/Теш-Эчер и встряхнул крыльями. Что бы он в тот момент ни чувствовал, нам это напомнило браваду. Две женщины-посла и непонятный огромный зверь ариекай уставились друг на друга. Посол открыли рты. Но, не успели они ничего сказать, как Сурль/Теш-Эчер начал снова:

— До прихода людей мы не так много говорили.

Гвалт.

— До прихода людей, — продолжал Хозяин, и я знала, что он солжет сейчас, — мы не говорили.

Он четко и ясно произнес эти слова. Мгновение тишины, и ариекаи затарахтели в экстазе восприятия. Даже терранцы ощутили, что стали свидетелями чего-то невероятного. Повсюду стоял крик. Кто-то спорил. Где-то в толпе вспыхнули потасовки.

— Не правда! — надрывался кто-то. — Не правда!

Внезапно кто-то начал прорываться сквозь толпу, расшвыривая мужчин и женщин. Те с виз-

гом отскакивали. Я увидела приближающегося человека, это был Валдик.

— Не правда! — повторил он. Подбежав, он с криком ударил дубинкой в землю, и я ощутила, как вздрогнул пол. Оружие было заряжено энергией. Вот тебе и безопасность. Валдик повернулся к Сурль/Теш-Эчеру лицом. Он кричал: «Не правда». Размахивал дубинкой. Глаза-кораллы напряглись. К нам побежали люди. Валдик завопил:

— Змей подколодный! — Сурль/Теш-Эчер смотрел на него, широко, как рога, раздвинув свои кораллы. Я услышала короткий рявк оружия, и Валдик упал, дубинкой прожигая дырку в полу. Констебли схватили его. Стали бить.

— Он что, хотел напасть на Хозяина? — Люди задыхались от ужаса.

Я слышала, как Валдик продолжал вопить:

— Он дьявол! Он нас всех уничтожит! Не позволяйте ему лгать!

Никто из ариекаев не проронил ни звука. Офицерам, наконец, удалось поставить Валдика на ноги, он был в крови, оборван и почти без сознания. Когда они волокли его прочь, его ботинки скребли по полу. С начала нападения прошло меньше минуты. Кажется, во всем зале только я

одна глядела на КелВин и их молчащих коллег, и одна из немногих не следила за тем, как уводят несостоявшегося убийцу.

Я видела Скайла. Он был с ними, среди служителей и послов. Там происходило главное; туда и надо было смотреть. Их взгляды были направлены не на Валдика, а на Сурль/Теш-Эчера и дальше, на Грушевое Дерево и его группу ариекаев. Я была одной из немногих в том зале, кто видел, что произошло дальше.

Грушевое Дерево пошевелился. Из-за его спины вышел Хассер. Он шагал быстро. Даже Сурль/Теш-Эчер еще смотрел на Валдика. Никто из констеблей не видел приближающегося Хассера, и никто не оказался на месте, чтобы вмешаться. Они были заняты, заглотав наживку, старую как мир. Я двинулась с места.

Один бутон сурль/теш-эчеровых глаз что-то заметил, и весь коралл повернулся назад, посмотреть. Я видела Испанскую Танцовщицу, слышала его крик, видела, как заметалось в чужеземной тревоге его дающее крыло. Хассер поднял живой пистолет. Керамический панцирь, лапа рукоятки, сжимавшая руку стрелка в ответ. Он выстрелил. Не было никого, кто мог бы ему помешать.

Он спустил курок, и пистолет-зверь раскрыл

свою пасть и рявкнул. Сурль/Теш-Эчера швырнуло через сцену, брызнула черная, словно грязь, ариекайская кровь.

Падая, Сурль/Теш-Эчер лопнул. Хассер не перестал стрелять. Выстрел оторвал Сурль/Теш-Эчеру дающий плавник. Его ноги задергались в предсмертной судороге, сделав его до ужаса похожим на насекомое. Кровь хлынула у него из всех отверстий.

А потом Хассер и сам скрылся с моих глаз, упал, пораженный пулей констебля. Когда снова поднялся крик, я уже стояла рядом с ним на коленях. Меня трясло. Мне не хватало воздуха, как будто я оказалась за пределами дыхания эоли. Хассер смотрел невидящими глазами. Я слышала, как панцирь Сурль/Теш-Эчера дребезжит в предсмертных судорогах.

Испанская Танцовщица рисовала крыльями какие-то знаки. Все ее пятна налились краской. Никогда раньше я не видела ариекайского горя. Я посмотрела на Грушевое Дерево, он посмотрел на меня. Игнорируя суматоху и всеобщий вой, я наблюдала за Грушевым Деревом, КелВин и Скайлом. Помню, с каждым выдохом у меня вырывался стон. Все они без всякого выражения смотрели на тело Хассера. И, должно быть, ви-

дели меня.

Так был убит самый виртуозный ариекайский лжец.

Что творилось в последующие дни, легко вообразить. Хаос, страх, возбуждение. Сотни тысяч часов прошли с тех пор, как Хозяин в последний раз пострадал от руки послоградца, сменились целые поколения. Внезапно мы почувствовали, что существуем из милости. Служители ввели комендантский час, дав констеблям и спецслужбистам необычайно широкие полномочия. Снаружи мне доводилось посещать колонии и города, существующие под властью разного рода диктаторов, и я знала, что послоградские меры безопасности представляли собой сильно смягченный вариант военного положения; но для нас и это не имело прецедентов.

Во мне накопилось столько грусти. Я плакала, когда оставалась одна. Мне было страшно жаль Хассера, глупого тайного зелота; и Валдика, который, я уверена, даже не подозревал, что ему отведена лишь роль наживки, и который был так предан Скайлу, что пошел на казнь, отрицая, что к его плану приложил руку кто-то еще.

Очень было жаль Сурль/Теш-Эчера. Не зная, какие эмоции пристало испытывать понесшим

потерю ариекаям, я выбрала грусть.

Я на целый день выключила звонок и не подходила к двери. На второй день звонок был по-прежнему отключен, но на стук я открыла. За дверью стоял незнакомый автом, чьи контуры смутно напоминали очертания человека. Я хлопала глазами, недоумевая, кто мог послать эту штуку, как вдруг увидела ее лицо. Нарисованное на экране изображение было грубее, чем когда-либо, но это была Эрсуль.

— Ависа, — сказала она, — можно войти?

— Эрсуль, зачем ты загрузила себя в это? — покачав головой, я отступила, давая ей войти.

— У моего обычного корпуса нет их. — Она встряхнула руками автома, которые закачались, точно веревки.

— Зачем они тебе? — спросила я. И, Фаротектон ее благослови, она обняла меня ими так, точно я только что потеряла кого-то из близких. И ни о чем не спрашивала. Мы долго стояли так, обнявшись.

Я еще раз побывала в «Галстуке». Сделала безразличное лицо и, флокируя, пошла. Никого из сравнений не было, да, я думаю, они там больше и не появлялись. Тогда я перестала притворяться. Но тут хозяин заведения, человек, чьего имени я

так никогда и не узнала, а прозвище, которое мы придумали ему на местном жаргоне, позабыла, бросился ко мне с таким волнением, точно я могла ему чем-то помочь. Он сказал, что ариекаи еще приходят: Испанская Танцовщица; тот, кого мы называли Баптистом; другие Профессора. Приходят и смотрят туда, где раньше сидели сравнения.

— Сурль/Теш-Эчер все время бывал здесь, — сказала я. — Может, они приходят посидеть там, где часто бывал их друг.

Владелец страшно боялся, как бы Хозяева не стали мстить за смерть Сурль/Теш-Эчера. Многие люди боялись. Но не я. Я видела, как Грушевое Дерево дал дорогу Хассеру и что-то сказал ему, когда тот проходил мимо. Я видела КелВин и других, которые ждали этого. Сурль/Теш-Эчер был убит, но это было не простое убийство, это была публичная казнь, совершенная своими. За ересь Сурль/Теш-Эчера приговорили к смерти от руки человека.

Послоград не знал этого и не хотел знать. Все было подстроено так, чтобы люди увидели только кровавое преступление и просмотрели тонкий юридический момент.

Ариекайские блюстители традиций решили,

что нельзя попустительствовать Сурль/Теш-Эчеру, нельзя мириться с его экспериментами. Ложь была представлением; сравнение — риторикой: а вот их синтез, первый шаг на пути к совершенно новому тропу, стал подстрекательством к мятежу. Я никогда не делала вид, будто мне понятны мотивации экзотов, я была воспитана на том, что мысли Хозяев непостижимы. То, что толкнуло ариекайских властей предержащих к их жестокому решению, могло походить, а могло и не походить на то, что происходило за дверями посольства. Сопротивление ариекаев инновациям могло быть этическим, эстетическим или каким угодно еще. Оно могло быть религиозным или спортивным. А могло быть и просто выражением холодного, циничного расчета, результатом борьбы за власть политических клик.

Я вспомнила тревогу, с которой Вин или Кел сказал мне, что в иных идеях Скайла о Сурль/Теш-Эчере был смысл. Послы, как и осудившие Сурль/Теш-Эчера ариекаи, видели в нем угрозу. Я никогда не поверю в то, что КелВин и мой муж рассматривали эту близящуюся порчу с одной и той же стороны, но там, где есть несходство взглядов и разногласия, всегда возможны перемены, и этого, наверное, было достаточно. Путь,

которым шел Сурль/Теш-Эчер, вел к катастрофе, которую совместными усилиями предотвратили терранцы и ариекаи. Нашли решение проблемы.

Как знать? Даже если бы я могла это доказать, что изменилось бы? Все решили бы, что никакого следа преступления в этом нет. А что бы стало со мной? Я понятия не имела, сколько послов были в курсе и кто из них одобрил бы это, будь они в курсе, и что бы они сделали со мной, вздумай я пожаловаться. Вряд ли я одна смогла разгадать, что случилось. Информации просочилось довольно много. Но служители нагнетали ужас и шок и внушали горожанам, что они принесли все необходимые извинения Хозяевам, а Хассер и Валдик предстали перед судом. Редкие сохранившиеся последователи культа Друмана были подвергнуты жестоким преследованиям полиции.

Скайл наконец переехал в посольство, стал служителем. В один прекрасный день его вещи исчезли из моего дома. Трусость не была в числе его пороков. Думаю, он меня избегал; может быть, хотел уберечь от своего гнева.

Оглашение приговора, свидетелем которого я стала, никогда не переставало меня ужасать. Но прошли месяцы — а они у нас длинные — штиль кончился, а Валдик и Хассер были давно мертвы.

Со Скайлом и КелВин я по-прежнему не общалась, но, хотя я не знала, кто именно из служителей и послов был замешан в происшедшем, я не могла избегать их всегда. Иначе я просто не смогла бы больше жить в Послограде. И дело тут было не в компромиссе, а в выживании.

Даже КелВин и я научились не выскакивать из комнаты, где нам случалось оказаться вместе, а оставаться в ней, не обмениваясь ни словом. Со временем я даже свыклась с мыслью, что когда-нибудь смогу обменяться с ними парой холодных, вежливых фраз.

Помню, мне стало казаться, что те белые пятна, которые с самого начала присутствовали в характере Скайла и интриговали меня, и составляли его главную суть. Не знаю, чем пугал остальных пошедших на преступление служителей Сурль/Теш-Эчер, вероятно, их страхи имели отношение к политике. А вот сказать то же самое о Скайле я не могла, несмотря на то что он тоже стал служителем и вообще давно был с ними заодно. Несмотря на его виртуозное манипулирование легковерными сравнениями-зелотами. Он действовал как аппаратчик, но я сомневалась в том, что он был настоящим пророком.

Через много месяцев после того ужасного со-

бытия, нашего первого кризиса, когда Послоград стоял на пороге новой эры, когда мы ждали прибытия следующего корабля, а время, которое я назвала «прошлым», подходило к концу, Хозяева, очевидно, сделали Скайла сравнением. Так мне сказала Эрсуль.

Что ему пришлось для этого сделать, она так и не выяснила. Он стал частью Языка, но я ни разу не слышала, чтобы его говорили, а я пыталась, по-разному, хотя, надеюсь, всегда незаметно. А вот сравнения Хассер и Валдик, хотя и поменяли свой смысл после того события, обрели новую жизнь. Это как тот мальчик, которого открыли и снова закрыли, а теперь он мертв. Это как тот человек, который каждую неделю плавал с рыбами, а теперь умер. Ариекаи нашли этим формулировкам новое применение.

Эрсуль была мне доброй подругой в то мрачное время, хотя даже ей я не рискнула рассказать все, что знала. Себе я говорила, что просто жду. Ведь я же иммерлетчица. Когда прилетит следующая смена, я отправлюсь прочь, подальше от этих мест. А потом прибыл миаб с подробностями о том, кого привезет следующий корабль, и с известием о нашем новом невероятном после.

Разве можно было не остаться и не посмотреть?

Все, что случилось потом, — настоящее, и это единственная история, которую мне остается теперь рассказать. Разве я сама не хотела для Послограда перемен?

Позднее, когда критические события достигли невиданного размаха, воспоминание об этом вызывало во мне чувство вины, но тогда, после первой встречи с послом ЭзРа, поняв, что все пошло не по плану, ощутив нежданный хаос, посеянный ими в Послограде, я была счастлива.

Часть четвертая
Зависимые

9

Люди бродили по улицам в состоянии какой-то утопической неуверенности, зная, что все переменилось, не понимая, где они живут теперь. Взрослые разговаривали, дети играли в игры.

— Я готов проявлять осторожность, — случайно услышала я слова одного человека и едва не расхохоталась ему в лицо. Готов, вот как? — хотелось закричать мне. И к чему же ты готов? Что ты будешь делать? Как именно проявлять свою осторожность?

Мы всегда жили в гетто, в городе, который принадлежал не нам, а существам куда более могущественным и странным. Мы жили среди богов — маленьких, крошечных, но все-таки богов по сравнению с нами, учитывая то, как много они имели в своем распоряжении, — и игнорировали этот факт. Теперь они изменились, но мы не понимали, как, и все, что нам оставалось — ждать. В те часы глупые споры послоградцев были так же бессмысленны, как трели птиц.

Наши новые лидеры обращались ко мне с экранов и голографических плоскостей с такими словами:

— Ситуация находится под пристальным наблюдением. — Мы подыскивали слова, чтобы объяснить себе суть времени между двумя эпохами. Я проходила через крохотный квартал кеди. Их правящие тройки уже слышали об убийстве, и, достаточно хорошо зная психологию терранцев, заразились их страхом и тоже стали бояться.

Я никак не могла убедить Эрсуль пойти со мной в Послоград-главный, на вершину холма, где толпились и возбужденно бегали туда-сюда люди, гоняясь за слухами, которые ничего им не сообщали, вглядываясь, бессильные что-либо изменить, в город, где шла жизнь, такая же непонятная, как и прежде, только по-новому непонятная. Мы все это видели. Я пошла в ее квартиру. Эрсуль была подавлена, впрочем, не больше остальных.

Она сделала мне кофе с одной из популярных тогда приправ. Шасси позволяли ей двигаться вперед и назад. Ее механизм работал безупречно, но при частом повторении одних и тех же движений неизбежно появлялись сначала какие-то неуместные шумы, потом помехи.

— Тебе удалось что-нибудь выяснить? — спросила я.

— О том, что происходит? Нет. Ничего.

— А как насчет?…

— Я же говорю, ничего. — Она заставила себя моргнуть. — В сети полно всякой болтовни, но если кто-нибудь и понимает, что тогда случилось, и говорит о том, что еще может случиться, то они делают это так, что я не могу подслушать.

— ЭзРа?

— А что они? Думаешь, я просто скрываю от тебя что-то важное? Господи. — Я даже смутилась от ее интонации. — Я не больше тебя знаю о том, где они. Я тоже их с той вечеринки не видела. — Я не сказала ей о том, что видела Ра куда позже. — О, всяких слухов ходит множество: они улетели, они захватили власть, они готовят нашествие, они умерли. Но все это выеденного яйца не стоит. Если в твои сети в посольстве ничего не попалось, то что же могу я с моей жалкой поисковой программкой? — Мы уставились друг на друга.

— Ладно, — медленно сказала я. — Пойдем со мной…

— Никуда я не пойду, Ависа, — сказала она, голосом ясно давая понять, что тема закрыта. И это был тот редкий случай, когда я не очень расстроилась.

Я пошла к Денежной стене. Трудно возвращаться туда, где в последний раз побывал ребенком, особенно если это дверь. Сердце стучит громче,

чем рука. Но я постучала, и Брен открыл.

Когда дверь распахнулась, я смотрела вниз, чтобы дать себе время. Потом подняла голову и увидела его. Он показался мне гораздо старше, из-за седины. Но и только: во всем остальном он ничуть не изменился. Он меня узнал. Еще до того, как я посмотрела ему в глаза, точно.

— Ависа, — сказал он. — Беннер. Чо.

— Брен, — ответила я. Мы смотрели друг на друга, и, наконец, он не то вздохнул, не то усмехнулся, а я улыбнулась, пусть и печально, и он отошел в сторону, пропуская меня в комнату, которую я помнила на удивление хорошо и которая осталась прежней.

Он принес мне выпить, а я пошутила насчет того сердечного средства, которое он давал, когда я была у него в первый раз. Он вспомнил песенку, которую мы пели в детстве, запуская монеты, и пропел ее мне, с ошибкой. Потом он еще что-то говорил, вроде того, что ты побывала вовне, ты иммерлетчица! Поздравляю. Мне захотелось сказать ему спасибо. Мы сидели и смотрели друг на друга. Он был все так же худ, даже нарядный костюм на нем вполне мог быть тем же.

— Итак, — сказал он, — ты пришла сюда потому, что наступает конец света. — Экран за его

спиной безмолвно показывал царящее в Послограде смятение.

— А это конец? — спросила я.

— По-моему, да. А по-твоему?

— Я не знаю, что думать, — ответила я. — Поэтому я здесь.

— Да, я думаю, что нашему миру настает конец. — Он откинулся на спинку стула. Вид у него был совершено спокойный. Сделав глоток, он посмотрел на меня. — Уверен. Все, что ты знала, только что кончилось. Ты это понимаешь, правда? Вижу, что понимаешь. — Я понимала и то, что он неравнодушен ко мне. — Ты тогда произвела на меня впечатление, — сказал он. — Такая серьезная маленькая девочка. Я еле сдерживал смех. Даже когда ты нянчилась со своим бедным другом. Который глотнул хозяйского воздуха.

— С Йогном.

— Все равно. Все равно. — Он улыбнулся. — Итак, у нас конец света, и ты пришла ко мне, а зачем? Думаешь, я могу помочь?

— Думаю, ты можешь кое-что рассказать.

— О, поверь мне, — сказал он, — никто там, на холме, не хочет, чтобы я что-нибудь знал. А теперь меня и близко туда не пустят. Я, конечно, не говорю, что у меня нет своих лазеек — всегда

найдутся желающие поболтать со стариком, — но ты, наверное, и сама знаешь не меньше моего.

— Кто такие оратеи? — спросила я. Он вскинул голову.

— Оратеи? — переспросил он. — В самом деле? О. Понятно. Иисус Фаротектон. — Он разгладил рубашку. — У меня была такая мысль. Я подумал, может быть, в этом все дело, но… — Он покачал головой. — Но я сомневался. Разве в такое можно поверить? Оратеи — это не «кто», — продолжил Брен. — Это «что». Наркоманы.

— Все, что может случиться, уже случалось когда-нибудь, — сказал он и наклонился ко мне. — Где живут неудавшиеся послы, как ты думаешь, Ависа? — Этот вопрос так шокировал меня, что я даже дышать на секунду перестала.

— Если говорить без обиняков, то ты ведь не веришь, что все до одного монозиготы, выращенные посольством, годятся в послы? — сказал он. — Конечно, нет. Не все двойники принимаются — одни не достаточно похожи, другие с заскоками, третьи думают по-разному, сколько их не учи. Все, что угодно.

— Ты сама бы все поняла, если бы хоть раз над этим задумалась. Это даже не секрет. Об этом просто никто не думает. Ты знаешь, что если один

двойник умирает, то другой уходит в отставку. — Он слегка приподнял руки, имея в виду себя. — Ты ведь не была в посольских яслях, а? Конечно, они ведь только для тех, кто так из них никогда и не вышел. А какой смысл выпускать оттуда тех, кого растили и учили для одной-единственной работы, а они все равно не могут ее делать? Выпусти их, и проблем не оберешься.

Крохотные каморки, в которых плесневеют неудавшиеся близнецы. Непринявшиеся, непохожие близнецы, один нормальный, другой будто смазанный; или с обоими что-то не то; или физически оба в порядке, но с врожденным пороком, невидимым глазу; или просто негодные для того, к чему их предназначали.

А если тебя уже выпустили, — продолжал Брен, — и только тогда ты понял, что ненавидишь своего двойника или свою работу? Да. Да. — Он говорил тихо, словно пытаясь донести что-то до меня. — Когда умер мой, он… это был несчастный случай. Мы были еще не старыми. Люди знали нас… меня. Я был слишком молод, чтобы взять и исчезнуть. Разумеется, меня пытались заманить в дом престарелых. Но заставить меня они не могли. Ну и что с того, что соседи меня не любят? Что с того, если они видят во мне урода? Никому не

нравится, когда разделенные щеголяют своими увечьями. Мы — обрубки. — Он улыбнулся. — Обрубки, не люди.

Среди двойников есть те, кто так и не может научиться говорить на Языке. Не знаю почему. Просто не попадают в ритм, сколько бы ни тренировались. Все просто: их не выпускают. Но бывают случаи похуже. На вид они такие же, как все. Это уже случалось, хотя, может, и не в такой степени. Когда я учился, у нас был коллега. УилСон. Что за мозг прятался за их Языком, не знаю, но для Хозяев он был слегка… как бы вывихнутый. Чуть-чуть. Я этого не слышал, но Хозяева… да.

Мы сдавали экзамен. Сначала нас слушали другие послы и служители, а в конце нам надо было поговорить с Хозяином. Он ждал. Не знаю, что в его представлении происходило и как его попросили помочь. «Здравствуйте», — сказали УилСон, когда подошла их очередь.

Мы сразу увидели, что-то пошло не так, — сказал он. — По тому, как двигался тот ариекай. Каждый раз, заговаривая с нами, они словно пробуют наш мозг, и каждый раз находят его чужим. Так что это довольно сложная штука. Но если две половинки одного посла недостаточно… спаяны друг с другом? Не два разных голоса: вполне близ-

кие, чтобы говорить на Языке и быть понятыми. Но понятыми не так? Шиворот-навыворот? — Я молчала.

Ты знаешь, что такое для них Язык, — сказал Брен. — Что они слышат за словами. А что, если они слышат понятные слова и знают, что это слова, но они как бы расколоты на части? Послы говорят в эмоциональном союзе. Это наша работа. А что, если этот союз есть и в то же время его нет? — Он ждал. — Невозможное, вот как это называется. Прямо тут, стоит перед тобой. И это ударяет им в голову. Они как будто ширяются. Для них это как галлюцинация — и есть, и нет. Противоречие, от которого они ловят кайф.

Может быть, не все. Каждый Хозяин, с которым заговаривали УилСон, понимал, что тут что-то не так, но некоторые… — Он пожал плечами. — Пьянели. От их слов. Что бы УилСон ни говорили. «Хороший сегодня денек»; «Передайте, пожалуйста, чай»; что угодно. Хозяева это слышали и либо теряли голову, либо начинали хотеть еще и еще.

Послы — ораторы, а те, к кому обращены их речи, — оратеи. Оратеи — это наркоманы. А их наркотик — Язык послов.

Снаружи люди испуганной карнавальной толпой бежали по улицам. Где-то рвались фейер-

верки. Брен снова наполнил мой стакан.

— Что с ними стало? — спросила я.

— С УилСон? Их отправили в карантин, и они умерли. — Он выпил. — Все меня уважают, но это не мешает им меня ненавидеть, — сказал Брен. — Я их понимаю. Им не нравится вид моей раны. — Он написал в воздухе свое имя — полное имя, все семь букв: БренДан. Было время, когда он был БренДан, точнее, Брен/Дан. Потом его двойник умер, и он стал БренДан, Брен… он не мог правильно произнести свое собственное имя.

БренДан долго задумчиво смотрел на меня. Подошел к столу.

— Позволь, я тебе кое-что покажу.

Он бросил мне почти плоскую коробочку. Внутри лежали два обруча. Его и его двойника Дана. Я рассматривала филигранные колечки, проводки и контакты, четко выведенные инициалы и серебряные листики. Застежки были перепилены. Взглянув на него, я увидела крохотные отметины у него на шее, там, где когда-то крепился обруч.

— О чем ты думаешь? — спросил он. — Думаешь, я храню их здесь, чтобы всегда были под рукой? Или ты думаешь, что я их прячу, стараюсь забыть? Ависа. Если бы я выбросил его обруч и сохранил свой, ты бы думала, что я цепляюсь

за свое былое «я» или не могу простить ему его смерть. Выброси я их оба, ты бы видела во мне человека, отказавшегося от своего прошлого. Если бы я сохранил его, но выбросил свой, ты бы сказала, что я не даю ему уйти. И так всегда, что бы я ни сделал. Это не твоя вина. Ты же не нарочно, мы все так думаем. Что бы я ни сделал, объяснение всегда найдется, не одно, так другое.

(Позже, когда мы были вместе в третий раз, — сначала вернулась к нему я, потом он пришел ко мне, — он сказал: «Смотрю на этот обруч и ненавижу его». Я промолчала. Да и что я могла ответить? Мы сидели на диване в моих комнатах. Не таких шикарных, как у него. «Не знаю, когда это началось, — сказал он. — Я долго считал, что ненавижу его за то, что он умер, бедняга. Но, по-моему, все началось раньше. Не вини меня. — Его голос внезапно стал жалобным. — Уверен, он тоже ненавидел меня. Никто из нас не был в этом виноват».)

— Знаешь, а они ведь, наверное, подозревали, что может случиться, — сказал Брен. — Послы. Ведь именно разнояйцевые всегда были особенно подвержены… неслиянию… ровно настолько, чтобы превратить пару-тройку ариекаев в оратеев. Именно таких и придерживали. Прочие

смутьяны уходили в самоволку или смешивались с местными.

— Думаешь, они знали? — переспросила я. — И кто куда уходил?

— Они наверняка надеялись, что ЭзРа окажутся наркотиком, — сказал он. — Выведут из строя одного-другого Хозяина, и больше никакого проку с них не будет. Еще одна оплошность Бремена. С тех пор, как они услыхали про ЭзРа, они только о том и думали, кто кого переиграет и кто кому будет диктовать условия.

— Знаю, — сказала я. Но раз такое уже было, в Бремене тоже должны были об этом знать. Так зачем их послали?

— Знать об оратеях, ты имеешь в виду? А с чего бы мы стали сообщать Бремену о них? Не знаю точно, на что они надеялись, но то, что ЭзРа вообще позволили говорить, планировалось как своего рода ответный удар посольства. Хотя такого эффекта они, по-моему, не ожидали. Не в такой степени. Не такого Языка, существующего, и в то же время настолько невозможного, настолько отравляющего, что он обращает в зависимость любого Хозяина, который его услышит. А те распространяют слух о нем дальше. Все без ума от нового посла.

Наш привычный пантеон бедствовал, отчаянно нуждаясь в инъекциях Эза и Ра, говорящих вместе и превращающих Язык в коктейль противоречий, намеков и отпущенных на свободу значений. Мы проживали в городе наркоманов. Процессия, которую я видела, была мольбой.

— Что теперь будет? — спросила я. В комнате стояла тишина. В городе жили сотни тысяч ариекаев. А может, и миллионы. Я точно не знала. Мы тогда вообще почти ничего не знали. Их мысли — это их Язык. ЭзРа заговорили на нем и изменили его. И скоро все Хозяева, где бы они ни были, получат жесткий приказ, которому они не смогут не подчиниться: делай что угодно, но слушай болтовню новоиспеченного бюрократа.

— Всеблагой Иисус Фаротектон Христос, просвети нас, — сказала я.

— Это, — повторил Брен, — конец света.

10

Ариекаи объяснили нам, что будет дальше. Я услышала об этом раньше, но и другие послоградцы скоро поняли, что Хозяева стали наркоманами, хотя и не знали, как и отчего. Подозреваю, что в посольстве все это время делили власть, и кто-то по привычке, без всякого рационального объяснения, пытался скрыть информацию. Не вышло.

Атмосфера на улицах Послограда напоминала карнавал и апокалипсис одновременно: одни предчувствовали конец; другие радовались или испытывали головокружение, которое принимали за радость. Констебли перехватывали людей в биоадаптированных костюмах, целенаправленно шагавших к городским окраинам, чтобы выйти в город и не задохнуться.

— Никуда вы не пойдете! — говорили полицейские. — Снимайте. Люди гибнут… — Кто-то из желающих увидеть город, наверное, все же прорывался. Послоградцы чего-то хотели от Хозяев. Напрасно — ариекаи видели в них не разумных существ, а живую собственность послов.

Всеми правдами и неправдами мне удалось

проникнуть в посольство еще раз. Увидев, как там бегают послы, мне на мгновение стало их жалко. Никто не задавал мне никаких вопросов. Даже ЖасМин, кажется, позабыли о своей неприязни ко мне. Кто-то из ЭдГар поцеловал меня, очень удивив этим. Его двойника нигде не было видно. В глазах Эда или Гара была тревога, вызванная чрезмерным растяжением создаваемого обручами поля.

— А где?... — спросила я.

— Идет, идет. — Разлучение, наверное, мешало им сосредоточиться. Мы почти не говорили, пока его двойник не появился откуда-то из-за угла и не подошел к нам.

— Вы были в городе? — спросила я. (Разумеется. С нами никто не разговаривает.) Знаете, что происходит? (Нет. Нет.) А где ЭзРа? Где Уайат? (Не знаю. Какая разница.)

— Как, вы даже не знаете, где ЭзРа? — сказала я. — После всего, что они тут натворили? Пусть, значит, и дальше козни строят?

— Козни? — засмеялись Эд и Гар. — Да они друг с другом не разговаривают.

Ариекайский живой корабль плыл к нам над городом, по которому от здания к зданию уже перетекали признаки таинственной хвори. Едва

лапы летуна коснулись посадочной площадки, мы спешно организовали какой-никакой прием. Возможно, с моей стороны несколько самонадеянно говорить «мы», но я в те дни стала частью общины, сплотившейся вокруг служителей и послов, и, по-моему, никто не возражал против этого.

Там были все послы, которых я только видела. Ариекаи входили в наш зал с порывами дыхания эоли, нашего ветра, и золоченые занавеси развевались вокруг них, точно плащи. Их ноги цокали по половицам из измененного дерева, точно ногти. В этот раз их было не так много, как в прошлый, зато группа была более официальной. ХоаКин и МейБел шагнули вперед, за ними потянулись остальные. Стороны наблюдали друг за другом. Кораллы глаз тянулись к нам.

Ариекаи заговорили так быстро, что никто, кроме самых продвинутых знатоков Языка, ничего не понял. Я обернулась, чтобы посмотреть на реакцию людей, и вдруг увидела мужа. Он стоял в дверном проеме, а с ним — наш новый посол.

Я была первой, но вскоре другие тоже стали их замечать, и по залу полетели ахи и вздохи. Ра, высокий и как будто измученный, стоял в позе, в которой надежда мешалась с отчаянием. За ним

уставился в пол Эз. Весь его петушиный задор как рукой сняло. Прибавления были неактивны.

Скайл увидел меня. Выдержав мой взгляд, он продолжал осматривать комнату. Судя по тому, где он стоял, он мог поддерживать ЭзРа, или охранять их, или угрожать им.

Некоторых визитеров я узнала. Промелькнуло крыло с силуэтом птицы на ветке. Грушевое Дерево. Я уставилась на него. Хозяева произнесли имя ЭзРа: Эз/Ра.

ЭзРа проявили достоинство и вышли вперед. Ариекаи заговорили — сначала один, потом другой, и вот уже все тарахтели вместе, перебивая друг друга, пока, наконец, не воцарилось нечто похожее на порядок. Кто-то начал переводить их слова.

Вот как это будет.

Неуточненное будущее время, редкое для Языка. Это было даже не желание: все, что могли видеть Хозяева, это как оно теперь будет. Никаких обсуждений они также не допускали: позже мы все поймем. Подробности тоже не оговаривались. В их словах звучала не просьба и даже не требование. В них звучала нужда. Они нуждались: вот все, что они сказали, многократно и каждый по-своему.

Мы будем слушать, как говорят ЭзРа. Вот как это будет. Мы будем слушать, как они говорят. И сначала мы сейчас услышим, как они говорят.

Я видела, как кое-кто из служащих шевелит губами, прикидывая: лучшие из них даже теперь не утратили способности мыслить стратегически. Меня это восхитило. Они уже думали о том, что делать, какие отношения сохранятся и как спасти остальное, как мы все будем жить и каким станет Послоград. Неожиданно у меня появилась надежда.

Похоже, что у Хозяев осталась лишь одна простая потребность. Я и раньше не была дурой; о том, что у них есть свои противоречия, свои враждующие лагеря и противостояния между ними, я знала еще до того, как своими глазами увидела их кровавый результат; и, вот парадокс, именно это воспоминание возникло у меня тогда, когда на повестке дня неумолимо стоял один-единственный вопрос. Сначала мы услышим, как говорит ЭзРа.

Эз вышел вперед, за ним, нехотя, подтянулся Ра. Двое неодинаковых людей обменялись взглядами, выражавшими непохожие эмоции. Пошептались. И вместе заговорили на Языке, приводя в исступление Хозяев.

11

Время шло, погружая город в чистый хаос, но, благодаря выдающимся усилиям отдельных служителей, из него начала складываться какая-то жизнь. И даже определенный порядок. Просто поразительно, до чего быстро может перемениться жизнь целого города.

Торговля, детали и подробности обмена: знаниями, услугами, товарами, обещаниями и прочим. Наша культура. Наш образ жизни. Все пришлось начинать с нуля.

Повсюду царило опасное возбуждение, падение морали проявлялось в мелкой жестокости одних и массовом потакании им остальных, в том, что кто-то позволял себе брать все самое лучшее, в то время как другие боролись, стараясь поддержать порядок. Первые недели, приходя в посольство, я ждала, что оно будет охраняться, но так бывало не всегда. Комнаты для собраний и коридоры не всегда были убраны, а иногда и просто загажены мусором и грязью после каких-то вечеринок. Я понимала, что люди делали это не для удовольствия. Я знала, что винно-красная блевотина была извергнута кем-то не напоказ и оставлена

тухнуть на полу не в качестве демонстрации независимости, а потому, что те, кто тут праздновал, услышали о требованиях ариекаев; в их головах не укладывалось, как мы будем их выполнять и что случится, когда мы не сможем их выполнить; они не знали, проживут ли еще неделю, и никогда в жизни не были так напуганы.

Эрсуль не отвечала на мои звонки, а я была так занята, что не стала настаивать и не пошла ее навестить, как, наверное, поступила бы на моем месте настоящая подруга. ЭзРа ходили на иные вечеринки, как я слышала от других, а потом увидела сама. Некоторое время спустя участие в невиданных по размаху дебоширствах стал принимать только Эз. Ра занялся другими делами.

Люди назначали друг другу тайные свидания, многие расставались. Другие, наоборот, вступали в браки. Я и сама закрутила несколько поспешных романов. Вообще о тех первых днях трудно говорить. Героями, благодаря которым Послоград не смели толпы страждущих ариекаев, были чиновники, которые создавали правила и структуры, пока мы все валялись в грязи. Немного погодя я снова стала кем-то, снова стала играть в Послограде значительную роль: в те дни я была никем.

Тогда Послоград казался мне крошечным, как никогда прежде. И двух дней не проходило, чтобы на каком-нибудь сборище или встрече я не увидела знакомых, то радостных, то, наоборот, печальных, которых до того избегала тысячами часов. Бурнхам, сравнение из прежних дней, попался мне на глаза в толпе, которая собралась у ворот посольства, привлеченная ложным слухом о том, что там якобы сообщат какую-то информацию. Заметив меня, он тут же отвел взгляд, как и я, — и он, и я, и Шанита, и другие бывшие завсегдатаи «Галстука» давно уже делали так при виде друг друга, с тех пор, как погибли Хассер и Валдик, еще до новой катастрофы.

Я слонялась по Послограду, пока чиновники глотали таблетки, чтобы не спать, и строили планы нашего спасения. Не раз я натыкалась на друзей из еще более давнего прошлого: Гарду; Симмона, охранника. Теперь ему нечего было охранять. Он был в ужасе: его живой протез, похоже, заболел.

Служители рангом пониже не имели представления о том, что надо делать, а тех, кто был на самом верху, словно парализовала потеря всего. Так же вели себя и послы, которые говорили народу, что во всем виноваты визири, что они

сами никогда не допустили бы ничего подобного, но настоящая власть всегда была в руках служителей, они всех и подвели. Этим сказкам никто больше не верил.

Только те, на кого годами не обращали внимания, взваливая на них одну и ту же работу, смогли измениться сами и изменить Послоград. Наш бюрократический феодализм сменился беспощадной меритократией. Даже иные послы смогли проявить себя. И совсем не те, от кого этого ждали. Наблюдение верное, но не оригинальное.

Одним из первых достижений нового руководства стало подавление мятежа Уайата. Ключевой фигурой той маленькой войны был Симмон. После, снова взбодрившись, он сам рассказал мне все.

— Ты заметила, как оживилась вдруг вся шайка Уайата? Они планировали открыть арсеналы. Наверное, то, что у нас творится, записано в каком-нибудь бременском протоколе о безопасности, вот они и кинулись исполнять. Отсюда и возня пару дней назад.

Никакого восстания полномочного представителя нашей супердержавы я не заметила. Хаоса и без того было достаточно.

— Мы все узнали — не спрашивай как — и

были готовы. Но пришлось рисковать. — Рукой он чертил в воздухе схематический план боевых действий. — Можно было просто взять и перехватить их, понимаешь? Но эти бременские штуки, которые у них там припрятаны, — мы решили, что они могут нам пригодиться. Так что мы подождали и вошли следом за ними, как только они открыли башню. Среди них были наши люди — мы ведь готовились к этому заранее. Вот почему мы повязали их почти без единого выстрела и взяли оружие. Хотя, честно говоря, оно нам так и не пригодилось. Пока.

Они почти не сопротивлялись. Проблема была только с Уайатом. Пришлось его засадить. В одиночку. Здесь наверняка полно агентов Бремена, вот и пришлось позаботиться о том, чтобы он не передал им какие-нибудь коды, инструкции или еще что. — Я не стала говорить ему, что не заметила никакой драмы. Хотя я ничего не знала, меня всколыхнул его рассказ.

Ра, робкой части нашего катастрофического посла, позволяли оставаться одному и заниматься своими мелкими проектами; Эзу не мешали морально разлагаться. Но их охраняли, и они должны были выполнять приказы. У них были свои обязанности. Благодаря которым мы все

оставались в живых.

— Целый город тварей с промытыми мозгами, — сказали мне ЭдГар. — И каждая из них сильнее нас и при оружии. Нам надо, чтобы они оставались гостеприимными.

В те первые дни Хозяева не проявляли признаков мышления или стратегии. Я, привыкшая на любые их странности отвечать чем-то вроде мантры — это типичная ариекайская штука, нам не понять, — пришла в ужас, убедившись, что ими движет никакая не стратегия, пусть даже непостижимая человеческим умом, а простая потребность в наркотике. Сначала толпы ариекаев постоянно стекались к посольству. Когда они делались чрезмерно оживленными, а их требования — особенно громкими, как случалось через каждые несколько часов, — вызывали ЭзРа, ставили их у входа, и те на безукоризненно правильном Языке говорили — не важно что, — усилители доносили их голоса до каждого в толпе, которая явно испытывала облегчение и впадала в транс.

Но когда ЭзРа во второй раз произнесли: «Мы рады видеть вас и надеемся на тесное сотрудничество», оратеи не ощутили того благословенного восторга, который овладевал ими прежде. В

третий раз они огорчились, и ЭзРа пришлось придумать новую любезную фразу насчет цвета домов, времени дня или погоды. Тут они снова пришли в экстаз.

— Фантастика, черт побери, — услышала я чей-то голос. — У них повышается толерантность. Придется ЭзРа помучиться.

Мы смотрели программы новостей, авторам которых, после килочасов освещения банальностей, пришлось, наконец, учиться рассказывать о нашем коллапсе. Наш канал направлял в город команды в шлемах-эоли с прикрепленными к ним осокамерами. Там их не ждали, но и не гнали. Репортажи были поразительные.

Видеть ариекайские улицы было непривычно, но любая катастрофа приносит с собой нежданные свободы. Репортеры входили в город, минуя жилистые канаты, на которых парили наполненные газом комнаты Хозяев, мимо зданий, которые шарахались при их приближении или вставали на длинные тонкие конечности, словно избушки на курьих ножках. Ариекаи мелькали на наших экранах. При виде репортеров они останавливались и начинали рассматривать их, а иногда бросались наутек нетвердым шагом, точно спотыкающиеся лошади. Они задавали

вопросы своими двойными голосами, но послов поблизости не было, и ответить им никто не мог. Репортеры знали Язык и переводили для зрителей.

— «Где ЭзРа?» — Так говорили все Хозяева.

Репортеры оказались не единственными терранцами в городе. Их осокамеры показывали мужчин и женщин в форме посольства, которые двигались среди пугливых домов. Они прокладывали кабели и устанавливали громкоговорители — терротехника в этом пейзаже резала глаз. Они создали целую сеть передающих и воспроизводящих устройств. В обмен на энергию, воду, поддержание инфраструктуры и биологическую поддержку нашего города, а может, и на саму нашу жизнь, они готовились привести голос ЭзРа в каждый дом.

— ЭзРа нужны нам сейчас, — сказал ЭдГар. — Они должны выступать. Таков договор.

— С ними или с Хозяевами? — спросила я.

— Да. В основном с ЭзРа. А это значит, что нам нужен Эз.

Он пил и кололся. И не однажды исчезал прямо в тот момент, на который было назначено выступление на Языке, оставляя Ра беспомощным и безголосым. Меня заботило не то, что Эз мог

умереть, а то, что при этом он наверняка утащил бы за собой и нас.

— Но ведь в одном-то отношении они не отличаются от нормальных послов, так? — спросила я. — Их записи понятны? Так сделайте фонотеку их речей, и пусть паршивец делает, что хочет. Пусть допьется до смерти. — Они об этом думали, но Эз не согласился. Как ни умолял его Ра и ни запугивали служители и охрана, он не соглашался говорить со своим коллегой-послом больше часа кряду. Иногда нам, правда, удавалось записать какой-нибудь обрывок на цифровую аудиокассету, но он был осторожен и не позволял нам сделать запас Языка ЭзРа.

— Он знает, что тогда его сократят, — сказали ЭдГар. — А так он нам нужен. — Ни страх, ни моральное разложение не повлияли на его жесткий ум стратега. Это производило впечатление.

Через осокамеры я наблюдала первые разы, когда голос ЭзРа передавали в напряженный город.

Дома хандрили много дней. Они вставали на дыбы, фыркали паром, избавлялись от биологически оснащенных паразитов, которых сами порождали и которые служили мебелью ариекаям. Стоило бросить взгляд из посольства на окраину города, где начинался пейзаж, похожий

на нагромождение разных частей тел, и становилось понятно — все строения движутся. Болезнь перекинулась на местность.

Город сотрясался. Он болел. Хозяева слушали невозможный голос ЭзРа, брали энергию из своих зелле и впускали в них продукты своей жизнедеятельности, в процессе этого обмена химия желания передалась сначала маленьким животным, а те передали ее домам вместе с энергией для освещения и других бытовых нужд. Пагубная привычка перешла в дома, и бедные безмозглые твари дрожали в постоянной ломке. Те, чья зависимость зашла дальше, чем у остальных, потели и кровоточили. Их обитатели сделали им примитивные уши, чтобы дома тоже могли слышать ЭзРа и получать свою дозу.

ЭзРа говорили. Они произносили на Языке что угодно. Их усиленные голоса гремели в каждом переулке. По всему городу стояли, покачиваясь из стороны в сторону, ариекаи. Вместе с ними качались дома.

Мне было противно. Я поджимала губы. Все за пределами Послограда радостно вздрагивало. Дрожь пробегала по трубам, проводам и канатам, проникала в каждую клеточку энергосистем, внутрь энергостанций, топавших ногами в

беззаконном экстазе. Через несколько часов потребность в дозе возникала опять. На краю нашей зоны это передавалось через мостовые: камни шатались от дрожи домов. За ритмом их жизни можно было следить в окно и на глаз судить, могут они еще терпеть или уже нет.

В прошлом, когда наступало время урожая или отлучения молодняка, мы отправляли послов и обменные команды в масках-эоли наружу, туда, где ариекаи, пасшие свои биологически измененные стада, объясняли им, что и как делает каждая из их машин, рожденных отчасти по воле случая, а отчасти по их замыслу. Теперь ариекаи совсем забросили свои загородные угодья. Биопроводы еще входили в города, и по содроганиям их огромных горл, протянувшихся на многие километры в глубь питательных площадей, мы видели, что пища поступает тоже. А значит, с обратной перистальтикой распространяется зависимость.

— Их мир умирает, — сказала я. — Как они могут это допустить?

Мы не видели никаких попыток самоизлечения, никакой борьбы. Никаких героев-ариекаев. Послы заговаривали с ними, как только те получали свою дозу голоса ЭзРа и становились, на человеческий взгляд, вполне рассудительными,

но долговременное планирование и тогда оставалось невозможным, строить планы можно было не более чем на несколько часов вперед.

— А что они, по-твоему, должны делать? — МагДа были среди тех немногих послов, которые не сложили руки перед лицом перемен. Я тоже была с ними. Старалась стать частью новой команды. Я знала МагДа и Симмона, ученых вроде Саутель. Но большинство людей были мне незнакомы.

— Никакое равновесие тут невозможно.

— Дело случая. Космический бардак. — МагДа перестали уравниваться. Я видела звездочки лопнувших сосудов под глазами одной, а у другой — новые морщинки у рта.

— Это просто сбой между двумя этапами эволюции, — сказали они. — Разве можно к нему приспособиться?

— Это ничего не значит.

— Они заслушаются до смерти, прежде чем попытаются себя изменить.

Хозяев всегда было трудно понять. По крайней мере, в этом смысле ничего не изменилось.

На верхних этажах посольства царил разгул. Немного ниже я наблюдала, как Маг и Да улещивают зашедших ариекаев, всеми силами заставляя их сосредоточиться настолько, чтобы

те могли уразуметь наши просьбы о доставке материалов и оборудования. И что же МагДа обещали им взамен?

Пусть скажут про цвета, попросил при мне один Хозяин.

Хорошо, отвечали МагДа. Вы доставляете нам животных-инструменты до наступления завтрашнего дня, а мы сделаем так, что они опишут вам цвета всех стен.

— Теперь мы рассказываем им про цвета, — сказала мне Маг.

— Они это обожают, — сказала Да. — Но со временем…

— …они и к этому утратят интерес.

После того случая я стала иначе понимать маленькие выступления ЭзРа. Кто-нибудь обычно переводил. В одних фразах была логика. Другие представляли собой случайные предложения или утверждения, выражающие предпочтение или условие. Я имею дом, подлежащее-сказуемое-дополнение, как в учебнике грамматики. Но то, что раньше представлялось мне случайным выбором темы, на деле оказалось подарками отдельным слушателям-ариекаям за ту или иную услугу. Политика и экономика.

В коридорах посольства Ра, этот невозможный

не-двойник, присоединялся к нам с МагДа. Маг и Да целовали его. Его присутствие означало, что к нам идут люди, отчаянно нуждающиеся в заступничестве. Он был предельно добр к ним. Я видела в Послограде немало мессий.

— Сколько еще это будет продолжаться? — спрашивала одна повредившаяся в уме женщина.

— До следующей смены, — отвечал он. Сотни тысяч часов борьбы за жизнь в окружении Хозяев, жаждущих звуков ЭзРа.

— А что потом? — спрашивала женщина. — Что потом? Мы улетим?

Все молчали. Я видела лица МагДа. И думала о том, что за жизнь ждет их там, снаружи.

Сменщикам и раньше доводилось прилетать на планеты, опустошенные какой-нибудь катастрофой. В пути никого предупредить нельзя; нет такого сигнала, который догнал бы летящий в иммере корабль. Открывая входные люки, члены команды могут только предполагать, что они увидят снаружи. Истории, когда торговые корабли находили братские могилы на месте некогда процветавших колоний, были у всех на слуху. В иных случаях причиной становилась болезнь, в других — массовое помешательство. Оставалось только гадать, что увидит капитан нашего

сменного корабля, поравнявшись с ариеканским маяком. В самом лучшем случае перед ним — или перед ней — предстанет население, в полном составе мечтающее эмигрировать с планеты.

МагДа вовне? КелВин? Или даже Маг и Да, Кел и Вин? Что они будут там делать? А ведь они еще хорошо владели собой, не то что другие послы. Те, в большинстве своем, совсем никуда не годились.

— Они ходят в город, — сказали МагДа, когда мы остались одни. Они имели в виду послов. — Те, кто еще в состоянии хотя бы немного держать себя в руках.

— Они идут в город и находят Хозяев.

— Тех, с которыми работали раньше.

— Или просто… встают между домов.

— И начинают говорить. — Они покачали головами.

— Идут туда группами по два, три, четыре посла и…

— …просто… пытаются…

— …заставить ариекаев слушать. — Они поглядели на меня.

— Мы тоже так делали, раньше. В самом начале.

Но ариекаи не слушали. Они слышали, иногда даже отвечали. Но неизменно продолжали ждать

выступлений ЭзРа. Осокамеры проникали везде, не давая послам скрыть свой провал. Я видела в записи, как выли ХоаКин, когда, обращаясь к ариекаям на Языке, они от расстройства сбились с ритма, и слушатели, до которых они отчаянно пытались докричаться, перестали их понимать.

— Ты слышала про МарШа? — сказали МагДа. В их голосе не было ничего такого, что подготовило бы меня к ужасной вести, которую они намеревались сообщить. — Они покончили с собой.

Я подняла голову от работы. Навалилась грудью на стол и долго смотрела на МагДа. У меня не было слов. Ладонью я прикрыла рот. МагДа смотрели на меня.

— Будут другие, — тихо сказали они, наконец. Помню, я подумала, вот придет корабль, и мы все улетим.

— Где Уайат? — спросила я у Ра.

— В тюрьме. По соседству с Эзом.

— До сих пор? Его что… допрашивают… или как? — Ра пожал плечами. — А где Скайл? — Я не видела мужа, ничего не слышала о нем и не получала от него никаких известий с самого начала гибельных времен.

— Не знаю, — сказал Ра. — Ты же знаешь, что мы с ним, вообще-то, не знакомы, так? Вокруг

всегда была толпа служащих, когда мы говорили с ним… раньше. Не знаю даже, узнал бы я его теперь или нет. Я понятия не имею, кто он, не говоря уже о том, где он.

Я спустилась, миновав комнату, где люди рылись в бумагах в поисках чего-нибудь полезного. В ту пору мы не брезговали и помойками. Еще несколькими этажами ниже я услышала, как кто-то окликнул меня по имени. Я остановилась. Кел или Вин стоял у выхода на лестницу. Он загородил мне дорогу и смотрел на меня.

— Я услышал, что ты здесь, — сказал он. Он был один. Я нахмурилась. Его одиночество продолжалось. Он взял меня за руки. Прошло несколько месяцев с тех пор, как мы разговаривали в последний раз. Я нетерпеливо заглядывала ему за плечо и хмурилась.

— Я не знаю, где он, — сказал он. — Где-то рядом. Скоро придет. Мне сказали, что ты здесь. — Он был тем, кого я хотела разбудить. — В его взгляде было столько отчаяния, что я вздрогнула. Я отвела глаза и увидела такое, чему не сразу поверила.

— Ты отключил обруч, — сказала я. Его огоньки не горели. Я смотрела прямо на них.

— Я искал тебя, потому что… — Он не знал, что еще сказать, но его голоса было достаточно. Я

коснулась его руки. И вдруг мне показалось, что он так истосковался по моему прикосновению, что я не могла его не пожалеть.

— Как ты жила все это время? — спросил он. Время и впрямь было тяжелым, но для послов, которые внезапно стали никем, вдвойне.

В коридоре позади него возник его двойник.

— Ты говоришь с ней? — спросил он. Он пытался схватить своего брата за плечо, но тот просто стряхнул его с себя, не отводя от меня глаз. — Пойдем.

Они не уравнялись. Как и с МагДа, я видела их различия. Они пошептались, переругиваясь, и пришелец попятился.

— Кел. — Это сказал первый, глядя мне в глаза, тот, который нашел меня. — Кел. — Он показал на брата, который отошел в другой конец коридора. Потом ткнул большим пальцем себя в грудь. — Вин.

Я поняла, что его глаза тосковали не по мне, по крайней мере, не по мне одной. Я смотрела ему в глаза. Вин попятился назад, к брату, но еще несколько секунд глядел на меня, прежде чем повернуться ко мне спиной.

12

Я ходила в город с МагДа и служителями, в составе группы, пытавшейся поддерживать жизнь в парализованном Послограде. Надев эоли, выдыхавшие воздух, которым можно было дышать, я вступила, наконец, в его пределы. Лететь на корвиде мы не решились: системы обеспечения безопасности посадок теперь часто не работали.

Ждать мы не могли — наше живое медицинское оборудование, наши пищевые технологии, живые корни и стебли нашей водопроводной системы требовали внимания ариекаев. А еще, я думаю, что-то в нас самих требовало проверки, толкало нас к тому, чтобы разобраться в происходящем. Словно мифические исследователи-полярники или пионеры хомо-диаспоры, мы смыкали наши ряды и несли аборигенам товары для обмена.

Дома содрогались, когда мы шли мимо, реагируя на нас, как организм на вторжение микробов. Ариекаи видели нас. Они шептались, а МагДа заговаривали с ними, и, судя по их ответам, они не всегда понимали, что мы здесь. Мы не имели значения. Мы проходили мимо молчавших гром-

коговорителей, установленных служителями, и возле каждого толпились ариекаи. Эти были самые заядлые: со временем мы научились различать степени зависимости. Они ждали новых звуков, шепчась друг с другом и с громкоговорителем, повторяя слова, которые в последний раз произносили ЭзРа.

Теперь Ра приходилось посулами и угрозами заставлять Эза говорить. Ему даже пошли на уступки — ведь его, словно капризного ребенка, то задабривали, то грозили ему наказанием, — позволили выбирать тему, в пределах бартерных договоренностей, конечно. И потому теперь мы постоянно выслушивали переведенные на Язык многословные истории из прошлого Эза. Если во время какого-нибудь похода в город включались громкоговорители и ЭзРа начинали вещать, то от них буквально некуда было деться. Один Бог знает, о чем думал Ра, произнося те банальности, которыми, по желанию Эза, должна была упиваться ариекайская толпа.

...Я всегда ощущал свое отличие от окружающих, твердили потом ариекаи. Мы шли через мозаику эзова эго, которую наперебой складывали вокруг нас десятки голосов. Она никогда меня не понимала,...так что теперь настала

моя очередь,...ничего уже не будет таким, как прежде... Было почти непереносимо слушать, как ариекаи повторяют все это. Эз, насколько я понимала, пропускал в своей жизни большие периоды. Он не просто травил байки, он излагал автобиографию. Именно тогда, доносился до меня голос какого-нибудь ариекая, начались серьезные проблемы, а что было потом, услышите, если немного подождете. Каждый свой рассказ он завершал, оставляя своего героя — то есть себя — в пиковой ситуации, как будто это могло обострить жажду его слушателей. Они слушали бы его не менее внимательно, если бы он излагал детали налога на импорт, или законы, регулирующие строительные требования, или пересказывал им свои сны, или читал наизусть списки покупок.

Обычно мы направлялись в какую-нибудь детскую по производству живых машин, в наполненный воспоминаниями крематорий, в резиденцию или громадное утепленное логово или куда-нибудь еще, усилиями МагДа или других послов находили там Хозяина, который был нам нужен, и пускались с ним в осторожнейшую дискуссию. Нелегкое это дело, переговоры с экзотом-наркоманом. Но все же обычно нам удавалось чего-нибудь достичь. И тогда в ком-

пании кого-то из Хозяев, или с клеткой, полной инструментов-паразитов, необходимых для нашего хозяйства, или вооруженные картами и планами, которые мы учились использовать и составлять, мы уходили тем же путем, каким пришли. Экспедиция всегда занимала целый день. Город неизменно реагировал на нас очень бурно, его стены покрывались потом, оконные отверстия распахивались. Уши, которые отрастили все дома, выжидающе двигались.

Это была еще одна причина, по которой мы предпочитали не ходить в город, когда передавали ЭзРа. Не одна я находила отталкивающей жадность домов и их обитателей, лихорадочное подслушивание стен.

Порядок, пусть относительный и не исключающий опасностей, все же существовал: коллапс мог оказаться абсолютным. Корабль прилетит. До тех пор нам придется жить на краю пропасти. Потом мы улетим, оставив позади целую планету ариекаев, которые будут изнемогать в ломке. Об этом, как и о том, что будет после, я не могла думать в тот момент. Немало времени пройдет, прежде чем мы позволим себе роскошь чувства вины.

В экспедициях нам не раз встречались одни и

те же ариекаи. Мы прозвали их Ножницы, Красная Тряпка, Скалли. При первых звуках передачи ЭзРа они навостряли уши так же быстро, как остальные. Но в остальное время они сотрудничали с нами, как прежде: по всей видимости, среди ариекаев тоже появлялись кадры вроде нас; те, кто, со своей стороны, тоже пытался поддерживать порядок. Им было труднее, ведь они были больны.

В Послограде тем временем стало все сильнее проявляться конструктивное начало. Школы и ясли заработали снова. Хотя никто не понимал, на чем теперь держится наша экономика, дежурные родители в основном не бросали своих подопечных, больницы и другие общественные учреждения продолжали работать как обычно. Суровая необходимость заставила горожан забыть на время о прибылях и взаиморасчетах, которые были двигателями системы производства и распределения в прошлом.

Не подумайте, однако, будто жизнь шла естественным путем. Послоград агонизировал. Возвращаясь из экспедиций, мы вступали на полные опасностей улицы. Нас сопровождали констебли. Рука не поднималась наказывать тех, кто решил встретить конец, пируя. К тому же

мы и сами когда-то прошли через вечеринки. (Я все ждала, когда же я, наконец, встречу на одной из них Скайла: но он мне так и не попался.) Но комендантский час был непоколебим. За его нарушение констебли даже стреляли в людей, их валявшиеся на улицах тела потом прикрывали в программах новостей расплывчатыми клеточками. В Послограде то и дело случались драки, вооруженные нападения, убийства. Люди кончали с собой.

На самоубийства тоже бывает мода, наши стали печальными и драматическими. Многие, надев маску для дыхания, просто выходили на так называемую Оутс-роуд и шли из Послограда в город; но и там не останавливались, а продолжали идти, пока, как утверждали некоторые, не проходили его насквозь; они шли навстречу судьбе. Но самым распространенным способом для тех, кто видел единственный выход в смерти, была петля. По какому протоколу, не знаю, но редакторы новостей решили, что бескровные тела повесившихся можно показывать открыто. Мы привыкли к виду висящих мертвецов.

О самоубийствах послов в новостях не рассказывали.

МагДа показывали мне кадры, на которых тела

Ген и Ри переплелись на одной кровати из-за спазмов, вызванных ядом.

— А где ШелБи? — спросила я. ШелБи и ГенРи были неразлучны.

— Исчезли, — ответили МагДа.

— Найдутся, — сказала Маг. Да добавила:

— Мертвыми.

— ГенРи не последние.

— Скоро это уже невозможно будет скрывать.

— Вообще-то, учитывая размеры населения…

— …уровень самоубийств среди послов превышает средний.

— Мы убиваем себя чаще других.

— Что ж, — сказала я. Ничего личного. — Полагаю, это неудивительно.

— В самом деле, — сказали МагДа.

— Ничего удивительного.

— А чему тут удивляться?

Мы переловили часть бродячих автомов и напичкали их софтом, какой имели, в надежде, что они поумнеют. Но они оставались непригодными даже для выполнения повседневных задач.

Эрсуль по-прежнему не отвечала ни на мои звонки, ни на звонки других, как я выяснила позже. Подсчитав, сколько дней я ее не видела, я устыдилась и внезапно испугалась. И пошла

к ней домой. Одна: у нее были другие знакомые среди новых служащих, но, если что-нибудь из того, что я себе навоображала, действительно произошло, то я не выдержу, если со мной будет еще кто-то.

Однако она почти без промедления открыла на мой стук.

— Эрсуль? — сказала я. — Эрсуль?

Она приветствовала меня со своим обычным сардоническим юмором, как будто ее имя не прозвучало вопросом. Я ничего не понимала. Она поинтересовалась, как я поживаю, сказала что-то о своей работе. Я не перебивала ее, пока она наливала мне выпить. Когда я спросила ее, где она была, чем занималась, почему не отвечала на мои сообщения, она сделала вид, что не услышала.

— Что происходит? — спросила я. Мне надо было понять, что она знала о нашей катастрофе. Я задала вопрос, ее лицо-аватар застыло, вздрогнуло и снова стало прежним, а она, как ни в чем не бывало, продолжала свою бессмысленную болтовню и бесцельные занятия. На мой вопрос она не ответила.

— Пойдем со мной, — сказала я. Я звала ее работать с МагДа, с нами. Звала в город. Но, стоило мне предложить ей покинуть комнату, как снова

повторялось заикание. Она словно перематывала назад пленку и, как ни в чем не бывало, продолжала болтовню о чем-то устаревшем или незначительном.

— Тут либо какой-то сбой, либо она делает это нарочно, — сказала мне потом замученная посольская программистка, когда я описала ей ситуацию. «Думаешь?» — вертелось у меня на языке, но она пояснила: с автомами такое бывает, они как дети, которые затыкают пальцами уши и поют «ничего не слышу».

Выходя от Эрсуль, я увидела на площадке перед ее дверью письмо, открытое и выброшенное. Она ничем не показала, что знает о нем, хотя я очень медленно наклонилась и, не сводя с нее глаз, подняла его.

«Дорогая Эрсуль, — было написано в нем, — я за тебя беспокоюсь. Конечно, происходящее пугает всех нас, но я все же тревожусь…» и так далее. Пока я читала, Эрсуль ждала. Интересно, какое у меня было лицо? Дух-то у меня захватило, это точно. Я читала, а ее аватар моргал.

Имени в конце письма я не узнала. Судя по тому, как оно плыло у меня перед глазами, когда я наклонилась, чтобы положить письмо назад, руки у меня дрожали. Сколько же у нее было дру-

зей? Может быть, я была ее центровой версией лучшей подруги, вхожей к служителям? Может, и у остальных тоже были свои ниши? И, наверное, мы все волновались за нее.

Это навело меня на мысли о КелВин, о том, какой бессмыслицей они могут быть заняты сейчас, и о Скайле, о котором я до сих пор ничего не слышала. Я несколько раз звонила Брену, но он, к моей тревоге и ярости, не отвечал. Тогда я пошла к нему домой, но мне никто не открыл.

Вряд ли я понимала, с чем имел дело Ра, пока не попала на дежурство к Эзу. Конечно, можно было просто приставить пистолет к его виску, но, когда мы начинали давить слишком сильно, он тоже грозился в ответ, а его поведение было настолько непредсказуемым, что приходилось считаться с возможностью того, что он возьмет да и перестанет говорить, назло, и черти с нами со всеми. Поэтому мы ограничивались тем, что по пятам ходили за ним повсюду, тюремщики, компаньоны и защитники в одном лице. Вот почему, когда наступало время выступления, он вовсю портил нам кровь, помыкал нами, как хотел, но, в конце концов, угрюмо соглашался.

Охранников к нему всегда приставляли, по крайней мере, по двое. Я попросилась в пару с

Симмоном. При встрече он пожал мою правую руку своей левой. Я вытаращила глаза. Правой руки, которой он пользовался долгие годы, этого ариекайского живого устройства, отличавшегося неопределенностью цвета и текстуры, зато в точности повторявшего строение терранской конечности, не было. Рукав его пиджака был аккуратно подколот булавками.

— Пристрастилась, — объяснил он. — При зарядке, наверное… — Он, как и Хозяева в своем городе, пользовался зелле. — У нее начались спазмы. Она пыталась отрастить уши, — сказал он. — Я ее отрезал. А она все равно пыталась слушать, даже лежа на полу.

Эз был в посольских комнатах ЭзРа. Он был пьян и ругался на чем свет стоит, обзывал Ра трусом и заговорщиком, придумывал всякие грязные прозвища МагДа. Гадко, но не гаже многих других скандалов, которые мне доводилось видеть. Ра, вот кто меня удивил. Он вел себя совершенно иначе, чем раньше. Тот, кого мы не раз дразнили за молчаливость, теперь так и сыпал эпитетами в ответ.

— Следите, чтобы он мог говорить, когда вернется, — бросил нам Ра. Эз сделал ему в ответ неприличный жест.

— Что, я и на вечеринку пойти не могу? Ублюдки, и это мне запретите, да? — Эз ныл, пока мы провожали его к месту действия на одном из нижних этажей посольства. Там мы встали на страже и стали следить, чтобы он не пил слишком много, хотя ни разу не замечали, чтобы избыток спиртного как-то сказывался на его способности говорить на Языке. Мы следили за ним и когда он трахался, и когда дрался. Огоньки на его обруче яростно мигали в поисках отсутствовавшего партнера, стремясь во что бы то ни стало установить связь, которой избегал Эз.

Могу сказать, что та вечеринка была депрессивной, как прогулка в аду: люди на краю света загоняли себя в забвение, оглушая наркотиками под грохот автогенерированных ритмов в дыму, сквозь который прорывались лучи света. Возможно, кто-то и находил вечеринку радостной. Эзу было скучно. Я оставалась бесстрастной, как часовой на посту.

Эз повел нас туда, где раньше был склад офисного оборудования, а теперь — эрзац-бар. Он пил там до тех пор, пока я ему не запретила, что только привело его в восторг, ведь теперь у него был повод поносить меня. В странноватом, на скорую руку слепленном помещении не было

никого, кроме бывших служителей и одного-другого посла. Им, похоже, было плевать, что каждая порция спиртного, которую он заливал в себя, подвергала наш мир все большей опасности.

— Твои друзья, — шепнула я ему и покачала головой. Он с полным спокойствием встретил мой полный отвращения взгляд.

В поисках безопасности послоградцы заняли в посольстве нижние этажи. Они превратились в трущобы. Мужчины и женщины, детские с питомцами и сменными родителями устраивались в стенных шкафах и комнатах для собраний, вывернув архитектуру наизнанку. Мы шли по коридорам, превращенным в ночные улицы, где уцелевшие светильники были перепрограммированы на дневной режим, а номера домов написаны мелом на дверях, прислонившись к которым болтали взрослые, пока дети играли, хотя им давно пора было спать. Послоград ушел внутрь.

Пьяный и плаксивый Эз принялся ругать Ра.

— Тощий кусок дерьма, — бормотал он, пока мы шли через полуавтономные зоны, порядок в которых поддерживали самопровозглашенные неопытные констебли. — Копирует меня, а потом строит из себя Большое Я. — Ра был един-

ственным в Послограде, кто пользовался теми же разговорными словечками и говорил с тем же акцентом, что и Эз. — Не понятно разве, что он делает? Легко ему разыгрывать из себя пай-мальчика, когда он… может… — Дешевые лампы вспыхнули над нашими головами, как сверхновые. — Не надо мне… — сказал Эз. — Я устал, я хочу все это прекратить… и пусть Ра оставит меня в покое.

Я сказала:

— Эз, мне кажется, я не понимаю, о чем ты.

— Пожалуйста, не называй меня так! Это чертово, чертово… это…

Я знала, как его звали раньше. Этот человек был когда-то Джоэлом Руковси. Теперь он стоял в заваленном мусором коридоре, а я смотрела на него. Ни Джоэлом, ни Руковси я называть его не могла, и снова сказала «Эз», а он, понурившись, не стал спорить.

Симмон и я вытаскивали его из драк, на которые он нарывался. Когда, наконец, ему и Ра настала пора пропеть свою рассветную песнь, произнести первую речь дня, он оскорблял нас как мог, пока мы тащили его вверх по этажам непохожего на себя здания, через нарождавшиеся воролевства, через зачатки трущоб, где зрели

новые формы жизни. В одной палате я потянулась к двери, но Эз остановил меня жестом и глазами попросил у меня один миг. В тот миг, единственный раз за весь вечер, я почувствовала к нему что-то, кроме презрения. Он закрыл глаза. Потом вздохнул, и на его лицо вновь вернулось выражение пьяного дебошира.

— Пошли давай, ты, ублюдок, — крикнул он и пинком отворил дверь. Ра и МагДа ждали. Под издевательства Эза они разомкнули объятия.

Мы наблюдали за ссорой ЭзРа. Когда Эз отпустил злое похотливое замечание насчет МагДа, Ра сорвался и закричал на него.

— Да кем ты себя вообразил? — захохотал Эз ему в ответ. — Что тут, по-твоему, происходит? «Не впутывай ее сюда»! Да неужели? — Даже мне пришлось прикусить губу, так насмешила меня эта неожиданная пародия, а Ра, кажется, стало немного стыдно. — Держи, — сказал потом Эз, пока звукоинженеры и биомеханики готовили его к трансляции. Ра прочитал бумажку, которую дал ему Эз.

— Ты не собираешься повторять вчерашнее? — сказал Ра. Его голос был на удивление спокоен.

— Нет, — ответил Эз. — Я хочу идти дальше. По-моему, вчера я остановился на интересном

моменте, так что давай сегодня с того же места и продолжим. — «Им безразлично! — хотелось крикнуть мне. — Можешь описывать хоть ковер у себя под ногами, эффект будет тот же».

Ра задавал вопросы насчет каденции и ритма, делал заметки на полях. У Эза копии не было: он знал наизусть все, что собирался сказать. Когда они заговорили, я смотрела не на них, а на город, который вздрогнул от первого порыва Языка, как только ЭзРа продолжили повествование о молодости Эза.

13

Если говорить цинически, то кто мы были такие? Никто, кучка неизвестных, флокеры, диссиденты из служителей, горстка драгоценных послов. Но наши ряды множились, и наши эдикты имели кое-какой вес. Послоградцы начали поступать так, как предлагали, просили или приказывали мы.

Мы — и прежде всего МагДа — изо всех сил поддерживали наши редкие ариекайские контакты. Мы много работали, работа стала для меня тогда анестезией от того, что я должна была почувствовать когда-нибудь позже: боль от оскорблений Эза, от случайно прочитанного письма Эрсуль. МагДа даже убедили кое-кого из наиболее сдержанных и сохранивших связность мыслей ариекаев прийти в посольство, не для паломничества к ЭзРа, а совсем для другого дела. Позже она, может, и отблагодарит их обрывком речи ЭзРа, тайком записанным без их ведома.

— Кое-кто из них понимает, что это проблема, — сказала Маг. — Эти ариекаи. По ним видно.

— Некоторые, — сказала Да.

— …у них там какие-то споры, какие-то…

— Некоторые из них хотят исцелиться.

Слухи ползли упорно, как грибок. Наши камеры по-прежнему носило по городу. Некоторых перехватывали антитела домов, появлявшиеся из них в виде сегментированных хищников. Но, убедившись, что никакой угрозы камеры не представляют, хищники оставляли их в покое. Репортажи рассказали нам о городе Хозяев больше, чем мы могли узнать за всю жизнь: слишком поздно. И всякое едва заметное движение, все, что мы видели там, снаружи, не понимая, где именно и что происходит, порождало всплеск новых историй о забытых тайнах, о пятой колонне, о служителях в добровольном изгнании, о старых обидах.

На фермах огромные стада биооборудования продолжали приносить нерегулярные урожаи. Биомагистрали продолжали поставлять оттуда технику и еду. Зависимость была химической: тонкая струйка обратного обмена сочилась из города в краали ариекаев-селян. Те побросали своих подопечных и пришли в город, снедаемые внезапной жаждой звуков, которых они никогда даже не слышали. Их заброшенные усадьбы болели, чахли и голодали. Стада биологического оборудования, медтехники и строительных

машин, похожие на перепоясанных носорогов производителей протеина и полимерных основ, одичали.

Когда их пастухи приходили в город, их никто не встречал. Сельские ариекаи заставали своих самых больных городских собратьев лежащими возле громкоговорителей, где те голодали в ожидании новой фразы. Мертвым не воздавали почести. Если дома вокруг были еще здоровы, то их животные размером с собаку съедали трупы; если же нет, то более медленные процессы внутреннего распада постепенно сравнивали мертвые тела с дорогой.

Часто вспыхивали драки. Ломка и потребность в наркотике выливались у ариекаев в агрессию. В поисках языка ЭзРа больные бросались на что угодно. Ариекаи поздоровее, обычно из провинции, еще топорщили веерное крыло, заявляя о своих агрессивных намерениях, но те, чья зависимость зашла уже очень далеко, не тратили времени на подобные формальности, а просто бросались на ошеломленного противника и молотили его крыльями и копытами. Раз я видела, как в разгар такой драки включилась передача ЭзРа. Дерущиеся тут же обмякли в тисках друг друга, точно обнявшиеся братья, а кровь продол-

жала течь из их ран.

— Дела опять пошли хуже, — сказала Да. — Так мы заразим всю планету.

— Но это не единственное, с чем нам придется бороться. — Это был Брен.

Он стоял в дверях. Подозрительно продуманная поза, как в раме.

— Здравствуй, Ависа Беннер Чо, — сказал он.

Я встала. Тряхнула головой, не веря своим глазам.

— Ах ты, чертов блудный сын, — сказала я.

— Блудный? — переспросил он.

— Где ты был?

— Блудный в смысле сумасбродный? — сказал он. — Или кающийся? — Он улыбнулся мне, не без натянутости. Я не отвечала ему целую минуту, но потом все-таки улыбнулась, во весь рот.

— Как ты попал сюда? — спросил кто-то из выдвинувшихся так недавно, что даже, под общий смущенный шепот, добавил: — И кто ты такой? — Ра пожал Брену руку и хотел его приветствовать. Брен отмахнулся.

— Нам придется бороться не только с ариекаями-беженцами, — сказал он. — Хотя они, безусловно, осложняют жизнь. — Он говорил монотонно и властно. — Есть еще кое-что.

Правда, что он не говорил на Языке с тех самых пор, как умер его двойник, но некоторые ариекаи, — сентиментально, хотя и ошибочно, назовем их старыми друзьями, — все еще приходили и рассказывали ему кое-что.

— Думаете, никто из них не хочет все исправить? — сказал Брен.

— Нет, мы знаем, — сказали МагДа, но Брен перебил их.

— Думаете, Хозяева сами не в ужасе? Конечно, думают они сейчас с трудом, но кое-кто из них все же думает. Знаете, как они называют ЭзРа? Бог-наркотик.

После паузы я осторожно сказала:

— Догадка.

— Нет, — сказал Брен. Он оглядел комнату, прикидывая, кто в ней еще помнит старое название сложного тропа.

— Это не костяной дом, Ависа. — И он постучал себя кулаком в грудь, в свой костяной дом. — Все куда проще. Это просто правда.

— Ха, — неуверенно сказал кто-то, — вот тебе и религия…

— Нет, это не она, — сказал Брен. — Боги есть боги, а наркотики — наркотики, но здесь, здесь мы имеем дело с городом не простых наркоманов,

а вроде как… верующих.

— У них же нет богов, — сказала я. — Как?…

Он перебил меня.

— Они знают о богах с тех пор, как мы прибыли сюда и рассказали им о том, кто это такие и что они делают. До нас они не могли говорить и про брюки, и про пустолеты, но теперь находят способы. И среди Хозяев есть те, кто готов на что угодно, лишь бы прекратить это. Их, может, и маловато, но лишь до тех пор, пока они не освободятся настолько, чтобы постараться освободиться еще больше. Но если они это сделают, тогда да. Тогда они покончат с этим как смогут. Следует задуматься о способах, к которым группа решительно настроенных ариекаев может прибегнуть, чтобы… освободить… своих страждущих соплеменников.

Он снова пришел ко мне в тот вечер, но уже без свидетелей, в мои комнаты. Он спросил меня, где моя подруга Эрсуль, а я сказала, что не знаю. Больше я в ту ночь почти ничего не говорила. Брену и самому было нечего сказать, но он пришел, и мы все же посидели, пока он говорил.

Я выходила из города. Трижды.

Посмотрев на ариекаев-иммигрантов из провинции, мы кое-что придумали. Были ведь такие,

кто, еще не покинув своих домов, уже начинал жаждать речей ЭзРа. Мы пошли к ним.

Наш летательный аппарат имел отверстия, в которые можно было высунуть голову и смотреть вниз, на землю. Аппарат испускал воздух порами своего живота, находившегося под таким давлением, чтобы отравляющая атмосфера снаружи не могла попасть внутрь. Я набирала полную грудь воздуха, а затем высовывалась и смотрела вниз.

В километре под нами лежали сельские угодья Хозяев. Плато, поля и простые массивные скалы, расколотые, с чем-то черным, вроде поросли, в провалах. Луга, пересеченные тропами, пестреющие жилищами. Снова живая архитектура: комнаты, подвешенные на газовых баллонах, следили за нашим полетом обычными глазами.

Выход за пределы Послограда, а затем и города, был не менее волнующим, чем погружение в иммер. Можно даже сказать, по-своему прекрасным. Внизу, плавно покачиваясь, огромные фермы ковыляли через поля вслед за своими владельцами — если они у них еще были, — а то и сами по себе. Симбионты чистили свои шкуры. Фермы рожали живые машины или их компоненты во влажных околоплодных оболочках.

Сады лишайника пересекал кишечник тру-

бопровода, веером расходившегося из города по всей округе и частично оставшегося под присмотром самых упорных крестьян. Вдали начинались степи, где бегали стада полудиких фабрик, которые дважды в год загоняли в корралы ариекайские ученые-гаучо. Мы надеялись разыскать кого-нибудь из этих ковбоев и сторговать у них отпрысков их подопечных.

Там были: я; Генрих, в прошлом владелец палатки на рынке, а теперь член нескольких новых комитетов; Сара, знавшая о науке ровно столько, чтобы быть полезной; посол БенТам. Посол были неухожены, сбиты с толку и обижены на весь свет. Но, в отличие от многих своих коллег, они сохранили чувство приличия и заботились о том, чтобы быть одинаково растрепанными.

Мы сели на склон холма, и, едва наш летательный аппарат начал пастись, трава издала горестный звук. Надев маски-эоли, мы собрали оборудование, разбили лагерь, связались с Послоградом, установили расписание. Еще раз сверились со списком наказов и пожеланий.

— По-моему, это племя не меняет реакторовщенков, — сообщила я по связи домой. — Поговорите с КелСи. Это ведь они занимаются заливными землями и культиваторами, верно?

Они здесь есть, и мусоросжигатели тоже. — И так далее. Вне города мы распределили охотничьи обязанности между несколькими командами.

Наши парные тележки были норовистыми, их передние конечности двигались волнообразно, как у многоножек. Мы до отказа загрузили их чипами с информацией, сплошь звуковыми файлами. Одни были краденые, другие легальные, записанные пусть с неохотного, но все же согласия Эза, которое он дал, когда мы объяснили ему эту систему.

Я, разумеется, волновалась куда больше, чем можно судить по моему рассказу. Сверху мне были видны просторы страны, в которой я родилась, где выросла и куда вернулась, которая была моим домом, но которой — всего того, что проносилось сейчас у нас за бортом, — я никогда не видела прежде. Вот как все было, и вот чем я занималась, и вот каковы были ставки. Я наблюдала неведомое время года и поверхность, подобной которой не видела никогда. Я побывала снаружи, но, по совести говоря, моя родная планета оказалась самым неродным местом, в котором мне довелось побывать.

Твари, похожие на гибрид анемона с молью, застывали при нашем приближении и разма-

хивали чувствительными щупальцами у нас за спиной. Наша повозка дребезжала по дороге к селениям, а животные, похожие на клочья бумаги, проплывали над нами в горячем небе. Фермерский дом в конце узловатого, в человеческий торс толщиной отростка трубопровода, был таким же живым, как и вся остальная архитектура. Какая-то башня, корчась, откладывала яйца с молодыми машинами. Похожие на бумагу птицы склевывали с нее паразитов. Хранители вздрогнули, увидев нас, и галопом бросились нам навстречу. Ферма присела.

В такой дали от города зависимость казалась слабее или выглядела иначе. БенТам скажут им про наши желания и спросят, что нужно им. Они знали, что у нас есть что-нибудь послушать, и громогласно требовали от нас этого, неудовлетворенные остатками затяжек от речей ЭзРа, которые попадали к ним из города через артерии трубопроводов, или тем, что они слышали по громкоговорителям в километрах от своих домов, или тем, что оставили предыдущие обменные команды.

Мы разложили свои товары — вуаля! — как коробейники перед горцами из старых книг. Я поставила чип, и с него донесся голос ЭзРа, гово-

ривщего на Языке: «Когда я был молод, умер мой отец, это было печально, но я получил свободу». Хозяева стали на дыбы и заговорили.

— Это у них есть, — объяснили БенТам. Они проигрывали его много раз, и он перестал на них действовать, а слушать его по-настоящему, то есть про отца Эза, им неинтересно.

Мы предлагали им другие отрывки его истории, дипломатические клише, разные мысли, прогноз погоды. Мы даром отдавали им «Мы рады росту возможностей технической помощи» и соблазняли их начальными звуками «Я сломал ногу, когда упал с дерева».

— Они спрашивают, есть ли у нас про неприемлемый уровень потерь в обрабатывающей промышленности, — сказали БенТам. — Им пересказывали это соседи.

Поторговавшись как следует, мы смогли дать им столько, чтобы хватило на приобретение нужных биомашин и инструкций к ним, советов по эксплуатации. Своими действиями мы способствовали распространению наркомании, и сами это знали. Мы привозили чистый продукт, речь ЭзРа, и эти еще не вполне впавшие в зависимость поселяне поддавались ей.

После того раза я еще дважды участвовала в

подобных поездках. А потом, вскоре после этого, не вернулся один из наших управляемых зверожаблей.

Когда наши камеры, наконец, нашли его, то передали съемки и трехмерные изображения его обожженной плоти и кишок, разбросанных по округе. Среди них, размозженные почти до неузнаваемости, лежали наши люди. Посол, навигатор, техник, служитель.

Посла ЛеНа я знала поверхностно, одного из членов команды — хорошо. Пока мы смотрели, я зажимала себе рот руками. Мы все были потрясены. Тела привезли в город и похоронили со всеми почестями, доступными в новых условиях. Наши команды обшарили гниющий остов.

— Корабль не был болен, по-моему, — доложил потом наш дознаватель на заседании комитета. — Не знаю, что с ним произошло.

В Послограде мы делали все, чтобы не дать восторжествовать праву сильного, но нас была лишь кучка эрзац-управителей, и мы могли только замедлить этот процесс. К нам присоединились еще послы, одни от страха, другие — воодушевившись примером МагДа. От остальных, разумеется, не было никакого толку. Еще двое покончили с собой. Некоторые дезактивировали свои обручи.

Когда я снова сопровождала Эза, он показался мне… не то чтобы спокойным, но каким-то надломленным. Доставив его, наконец, к Ра, я увидела ссору, еще более ожесточенную, чем прежде.

— Я могу сделать так, что тебе небо в овчинку покажется, — орал Эз. — Я про тебя такое знаю.

Выходя в город, мы вынуждены были огибать трупы домов и Хозяев. Смертельные поломки биомашин, которые, по замыслу их создателей, должны были быть вечными, добавляли к воздуху новые, неожиданные пары. Все чаще мы слышали, как ариекаи дрались вокруг громкоговорителей. Иные из них погибали от насилия своих, отчаявшихся; другие, нуждаясь в новой пище, просто умирали; а в иных местах происходили организованные жестокости, бандиты захватывали власть. Они забирали себе все чипы, которые мы им давали: они служили вознаграждением тем новым крутым парням, в приблизительном согласии с которыми нам с трудом удавалось поддерживать шаткую систему.

Как-то вечером, возвращаясь в Послоград, я отстала от коллег, чтобы счистить с ботинок мульчу гниющих мостов. Оглянувшись на город ариекаев, я вдруг увидела двух женщин, которые

смотрели прямо на меня.

Я видела их всего секунду. Они стояли у входа в какой-то переулок, друг против друга, всего в нескольких метрах от меня, и серьезными глазами глядели на меня, а потом исчезли. Я не могла бы описать их потом, может быть, даже не узнала бы их снова, но я знала, что лица у них одинаковые.

Лишь позднее, когда все опять стало плохо и установленные нами правила полетели ко всем чертям, я осознала, как я привыкла рассчитывать на то, что мы продержимся до прилета корабля, который заберет нас в полном составе.

Однажды вечером мы не смогли найти ни Эза, ни Ра, хотя они должны были говорить по расписанию. Никто не отвечал на звонки. На Эза это было похоже, но только не на Ра.

Ни в одном из его любимых местечек Эза не было. Мы прочесали опасные коридоры посольства: никто его не видел. Мы звонили Маг и Да, которые часто бывали рядом с Ра, но и они тоже не отвечали.

Мы нашли всех четверых в новых комнатах МагДа, на верхнем этаже посольства. Нас было несколько человек, констеблей и новых служителей вроде меня. Вступив в последний изгиб

коридора, мы увидели фигуру, съежившуюся на полу у дверей квартиры. Мы навели на нее ружья, но она не двигалась.

Это была Да. Подходя к ней, я думала, что она мертвая. Но тут она подняла голову и в отчаянии посмотрела на нас.

Мы вошли и застали страшную сцену. Неподвижную, словно диорама. Маг сидела на кровати в той же позе, что и Да за разделявшей их стеной. Она также поглядела сначала на нас, а потом на лежавшего рядом человека. Это был Ра, весь в крови. Рукоятка торчала из его груди, как рычаг.

Эз сидел чуть в стороне, тер руками лицо и голову, размазывая по ним кровь, бормотал:

— …Я, правда, не хотел, это был, о Господи, это был, слушай, я, мне так, это… — твердил он снова и снова. Когда он увидел нас, клянусь, что его лицо выразило такой стыд, который невозможно испытать, даже убив другого человека: он понимал, что сотворил со всеми нами. Моя рука задергалась, как будто рвалась выхватить ту штуку из груди ЭзРа.

Позднее мы выяснили, что ссора возникла, видимо, из-за МагДа. Состоялся обычный обмен бессмысленными, до автоматизма заученными фразами, за которыми крылись совсем иные, глу-

бинные страхи и обиды. Поверхностные детали не имели значения. Дело было не в словах, которые они выкрикивали, шаря в поисках орудий, одно из которых оказалось смертельным.

Мы не слишком привыкли к убийствам. Глаза Ра закрыл кто-то другой, а я взяла за руку Маг и вывела ее из комнаты. Горевать было некогда: слишком ясны были последствия случившегося. Я уже думала о крохотном запасе чипов с записями ЭзРа.

Когда я вернулась, другие уже тащили Эза прочь и уводили Да к ее двойнику. На несколько минут я осталась одна у тела Ра.

— Неужели нельзя было иначе? — сказала я. Кажется, я прошептала это вслух. Я сдерживалась изо всех сил, и мне это удалось. — Неужели ты не мог уступить? — Я положила ладонь на лицо Ра. Глядя на него, я качала головой, понимая, что теперь Послоград, и меня, и всех послоградцев ждет смерть.

Часть пятая
Записки

14

Эту смерть мы скрывали много дней. Необходимость держать ее в секрете нагоняла на нас тоску. Когда горожане все узнают, в Послограде начнется паника. Мне никак не удавалось убедить себя в том, что через три дня паника будет не меньше, чем сейчас: и все же мы, словно повинуясь какому-то инстинкту, продолжали держать все в тайне.

У нас было всего несколько записей ЭзРа. Эз проявил осторожность. Как-то раз мы рискнули повторить речь, которую ариекаи слышали раньше, но увиденная нами в записи реакция — оцепенение и последовавшие за ним драки возмущенных слушателей — напугали нас. Больше мы так не делали. Передач осталось дней на двадцать. Транслируя их на город, мы экономили как только могли.

Насколько можно было судить, у Хозяев складывалась новая иерархия. Суть ее была нам не ясна.

После убийства МагДа опять уравнялись, впервые за много дней. Они вошли в комнату, где проходило заседание нашего комитета, подтя-

нутые, неулыбчивые и совершенно одинаковые. Хорошо это было или плохо, я не поняла. Все равно долго это не продлилось.

Кое-кто выразил им соболезнования, которые они приняли. Их влияние не стало меньше, они оставались нашим фактическим лидером, слушали, обсуждали, делились мыслями и отдавали почти приказы. Отчасти выполняя их распоряжение, а отчасти потакая собственному любопытству, я стала сторожем Эза.

Его тянуло поговорить. Он непрерывно бубнил, переходя от оправданий к отвращению к себе, от злости к печали. А я сидела в комнате, где его держали, и слушала. Поначалу я пыталась выведать детали.

— Что произошло? — спросила я как-то у МагДа. Те взглянули на меня устало. Одна покачала головой, другая сказала:

— Какая разница. Просто дело уже давно шло именно к этому.

Многие высказывались за то, чтобы прикончить Эза. Я и другие возражали. МагДа взяли нашу сторону, и это все решило. По их расчетам, избыток милосердия должен был сослужить нам в конечном итоге лучшую службу, чем избыток мстительности. Даже тогда, когда никто из нас

по-настоящему не верил ни в какое будущее, МагДа планировали его.

Я жалела Эза, хотя и презирала, конечно, тоже. Мне казалось, что совершенный им чудовищный поступок не пройдет для него бесследно; что он либо очистит его, либо окончательно превратит в монстра. Меня шокировало то, что, убив человека, он умудрился остаться таким же жалким, как и прежде. Он глупо обижался. На все мои вопросы отвечал с детским нахальством. Он хотел рассказать мне свою жизнь, как делал с Ра, на Языке, для Хозяев. И продолжал с того места, на котором они остановились.

Он часто темнил. Например, он так и не сказал, с каким заданием его прислали к нам — а я не сомневалась, что задание у него было, — и о том, какая роль отводилась ему — и Ра — в свержении властей Послограда. Мотивы, которые заставляли его держать это в секрете, тоже были непонятны: впрочем, с мотивами всегда так.

Не знаю, как новость о смерти Ра — вернее, того, кто стал им чисто технически, — просочилась наружу, но о том, что его, а значит, ЭзРа, больше нет, узнали в Послограде. Охранник, шпионская осокамера, кто-нибудь из послов; двойник мог сболтнуть это временному партнеру просто ради

того, чтобы заполнить паузу. Знание переполнило Послоград. На четвертый день после смерти Ра я проснулась от колокольного звона. Секты созывали своих верующих. Я поняла, что скоро толпа, осознав бессилие служителей, начнет осаждать нас требованиями сделать хоть что-нибудь.

Послоград падет, быть может, еще до того, как на нас пойдут войной безумные ариекаи. И тогда в свободное от работы время, по разным причинам, среди которых преобладала внезапная тревога, ощущение того, что он, может быть, видит происходящее иначе со своей чудной точки зрения, и либо сам нуждается в моей помощи, либо, наоборот, может оказать помощь мне, я начала искать Скайла.

После того, что натворили при пособничестве Скайла КелВин, я старательно избегала любых расспросов о том, кто еще из послов мог участвовать в казни Сурль/Теш-Эчера. Я просто не могла думать об этом. Чего в этом было больше, трусости или прагматизма, я не знаю. В те дни незнание было благом: жить в Послограде было тогда и без того тяжело, а уж общаться с коллегами, зная о ком-то из них такое, и подавно. Я, наконец, увидела КелВин на собрании послов, куда пришли все: и те, кто состоял в комитете

МагДа, и распустившиеся, и трусливые. Я сразу направилась к ним.

— Где он? — спросила я Вина. — Скайл. — Теперь-то я не спутала его с двойником. Но ни один из них мне не ответил.

Мне позвонил Брен.

— Нападение на людей. В Карибском переулке.

Корвид доставил констеблей, МагДа и меня в горячую точку на окраине Послограда. Брен был уже там, внизу, с фонарем в руках он делал нам знаки, показывая, где сесть: дело было ночью. На другом конце улицы ариекаи шумно осаждали какой-то дом. Внутри оставалась небольшая группа терранцев. Тех, которые отказались покинуть район вместе с соседями.

— Идиоты, — сказал кто-то про них.

Ариекаи бросали в окна что попало: мусор, камни, стекло. Каждый из них по очереди хватался за дверь и начинал ее трясти, но отступал, обескураженный непонятным механизмом. Они кричали на Языке. Голос ЭзРа. Где он?

— Эти самые больные, — сказал Брен. — Они уже слишком далеко зашли, им мало того, что им дают сейчас. — Мы продолжали отчаянно экономить записи бога-наркотика. — Они знают, что терранцы здесь, и думают, что у них есть

голос ЭзРа, на чипах или где-то еще. Нечего так смотреть. Логика тут ни при чем. Они дошли до крайности.

Слетелись осокамеры. Мы наблюдали их работу. Что чувствуют люди, став свидетелями конца? В моем случае это было не отчаяние, а неверие в то, что происходило у меня на глазах, и бесконечное потрясение. В красной грязи под копытами ариекаев лежали останки человека. Терранца, растоптанного в кашу. Я была не единственной, у кого при виде него вырвался крик.

Камеры подлетали ближе. Одну выхватило из воздуха раздраженное дающее крыло. Констебли проверяли оружие, но разве мы смели напасть на ариекаев? О возмездии не было и речи. Кто знал, к чему оно может привести?

Офицеры обошли дом сзади, незаметно пробрались внутрь и потихоньку вывели перепуганных обитателей. Мы смотрели отрывочный репортаж: вот военные со спасенными людьми; а вот ариекаи, гремя панцирями, бросаются на дом. Движения стало больше. На помощь осаждающим шли еще ариекаи.

— Ну вот, — сказал Брен. Он нисколько не удивился.

Новеньких было пятеро или четверо. Я думала,

что они идут помогать своим, и потому была поражена, когда они, молотя грудными крыльями, словно цепами, клином врезались в осаждавшую здание толпу. Вставая на дыбы, они обрушивали копыта на своих собратьев, ломая их панцири. Бой был стремительным и ужасным.

Ариекайская кровь хлестала повсюду, слышались крики боли.

— Смотрите. — Я показала пальцем. Камеры порхнули с места на место, и на миг показали нападающих с другой стороны. — Видите? — У них на спинах не было крыльев. Только обрубки с остатками плоти на них. Брен зашипел.

Глубоко потрясенные обитатели дома подошли к нашему летательному аппарату и вместе с нами наблюдали схватку. Нападающие убили одного ариекая. Глядя, как он умирает, я думала об Улье. Лежащий Хозяин был весь в отпечатках копыт, окрашенных в знакомый красный цвет: тот, кто его убил, поскользнулся на останках затоптанного терранца.

— Значит… теперь у нас появились ариекаи-защитники? — спросила я.

— Нет, — ответил Брен. — То, что ты сейчас видела, о другом.

Мы перевели последних жителей с окраин По-

слограда в кварталы, для охраны которых у нас еще хватало констеблей и поспешно набранной милиции. Правда, кое-кого все же пришлось оставить. Ариекаи собрались там, где заканчивались наши улицы, и наблюдали, как съезжают их соседи-люди. Но мы специально подгадали переезд на время передачи ЭзРа: двойной голос звал, и ариекаи, забыв обо всем, с топотом помчались к громкоговорителям и оставили нас в покое.

Между превращавшимся в руины городом Хозяев и центром Послограда возникла зона отчуждения: наши дома, пустые скорлупки без мужчин и женщин, без единой ценной вещи, в которых осталось лишь старье и брошенное, ненужное барахло. Я помогала проведению исхода. А потом бродила по опустевшим комнатам в разреженном воздухе на краю дыхания эоли.

Энергию еще не отключили. В иных местах жители забыли погасить экраны и изображения, и теперь дикторы разговаривали со мной, рассказывая о тех самых переездах, которые оставили их в одиночестве, передавали интервью с МагДа, которые сурово кивали и настаивали на необходимости этой временной меры. Я переходила из одного опустевшего дома в другой и наблюдала, как притворяются мои друзья. Брала в руки книги

и безделушки и снова ставила их на место.

Эрсуль жила в этом районе. Я долго стояла у ее дома, думала, потом все же набрала ее номер. Позвонила в дверь. Впервые за много дней. Она не ответила.

Опустевшие улицы начали занимать ариекаи. Авангард самых отчаянных. Хозяева и их тоскующие живые батареи заселяли дома, а вскоре появлялись и медлительные падальщики, которых они раньше убивали как паразитов. Новые жильцы, с тревогой и непониманием глядя на экраны компьютеров, наугад тыкали кнопки и запускали никому не нужные программы, которые убирали комнаты, подсчитывали расходы и доходы, играли в игры, во всех подробностях организовывали быт исчезнувших жильцов. Но никакого Языка ариекаи не находили. Однако отсутствие наркотика не охладило страсть к нему: перелома не произошло; речь ЭзРа слишком глубоко проникла в их мозг. Вместо этого слабейшие из зависимых просто начали умирать. Среди терранцев тоже были потери: покончили с собой посол СидНей.

— Ависа. — Мне позвонил Брен. — Ты можешь приехать ко мне?

Он ждал меня. С ним были две женщины. Стар-

ше меня, но не старые. Одна стояла у окна, другая — у кресла Брена. Пока я входила, они наблюдали за мной. Все молчали.

Женщины были одинаковые. Двойники. Я не видела ни одного различия. Не просто двойники, но уравненные двойники. Передо мной стоял посол, которого я не знала. А этого, как я понимала, быть не могло.

— Да, — сказал Брен. И рассмеялся прямо мне в лицо. — Мне надо с тобой поговорить, — сказал он. — И мне надо, чтобы ты молчала кое о чем. Например, о том…

Одна из женщин подошла ко мне. Протянула руку.

— Ависа Беннер Чо, — сказала она.

— Вижу, ты в шоке, — сказала ее двойник.

— Вовсе нет, — выдавила я, наконец. — Почему в шоке?

— Ависа. — Это заговорил Брен. — Ависа, это Илл. — Как пишется ее имя, я узнала позже. Звучало оно как «ил». — А это Сиб.

Лица у них были совершенно одинаковые, умные, с тяжелыми чертами, но одежда разная. У Илл красная, у Сиб — серая. Я покачала головой. На обеих были эоли, расстегнутые и отдыхающие в нашем Послоградском воздухе.

— Я вас видела, — вспомнила я. — Один раз, там… — Я показала в сторону города.

— Возможно, — сказала Сиб.

— Не помню, — ответила Илл.

— Ависа, — сказал Брен. — ИллСиб пришли, чтобы… Через них я узнаю, что происходит.

ИллСиб — какое безобразное имя. Как только он его произнес, я поняла, что раньше они были послом СибИлл, а перестановка слогов стала частью их протеста.

— ИллСиб живут в городе, — мягко продолжал Брен. Разумеется. Он ведь сам намекал мне на существование неких тайных агентов. Вдруг до меня дошло, что он окликает меня.

— Ависа. Ависа.

— Почему я, Брен? — спросила я. Спросила так тихо, как будто мы были одни, хотя Илл и Сиб все равно меня слышали. — Почему я здесь? Где МагДа, где остальные?

— Нет, — сказал он. Он, Сиб и Илл переглянулись. — Слишком много дурной крови. Давняя история. ИллСиб и остальные слишком долго по разные стороны баррикад. Некоторые вещи не меняются. Но ты — другое дело. И мне нужна твоя помощь.

Передо мной раскрывалась тайна. Отступники,

перебежчики, послы-партизаны, неуемные разделенные. Что еще пряталось в этой проклятой бездне? Или кто? Может, Скайл? Дежурный Дед Мороз? В памяти вдруг всплыли глупые детские сказки, которые уже не казались такими глупыми. Вспомнились вопросы, на которые не было ответа, и я подумала о тех, кто оставил Послоград за многие годы, кто повернулся к нему спиной, и спросила себя: почему?

— Послоград умирает, — сказала Илл. Она показала на окно и на Сиб, которая стояла у беззвучно работавшего экрана. Самые страшные, самые изголодавшиеся по Языку ариекаи приближались. Они двигались перебежками, шаркая неуклюже, как марионетки в руках неопытного кукловода. Обессиленные, по-разному изувеченные ариекаи бродили по нашим улицам без всякой ясной цели, движимые лишь одним желанием — утолить голод, но они убивали на своем пути всех, и нас, и друг друга. Окраины сделались недоступными: нападения участились, гнев ариекаев искал выхода.

Камеры показывали тех, кто, достигнув преклонного возраста, болтая съедобными животами, бездумно забредал в Послоград. Никто из ариекаев за ними не присматривал. Зрелище

было еще то. Поговаривали, что в промежутках между эйфориями от слов ЭзРа некоторые ариекаи пожирали не сопротивлявшихся стариков, как им предписывала природа, но запрещала культура.

Кругом все рушилось, а мне вдруг страшно захотелось расспросить ИллСиб о том, где они побывали, что видели и чем занимались с тех пор, как скрылись из Послограда много лет назад. Они ведь жили так близко, может, в каком-нибудь живом доме, который выделял для них воздух вместо пота. Что они делали? Консультировали? Работали на ариекаев? Были независимы? Или торговали информацией и посредничали в теневых экономических операциях, о которых я не имела понятия? Заодно мне подумалось, что невозможно так долго существовать в таком глубоком тылу без пособничества и покровительства кого-то из Послограда.

— Ты говорил, что они нам не помогали, — сказала я. — Те бешеные ариекаи, которые пришли и напали на других.

Брен подтвердил:

— Не помогали.

ИллСиб сказали:

— Появляются фракции.

— Некоторые ариекаи не хотят больше думать.

— Они умирают.

— Это они разоряют наши окраины.

— Но есть другие, которые пытаются поддерживать подобие порядка. Приспосабливаться к новым условиям.

— Управлять своей зависимостью.

— Ради этого они пробуют разные средства. Даже отчаянные.

— Повторяют друг другу фразы ЭзРа, надеясь получить желанный эффект.

— Захватывают в своих районах власть.

— Вводят нормирование ваших передач.

— Организовывают посменное слушание разными группами, чтобы все было более…

— …цивилизованно.

— А есть и инакомыслящие, которые хотят изменить все.

— У нас ведь есть секты, — сказал Брен. — Теперь и у них они тоже есть. Только они не поклоняются богу. Они его ненавидят.

— Они знают, что их миру приходит конец, — сказали ИллСиб.

— И некоторые из них хотят построить новый.

— Они презирают других ариекаев.

— Это вы и видели.

— Наркоманов они называли… — Они произнесли это слово вместе, на Языке.

— Раньше они их так называли, — сказала то ли Илл, то ли Сиб, — но больше не могут.

— Это значит «слабые».

— «Больные».

— Это значит «вялые».

— Лотофаги.

— Они хотят построить новый порядок.

— Как?… — спросила я. Мне вспомнились обрубки их спинных крыльев. Теперь они никак не называют своих собратьев потому, что не могут слышать, а значит, и говорить, у них больше нет Языка. — О, я… — начала я. — О, Господи. Они это сами сделали.

— Чтобы избежать искушения, — сказал Брен. — Лекарство плохое, но действенное. Лишившись слуха, их тела перестают нуждаться в наркотике. Так что теперь есть лишь одна вещь, которую они ненавидят больше, чем своих зависимых собратьев — саму зависимость.

— Или, говоря другими словами, нас, — сказали ИллСиб.

— Попадись вы им на глаза…

— …они прикончили бы вас раньше, чем своих.

— Их не так много, — сказал Брен. — Пока. Но без речей ЭзРа, без наркотика, они единственные ариекаи, у кого есть план.

— Из ариекаев план есть только у них, — сказала Сиб. — Но у нас он тоже есть.

— У нас, — сказала Илл, — есть план.

Побывав снаружи, я знала, что здание нашего посольства вовсе не такое огромное. В разных странах на других планетах я видела постройки и помощнее: высоченные, усиленные гравитационными кранами; более обширные. Но и наше здание было не маленьким. Я почти не удивилась, узнав, что его выполненный в виде завитка раковины план скрывает целые коридоры и даже этажи, в которых я не то что не была, но даже не подозревала об их существовании.

— Вы знаете, что делать, — сказали нам ИллСиб. — Вам нужна замена.

— Так откройте чертов изолятор.

В этом состояла суть их плана, который Брен изложил комитету МагДа как свой. Я так и не поняла до конца, зачем он представил меня ИллСиб, но он не ошибся, доверившись мне. На одном из верхних этажей посольства, в ряде концентрически расположенных комнат и коридоров, находилась закрытая зона. Я шла за теми, кто

знал дорогу туда.

Послы и служители комитета ужаснулись, услышав, что предложил Брен. Он настаивал, ссылаясь на имена и факты, непонятные тем, кто ничего не слышал об изоляторе. Я притворялась, будто тоже ничего не понимаю.

— Там могут оказаться те, кто будет нам полезен, — сказал Брен.

— А как мы это узнаем? — спросили МагДа.

— В этом заключается трудность, — сказал Брен. — Нам нужен испытательный субъект.

Всего в нескольких улицах от нас нарастала анархия отчаявшихся ариекаев, и все больше наших домов падали ее жертвами. Послоградцы, по глупости отказавшиеся оставить районы, близкие к границе города, нередко, повернув за угол, сталкивались нос к носу с изголодавшимися чудовищами, которые набрасывались на них и требовали говорить, говорить голосом ЭзРа. Те, разумеется, не могли, и тогда ариекаи хватали их и вспарывали им животы. То ли от ярости, то ли в надежде на то, что желанный звук вырвется из проделанных ими отверстий.

Я не верила в наш план. Мы, команда похитителей, пошли в город пешком. Дым и птицы кружили над нами. Тогда в Послограде уже на-

стало время микрополитиков: группы мужчин и женщин захватывали власть на территории в две-три улицы и подчиняли их жителей себе, вооружившись гаечными ключами, револьверами или грубо сделанными пистолетами-зверями, которых у них не должно было быть и которые слишком сильно сдавливали державшую их руку, выжимая из нее кровь.

— Ну и где ваш ЭзРа, вы, ублюдки? — кричали они нам. — Думаете все исправить, а? — Кое-кто из самозванцев орал, что они собираются напасть на Хозяев. Если так, то им хватило бы сил завалить пару-тройку самых слабых, но против тех агрессивных, которые искалечили себя, у них не было шансов.

Сначала нужно было пройти кольцо потерянных нами улиц Послограда, куда за ариекаями последовали их домашние растения. Теперь их пышные ветки или похожие на глазурь стебли скрывали то, что еще совсем недавно было нашими домами. Наш воздух уже мешался с их атмосферой.

Оружие мы держали наготове. Ариекаи видели нас, но теперь уже они, а не мы, начинали кричать, бросались к нам, убегали прочь. ЭзРа, ЭзРа, его голос, где голос?

— Убивать только в самом крайнем случае, — сказала Да. Мы нашли одинокого ариекая, который маялся в отсутствии слов.

Идем с нами, сказали ему МагДа.

ЭзРа, ответил ариекай.

Идем с нами, повторили МагДа, и ты услышишь ЭзРа.

Мы вызвали корвид. Он был древний, из металла, силикона и полимеров: полностью терратех. Пользоваться более сложной техникой мы опасались: созданная на стыке терратехнических и местных биомеханических традиций, она могла оказаться зараженной. Или заразиться в полете, через выхлопы или даже через характерное гудение, издаваемое другими летунами.

Ариекая, который пошел с нами, звали Шоаш/Ту-Туан. Он стеснялся и страдал от своей потребности в голосе бога-наркотика. Кроме того, он был истощен физически, хотя, похоже, не замечал этого. Мы дали ему еды. Он пошел с нами потому, что мы обещали ему голос ЭзРа. Мы привели его в изолятор. Я была не единственной комитетчицей из бывших простолюдинов, кто не подозревал о существовании этого крыла. Сделав несколько непредсказуемых поворотов и поднявшись по нескольким лестницам, мы оказались у тяжелой

двери. Возле нее даже стояла стража. Точнее, охранник, поскольку военные в такое время были наперечет.

— Получил ваше сообщение, посол, — сказал он МагДа. — Но я по-прежнему не знаю, могу ли я… э-э-э… — Он поглядел на нас. На запуганного ариекая, который был с нами.

— Время сейчас военное, офицер, — сказали МагДа. — Вы ведь не считаете…

— …что старые законы еще действуют.

— Впустите нас.

За дверью нас встретили и провели внутрь служащие в форме. Они были взволнованы, как и все остальные, но не столь явно. Вообще в этих потайных коридорах сохранялась притворная обыденность: я уже много недель не бывала в таких местах, где ритмы повседневной жизни казались бы столь мало затронутыми кризисом.

Санитары с картами и лекарствами ходили из комнаты в комнату. Я даже подумала, что эти ребята так и будут ходить туда-сюда до тех пор, пока изголодавшиеся по словам ариекаи не ворвутся внутрь и не убьют их. Наверное, в Послограде были и другие места, где динамика обыденной жизни сохранялась в более или менее нетронутом виде: отдельные больницы, школы

или дома, где дежурные родители с особенной нежностью заботились о своих подопечных. В любом гибнущем обществе находятся свои герои, чей героизм состоит в том, чтобы не поддаваться переменам.

Изолятор был не просто изолятором, но также приютом и тюрьмой для несостоявшихся послов.

— Как будто невозможно ошибиться, когда пытаешься сделать из двух людей одного, — с презрением шепнул мне на ухо Брен.

Послов выращивали волнами: мы шли через комнаты, заселенные мужчинами и женщинами одного возраста. Сначала тянулся коридор людей среднего возраста, заключенных под стражу неудачников старше половины мегачаса, которые без всякого выражения смотрели в камеры или в окна с односторонней видимостью: мы их видели, они нас нет. Двойники сидели в разных комнатах, наверное, без обручей или с настолько ослабленной связью, что разделение не доставляло им неудобства. Заглядывая в одну комнату, я видела лицо, в следующей — его дубль, и снова лицо и дубль.

Одни камеры были пусты, без окон и без мебели, окна других, украшенных богатыми тканями, выходили на Послоград и на город. Иные обитате-

ли были ограничены в движениях электронными ошейниками и даже связаны. В основном немощные, как назвал их сопровождавший нас врач, молчали, но одна, ограниченная в движениях, долго и изобретательно ругалась нам вслед. Как она увидела нас сквозь непроницаемое стекло, не знаю. Мы видели, как двигаются ее губы, а через несколько шагов, когда доктор нажал на какую-то кнопку, услышали и слова. После этого он перестал мне нравиться.

Везде было чисто. Стояли цветы. Там, где возможно, над комнатами обитателей были написаны их имена с почетными званиями: посол ГерОт, посол ДжасТин, посол ДагНей.

Иным из них просто недоставало эмпатии, и, несмотря на все тренировки, препараты, обручи и принуждения, они так и остались просто двумя отдельными людьми, неразличимыми внешне, но не умеющими притворяться единым мозгом. Многие были в той или иной степени безумны. С легкостью говоря на Языке, они, тем не менее, оставались непредсказуемыми, мрачными, угрюмыми. Опасными. Были и такие, кто сошел с ума в результате разделения. Не смог, в отличие от Брена, перенести смерть двойника. Это были сломленные люди-половинки.

Разновидностей неудачников было много. Куда больше, чем послов. Их количество потрясло меня. «Я же не знала», — твердила я себе. Цивилизованность мешала нам их прикончить: так и возникла эта изысканная тюрьма, где они жили в ожидании естественной смерти. Я достаточно хорошо знала историю терранцев, чтобы понимать: неудачники не все были неудачниками в полном смысле этого слова, многих из них решили считать таковыми по политическим мотивам. Я читала все до единой таблички с именами, мимо которых мы шли, пока не поняла, что ищу знакомые, например ДалТон — имена диссидентов, которыми интересовались только дурные граждане вроде меня. Но их не было.

Затем следовало отделение для крайних случаев, там люди, старше моих дежурных родителей, кричали, подражая разным животным, или подчеркнуто вежливо разговаривали через камеры со своими санитарами, или сами с собой.

— Господи Иисусе, — сказала я, — Христос Фаротектон.

Страдавший от ломки ариекай нечаянно испражнился. Осознав, что он наделал, он сказал что-то в знак стыда: у Хозяев, так же как и у людей, публичное испражнение было под запретом.

Думаю, что врачи нарочно вели нас дальним путем туда, где должно было состояться слушание. Так что мы поневоле заглядывали в одну комнату за другой. Мы оказались в коридоре, где стены были ярче, чем прежде, а экраны были снабжены приспособлениями для игр, и, Господи, помоги мне, все это показалось мне столь неподходящим, что я даже не сразу поняла, в чем дело. Там жили молодые послы, те, кому было по пятьдесят килочасов от роду, не больше. В окошки на их дверях я не заглядывала, и рада, что не видела детей, которым ничем нельзя помочь.

Оказавшись в большой комнате, мы попросили Шоаш/Ту-Туана послушать. Врачи одного за другим приводили пациентов, которых считали наиболее подходящими кандидатами, и всех в сопровождении санитаров.

Нам не годились ни те, кто так и не смог овладеть Языком, ни самые неуправляемые. Но были пары, которые всю жизнь провели взаперти без всякой своей вины, только за то, что в их речи, когда они говорили на Языке, чего-то не хватало, какой-то малости, которую не улавливало человеческое ухо. Многие из них сохранили рассудок. Они-то и были теми, на кого мы делали ставку.

Перед нами стояли двое, мужчины, лишенные

присущего послам обаятельного высокомерия. Напротив, им, кажется, было неловко от любезности, с которой мы к ним обращались. Звали их КсерКсес. Ариекай произвел на них неизгладимое впечатление: они уже много лет не видели ни одного Хозяина.

— Сначала они умели говорить на Языке, — сказал нам врач, — потом вдруг разучились. Почему, неизвестно.

КсерКсес были вежливы и не проявляли любопытства.

— Вы помните Язык, посол КсерКсес? — спросила их Да.

— Что за вопрос!

— Что за вопрос! — сказали КсерКсес. — Мы же посол.

— Мы же посол.

— Не могли бы вы сейчас поприветствовать нашего гостя?

Они поглядели в окно. Город, местами обездвиженный и обесцвеченный ломкой, покрывался струпьями.

— Поприветствовать? — сказали КсерКсес.

— Поприветствовать?

Они сблизили головы и забормотали. Они готовились, долго, перешептывались, кивали. Мы

потеряли терпение. Они заговорили. Классические слова, хорошо известные даже мне.

— Сухайль каи шу/шура сухайль, — сказали они. «Очень приятно видеть вас у нас, мы рады, что вы пришли».

Ариекай вскинул кораллы глаз. Мне показалось, вероятно, потому, что я этого хотела, будто именно так делали ариекаи, когда слышали речь ЭзРа. Шоаш/Ту-Туан медленно оглядывал комнату.

Но он смотрел просто потому, что услышал новый шум. Точно так же он реагировал бы, случись мне уронить стакан. Его интерес угас. КсерКсес сказали еще что-что, вроде «Не поговорите ли теперь вы со мной?». Ариекай не обратил на них внимания, КсерКсес заговорили опять, но их голос распался, развалился надвое, подрез говорил одно, поворот — другое. Звучало это неприятно.

Не думаю, чтобы в их речи не было совсем ничего от Языка. Было что-то, какой-то осадок, который и уловил ариекай. Я много думала потом о его движении, и, по-моему, он не встрепенулся бы так от какого угодно звука. Конечно, этого все равно было мало, так что какая разница, и все же я думаю, что и КсерКсес, и многие другие владели призраком Языка.

Посла КсерКсес увели к себе. Они не сопротивлялись. Более того, возвращаясь в свое заточение, один послал нам извиняющийся взгляд, клянусь!

Другие: постарше; помоложе; потом, о ужас, две пары подростков, лезших из кожи вон, чтобы угодить нам. Одни были уравнены и одинаково одеты; другие нет. Одна пара, примерно моего возраста, ФейРис, сначала разыгрывали ледяное безразличие, но потом, когда мы попросили их говорить, старались, как могли. Шоаш/Ту-Туан долго смотрел на них, как будто узнавая, но этого было мало. ФейРис были первыми из наших кандидатов, которые осыпали нас проклятиями, когда их уводили — уволакивали — назад.

Я наблюдала за МагДа. Я любила их, восхищалась ими. Они знали об этом все.

Перед нами прошли семнадцать послов. Двенадцать, как мне показалось, хорошо говорили на Языке. Девять произвели кое-какое впечатление на ариекая. Трижды я думала, что мы, похоже, нашли тех, на кого надеялись ИллСиб, тех, кто был нам нужен, чтобы заменить ЭзРа и спасти Послоград. Но того, чем они обладали, было недостаточно.

Если язык ЭзРа был наркотиком, думала я, то,

может, в один прекрасный день найдется такой посол, чьи речи окажутся ядом. Мы поставили Шоаш/Ту-Туану один из последних чипов. Он весь обмяк и, содрогаясь, слушал словоблудие ЭзРа насчет самого большого дерева, на которое залезал Эз. В изоляторе не было никого, кто мог бы нам помочь.

— Такое не повторяется, — сказала нам одна из докторов. — Эти… — Она показала рукой на стену комнаты, за пределами которой томились в своих камерах ошибки. — Они просто не в совершенстве владеют Языком. А это не то же самое, что ЭзРа. Двое случайно выбранных людей не должны уметь говорить на Языке. Такого просто не бывает. Появление ЭзРа и в первый раз было не то что маловероятно, а невозможно. Как же вы думаете найти их во второй раз?

Неудивительно, что ЭзРа не выжили. Вселенная исправляет свои ошибки. Мы сидели на заседании комитета.

— Это место надо закрыть, — сказала я.

— Не сейчас, Ависа, — ответили МагДа.

— Оно чудовищно.

— Господи, не сейчас!

— Закрывать будет нечего…

— …а может, и некому, если мы не пошевелим

как следует мозгами сейчас.

Итак, молчание. Примерно раз в минуту кто-нибудь из нас вскидывал голову с таким видом, как будто хотел что-то сказать, но говорить было нечего. Кто-то хлюпал носом, точно собираясь заплакать.

МагДа шептались друг с другом.

— Приведите сюда всех ученых, каких найдете, — сказали они, наконец. — Специалистов по сборке, биологов, медиков, лингвистов…

— Кого только сможете.

— И этого ариекая.

— Шоаш/Ту-Туана. — Они переглянулись. — Делайте с ним, что должны.

— Изучите его.

— Разберите его на части.

Они ожидали возражений. Их не последовало.

— Разберите его на части и выясните, что происходит.

— Внутри. В его костяном доме. — Они бросили взгляд на Брена и меня. — Когда он слушает ЭзРа.

— Узнайте, что внутри него происходит.

— Может, тогда мы сможем синтезировать это как-то иначе.

Вот так, под их руководством, мы замыслили убийство Хозяина. Не для самозащиты, а из

расчета. Послоград становился другим местом. Отвага Маг и Да потрясли меня. Это был ужасный поступок. МагДа знали, что инициатива должна исходить от них.

Не думаю, что кто-нибудь из нас всерьез верил в то, что внутренности ариекая откроют нам секрет его зависимости, но все были согласны попробовать. И потом, все равно мы все должны были скоро умереть, так что пора было принимать новые решения, и МагДа показали нам одно из них. Они взяли на себя ответственность продемонстрировать всем, что такое жизнь во время войны. Они дали нам надежду, хотя и не без примеси эгоизма. Более самоотверженного поступка я не видела никогда.

15

Проведенная в изоляторе вивисекция наркомана не дала ничего.

Не прошло и нескольких дней, как все в городе узнали, что комитет пытался отсрочить грядущее, создав нового ЭзРа, но потерпел крах. Слухи расползлись потому, что слухи вообще имеют обыкновение расползаться. Слухи воюют с тайнами, выигрывают, порождают новые тайны, с которыми борются новые слухи, и так далее.

Маг и Да заставили нас вступить в войну. Поздно, но те из нас, кто еще не совсем поддался отчаянию, строили баррикады. Окраины Послограда мы уже сдали. И теперь на внутренних улицах выволакивали из брошенных домов все, что можно, разбивали на куски и сваливали обломки поперек дороги. Землекопы рыли траншеи и покрывали баррикады кусками нашего асфальта и ариеканской почвой под ним. Потом все это заливалось для прочности пластоном и цементом, и выставлялись огневые точки для защиты нашего города в городе от ариекаев в нужде.

Здания превратились в пулеметные башни. Кое-какое оружие у нас было всегда, к нему

добавили добычу из бременских складов, а инженеры и сборщики соорудили новую артиллерию. Мы проверили всю свою технику на наличие биомеханических компонентов, безжалостно уничтожая ее при малейших признаках зависимости. Зараженные машины, визжа, горели на кострах, словно еретики на аутодафе.

Но время уже ушло, мы это знали. Посол ЭдГар повесились. Они состояли в комитете. Их кончина снова вызвала у нас шок. Послы завели моду на самоубийства, и простые горожане шли по их стопам.

Мужчины и женщины собирались у баррикад по нашу сторону границы, каждый в эоли, каждый с ножом, дубинкой или пистолетом, сделанным или выращенным самостоятельно. Перевалив через укрепления, они уходили туда, где еще недавно были просто улицы, а теперь лежала ничейная земля. Они бросали нас, растекаясь по узким переулкам, держа наготове оружие в подражание нашим констеблям или полицейским из боевиков, которые присылал в миабах Чаро-Сити. Иногда, на самой границе поля зрения, мы видели ариекаев, которые поджидали храбрецов, стоя у своих чахнущих домов.

Мы не останавливали этих исследователей на

раз. Сомневаюсь, что они надеялись избежать общей участи Послограда, выйдя во враждебную атмосферу помешавшегося города экзотов. Думаю, им просто нужно было что-то делать. Мы звали их идущими на смерть. Первые ушли почти незамеченными, но потом у баррикад начали собираться толпы, которые подбадривали их криками.

На ариекаев было страшно смотреть. Все были больны, все голодали. Одни отощали, других, наоборот, раздуло от голода; глаза изменили цвет до неузнаваемости; двигались они рывками, приволакивая непослушные конечности. Спинные крылья дрожали. Некоторые еще пытались продолжать работать с нами. Превозмогая зависимость. Чтобы доказать свои добрые намерения, они собирались у подножия наших защитных сооружений и демонстративно стояли, не пытаясь перелезть через них. Они вызывали нас. Мы приглашали МагДа или РанДольф или другого посла из комитета, и они начинали переговоры.

Иногда Хозяева доставляли нам энергию, топливо, чудом сохранившие здоровье биомашины. Мы давали им еду и лекарства, которые они больше не в состоянии были производить. И обещали им голос ЭзРа, единственное, чего они желали.

Если у них и возникали какие-либо сомнения касательно обмана и механизма его работы, то они ничем их не выдавали. А просто безнадежно ждали. Они часто разбегались в разные стороны, но только когда на них нападали утратившие самоконтроль родичи.

Самые отчаянные оратеи, те, которые уже не отдавали себе отчета в последствиях своих действий, разбегались, заскакивали на баррикаду и карабкались по ней, цепляясь крыльями и выкрикивая что-то на Языке. Этих мы отпугивали. Убивали только когда не было выбора. Я видела, как в ариекаев стреляли, разносили их на куски взрывчаткой, жгли едкой слюной биомашин, резали ножами. Когда кто-нибудь убивал своего первого ариекая, уважение к ним, впитанное ими с молоком матери, пропадало: пулеметчики плакали. Но только в первый раз.

Опустевшие улицы заняли животные. Измененные барсуки, лисицы, обезьяны с любопытством бродили по изрытым колесами дорогам. Трункаторы карабкались по водосточным трубам и суетились у неплотно закрытых окон. Время от времени кто-нибудь из охраны подстреливал одного, и тогда остальные бросались врассыпную, но скоро подстрелить терранского зверя стало

считаться дурной приметой. Вместо этого начали на спор стрелять странную, порхающую и ковыляющую ариеканскую живность, которая тоже стала появляться в городе. Однако никто точно не знал, откуда взялись трунки, ариеканские они или терранские, и потому их на всякий случай оставили в покое.

Мы старались не думать о том, как жалки наши запасы еды, энергии и других вещей, необходимых для жизни. Вместе с баррикадами из обломков нашей прошлой жизни складывалась и легенда о сопротивлении, о последней битве с наступающей ордой. И это помогало. Вечерами люди возвращались в те немногие кварталы, которые остались у нас. Удивительно, в чем мы тогда находили утешение. Люди искусства зарылись в архивы, провели настоящие раскопки в залежах цифровых носителей, погрузились в прошлое на миллионы килочасов, добрались до эры, когда человечество еще не было диаспорой. И извлекли оттуда потрепанные старые фильмы, которые показали нам.

— Вот эти, похоже, кавказоиды или римляне, — объяснял мне один из организаторов. — Хотя говорят они на раннем англо. — Мужчины и женщины, в угоду какому-то неуклюжему сим-

волизму совершенно бесцветные, укрепились в доме, где оборонялись от невероятно отвратительных существ. Цвет вернулся, и протагонисты оказались в полной припасов крепости, на которую безжалостно наступал еще более отвратительный враг. Разумеется, их историю мы восприняли как свою.

Мы знали, что ариекаи нащупают слабое место в нашей обороне. Они уже захватили дома, стоявшие вплотную к нашей зоне, отыскали в них черные ходы и боковые двери, большие окна, отверстия. Некоторые выскакивали из парадных на наши улицы и разрывали на части всех, кто попадался им на пути. Те, кто сохранил остатки памяти, пытались пробраться к посольству. Эти приходили ночью. Они были как монстры в ночи, как герои детских страшилок.

Были и другие опасности: среди людей развелось немало бандитов. Ходили слухи, что в одной банде вместе с терранцами состояли кеди и шурази. Доказательств не было. И все же когда у нашей главной баррикады был найден мертвый шурази, несомненно, убитый людьми, сразу зашептались, что он был членом той самой банды, и убили его якобы поделом. Шурази умирали только насильственной смертью или от несчастного случая,

и потому для них гибель сородича — не важно какого — было событием, потрясающим устои мироздания, вроде Грехопадения для нас.

Не все ариекаи, чьи трупы мы находили, погибали от рук людей или от непредсказуемой ярости своих больных собратьев. Иные были отмечены следами жестокости куда более осознанной и преднамеренной.

— Это те, которых мы видели, — объяснил мне Брен. — Без спинных крыльев. Нас беспокоят только наркоманы, а следовало бы подумать и о них.

— Где ИллСиб? — спросила я.

— Они не сумасшедшие, знаешь ли, — сказал он. — Есть и другие возможности жить в городе. Илл, Сиб… и другие. Не все и не всегда можно делать через послов.

— Эту лавочку пора прикрывать, Брен. Господи. Они не могут так жить.

— Знаю.

В ту ночь я осталась с ним, во второй раз. Мы разговаривали еще меньше, чем в первый раз, но это было хорошо, в ту ночь больше и не было нужно.

— Как ты думаешь, есть такие языки, на которых говорят в три голоса? — спросила я в какой-то

момент.

— Вселенная большая, — сказал он. — Наверняка есть. И в четыре, и в пять.

Я сказала:

— И места, где экзоты говорят на англо так, что у людей сносит крышу.

Мы стояли у окна, голые, его рука лежала на моих плечах, моя обвивала его талию, и слушали выстрелы, крики, звон бьющегося стекла.

Рано утром Брен получил известие. От кого, не сказал, и меня это злило. Зато заставил меня бежать с ним к границе. Надвигалась орда ариекаев. Они мчались на баррикады сплошной волной, вложив последние остатки разума в организацию вторжения. «Я подчеркиваю, что мне очень хочется услышать голос ЭзРа, пожалуйста, — вопили ариекаи, идя убивать нас. — Есть ли возможность дать нам послушать ЭзРа?»

Охранники вызвали помощь. Пришли МагДа, наши товарищи и служители. Вооруженные зверопистолетами, выращенными по ускоренной технологии, без ушей, и стрелявшими спешно наштампованными машинными пулями, с помощью метательных дубинок и полимерных арбалетов со стрелами из заточенных прутьев для укрепления ковров, мы отогнали Хозяев.

Ариекаи лопались, выкрикивая самые вежливые просьбы, «почтительнейше умоляем». Их зелле карабкались по нашим баррикадам, приходилось пристреливать и их. С нами были кеди. Шурази орудовали электрифицированными проводами. Я видела Симмона, он метко стрелял, пользуясь своей некогда плохой рукой.

Будь у ариекаев хотя бы тень организации, они бы нас одолели, но без наркотика они не были способны ни на что. По своим мертвым они прыгали, как по кочкам. Появились падальщики: одичавшие антитела живых домов. Наши птицы описали над бойней круг и скрылись. Мои глаза слезились от едких ариекайских потрохов. В одном переулке поднялся шум. Кто-то оттуда врезался в толпу Хозяев. Я крикнула, привлекая внимание Брена. Это были ариекаи, те, которые сами себя изувечили. Они подкрались незаметно, спрятавшись среди остальных. Брен смотрел на них без всякого выражения, а остальные, разинув рты, глазели на их жестокую расправу с напавшими на нас наркоманами.

— Брен пришел сюда первым, — тихо сказала мне Да. Она смотрела на Маг, которая говорила с ним чуть в стороне. — И ты с ним. Он знал, что здесь случится, да? Откуда?

Я покачала головой.

— У него много знакомых.

— И у тебя?

Я не собиралась рассказывать про ИллСиб. Да была не дура: я бы не удивилась, если бы выяснилось, что она уже в курсе всех обстоятельств дела, включая имена.

— Да брось, — сказала я.

— Что тебе известно, Ависа?

Молча я посмотрела ей прямо в глаза, чтобы она видела: мне не страшно и не стыдно; раз уж она понимает, что у меня есть секрет, то пусть знает, что я не выдам его, так как он достоин уважения. И тут мне позвонили, с незнакомого номера, только звук, без изображения и без картинки. Голос был изменен до неузнаваемости.

— Повторите, — закричала я. — Кто это? Повторите.

Тот, кто звонил, повторил свое сообщение, на этот раз я поняла. У меня перехватило дыхание, и, надеясь, что я ошиблась, я переключила телефон на громкую связь, чтобы Маг, и Да, и Брен слышали. Но я не ошиблась. Слова прозвучали снова, на этот раз яснее.

— КелВин умер.

В их комнатах мы не нашли ничего, кроме

следов оргии и попойки. Их телефон не отвечал. Мы пошли по клубам, в которых, как мы знали, они бывали, где, к моему отвращению, застали лишь горстку гуляк, яростно заливающих память о конце света. Они сказали нам, что КелВин не появлялись уже несколько дней. В последний раз с ними был какой-то мужик, явно скучающий.

Мы спустились вниз, в другие бары, но и там ничего не нашли. Внезапно я поняла, кто был с КелВин. Мы повернули туда, где я жила когда-то, где когда-то жил Скайл и куда он вернулся после моего ухода. Мой ключ еще работал. Вещи Скайла были разбросаны повсюду, теперь это был его дом, но его самого в нем не было. Зато лежала записка от него, адресованная мне, на кровати, в которой мы когда-то спали вдвоем. Записку уже открыли. Я развернула ее, увидела слова «Я пишу, чтобы сказать прощай» — и остановилась.

КелВин были в другой комнате. Тот, кто позвонил мне, ошибся: КелВин не умерли. Умер Вин. Он висел в петле. Кел наблюдал, как его тело раскачивается, описывая дугу, точно маятник. На втором матрасе лежала другая записка.

Кел посмотрел на меня. Бог знает, что он прочел на моем лице в ту минуту.

— Я ничего не почувствовал, — сказал он. — Я

не знал. Я… — Он коснулся рукой своей шеи. Обруча на ней не было. — Он был… но потом мы его включили. Мне следовало знать. Я не знал. Как можно… я не знал.

Казалось, он обезумел от потери.

— Как? — кричал он. — Кто это? — Он протянул руки к своему мертвому двойнику, к своему брату, такому одинокому в смерти.

Часть шестая
Новые короли

16

Я долго держала письмо Скайла в руке, сама этого не замечая. И наедине с Келом осталась тоже я, когда мы привели его в посольство и дали ему таблетку, чтобы он успокоился.

— Вы его сняли? — спросил он.

— Мы о нем позаботились, — ответила я.

— Почему ты здесь? — спросил он меня, пока остальные входили и выходили.

— Скоро придут МагДа, — сказала я, — они пока заняты…

— Я не про то… — Он несколько секунд молчал. — Я не жалуюсь, Ависа. Вина нет… Почему ты здесь, со мной? — Даже теперь трудно было признать то, что давно было известно нам обоим: факт их неравенства. Подумав, я просто пожала плечами.

— Я не знал. — В его словах звучало удивление. — Мне пришлось… теперь мы иногда разделяемся, так надо, ненадолго. И… я просто… они со Скайлом работали, я так думал, и…

Свою записку от брата-двойника он положил рядом, на кровать. И не возражал, когда я взяла ее. Люди принесли еду и теперь жалостливо пере-

шептывались: КелВин ушли в себя, когда другие пытались вернуть миру порядок, но когда-то Кел и вообще КелВин были в центре событий, так что они еще и теперь пользовались некоторым уважением. КелВин были ведущим послом. Им предлагали возглавить посольство после ухода ХоаКин. Многие в нашем комитете считали их неудачу болезнью, а смерть Вина — ее ужасным концом. Я развернула записку.

> Я не такой, как ты. Прости меня.
>
> Скажи ей что-нибудь за меня.
>
> Пожалуйста, прости меня. Я не такой сильный, как ты. Я устал.

Возможно, чего-то вроде второй строки я ожидала.

— Видишь, какой у меня приказ? — спросил Кел. — Так что мне сказать тебе? — И, хотя он постарался, чтобы его голос прозвучал как можно более неприятно, надрыв в нем невыносимо было слышать. Я посмотрела на другую бумагу, письмо Скайла.

— По-моему, это было… Вин нашел его сразу перед тем… — начал Кел. Я не слышала, как вошли МагДа и Брен. Я поняла, что они в комнате, только когда Кел сказал:

— Ависа Беннер Чо и я просто сравниваем наши прощальные напутствия.

«Дражайшая Ависа», — прочитала я.

«Дражайшая Ависа,

Это мое прощальное письмо. Я ухожу. Туда. Надеюсь, ты простишь меня, но я не могу больше оставаться, не могу больше выносить жизнь здесь…»

Тут я остановилась и сложила письмо. Даже Кел смотрел на меня с некоторой симпатией.

— Однажды он был человеком, — сказала я. — Не хочу в этом участвовать. — Он не тот, за кого я вышла замуж, могла бы сказать я, но вместо этого только поразила всех своим бессердечным смехом. Я представила себе, как пылкий энтузиаст, которого я некогда любила, бродит по Послограду в поисках местечка, где бы покончить с собой. Интересно, когда мы его обнаружим.

МагДа взяли у меня записку. Да прочла ее, потом передала Маг.

— Ты должна это прочитать, — сказала Да.

— Не буду, — ответила я.

— Тут все объясняется. Его… теории…

— Господи Иисусе Фаротектон, МагДа, я не буду это читать. — Я смотрела на них в упор. — Он

выбрал Оутс-роуд. Его больше нет. И плевать мне на его дурацкую теологию. Я и так знаю, что там написано. Язык — это язык бога. Ариекаи ангелы. Скайл, наверное, мессия. А теперь наступило грехопадение. Их совратила наша ложь?

Лицо Брена застыло. МагДа мялись, но не могли отрицать точности моих слов.

— Думаешь, ты одна страдаешь? — сказали они. — Возьми себя в руки и прочитай это, Ависа.

— Ведь именно прочитав это, — Маг или Да встряхнула письмо Скайла, — Вин покончил с собой, понимаешь?

— Что они тогда делали? — спросила я. — О чем думал Вин? Значит, Скайл объясняет почему?… — Я пожалела, что спросила.

— Только что он не может выносить этого больше, — сказал Брен. — Поэтому он и ушел. И причины. Те, которые ты назвала.

Бескрылые, изувечившие себя ариекаи продолжали убивать других. Брен посылал на их поиски осокамеры. Он следовал неясным указаниям, которые наверняка получал от ИллСиб и других контактов в городе. Мы наблюдали набеги глухих ариекаев, вместе с роями осокамер входили в трупы домов и посещали котлованы, оставшиеся

на месте выкорчеванных или вознесшихся жилищ. Не знаю, что мы искали тогда. Он не сказал нам, в каком направлении он пошел умирать, и я все представляла, как в линзах осокамер вот-вот отразится тело Скайла. Но его не было.

Когда камерам удавалось напасть на след новой породы бескрылых ариекаев, те неизменно оказывались среди развалин, где они сидели, касаясь кожи друг друга, а увидев камеру, тут же начинали ее ловить. Пойманные камеры они уничтожали. Они охотились на оратеев.

Среди ариекаев были такие, которые не настолько далеко зашли в своей зависимости, чтобы превратиться в ходячих мертвецов, и не ожесточились, как бескрылые: эти собирались в яслях для биомашин или в их развалинах и говорили на Языке так быстро, что Брен их не понимал.

— Никогда такого не слышал, — сказал он. — Что-то меняется.

Они пытались жить. Они кричали, чтобы им дали голос ЭзРа, и возводили укрепления вокруг громкоговорителей, которые молчали уже много дней. Они начищали их до блеска, словно тотемы. Они ухаживали за оставшимся молодняком и присматривали за впавшими в детство стариками, тоже зависимыми, хотя и не знавшими

этого. Мы наблюдали стычку между небольшой группкой этих, сохранивших остатки цивилизованности, ариекаев, и живыми трупами, которые при виде утративших разум стариков делали голодные движения ртами.

В одиночку я искала кое-что другое. Просматривая записи, сделанные приграничными камерами в ту ночь, когда мы нашли Вина — никто не знал, что я этим занимаюсь, — я нашла одну, на которой несколько секунд был виден мой муж, уходящий из Послограда. Кадр резко поменялся, и я увидела, как он спускается с одной из самых маленьких баррикад.

Он поднял голову и, наверное, взглянул в объектив какой-то другой камеры, записи с которой я так и не нашла, так что я не смогла увидеть его лицо. Но я точно знала, что это Скайл. Он шел, шагая довольно быстро и без видимого уныния. На опасные улицы он вступал как исследователь, и это было последнее, что я увидела прежде, чем сигнал на мгновение прервался, и этот кадр сменился другим, на котором улица была пуста.

Просидев несколько недель в одиночке, Уайат, безработный бременский представитель, стал требовать встречи с нами. Поначалу, повинуясь неопределенному чувству долга, комитет

согласился. Но он только орал на нас, паникуя, и поносил нас на чем свет стоит. Больше мы к нему не ходили.

Некоторые полагали, что ему удалось послать сигнал тревоги на Бремен: даже если так, то пройдут месяцы, прежде чем сообщение дойдет до адресата — при условии, что оно хорошо запрограммировано, — и еще месяцы, прежде чем через иммер до нас дойдет ответ. Слишком поздно для нашего спасения, даже в качестве бунтовщиков.

Я не придала большого значения словам МагДа о том, что Уайат опять хочет нас видеть. Мы держали его в одиночке, опасаясь воображаемых бременских шпионов, которые могут оказаться в Послограде и которым он может передать приказ.

— Он, наконец, услышал про Ра, — сказала Маг. — Узнал о его смерти. — Даже зная о его изоляции, я все равно удивилась тому, как долго шла до него эта весть. — Вообще-то, тебе тоже надо это послушать. — И мы стали смотреть запись из камеры Уайата.

— Выслушайте меня! — Он старательно говорил прямо в камеру. — Я могу все прекратить. Послушайте! Как давно умер Ра, вы, недотепы?

Как же я могу вам помочь, если вы ничего мне не рассказываете? Приведите мне Эза. Хотите править сами — пожалуйста, будьте республикой, будьте чем хотите, мне плевать. Какая разница? Но если вы вообще хотите быть, если хотите, чтобы Послоград уцелел, тогда, Бога ради, выпустите меня отсюда. Я могу все прекратить. Вы должны привести ко мне Эза.

Лесть и неистовство мы слышали и раньше, но тут было кое-что новое.

Наши границы непрестанно атаковали оратеи и их враги ариекаи. И вот МагДа, Брен, лучшие из нашего комитета и я отправились к Уайату, вступив, как нам казалось, в последний этап кампании по защите.

В тюрьме Послограда еще служили несколько надзирателей, частью из чувства долга, частью потому, что им просто некуда было деться. Уайат отказывался сообщить нам что-нибудь до тех пор, пока мы не отведем его — под стражей — к Эзу. Половину посла мы нашли в его камере, в грязной арестантской робе.

— Что вы себе думали? — бормотал Уайат. Говорил он с нами, а смотрел на Эза. — Как все, по-вашему, работало? — Он кивнул и добавил: — Здравствуй, Ависа.

— Уайат, — ответила я. Я не знала, почему он выделил именно меня.

— Чтобы два незнакомца, пусть даже два друга, взяли и ни с того ни с сего набрали такой высокий балл по тесту эмпатии Штадта? Христос Удаленный, вы что, глупые, что ли? — Он затряс головой и вскинул, извиняясь, руки — он не хотел ссоры. — Слушайте. Это не просто так случилось: это было подстроено. Понятно? — Он показал на Эза. — Просканируйте башку этого ублюдка.

Он намекал на то, что его новость способна принести перемены, дать нам хотя бы иллюзию надежды. Если это так, то Эз и сам наверняка это знал, но и пальцем не пошевелил. Профукал не только нашу надежду, но и свою собственную.

— Просканируйте ее, — сказал Уайат. — И увидите. Она искусственная. — Сделано в Бремене. — Мои только глаза, — добавил Уайат. — В моем информпространстве, если вы его, конечно, не уничтожили, до сих пор хранятся приказы. «Эз». Агент Джоэл Руковси. Пароли я вам дам.

Руковси обладал некоторыми способностями, предрасположенностью к установлению связей на ментальном уровне, недоступной большинству людей: но она была расплывчатой, не сфокусированной. У него не было брата-близне-

ца: он не заводил близких друзей, с которыми у него могла возникнуть интуитивная связь. В языке не было слова, точно обозначавшего его дар, и его ошибочно назвали эмпатией. Однако дело было не в том, что он чувствовал себя не таким, как другие: его способности находили себе применение в гадких салонных трюках.

Раньше он был следователем. Виртуозным — знал, когда подследственный расколется, на что давить, что обещать, лжет он или нет и как заставить его говорить правду. Его завербовали в молодости и отточили его странный дар упражнениями, обучили методикам концентрации и насильственного вмешательства. Он стал другим.

В нашей группе кто-то зашептался, перебивая Уайата. Щелчком пальцев я заставила их замолчать.

— Что? — сказала я. И махнула рукой Уайату, мол, продолжай. — Его превратили… в кого? В телепата? — Эз, понурив голову, сидел в стороне, куда не долетал наш разговор. Мне захотелось, чтобы стражники его ударили.

— Нет, конечно, — сказал Уайат. — Телепатия невозможна. Но, правильно подобрав лекарства, вживив приемники и имплантаты, можно на-

строить мозги на одну фазу. Этого достаточно. Для сверхчувствительного типа вроде него… — Я ухмыльнулась, а Уайат умолк. — Ты знаешь, о чем я. Таких, как он, немного, но если найти похожего, поработать с ним и потренировать его с кем-то еще, подключив нужное программное обеспечение… — Он постучал себя по виску. — Наш «Эз» может научиться читать, как кто-то другой. — Он изобразил ладонью волну. — Выход тот же. Это связано с линк-технологией, но не только, действует на мозги обоих, но только если один из них… Ну, скажем в кавычках, чувствительный.

Сначала их думали использовать совсем с другой целью, как прикрытие для чтецов разведывательного отдела, чтобы убрать агентов из-за сканеров — мимические микроволны и прочее. Но потом передумали. Вы знаете, — медленно продолжал он, — что они даже пытались вырастить собственных двойников? Там, в Чаро-Сити? Когда появилась колония. — Он потряс головой. — Не вышло. Говорят, в это вложили годы работы, без единого ариекая, чтобы слушать и копировать звуки, без ясного представления о Послограде — миабы тогда были реже, чем сейчас, — и получили… пары людей, непригодных в Бремене. — Пальцами он показал пары. — Да и в

других местах тоже. Ненадежных.

Но тут возник Руковси. Тогда и подумали, может, он — решение старой проблемы.

Тайна того, что именно ариекаи различали в голосах наших послов, осталась нераскрытой: Чаро-Сити подтвердил только то, что со всеми имплантатами, приращениями, химикалиями и сотнями часов тренировок Джоэл Руковси и его напарник, лингвист Колей Рен, кодовое имя Ра, сумели набрать невероятно высокий балл в тесте Штадта.

Никто не знал, будет ли это звучать как Язык для ариекаев — но других тестов, кроме Штадта, не было, а судя по нему, агенты выдержали экзамен. Если бы эксперимент не удался, если бы он провалился так, как могли предположить его заказчики, если бы ЭзРа заговорили и получили вежливое непонимание в ответ, то никто ничего не потерял бы. Просто два профессиональных агента провели бы долгую и скучную командировку в ожидании следующего корабля домой. Но что, если бы они преуспели?

— Вы ведь сами не дураки, — сказал Уайат. — Так почему же вы нас за них держите? Думаете, мы не замечали, как вы нас провоцируете, устраиваете ложные собрания, скрываете истинную

повестку дня, проявляете непослушание, утаиваете налоги, мошенничаете с биомашинами, оставляя себе, что получше, а нам отправляя остатки, да и те слушаются только вас, послоградцев? Думаете, все было шито-крыто? Да ради бога, мы уже сотни тысяч часов знаем, что вы нацелились на независимость.

Молчание, наступившее вслед за этим, еще совсем недавно значило бы объявление войны. Но теперь это было просто молчание. А его слова казались не откровением, но простой невежливостью. Уайат потер глаза.

— Это же история, — сказал он. — Подростковый период. Через него проходят все колонии. Вот и вы к нему подошли, точно в назначенное время, хоть часы сверяй. Это моя пятая командировка. Сначала Чао-Полис, потом Дракози, потом Берит-Блю. Вам это о чем-нибудь говорит? Бог ты мой, люди, да вы что, новостей не читаете, что ли? Или вы не загружаете данные, которые приходят в миабах? Я же специалист. Меня посылают туда, где в колониях назревает война.

— И ты предотвращаешь отделение, — сказал Брен.

— Вот уж нет, — ответил Уайат. — Ты, может, и таинственный старик для своих, но я-то прилетел

снаружи, и вижу твое невежество насквозь. Берит-Блю отделился, причем после малюсенькой войны. — Он поднял руку и едва заметно развел большой и указательный пальцы, показывая ее размеры. — Самоопределение Дракози было исключительно мирным. Чао-Полис как раз сейчас разрабатывает вместе с нами план региональной автономии. Думаешь, мы такие грубые, да, Брен? Они свободны… и они наши. — Он умолк, давая информации перевариться.

— Но бывают исключения. Вы слишком далеко от Бремена, до вас трудно дотянуться, вами трудно управлять. И вы не готовы. Вам рано было получать независимость. А все из-за Языка: он сбил вас с толку. Вы считаете себя аристократами. Точнее, считали. И думали, что колония — ваше поместье. В некотором роде так и было: в отличие от всякой другой аристократии, которую я когда-либо видел, вы действительно незаменимы. Были. Вот почему вы всегда выбирали своих преемников сами. Поздравляю: вы изобрели наследственную власть.

— Но все вы, каждый посол и каждый визирь, каждый служитель в Послограде — наемный работник Бремена. «Послы»: понимаете? Кто вас, по-вашему, послал? Мы нанимаем, но мы же и

увольняем. И за нами право смещать.

ЭзРа были проверкой. Операцией, которая должна была лишить наших послов власти и отдалить наш переход к самоуправлению. Их успех изменил бы все. Через две-три смены социальная система далекой провинции оказалась бы полностью перевернутой. Если не только наши послы, но и другие смогут говорить на Языке, значит, в Послоград можно будет засылать аппаратчиков, дипломатов и верных метрополии людей в командировки на срок до нескольких местных лет, и скоро обитатели провинции привыкнут смотреть на Бремен как на основу своей жизни. А наши послы постепенно вымрут, один за другим, двойник за двойником, и будут должным образом оплаканы, но не замещены. Ясли закроют. Изолятор опустеет, когда смерть постепенно возьмет всех его обитателей, и нового уже не будет.

Таков был элегантный план бескровного и постепенного перехода власти к Бремену. Как могли бы мы требовать независимости, если бы все наши контакты с Хозяевами зависели исключительно от служителей из Бремена? У Послограда было лишь одно богатство — монополия на Язык, которую и пытался отнять Бремен с помощью ЭзРа.

Ошибка, которая стоила целого мира. Не от глупости: от жесточайшего невезения. Игра психологии с фонетикой. Нет ничего странного в том, что они попытались. Немного везения, и изящнейший имперский маневр удался бы. Контрреволюция средствами лингвопедагогики и бюрократии.

— Биомашины… это хорошо, — сказали МагДа. — Они бесценны.

— Да и здешние минералы и прочие ресурсы тоже полезны. И еще кое-что.

— И все же.

— Ну, продолжай.

— Зачем? Мы же провинция, говорили они. И не из ложной гордости или самоуничижения. Многие у нас не однажды задумывались о том, почему Послограду не дадут просто умереть.

— А я думал, что среди вас как раз есть те, кто поймет, — сказал Уайат. — Кто точно знает, в чем тут дело. — И он, подняв голову, посмотрел прямо на меня.

Я встала и скрестила на груди руки. Посмотрела на него сверху вниз. Все взгляды обратились ко мне. И я, наконец, произнесла это слово:

— Иммер.

Я бывала в городах, выдолбленных в скалах,

и на планетах, прошитых нескончаемой цепью городов, словно окутанных сетью, в пустынях, где нечем дышать, в портах и других местах, о которых ничего сказать не могу. Иные были независимы. Большинство принадлежали Бремену, иногда на условиях известной свободы, иногда нет.

— Они еще ни одной колонии из рук не выпустили, — сказала я. Мы все об этом слышали. — Ни разу. Пусть стоимость перевозок многократно превышает стоимость тех безделушек и технологий, которые мы поставляем, Бремен никогда не даст этому городу свободу.

Мои коллеги медленно кивали. Не кивал только Уайат.

— Господи Боже мой, Ависа, — сказал он. — Да ты себя послушай. «Это есть основа нашего правления…» — В его голосе звучало странное ликование предавшегося инакомыслию функционера, отчего казалось ложью то, что он говорил много раз прежде. — Можно подумать, ты не знаешь, сколько колоний от нас отпало. Ты же сама видела карты с символами в виде могильных плит в открытом иммере. — Я слышала рассказы о планетах, усеянных останками людей и человеко-экзотов, где многоэтажные дома тонули в

инопланетной грязи. Где огромные территории были превращены в пустыню умышленно, по ошибке или по иной загадочной причине. Такие планеты давно стали притчами во языцех всего иммера. Мне вдруг почудился в них упрек: как я, зная о судьбе этих развалин, могла повторять риторику своего правительства.

— Будь это в интересах Бремена, — сказал Уайат, — он дал бы вам свободу, а меня прислал бы следить за процессом. Но мы потратили столько сил вовсе не потому, что «не выпускаем из рук ни одной колонии». — Он снова выжидающе поглядел на меня. Давай, мол, пробуй еще раз.

Я подумала о картах. Подняла голову, словно сквозь потолок могла увидеть Руины. Об иммере мне было известно больше, чем любому в той комнате, включая Уайата. Я вспомнила беседу с одним кормчим, его робкие восторги человека, не подозревающего, что он касается тайн.

— Мы же на краю, — сказала я коллегам. — На краю иммера. А они продолжают исследования. Послоград должен был стать промежуточной станцией.

— Да, биомашины и прочее, — сказал Уайат. — Все это, конечно, очень хорошо. — Он пожал плечами. — Приятно, когда они есть. Но Ависа

Беннер Чо права. Внимания вам перепало больше, чем заслуживает крошечная планетка вроде вашей.

Все избегали глядеть на Маг или Да. Теперь мы знали то, о чем некоторые из нас раньше лишь подозревали, а именно, что их любовник Ра был тайным агентом и предал их и всех нас. В том, что он прилетел сюда с заданием, не было ничего странного, потрясало то, насколько враждебным всему Послограду оно оказалось. И еще то, что даже в дни кризиса, когда все так переменилось, он ничего не сказал. Хотя вообще-то я не знала, что именно было известно МагДа.

Я скучала по иммеру. По его массивному месиву за иллюминаторами корабля, мчащегося к невообразимо далеким частям обыденной вселенной, погруженной в бесконечно древнее нигде. Я представляла себя пионером на исследовательском корабле, выстроенном для неожиданностей и дальних странствий, который преодолевает бурные потоки в опасных частях иммера, распугивая иммер-акул, отбивая атаки, как случайные, так и намеренные. В благородную миссию первооткрывателей я не верила, меня соблазняла сама идея, проект.

— Им пришлось бы строить заправочные стан-

ции, — сказала я. — К тому же здесь трудное для погружения место: понадобились бы дополнительные маяки. — Буи, наполовину в иммере, наполовину в пустоте обыденного, с огнями и их иммер-аналогами для ориентира приближающихся к планете кораблей. В ночном небе над Послоградом должны были светиться не только Руины. Его пересекали бы целые ожерелья огней. И пока корабли стояли бы под погрузкой, запасаясь топливом, продовольствием и химикатами для систем жизнеобеспечения, закачивая новейшую информацию и иммерсофт, их команды отдыхали бы в Послограде.

— Они хотят превратить нас в порт, — заключила я.

Уайат добавил:

— Последний порт перед непроглядной тьмой.

Послоград мог стать многокилометровым скоплением борделей, пивных и прочих злачных мест, где предаются порокам путешественники. Я много таких повидала вовне. Тогда у нас могли бы появиться уличные дети, собирающие по улицам урожай объедков и ворошащие мусор на городских свалках. Хотя не обязательно. Никто ведь не заставляет оказывать портовые услуги ценой разрыва всех человеческих связей. Я быва-

ла и в других, более трезвых городах. Но трезвость требует усилий.

Владеть прекрасными, наполовину живыми машинами, редкостями, драгоценными металлами, молекулярная структура которых неповторима во всей вселенной, может быть, и заманчиво. Но владеть последним форпостом познанного мира, контролировать подход к трамплину для прыжка в новый, расширяющийся мир, — это не сравнимо ни с чем.

— А что там, снаружи? — спросила я.

Уайат пожал плечами.

— Не знаю. Тебе виднее, ты же иммерлетчица, но и ты не знаешь. Но что-то там есть. Там всегда что-нибудь есть. — В иммере всегда что-нибудь находилось. — Зачем здесь торчит этот маяк? — продолжал он. — Кто будет ставить предупреждающий огонь там, куда никому не требуется идти? Маяки ставят там, где опасно, но куда надо всем. Путешествие в этом квадрате иммера требует осторожности, но на это есть причины, как есть причины и на то, чтобы прилетать сюда — пролетая мимо по дороге куда-то еще.

— Они прилетят, — сказали МагДа. — Бремен.

— Чтобы проверить, как у них тут дела.

— У ЭзРа. Чтобы их проверить. — Они перегля-

нулись. — Возможно, уже скоро.

— Скорее, чем мы думали.

— Сейчас больше пяти дней — уже долго, — огрызнулся кто-то из наших. — Нам вот-вот крышка.

— Да, но…

— Что, если мы…

Уайат был умен, проиграв партию, он делал все, чтобы спасти то, что у него осталось, хотя бы свою жизнь. Он все нам рассказал, но не от отчаяния, как могло показаться, нет, это была часть его стратегии, игры. Мы смотрели в стекло, за которым сидел Эз. Он поднял глаза и обвел нас взглядом, как будто видел всех нас.

17

Ариекаи отсиживались на своих крышах, прятались между мертвыми домами, бродили вооруженными группами: для защиты от неистовых бескрылых все стратегии были хороши. Ариекайские мертвецы валялись повсюду, между ними попадались кеди, шурази и терранцы, которых убийцы-ариекаи затащили к себе в город неизвестно зачем. Шастали стаи зелле, изголодавшиеся по еде и речам ЭзРа, брошенные своими былыми хозяевами и совершенно, хотя и неумело одичавшие.

Город уже перестал быть городом, от него остались лишь островки обветшавших построек в море войны без политики и победителей, без которых война не война, а какая-то патология. В каждом анклаве находились ариекаи, пытавшиеся оставаться теми, кем они себя еще помнили. Но их концентрации хватало не больше чем на час, а потом они снова впадали в подобие белой горячки. Их товарищи шептали слова ЭзРа самым слабым, подражая тембру посла. Это были просто слова, предложения. Но иногда бившиеся в конвульсиях ариекаи возвращались в полусо-

знательное состояние: этого бывало достаточно для того, чтобы они вспомнили о деле.

Между чудом уцелевшими поселками бродили настоящие умалишенные, которые даже не знали, что их бьет дрожь, хотя тряслись, как в лихорадке, и охотились только за едой и голосом ЭзРа, а еще друг за другом. Зато тех, которые сами себя изувечили, стало заметно меньше. Я даже подумала, что они, может быть, вымирают.

Местами нам пришлось перенести свои баррикады назад, сдав еще часть Послограда оратеям. Это совпало с неожиданно начавшимся исходом из города Хозяев — мы еще звали их так иногда, в приступах черного юмора. Ариекаи маленькими, но постоянно увеличивавшимися группами находили отверстия, через которые трубопроводы связывали город с деревней, где производили биомашины, и с дикой природой. Вдоль этих труб они и уходили прочь.

— Может, они думают, что найдут там ЭзРа? — Мы не знали ни того, куда они шли, ни зачем. Я думала, что им просто непереносимо стало жить посреди склепа, в который превратился их город, поминутно натыкаясь на останки тех, кто был когда-то их близкими. Может быть, потребность в спокойной смерти пересилила в них потребность

в голосе ЭзРа. Я не позволила себе с облегчением вздохнуть, заметив, что происходит, и запрещала себе надеяться, что, может быть, уйдут и остальные; но надежда вопреки всему все же жила во мне.

Ра эксгумировали. Я этого не видела.

Мы благодарили Христа за то, что его не кремировали и не переработали на биомассу. Это МагДа спасли тело: сам он не верил, но его семья принадлежала к унитарианскому шаломизму, который чуждался обычной местной практики, и МагДа, из уважения к покойному, добились его захоронения на небольшом кладбище специально для таких еретиков.

Мы волновались, точно будущие родители, пока доктора колдовали над схемами, которые предоставил Уайат. Из мертвой головы Ра был извлечен имплантат, скрытый усилитель его обычного с виду шейного обруча. Усилитель был длиной с мой большой палец, весь покрытый органической тканью, хотя внутри сплошь терратехнический. Я поневоле задумалась, что было бы, примени конструкторы из Бремена ариеканскую биотехнологию: заразились бы сами имплантаты так же, как все Хозяева, и попалась бы в собственную ловушку аппаратура, которая

позволяла Эзу и Ра быть ЭзРа. И что это была бы за теология: божество, поклоняющееся самому себе, наркотик, зависимый от самого себя.

Комитет выскреб ученых отовсюду, где их еще можно было найти: из оставшихся больниц; с улиц, где они оказывали первую помощь бандитам; и, конечно, из изолятора. Остальных смогли заставить работать угрозами и посулами. Саутель, наш контролер по научной части, организовала исследования. Они шли быстро.

Полагаю, что Джоэл Руковси, Эз, считал себя законченным притворщиком. Думаю, что мысли о том, чтобы казаться сломленным, поглощали его целиком. Мы спросили его, почему он ничего не сказал нам о спрятанной внутри него технологии, почему готов был пойти на смерть, но не сделал ничего, что могло бы помочь выжить себе и всем нам. Он сослался на какую-то секретную миссию, но, по-моему, у него просто не было ответа. Он пал жертвой собственных тайн.

Он не понимал сидевшего внутри него механизма и лишь в самых общих чертах мог объяснить, что он делает. Он разглядывал вставку, вытащенную нами из Ра, которая лежала в моей ладони, теплая.

— Я ничего не чувствую, — сказал он. — Я про-

сто знал… что чувствовал он и что надо было говорить. Не знаю, из-за этой штуки все было так легко или из-за чего другого.

Исследователи разделили на составляющие каждую тончайшую проволочку, которыми вставка соединялась с мозгом Ра, применив к ним дезинтегрирующие техзимы. Нанощупальцы кудрявились из нее во все стороны, точно едва заметные волоски, и подергивались в моей руке в тщетных поисках нейронной ткани. Вставка улавливала фита, бета, альфа-дельта и другие волны, исходившие из аналогичного предмета в голове Эза, и копировала их, добиваясь невероятной синхронности обоих сигналов. Все, что происходило в голове одного, тут же узнавал другой.

— А еще она работает как усилитель, — сказала нам Саутель. — Стимулятор. Подкачивает переднюю островковую долю мозга и переднюю часть коры головного мозга. Центры эмпатии. — Она взяла штуковину в свою лабораторию и изучала ее, чтобы понять, что и как она делала, а потом создать вторую такую же. МагДа часами пропадали у нее, ни на миг не позволяя ей отвлекаться от задачи.

— Они что-то задумали, — сказал мне Брен. —

МагДа. Сразу видно, что у них есть идея.

Эз не обещал, что будет нам помогать, но мы не дали ему шанса поступить иначе, и теперь он выражал свое несогласие тем, что сидел и дулся. Подчиниться нам ему придется.

— Ты это сделаешь? — спросила я у Брена в ту ночь. Я говорила негромко. Он отвел взгляд. Именно в минуты наготы, когда, следя за тем, как ночные огни города, с появлением биокостров ставшие похожими на карнавальные, лились в окно, лакируя его тело стареющего атлета, я чувствовала, что мы можем говорить.

— Нет, — сказал он. — Я не хочу. Я слишком стар, слишком болен. Мне даже кажется, что у меня не получилось бы. Знаю, что особенного выбора у нас нет. Но у меня не вышло бы: я сказал бы что-нибудь не так и не то. Тот, кто за это возьмется, должен очень-очень хотеть жить, а я не хочу, то есть недостаточно. Не обижайся. Тяги к смерти у меня нет, но и достаточной… энергии тоже.

— Да, я знаю. Эз подрез, им нужен поворот. Что ж, всегда можно обратиться к послам и найти отчаянного, кто рискнет и даст отрезать себя от двойника. Теперь это должно быть уже не так трудно. Спорю на деньги… — При этих словах он расхохотался, так ничтожны теперь стали

деньги. — Держу пари, кто-нибудь из новых разделенных не откажется нам помочь. Кто-нибудь из них наверняка окажется поворотом. Но ты и сам знаешь, кого мы выберем. — Он повернулся ко мне. — Это наверняка будет Кел.

Мы оба молчали. Я даже не смотрела на него.

— Что мы знаем про Эза и Ра? Они не были двойниками. Но, может быть, у них было кое-что общее, и это было важно. Ненависть. Мы ведь не нового посла воспитываем, мы синтезируем наркотик. И мы не должны упустить ни один известный нам ингредиент. Нам нужен поворот, который ненавидит подреза. Голос, который пытается разорвать себя надвое. Ладно, Эз пришел и разрушил наш мир. Так почему бы послам не ненавидеть его за это? И мне тоже? — Он улыбнулся мне так красиво. — Но я устал от этого города, и недостаточно ненавижу Джоэла Руковси, Ависа. А нам нужен тот, кто ненавидит. Кел потерял не только свой мир, но и своего двойника. Он достаточно сильно ненавидит Эза. Моя ненависть по сравнению с его ненавистью все равно, что спитой чай рядом со свежей заваркой. Вопрос вот в чем, знает ли уже Кел о том, что ему предстоит сделать?

Может быть, подумала я. Он должен знать, в

чем его долг: стать симбионтом человека, который отнял у него прошлое, будущее, убил его двойника.

Перед началом операции комитет объявил собрание, которое, как мы все знали, должно было произнести напутственное слово Келу. Он напоминал мальчишку, который вдруг решил покапризничать в свой день рождения. Он разыскал меня.

— Вот, — сказал он. Он стоял так близко, что я отступила и попыталась сказать что-нибудь нейтральное, но он продолжал совать что-то мне прямо в нос. — Ты должна… взять это, — сказал он. У него еще осталась эта привычка останавливаться посредине фразы, словно ожидая, что ее закончит Вин. Это было письмо Вина. — Ты его читала, — продолжал он. — Ты знаешь, что ты значила для него. Оно твое, не мое. — Желая вроде как наказать его за многое из случившегося, я не отпрянула, а взяла протянутый листок.

— Что, черт побери, вы столько времени делали со Скайлом? — спросила я.

— Ты спрашиваешь про сейчас?

— Ну не про тогда же, — холодно ответила я. И сложила на груди руки. — Не на Фестивале Лжецов. Я и так прекрасно знаю, что вы тогда

натворили, Кел.

— Ты… понятия не имеешь… — медленно ответил он, — почему мы сделали то… что должны были сделать…

— Фаротектона ради, хватит, — яростно прервала его я. — По-моему, я как раз таки имею очень ясное понятие о том, почему — потеряв контроль над Языком, разве узнаешь, что будет с послами, а? Хотя, по правде говоря, даже если это не вся ваша история, мне плевать. Я не про тогда говорю, я про сейчас. С того момента, как все это началось. Сурль/Теш-Эчера давно уже не было, а вы все продолжали проводить время со Скайлом, с тех самых пор, как появились ЭзРа. И все пошло… Что вы с ним делали? Ты и Вин?

— У Скайла всегда много планов, — сказал он. — Мы строили планы. Он и я. Вин… сделал из них другие выводы. — Он рассматривал меня. Именно прочитав записку Скайла, Вин покончил с собой. Вне зависимости от того, чем был и чего хотел сам Скайл, Вин чувствовал с ним какую-то общность — общее горе или общую потерю. Видел в нем брата по несчастью — человека, который тоже любил меня и потерял? У меня заныло под ложечкой.

Пока Кел был под наркозом, Эз впал в панику

и стал твердить, что ничего не будет делать, не будет нам помогать, что он не умеет, у него не получится. Один из охранников рассказал мне потом, как посреди его маленькой истерики появились МагДа. Маг осталась стоять у двери, а Да подошла к сидевшему Эзу, наклонилась над ним и ударила его кулаком в лицо. У нее лопнула кожа на костяшках.

Бросив охране «Держите его», она снова опустила на него свой окровавленный кулак. Он орал и извивался, его голова моталась из стороны в сторону. Подняв глаза, он в глубочайшем изумлении смотрел на Маг и на Да, подвывая от боли расквашенными губами. Тихо и без эмоций Маг сказала ему:

— Вообще-то, мы пришли сообщить тебе, что ты будешь говорить на Языке с Келом. Ты научишься делать это, и быстро. И впредь будешь беспрекословно слушаться меня, служителей и всех членов комитета.

Сама я там не присутствовала, но мне говорили, что именно так все было.

18

Бессмысленные набеги на наши баррикады все продолжались. Новая граница нашего городка дурно пахла ариекайской смертью. Наши кирпичи осыпались на трупы Хозяев. Наше биологическое оружие голодало и умирало. Терротехническое тоже начинало подводить. Недалек был тот день, когда нам предстояло сойтись с ариекаями в рукопашной.

Нам грозила обычная для всех блокадников гибель: от нехватки ресурсов. Пища перестала поступать по петлям специального кишечника, соединявшего Послоград с его субподрядными фермами, а внутригородские запасы были отнюдь не бесконечны. Мы не получали больше энергии от ариекайских станций, а наши резервы таяли.

Я так и не сумела убедить себя в безвредности ностальгии, но и побороть ее тоже не сумела. Тогда, глядя на улицы, которые изгибались совсем не под теми углами, какие придали бы им люди, или обрывались и переходили друг в друга столь чужеродно, почти кокетливо, будто играли с нашим представлением о телеологии, я не могла не вспоминать те дни, когда смотрела на

них еще ребенком и систематически населяла невидимый за ними город всеми мыслимыми и немыслимыми детскими выдумками. Из тех времен бежал стремительный ручеек всего остального. Учеба, секс, друзья, работа. Раньше я никогда не понимала, как это возможно — не жалеть ни о чем, не могла понять, почему это не трусость, но теперь внезапно обнаружила, что не жалею не только о времени, проведенном вовне, но и о возвращении. Ни даже о встрече со Скайлом. Когда я отключила свое внимание и отпустила его бродить по недоступным теперь улицам — служившим раньше янтрами воспоминаний, — я не то чтобы стала лучше думать о своем муже; нет, я вспомнила, что именно в нем я любила.

Я не позволяла себе думать об этом постоянно, как бы дозировала мысли. Мы ухаживали за эоли. Бедняжек пришлось пересадить, для чего понадобилось обрезать и прижечь их мясистые привязи, со всеми предосторожностями, разумеется, но они все равно страдали. Никакая терротехника их заменить не могла, и наши воздушные садовники делали все возможное, чтобы защитить их биомы, а также биомы их существ-компаньонов, которые помогали формировать течения и под-

держивать наш примитивный воздушный купол. Они старались обеспечить их безопасность, защитить их слух с помощью не подверженных зависимости и не способствующих передаче инфекции технологий, но, несмотря на все усилия, мы знали, что наши дыхательные машины могут в любой момент заразиться и заболеть, и никакой ариекайский мудрец уже не поможет нам советом.

Едва начнут задыхаться эоли, задохнемся и мы, и тогда ариекаи прорвут нашу оборону и войдут в город. Когда они покончат с нами, мы будем лежать спокойно, как обычно лежат все мертвые, а они будут тыкать в нас копытами и потерянно умолять поговорить, как ЭзРа. А потом и они сами либо вымрут, либо на смену им придет новое поколение, которое начнет развивать их культуру с нуля. Возможно, у них даже возникнут ритуалы с использованием наших костей и костей предков.

Вот такие нам снились сны. И в этот пейзаж кошмарных сновидений явился новый бог-наркотик ЭзКел.

Стращать и выхаживать нашу новую надежду я предоставила Брену, МагДа и другим. Сама же я предпочитала заниматься передвижением

провианта и оружия. Я знала, когда проснулся Кел, когда его снова представили Эзу, когда они сделали первые совместные попытки, когда готовились к тесту Штадта, когда шел подсчет результатов, хотя никогда ни о чем не спрашивала. Я даже избегала Брена.

Слухи о том, что творится, ходили разные, одни говорили, что усовершенствовали автом и он теперь может говорить на Языке, другие — что послы и их друзья готовят миаб и рискнут выйти на нем в иммер, чтобы спастись. Правда, как всегда, оказывалась чуднее вымысла. Когда ЭзКел появились в нашем измученном кошмарами городе, мне стала ясна еще одна причина, по которой мы скрывали правду: чтобы произвести впечатление. Когда исполняется обещанное — это воспринимается как норма, сбывшееся пророчество ведет за собой спад. Насколько же более выразительно неожиданно пришедшее спасение?

Информация настигала меня вопреки моему желанию: я знала, когда Кел проснулся, когда ему сняли швы. Как я ни старалась избегать подробностей, но я заранее знала о том, когда ЭзКел впервые должны были выйти в город, и, приготовившись, ждала их там. Вообще-то,

там были все, кто еще остался в Послограде. Даже кеди и шурази пришли. Я видела Уайата в окружении охранников, которые и охраняли, и сторожили его одновременно. Пришли автомы, их тюрингсофт был на пределе, и потому многие из них выказывали неподобающее случаю добродушие. Я не увидела среди них Эрсуль. И только по нахлынувшему разочарованию поняла, что ждала ее.

Сузившиеся границы нашего городка были от нас так близко, что мы слышали частое дыхание ариекаев, атаковавших наших баррикады, и свист летевших в них снарядов. Офицеры сдерживали толпу горожан, напиравших на ворота посольства. Тут мне пришло в голову, что я, наверное, отрезала себя от событий в изоляторе специально, чтобы воспринять результат так же, как воспримет его простой горожанин, человек из толпы. Я смотрела вверх, на других членов комитета, расступавшихся, чтобы пропустить вперед важно шагавшего Кела, за которым шел Эз.

— ЭзКел, — воскликнул кто-то из их сопровождающих, и, Господи, помоги мне, люди в толпе подхватили его крик и стали скандировать.

Кел выглядел ужасно, ослепительно-яркий свет движущихся ламп только усугублял дело. Он был

обрит наголо, кожа на черепе была белой даже по сравнению с бескровным лицом, обруч на шее сверкал. Думаю, его держали на какой-то смеси наркотиков, чтобы не давать ему спать: его движения были мелкими и какими-то суетливыми, как у насекомого. Череп пересекали темные швы: большие настоящие стежки, примитивная технология, к которой прибегли, вероятно, потому, что нанзиматических заживляющих средств просто не осталось, но, с другой стороны, эти стежки настолько повышали зрелищность, что я даже усомнилась, была ли в них нужда с чисто медицинской точки зрения. Кел не отрывал глаз от толпы. Он смотрел прямо на меня, но наверняка меня не видел.

Джоэл Руковси опять стал Эзом. Физически он не пострадал, но из них двоих наименее живым выглядел именно он. Кел отрывисто заговорил с ним. Слов я не слышала. Эмпатом, то есть приемником, был Эз, он и должен был делать главную работу.

— Итак, я все потерял, — сказал, наконец, Кел, обращаясь к толпе. Усилители разнесли его голос, и все затихли. — Я все потерял, и я пошел туда, в это место потерь, но потом, когда я понял, что нужен Послограду, я вернулся. Когда я понял,

что мы нужны ему… — Он умолк, и я затаила дыхание, но тут вперед вышел Эз и уверенным голосом — чего нельзя было сказать о его лице — закончил:

— …мы вернулись.

Аплодисменты. Эз опять опустил голову. Кел облизал губы. Похоже, даже местные птицы все до одной собрались на площади и наблюдали.

— Мы пришли, — сказал Кел, — и я хочу показать… — И после короткой паузы, во время которой у меня едва не остановилось сердце, Эз добавил:

— …что мы будем делать.

Они переглянулись, и я вдруг заметила след, оставленный, должно быть, часами подготовки. Они посмотрели друг другу в глаза, и что-то случилось. Я вообразила, как пульсируют в их мозгах имплантаты, как настраивают их на одну волну, расплескивая вокруг лживое сообщение о том, что они — одно целое.

Эз-подрез и Кел-поворот закончили мысленный отсчет, открыли рты и заговорили на Языке.

Услышав их, даже мы, люди, ахнули от изумления.

— Я уходил на время, но теперь я здесь.

Город проснулся. Даже мертвые кварталы со-

дрогнулись. А мы расцвели, точно цветы.

По проводам под улицами, мимо бараков и баррикад, со скоростью электрического тока под кирпичами и асфальтом, по которому не ступали больше ноги терранцев, а лишь бродили замершие теперь ариекаи, под километрами построек, под ждущими смерти животными-домами, вверх и наружу через громкоговорители. Из десятков репродукторов вырвался голос нового бога-наркотика, Эз/Кела, и город, выйдя из ступора, в который он погрузился, замуровавшись в своем несчастье, взмыл на новую высоту.

Тысячи глаз-кораллов воспрянули; обвисшие спинные крылья вскинулись и навострились, улавливая вибрации; раскрылись рты. Обмякшие хитиновые чешуйки стали жесткими, как черепица, внезапно обретя силу от притока химических веществ, вызванного новым голосом. «Я уходил на время, но теперь вернулся», — и мы прямо-таки услышали, как расправились сморщившиеся кожные покровы, как побежала по жилам кровь, как ускорились обменные процессы в телах, получивших подпитку наркотической энергии, которую они черпали из диссонансов Языка ЭзКела. Сколько хватал глаз, вплоть до самого горизонта, город, его зелле и его

обитатели очнулись, словно от летаргического сна, и стали озираться, куда это они забрели, пока были живыми мертвыми.

По периметру Послограда проснулись ариекайские башни и наполненные газом жилища, посмотрели на нас сверху вниз, открыли уши и начали слушать. Зависимый город вышел из комы, в которую он впал без наркотика. Наши охранники и пулеметчики завопили. Они не знали, что происходит. Их добыча, оратеи, внезапно притихли и прислушались.

Было ясно, что с жизнью Джоэла Руковси покончено навсегда. Сценарий сочинял теперь Кел, а не Эз. Разными способами, варьируя структуру предложения так, чтобы Язык не терял эффективности, они с Эзом повторяли то, что придумывал Кел. Послоградцы плакали. Мы поняли, что, может быть, будем жить.

Теперь нам придется пересмотреть способы общения с ариекаями и рассчитать, что мы можем им предложить. Где-то в глубинах этого города, делавшего попытки подняться, должны были остаться те, с кем мы достигали понимания раньше, кто возьмет теперь ситуацию под контроль и с кем мы сможем работать дальше. Разумеется, это будет нездоровая форма правления. Те

немногие, кто в состоянии контролировать свою зависимость, будут командовать теми, кто не может это сделать, будут нашими компрадорами: наркократия Языка. А нам будет отведена роль сбытчиков наркотика, осторожно втюхивающих свой товар.

Брен стоял на лестнице, я помахала и стала пробиваться к нему сквозь толпу. Мы поцеловались, веря, что не умрем. ЭзКел молчали. Повсюду, сколько хватал глаз, сотни тысяч ариекаев глазели друг на друга, хотя и под кайфом, но все же впервые за долгое время осознавая себя.

— Хозяева! — услышали мы с баррикад. Не прошло и нескольких минут, а они уже начали собираться, чтобы унести своих мертвых.

На один миг, во всех городских кварталах сразу, все слушающие ариекаи и их оживающие жилища замерли, точно окостенев, захваченные ударной волной эмоций. Я видела это потом, в записи. Это случилось, когда Кел и Эз, не глядя друг на друга, но повинуясь единому импульсу, склонились над микрофонами и, имитируя подрез и поворот, безупречно синхронным стаккато произнесли одно слово, которое значило «Да».

Часть седьмая
Безъязыкие

19

Я вновь стала торговцем. Вместе с другими летала в корвидах в деревню. По делам. Теперь, в правление ЭзКела, бога-наркотика Второго, мы снова могли покидать Послоград.

В ту поездку нашим спикером были МейБел. Они умели произносить это имя: Эз/Кел.

За недели, прошедшие с нашего последнего вылета, пейзаж внизу сильно изменился. У отрогов скал, там, куда приходили умирать биомашины, лежали скелеты. Луга перерезали тропы, протоптанные сначала машинами, потом теми, кто шел в город в поисках наркотика, и под конец теми, кто покидал город с целью, так и не понятой нами. Город съежился, буквально обескровленный чрезмерным количеством смертей.

Мы сели там, где земля была вспахана, но не так, как раньше, а по-новому. Возникало новое общество. Пока еще слабое. Фермеры снова были зависимыми, теперь от другого наркотика, но это было все же лучше, чем быть просто изможденными сумасшедшими, как раньше. Так что у нас не было выбора, приходилось торговать дурью.

Мы со своими чипами летали туда, где не бы-

ло громкоговорителей. Мы находили ариекаев, которые думали, что правителем и голосом Послограда по-прежнему остается ЭзРа, неизвестно почему молчащий в последние дни. Несмотря на артикуляцию МейБел, мы не были уверены, отдают они себе отчет в переменах или нет, пока они, взяв наш диск пальцами дающего крыла, не начинали проигрывать файлы и слушать голос ЭзКела.

Я хочу еще прежнего, сказал один фермер. Он пытался припомнить, как мы торговали раньше: вздорные предки нынешних терранцев научили ариекаев торговаться, когда впервые прибыли на планету. Он неумело предложил нам еще своего медицинского оборудования в обмен на другие чипы ЭзРа. Мы объяснили, что их у нас нет. Зато другому фермеру новый голос пришелся по вкусу. Он показал нам несколько своих жвачных, которые испражнялись горючим и его составляющими: он даст нам больше животных, чем раньше, если мы дадим ему еще ЭзКела.

Были ли те ариекаи, которые предпочитали ЭзКела, более умеренными? Было ли в них больше спокойствия и сосредоточенности, чем в тех, кто по-прежнему лихорадочно жаждал ЭзРа? Конечно, теперь в периоды между экстазом и

новым уходом в себя, в затишье между двумя неизбежными приемами наркотика, к ариекаям стало проще подступиться. Новая версия Языка от ЭзКела делала их более уравновешенными, чуть более похожими на прежних Хозяев, бок о бок с которыми мы выросли.

Мы пробовали влиять на возникновение новых общественных структур. Мы пытались воссоздать канал передачи необходимых нам товаров. И в каждом пейзаже, над которым мы пролетали, мне виделся мертвый Скайл — в городе, свернувшийся калачиком там, где должны были отказать его эоли; среди показавшихся под нами первых холмов.

Мы летели над заброшенными руинами ферм, над цистернами, где, согласно прежним договорам, должна была приготовляться еда для нас: богатая питательными веществами смесь; над пузырями с воздухом Терры, где росло зерно; над съедобными животными и полотнищами мясной ткани. Все развалилось и рухнуло, хотя кое-что еще можно было спасти. Наши команды делали, что могли, заманивая воздушные железы в помещения, реставрируя поврежденные родильные загоны. Мы находили новых смотрителей-ариекаев, отрывками краснобайства

ЭзКела приводили их в чувство и одновременно им давали радость, а потом заманивали на фермы помогать нам. Они лечили здания и налаживали каналы, по которым в город текло то, в чем мы нуждались. Клеточки пищи, толкаясь, словно электроны в проводах, устремлялись в Послоград.

Теперь, когда перистальтическое движение импорта возобновилось, можно было почти не обращать внимания на город, жители которого больше не подвергали нас атакам. А чтобы они были посговорчивее, оставалось лишь бесперебойно транслировать заявления бога-наркотика в выздоравливающие районы. Но мы, разумеется, так не делали. Каждый из нас испытывал тревогу и чувство ответственности за биополис. С другой стороны, мы не ожидали, что вмешательство ЭзКела окажется таким энергичным. Точнее, Кела. Кел, а с ним и вторая половина бога-наркотика, не ограничивались простыми заявлениями и осторожными вылазками в город в поисках нового правительства ариекаев: ЭзКел выставляли себя напоказ.

Комитет мог попытаться положить этому конец. Эз был нашим пленником. Сколько он ни старался — всегда очень заметно — придумать

что-то свое, обернуть ситуацию в свою пользу, ничего у него не выходило. Поначалу он делал в основном то, что ему велели мы, потом — то, что ему велел Кел. Меня беспокоил Кел: его жажда власти. Мы говорили ему, что он наш, и мы решаем, что делать ему, а заодно и Эзу, и поначалу так и было, пока он не вспомнил все тонкости пребывания у власти.

— Нет, давайте не будем медлить, — сказал он нам, точнее, мне, когда я заметила, что город все еще опасен, и, раз системы жизнеобеспечения восстановлены, то, может, нам пока не стоит вступать с ним в слишком близкий контакт. — Конечно, стоит, — возразил он.

Публичные выступления ЭзКела сильно отличались от выступлений ЭзРа. Кел распорядился поставить передатчик прямо напротив посольства, чтобы все видели его, когда он говорит на Языке. Он всегда появлялся задолго до начала передачи и ждал, сложив руки на груди или уперев их в бока и глядя на площадь, но, что всего страннее, он был не один: Эз тоже приходил с ним. Он почти все время молчал, не считая выступлений, когда он говорил на Языке, а если и заговаривал вдруг на всеанглийском, то так бормотал и мямлил, как будто говорил сам с собой. Но он ни разу

не заставил Кела ждать.

Кел даже не глядел на Эза, только по необходимости. Было видно, что он его ненавидит. Но он придумал, как превратить себя в это новое существо, пользуясь Эзом, словно инструментом.

— Все вы, слушающие меня, — говорили Эз/Кел. Был третий утудень эза, третьего подмесяца октября. Я не смотрела на экран, зная, что увижу там, если взгляну: кучки ариекаев, жмущихся друг к другу возле проигрывателей, которые орут по всему городу. Я даже не думала, что прислушиваюсь к словам ЭзКела, пока с ужасом не сообразила, что передаю в эфир обещание, о котором ничего не слышала раньше.

— Завтра я приду и стану ходить среди вас, — говорили ЭзКел. Клянусь, я слышала, как зашумел город, едва они произнесли эти слова. Приглушенный звук просочился внутрь сквозь мембраны стен. Это была своего рода революция. Раньше я никогда не видела, чтобы ариекаи реагировали на какие-нибудь подробности слов ЭзРа — их голос опьянял, и только. И если одна банальная или идиотская фраза нравилась слушателям больше другой, то смысла в таком предпочтении было не больше, чем в выборе любимого цвета. Теперь все было иначе. Кто-то в городе, даже сквозь дур-

ман от голоса ЭзКела, разобрал смысл их слов. Я пожалела, что во время передачи рядом со мной не было Брена.

— Какого черта ты делаешь? — пошла и сказала я Келу. Сначала он, кажется, меня не заметил. Потом в одну секунду на его лице последовательно сменились выражения изумления, раздражения и безразличия. Он пошел прочь, за ним последовал Эз, а за Эзом — его охранник.

Как короли из прошлого, ЭзКел поднялись на баррикаду и спустились с нее на ту сторону, на наши бывшие улицы, где их ждали толпы ариекаев. Они были неподвижны и немы. Только, мелко цокая копытами, расступались перед ЭзКелом.

Свита из нервозных мужчин и женщин следовала за ними по пластоновому склону с вмурованными в него мусором и обломками. Перед нами никто не расступался; приходилось самим потихоньку пробираться между хозяйских ног. Нас было много: визири, настоявшие на том, что без них не обойтись, я, МагДа и другие комитетчики, которые еще пытались отдавать приказы или просто наблюдали и сравнивали. У меня было стойкое ощущение, которое я не могла выразить словами, что Кел, вернее, ЭзКел, заранее знали о том, что их слова не просто утолят жажду боль-

ных ариекаев, но донесут до них подробности сказанного.

И с какой легкостью. Слушатели ЭзРа тащились от видов на урожай не меньше, чем от историй Эза, которые, как тот считал, или делал вид, что считает, их заводили. И вот теперь, когда у его историй появилась настоящая аудитория, они перестали быть его историями. Ариекаи топорщили спинные крылья, ловя каждое слово. Кел шагал так, как будто они с Эзом собирались дойти до исторической границы Послограда, пересечь ее и выйти в город. Но на них не было эоли, так что все это был чистый театр. Эз не отставал от Кела ни на шаг.

— Слушатели, — сказали ЭзКел. Приколотые к их одежде крошечные микрофоны усиливали их голоса. Кел не смотрел на Эза, я могла бы поспорить на деньги, и все же они говорили вместе. ЭзКел выдержали такую паузу, что, казалось бы, впечатление, произведенное их голосами на толпу, должно было ослабеть. Да и сказали они всего одно слово, а не предложение, тогда как грамматика, похоже, оказывала особое воздействие на ариекаев. Но те продолжали ждать.

— Слушатели, — повторили ЭзКел. — Вы понимаете меня?

Ариекаи ответили «да».

— Поднимите ваши дающие, — сказали ЭзКел, и те подняли. — Встряхните ими, — сказали ЭзКел, и ариекаи немедленно так и сделали.

Ничего подобного я еще не видела. Никто из терранцев не сказал ни слова, все точно окаменели. Эз не моргнул глазом, как будто ему было все равно. Он только глядел на покорных наркоманов.

— Поднимите ваши крылья, чтобы слушать, — сказали ЭзКел. — Слушайте.

Они заговорили о том, что город болел, а теперь его надо исцелить, что работы еще очень много, что в городе полно слушателей, которые представляют опасность или подвергаются опасности сами, но что отныне все будет становиться лучше. Эти политические банальности, произнесенные голосом ЭзКела, наверное, казались ариекаям откровением. Они слушали и приходили в восторг.

На лице Кела я не видела и следа удовольствия. Угрюмая гримаса, сведенные мускулы лица — впечатление было такое, будто он не видел иной возможности, кроме как говорить это и быть этим, пока.

— Слушайте, — повторили ЭзКел, и ариекаи еще старательнее топорщили крылья. Стены

напрягали уши. Окна вздыхали.

Когда ариекаи вырастили свой город заново, он стал другим. В этой перезагруженной версии дома делились внутри на более мелкие сегменты отдельных жилищ, а промежутки между ними занимали колонны, похожие на потеющие деревья. Конечно, башни сохранились, как сохранились фабрики и ангары для выращивания молодняка и биомашин, а также для переработки новых химических веществ, которые выделяли теперь ариекаи и их дома, слушая ЭзКела. Зато ландшафт крыш, который мы видели сверху, выглядел теперь совсем беспорядочным. Улицы, казалось, стали круче, чем раньше, и разнообразнее: хитиновые фронтоны сменялись недавно возникшими замысловатыми изгибами, похожими на шлем конкистадора.

Старые залы сохранились, голос ЭзКела придал им достаточно сил для выживания, но не достаточно для восстановления. Однако тракты мертвого города, разделявшие новые, похожие на деревеньки районы, все еще были опасны. По ним бродили животные и ариекаи, так далеко зашедшие в своей мании, что уже не могли очнуться. Они толпами окружали одинокие громкоговорители во время передач и слушали голос

ЭзКела, который вызывал в них агрессию, но не прибавлял разума.

— Мы вычистим их оттуда, как только сможем, — пообещал Кел. А пока город оставался скоплением бандитских королевств, с каждым из которых мы пытались установить свой протокол. Кое-какие подробности о них — здесь правит небольшая коалиция не слишком зависимых; туда лучше пока не соваться; ариекай, который хозяйничает там, вокруг минарета, до падения был функционером, — сообщал мне Брен. Брену рассказывали о них ИллСиб.

— МагДа не станут толкать тебя туда, — сказал мне Брен. — Но… — Выражение моего лица от него не укрылось. — Ты же видишь, что происходит, — продолжил он, наконец. — Теперь не они правят, и не в их власти закрыть изолятор…

— Думаешь, они бы закрыли его, если бы могли?

— Не знаю, да мне теперь все равно. Но Кел ни за что этого не сделает. Ты видела, что происходило, когда говорили ЭзКел. Если МагДа понадобится что-нибудь из того, что знаешь ты, пожалуйста, скажи им. Нам надо держать их в курсе. Они не дуры и наверняка знают, из какого источника ты получаешь информацию, но ни за что не спросят.

И у них точно есть план. Они столько времени проводят в лаборатории Саутель. Ты когда-нибудь видела, как они говорят с ней?

Когда я оказалась в городе снова, то уже не в составе официальной группы и не по делам комитета. Я была с Бреном, и мы пошли, чтобы снова встретиться с его друзьями: с ИллСиб, тайным послом наоборот.

Наши воздуходелательные машины так ослабли, что приходилось надевать эоли даже на улицах, которые прежде были частью Послограда. Мы с Бреном старательно избегали объективов осокамер, хотя я не переживала: ну увидят нас из города, ну пойдут сплетни, подумаешь, сплетней больше, сплетней меньше, не все ли равно. Мы нашли убежище в руинах. С балкона квартиры, где раньше жили дети (я наступала на обломки игрушек), мы видели, как ЭзКел снова прогуливались в толпе ариекаев, которые слушали и повиновались их командам.

— В следующий раз они отправятся в город, — сказала Сиб. Я не слышала, как ИллСиб вошли. — Итак… — Сиб показала в окно на ЭзКела. — У этого Язык работает иначе.

— Надо было назвать его ОгМа, а не ЭзКел, — сказал Брен. Мы смотрели на него, ожидая

объяснений. — Так звали одного бога, — сказал он, — который занимался примерно тем же самым.

ИллСиб были вооружены биомеханическими пистолетами. У нас с Бреном было оружие погрубее. ИллСиб ориентировались в городе несравнимо лучше тех спотыкавшихся ситинавтов, с которыми я делала вылазки раньше. Они безошибочно выбирали путь туда, где кирпичная кладка в руинах превратилась в биоматериал. Воздух менялся по мере того, как мы шли. Я ощущала его течения, они были не такими, как ветер в Послограде. Мы оказались в месте, полном новых звуков. Мелкие зверьки шмыгали под ногами. Ариекаи на улицах не останавливались при виде нас, но многие поднимали глаза-кораллы и смотрели. Попадались небольшие озерца, над которыми висели гроздья пузырчатоводорослеобразных полипов, ронявших капли реагента в жидкость. Я дивилась: что это — неужели часть городской застройки?

Прямая, широкая улица, обсаженная костномозговыми деревьями, вела в Послоград. Какой-то ариекай рядом с нами напугал меня, твердя один и тот же вопрос: что мы делаем? Я подняла пистолет, но ИллСиб заговорили.

— Я ИллСиб, — сказали они. — А это… — тут они произнесли какое-то слово, не похожее на наши имена. — Они идут со мной. Я иду домой. Кох тайкох/уреш, — сказали ИллСиб, переставив ударение во фразе, отчего она стала более личной. «Я, идущий домой», — сказали они, и я подумала, неужели и у ариекаев путь домой — такая же могучая штука, как у нас.

— Они нас знают, — сказала Илл. — Сейчас много таких, кто вообще ничего не помнит, но когда встречаешь тех, кто может говорить, то все в порядке.

— Хотя, — добавила Сиб, — думаю, что могли сложиться и новые союзы. И у некоторых из них могут оказаться причины…

— …чтобы не дать нам пройти.

Надо сказать, что в Языке, который мы слышали по дороге, не всегда был смысл. Попадались носители, вернее, их развалины, которые перебирали фразы в ностальгии по смыслу. Наконец ИллСиб вывели нас на забросанную мусором площадку. Я открыла рот. Там нас ждал человек. Он стоял, прислонившись к металлической колонне, которая изгибалась над его головой, точно уличный фонарь. Казалось, его перенесли сюда с какого-нибудь старинного плоскостного

изображения города на Терре.

Илл, Сиб, Брен и он перешептывались, кивая. Так, чтобы я не слышала. Человек никого мне не напоминал. Он был непримечательный, темнокожий, в старой одежде, его лицо прикрывала эоли такого типа, который не был мне знаком. Я ничего не могла о нем сказать. Он ушел с ИллСиб, а Брен вернулся ко мне.

— А это еще что за черт? — спросила я. — Он что, разделенный?

— Нет, — сказал Брен. И пожал плечами. — Не думаю. Может быть, его брат умер, хотя я сомневаюсь. Просто они друг другу не нравились. — Конечно, я уже знала о том, что существует антимир изгоев: взбунтовавшихся разделенных, разжалованных служителей, дурных послов; но, увидев его в действительности, я была ошеломлена. Как же они жили в дни всеобщего коллапса, пока не пришел бог-наркотик Второй?

— Ты еще видишься с кем-нибудь из сравнений? — спросил Брен.

— Господи, — сказала я. — А что? Да нет, в общем. Встретила как-то Дариуса в баре, сто лет назад. Обоим стало неловко. Конечно, Послоград слишком мал, чтобы мы могли вообще не встречаться, но разговаривать с ними я не раз-

говариваю.

— Ты знаешь, чем они занимаются?

— По-моему, никаких «они» уже нет, Брен. Группа… распалась. После того, что случилось. Может, кое-кто еще встречается… Но той тусовки давно нет. После Хассера. Да и как ты теперь себе это представляешь? Они же никому не нужны, в том числе и тем, кто их произносит. Язык… — Я расхохоталась. — Он же не такой, как был.

Вернулись ИллСиб, стряхивая гниющую материю города со своей одежды.

— Это верно, — сказал Брен. — А вот насчет того, что всем плевать, ты ошибаешься. Ты не знаешь, куда мы идем: нас особо просили привести тебя.

— Что? — Я и не думала, что вся эта конспирация из-за меня, что я была заданием, которое надлежало выполнить. ИллСиб довели меня до какого-то аналога подвала и провели внутрь, туда, где в свете биоламп сидели ариекаи.

— Ависа Беннер Чо, — сказали ИллСиб. Они произнесли мое имя синхронно, с одинаковым подъемом, так, что два их голоса я услышала как один.

В комнате пахло ариекаями. Их было несколько. Они бормотали, обмениваясь словами и мыслями. Один из них подошел ко мне из полу-

тьмы и произнес приветствие. ИллСиб назвали мне его имя. Я взглянула на его спинное крыло.

— Господи Иисусе, — сказала я. — Мы встречались.

Передо мной стоял близкий друг Сурль/Тешэчера, лучшего лжеца в истории Ариеки. Это был тот самый ариекай, которого я когда-то прозвала Испанской Танцовщицей.

— Он помнит?…

— Конечно, помнит, Ависа, — сказал Брен. — Иначе зачем ты здесь?

Брен и ИллСиб передали ариекаям кучку чипов. Те быстро разобрали их, дрожанием пальцев и крыльев выдавая возбуждение.

— ЭзКел знают, что вы их записываете? — сказала я.

— Надеюсь, что нет, — ответил Брен. — Ты заметила? Они ведут себя так же, как Эз, когда он был частью ЭзРа — не дают нам себя записывать, чтобы остаться незаменимыми.

— Но вы их записали.

— Это всего лишь публичные выступления, — сказал он. — Они ведь не могут запретить людям записывать их, да и зачем? Они считают, что слово произнесенное, ушедшее в город, услышанное Хозяевами утрачивает ценность.

Я разглядывала собравшихся ариекаев. На крыльях других тоже были рисунки, которые показались мне знакомыми.

— Кое-кто из них тоже был в группе Сурль/Теш-Эчера, — сказала я. И поглядела на Брена. — Это его друзья.

— Да, — ответил Брен.

— Они умеют лгать, — добавил он. — Конечно, не так виртуозно, как Сурль/Теш-Эчер. Он был… — Брен пожал плечами. — Пророком. Он стоял на пороге чего-то нового.

— Твой муж был прав, — сказали ИллСиб. — Что остановил его. Он был по-своему прав. Это все меняло. — Наступило молчание. — Так что им пришлось продолжать без него. А это долго.

— Они делают, что могут.

Ариекаи разобрали чипы, и каждый ушел со своим в какой-нибудь угол комнаты. Там они накрыли их одинаковым элегантным движением спинного крыла. Их мембраны растянулись. Они ушли в себя, замерев, как статуи, превратив подвал в наркотический притон. Они вслушивались в звуки, приглушив громкость. А потом прямо у меня на глазах началась реакция — они задрожали, завибрировали в живом экстазе. Сквозь туго натянутую кожу спинных крыльев

виднелись огоньки передатчиков, слышалось тихое чириканье: это звучала душа ЭзКела, или ее поддельное, сфабрикованное подобие.

— Почему эти записи работают? — прошептала я. — Они же их уже слышали.

— Они нет, — сказал Брен. — Они ждут. Сила воли у них чертовская. Они складывают крылья, когда знают, что ЭзКел будет говорить. Так же они делали при ЭзРа. Они заставляют себя терпеть. Стараются, чтобы каждый интервал без наркотика был дольше предыдущего.

Трудно было поверить, что эти содрогающиеся в темноте тени — сопротивление власти бога-наркотика. Пока трудно.

— Наши записи потому и действуют на них сейчас, что они не слышали их раньше, — сказала Илл.

Медленно, один за другим, ариекаи вставали. Они смотрели на меня. Странное воспоминание. Мы как будто продолжали с того места, где нас прервали. Испанская Танцовщица подошел ко мне: его товарищи окружили меня. Они произносили на Языке какие-то звуки, и эти звуки были мной. Давненько я не слышала, как меня говорят.

Сначала они сказали меня просто, как факт.

Жила-была девочка, которой сделали больно в темноте и которая съела то, что ей дали. Затем они начали развертывать меня в сравнение. «Теперь мы, — сказал Испанская Танцовщица, — когда берем то, что дает нам голос бога-наркотика, похожи на ту девочку, которой сделали больно в темноте и которая съела то, что ей дали». Другие повторяли за ним.

— Понимаешь, Сурль/Теш-Эчер был не просто лучшим лжецом, — говорил Брен. — Он шел в авангарде. Он не просто разыгрывал ложь. Будь это так, разве они интересовались бы тобой, Ависа? Что общего между сравнением и ложью?

Что еще в мире, спрашивал один ариекай, похоже на девочку, которой сделали больно в темноте и которая съела то, что ей дали?

— Это было нелегко, — сказал Брен. — Война всех разбросала. — Война из-за нехватки наркотика. Война из-за того, что Эз убил Ра. Война живых мертвецов. — Теперь они нашли друг друга и будут продолжать. Они не молились на Сурль/Теш-Эчера. Он был у них вроде вождя.

— Пророка, — сказала Илл или Сиб.

— Почему вы не скажете МагДа или Келу… — начала я и осеклась, поняв, что группа, собравшаяся в этой комнате, явно была законспирирована.

И целью этой конспирации было ограничение власти бога-наркотика. Кел наверняка попытается покончить с ними. Об этом не хотелось даже думать. Брен кивнул, наблюдая за мной.

— Да, — сказал Брен. — МагДа теперь не те. Но на такой риск не пойдут даже они. Все, к чему они сейчас стремятся, это спасение, и они видят лишь один путь к нему — продолжать. Они не пойдут на риск. Может быть, даже попытаются уничтожить.

— Уничтожить что? Что вы хотите делать?

— Не я, — сказал Брен.

— Все вы. Ты, ты, — сказала я ИллСиб, — эти Хозяева. Что вы все вместе пытаетесь сделать?

— Способ МагДа — не решение, — сказал Брен. — Он только дает отсрочку. Вот почему они не слушают Кела. Мало продержаться до прихода корабля. Мы пытаемся изменить ситуацию в корне. — Пока он говорил, ариекаи все сбивались вокруг меня, как принесенные течением обломки крушения, и сначала просто говорили меня, а потом пытались превратить меня во что-то другое, подыскивали что-то похожее на меня, на мое прошлое.

— ЭзКел не единственный, кого нам следует опасаться, — сказал Брен. — Об этом надо мол-

чать. — Я вспомнила, как прощались ариекаи, когда Хассер пришел и убил Сурль/Теш-Эчера.

— Вас волнуют другие ариекаи, — догадалась я.

— Эти носители языка были опасны и раньше, — сказал Брен. — Скайл прав на их счет, как и их… — Он пожал плечами и тряхнул головой, давая понять, что, какие бы слова он ни употребил, смысл их будет неточным. — Правящая верхушка. А я понятия не имею, где они теперь, то есть пока не имею, но, спорю, ЭзКел догадывается. По крайней мере, Кел. Они и раньше вели дела. Почему, ты думаешь, ему так приспичило в город?

А я-то думала, что туда его толкала пламенная страсть новоиспеченного визионера. Но тут я вспомнила, как смотрели на меня тогда, на Фестивале Лжецов, Кел и Грушевое Дерево.

— Иисус Фаротектон. — И Скайл тоже смотрел. Скайл, который был конспиратором уже тогда, наверняка одобрил бы сейчас поведение ЭзКела. Их приоритетами сейчас, как и КелВин тогда, были выживание и власть; Скайл ставил превыше всего город и его стазис. Однажды их интересы совпали, но история оставила Скайла проигравшим. Вот он и ушел, без всякой надежды.

— Кел, возможно, уже нашел своих друзей, —

продолжал Брен. — Эти… — Он обвел рукой собравшихся в комнате. — Когда-то они представляли для них угрозу. Ты видела. Теперь… — Он рассмеялся. — Ну, теперь все по-другому. Но они все еще опасны. Не так, как раньше: но, может, даже опаснее, чем тогда. Кел, может быть, не знает, что эта группа еще существует. А возможно, и раньше не знал. Зато ариекаи, с которыми он работал тогда, знают. Так что, если он их найдет, то этим придется быть тише воды ниже травы. Как и нам.

— Но чем они опасны? — спросила я. — Вот чего я никогда не могла понять. Зачем они это делают? И что вообще они делают?

Брен пожал плечами.

— Трудно объяснить. Не знаю, как и сказать.

— Ты просто не знаешь, — сказала я. Он полуутвердительно, полуотрицательно качнул головой.

— Как твой Язык, Ависа? — спросила одна из ИллСиб. Они говорили с Испанской Танцовщицей, тот отвечал им. Кое-что я понимала, а когда трясла головой, Илл или Сиб переводили несколько предложений.

Плохо, что мы такие. Мы хотим быть другими, не такими. Мы как та девочка, которой сделали

больно в темноте и которая съела то, что ей дали, потому что мы поглощаем то, что дает нам ЭзКел. — Наступила долгая пауза. — Вместо этого мы хотим быть как та девочка, которой причинили боль в темноте и которая съела то, что ей дали, в том, что мы хотим быть… — Тут снова наступило молчание, и Испанская Танцовщица встряхнул крыльями.

— Он хотел воспользоваться твоим сравнением дважды, в противоположных значениях, — сказала Сиб. — Но не справился.

Теперь, продолжал Испанская Танцовщица, все еще хуже. Мы этого не ждали. Было плохо, когда слова бога-наркотика отравили нас, сделали беспомощными, заставили нас забыть самих себя, но теперь все по-другому и еще хуже. Теперь, когда бог-наркотик говорит, мы подчиняемся. — Да, он произносил это с интонациями, которые ничего для меня не значили, но, насколько бы чуждой ни оставалась для меня ментальная карта ариекаев, их самоощущение, думаю, что для них это было по-настоящему ужасно. Я видела, как толпа мгновенно повиновалась приказу ЭзКела, не имея возможности выбирать. Все мы хотим сами решать, что слушать, как жить, что говорить, как говорить, что иметь в виду, чему подчиняться.

Мы хотим сами распоряжаться Языком.

Их оскорбляла как тяга к новому наркотику, так и недавно возникшая неспособность к неповиновению. И вряд ли только эту собравшуюся в подвале группу. Но в них обида лишь подстегивала стремление, которое они испытывали всю жизнь: научиться лгать, заставить Язык выражать то, что хотелось им. Именно это старинное желание заставляло их испытывать большее отвращение к новым условиям, чем других сознательных ариекаев.

— Мы пообещали, что приведем тебя сюда, — сказал Брен. — Дали слово Хозяина. — Он улыбнулся этой детской клятве. — Они во что бы то ни стало хотели тебя видеть. А теперь пойдемка лучше назад, пока тебя не хватились, а потом ИллСиб продолжат. В других тайниках. Они не одни ищут другой путь.

Какой опасный маршрут, от одной повстанческой клетки к другой, через мертвый, воскресающий город. Раньше я всегда настаивала на несопоставимости терранского и ариекайского мышления — меня так учили. А теперь я задумалась над тем, кто научил меня так думать. Служители и послы, владевшие монополией на понимание. Впервые поняв смысл действий

ариекаев, я почувствовала, как у меня кружится голова. Прямо у меня на глазах зрел бунт, и я понимала это.

Я видела только лжецов, отчаянно пытавшихся изменить свою речь. От них Брен и ИллСиб, возможно, отправятся к тем, кто стремится полностью искоренить зависимость и жить без Языка; потом к тем, кто учится сопротивляться походя отданным приказам ЭзКел; а дальше к тем, кто, возможно, уже ищет химическое лекарство. Я ведь даже не участвовала по-настоящему в этом первом походе, в этом визите, я только присутствовала, и Брен доверял мне. Он привел меня туда не по дружбе — я присутствовала там потому, что была сравнением, и нужда бунтовщиков во мне была чисто практической, так другим могло понадобиться программное обеспечение, или химикаты, или взрывчатка.

Во время кризиса Послоград раздирали страсти. Дайте мне три дня, подумала я, и я найду людей, верящих во что угодно: в то, что ЭзКел, или Эз, или Кел — мессия, или дьявол, или то и другое; что послы — ангелы или дьяволы; что ариекаи кончились; что наша единственная надежда — покинуть планету как можно скорее; что мы не должны улетать. То же и у ариекаев, подумала

я и почувствовала грусть и надежду. Их Язык был не в силах сформулировать расплывчатую идею чудовищ и богов, столь распространенную в других культурах, и я вдруг отчетливо осознала, что все ариекайские сборища были для них все равно, что для нас — запретные культы. Присутствовала ли я на Танце Духов? Брен и ИллСиб покровительствовали тем, кто заглядывал на тысячелетия вперед, отчаянным.

Я наблюдала, как Испанская Танцовщица старался выразить меня, придать мне смыслы, отличные от меня прежней, заставить сравнения быть чем-то еще. Мы как та девочка, которой сделали больно в темноте и которая съела то, что ей дали, потому что мы… потому что мы как она, мы… нам больно… Он ходил вокруг меня кругами, и не спускал с меня глаз, и пытался объяснить, в чем он был такой же, как я.

— Почему план МагДа не сработает? — спросила я. — Знаю, знаю, но… просто скажите мне еще раз, почему мы не можем просто взять и продержаться до корабля.

Брен, Илл и Сиб переглянулись, решая, кто будет говорить.

— Ты видела, как ведет себя ЭзКел. — Это была Сиб. — Думаешь, не опасно продолжать в том

же духе?

— И, среди всего прочего, — продолжил Брен голосом, в котором, если быть честной, звучало разочарование, — даже если бы ее план сработал, ты же видела, что бывает с ариекаями, если лишить их… дозы. А что будет потом, когда за нами прилетит смена? Когда мы улетим? — Он показал на Испанскую Танцовщицу. — Что будет тогда с ними?

20

Исчез еще один наш летун. Его команда посещала ближайшие к городу фермы, якобы по приказу ЭзКела, где просила — вернее, требовала — все, что нам было нужно: откажи нам фермеры, и мы в два счета могли снять приемники, — они это знали. Громкоговорители разбивали и больше не восстанавливали. Чтобы следить за этим, выпускали осокамеры.

Отряды милиции особого назначения подавляли последние очаги независимости на отдельных этажах посольства, где обитали скваттеры и их вожди, отказавшиеся от амнистии. Я была на баррикаде, сложенной из ломаной мебели, разной дряни и мусора из домов, ненужных машин; однако скрепленной не пластоном, как обычно, а, неизвестно для чего, быстро застывающим полимером, смолой, которая, затвердев, становилась твердой, как камень, и прозрачной, как стекло. Все слои нашей защиты были видны насквозь, словно мусор плавал в воде, а она вдруг взяла и застыла. В данный момент войны не было, и машины пропиливали в теле баррикады проход — косой клин, у-образную траншею с гладкими

стенами, сквозь которые было видно все дерьмо. По краям прохода торчали фрагменты случайно разделенного лома.

Со мной был Симмон. Мы смотрели репортажи осокамер, статические картинки, которые прерывисто менялись на его наладонном экране.

— Что это? — спросила я. На экране был потерянный корвид. Мертвый. Земля вокруг него обгорела. Холмики на ней могли быть телами людей.

Мы прибыли туда быстро, с оружием, пройдя через дикую местность по тропам, протоптанным ариекаями, их животными и их зелле, а может, и одичавшими людьми, изгнанниками Послограда, скрывавшимися на близлежащих фермах. Нам не со всеми удалось установить контакт. Меня удивило, что я больше всего тосковала по невозможности флокинга. Я говорила себе, что дело, которым я занята сейчас, прямой наследник того крутого спуска по течению, который я называла флокингом, но это не помогало.

Корвид был размазан по земле. Мы прибыли к ужасному шапочному разбору. За работу принялись немедленно. Люди, которые сходили у нас за специалистов, собрали с каждого трупа образцы того, что могло оказаться следом от ожога или

укуса. Трупы там были повсюду.

— О Господи, — выдохнул наш следователь. Он нашел Ло, часть посла ЛоГана. Его грудная клетка была обожжена и выпотрошена. — Это не результат аварии. При аварии так не бывает.

Визирь Жак лежал рядом; края его раны, место, где раньше была рука, не носило следов ожога или пореза, руку словно вырвали из тела, и оно истекло кровью. Вид у него был такой, словно он умер в чудовищных мучениях, пытаясь доползти до своей оторванной и выброшенной руки. Микробы, которые группа принесла внутри своих организмов, уже взялись за дело, ариеканский ландшафт добавил химических странностей, так что разложение здесь отличалось от разложения в Послограде.

Все были мертвы. В экспедиции участвовал редкий функционер-кеди. Зрелый женомужчина, которого я не знала.

— О Господи, это же Горри, — сказал кто-то. — Кеди будут…

Мы медленно переходили от трупа к трупу, оттягивая осмотр каждого следующего. Дул холодный ветер, пока мы перебирали останки наших друзей. Мы пытались их собрать: от некоторых нашлись только части; остальных завернули для

отправки домой.

— Смотрите. — Мы восстанавливали ход событий, следуя знакам на перепаханной земле, читая их и иероглифы мертвых тел. — Здесь он упал. — Горячий зубастый снаряд вонзился в бок нашего летуна.

— Таких хищников не бывает… — начал кто-то.

— Но он упал достаточно медленно для того, чтобы все смогли выйти наружу. — Это сказала я. — Они вышли, а потом на них… на них напали.

Мы нашли остатки биомеханических яиц, добытых в последней поездке, белок и зародыши машин запеклись на земле. Команда возвращалась. Из-за эоли, которые были на нас, наши голоса гремели у нас в ушах, как будто каждый из нас разговаривал в одиночку. Везя мертвые тела домой, мы летели с карронадами наготове и высматривали ранчо, на котором побывала команда. Его выдал дым. Окружающие постройки были разрушены, ясли лежали в руинах. Одна хатка была еще жива, но страшно мучилась, а мы не имели понятия о том, как нанести ей удар милосердия, и могли только прикидываться, будто не замечаем ее боли.

Ариекайских мертвых мы не сразу нашли. Крааль был пуст. Животные цвета пыли разбежались, и наше появление спугнуло лишь похожих на бумагу падальщиков, которые сбивались в стаю, похожую на мыслящий дым.

Раздался выстрел, все с криками попадали на пол. Ружье завыло: оно было из сокровищниц Послограда, старая банши-технология, переделанная для людей. Оказалось, в воздух выстрелил офицер: он сделал это машинально, чтобы распугать мелкое зверье. Ариекайскую молодь бросили, и она плавала в бульоне из мертвецов. Это оказались тела их взрослых. Следы копыт были повсюду. Мы настроили камеры и направили их по тому, что казалось нам следом.

Из здания фермы выходила артерия толщиной в торс человека, она скрывалась в трубе, которая шла через каменистую пустыню к городу. Трубопровод был порван. Вредительский взрыв раскидал его плоть, земля под ним превратилась в трясину из грязи и околоплодных вод.

— Что это?

В дыре оказались органические отбросы. Скелеты, похожие на расплющенные ребра рыб; перепонки кожи между отростками; узелок замысловатых косточек. Останки спинного крыла.

Мы подобрали этот маленький трофей. Позади нас выло последнее живое здание.

Мы установили громкоговорители на фермах, с которыми нам удалось войти в контакт, и передавали им голос ЭзКела, что должно было гарантировать поставку нам нужных продуктов, но стали возникать перебои. Теперь мы знали почему. Послав разыскные команды и камеры вдоль трубопроводов, мы обнаружили другие прорехи. Мы потеряли еще одного летуна, а потом команду офицеров, которых отправили за ним.

ЭзКел вышли в центр города для передачи. Их путь туда был обставлен со всей доступной в то время помпой. Тем из нас, кто еще делал вид, будто командует Эзом и Келом, досталось изрядно, особенно тюремщикам Эза, — пришлось наряжаться и идти на мероприятие. Уайат пошел с нами. Его наградили за участие в рождении ЭзКела: выпустили из тюрьмы, и он, хотя и под охраной, стал членом комитета. Ведь он был экспертом по антикризисной политике и больше не работал на Бремен, по крайней мере тогда. А со всем, что будет после, и разберемся после.

— Если бы он мог безнаказанно заставить нас тащить над ним балдахин, то и заставил бы, — тихо сказала я МагДа. Бог-наркотик вышагивал по

городу, Эз — с опущенными глазами и без улыбки, Кел, бритоголовый, как всегда, со свежими татуировками, имитировавшими давно снятые швы, шел, подняв голову, и время от времени бросал энергичные, полные ненависти взгляды на Эза. — Эти двое скоро заставят нас таскать на собственных плечах их самих.

МагДа не улыбнулись. Наш дневной променад был в полном разгаре, мы шагали сразу за ЭзКелом в окружении ариекаев, которые, повинуясь приказу, выкрикивали нечто вроде приветствий. Маг и Да были в шоке. Мне хотелось сказать им, подождите. Все нормально. Есть другие. Есть люди и ариекаи, которые ищут выход. Но я не могла предать Брена, к тому же я знала, что он прав: это было рискованно, вдруг МагДа испугаются, узнав об этом.

— Я не знаю, — сказали мне МагДа. — Я совсем не знаю, что нам делать.

— Когда придет корабль.

— Придется экономить ресурсы, — сказал Кел, проглядев после выступления съемки из разрушенных ферм. ЭзКел настаивали на сокращении пайков рядовых жителей Послограда. На ближайшие плантации и туда, где производилась питательная смесь для города, были направлены

целые отряды полиции. Нападения учащались. Каждую группу офицеров сопровождал посол, который обеспечивал контакт полицейских с теми, кого они должны были охранять.

— Все будет хорошо, — говорили ПорШа, собираясь. — Не в первый раз.

— Мы привыкли.

— Мы ведь и раньше ходили торговаться, ведь так?

— В город.

— И теперь пойдем.

Но теперь все было по-другому. Прежде, когда рушился весь наш мир, а с ним и Послоград, они и другие послы, из самых лучших, спасли нам всем жизнь своей отчаянной торговлей. Теперь они подчинялись приказам. Я всегда думала, что Кел в роли составляющей бога-наркотика Второго будет избегать активных действий. Но я уже привыкла ошибаться.

ЭзКел и в самом деле нашли Грушевое Дерево, былого лидера некогда всесильной ариекайской партии. Возможно, у Кела остались свои разведчики. Не все проживавшие в городе беглецы из Послограда разделяли точку зрения Илл и Сиб: у них могли быть враги, которые вполне могли оказаться агентами ЭзКела. Случилось так, что

во время одного из выступлений на городской площади ЭзКела внезапно обступила небольшая толпа ариекаев, которые то втягивали, то выпучивали зрительные отростки. Но ЭзКел не испугались. В этой группе был Грушевое Дерево, Кора/Сайгисс.

Он проводил ЭзКел на следующее представление, затем вернулся с ними в Послоград. Их сопровождали другие ариекаи, многие из которых держались ближе к ЭзКел, чем иные люди, служители, члены комитета или послы. Я не очень-то полагаюсь на свою память, но, проглядывая триды — иногда я пользовалась своим служебным положением, — пришла к мысли, что видела еще, по крайней мере, двоих из них на месте убийства: это они расступились, чтобы пропустить Хассера. У меня перехватило дыхание: я оказалась свидетельницей тайной войны.

Тогда ЭзКел временно не выступали. Экономили слова. Заговорив, они объявили, что Грушевое Дерево назначается руководителем своего городского образования. Они сказали, что именно эта территория выбрана ими из всех остатков бывшего города в качестве узлового пункта, а его регентом назначается Кора/Сайгисс. ЭзКел могли говорить только как бог-наркотик, и их

слова всегда являлись руководством к действию. Но теперь действие заключалось не в том, чтобы мгновенно поднять крылья: речь шла о власти, и, когда ЭзКел кончили говорить, ариекаи, которые их слышали, стали подчиняться Кора/Сайгиссу. Они отнеслись к этому очень спокойно и потом не жаловались.

Я бы не удивилась, окажись, что Кора/Сайгисс уже и так хозяйничал на тех улицах. ЭзКел, может быть, ничего нового и не сделали, просто объявили об этом и изменили все. Теперь между Послоградом и этим новым центром города возникло сотрудничество, альянс. А значит, задача Брена, ИллСиб и их товарищей усложнялась.

Наверное, я сознательно избегала мыслей о том, чем был Кел и чем на самом деле стали ЭзКел. Но что бы ни определяло нашу новую политику — умысел, шутовство или везение, — мне было не по себе.

Ариекаи из нового поселения, освященного словом ЭзКела, покинули город вместе с ПорША, КелСи и констеблями. Теперь операции стали совместными. КелСи вернулись, ПорША нет.

Мы установили приемники и камеры по периметру всех фермерских угодий. Они сигнализировали нам каждый раз, когда случалось что-то,

не заложенное в их событийный алгоритм, вот почему все члены комитета получили известие одновременно, а видеосообщения о новом нападении были переданы непосредственно в наши комнаты.

Корвиды немедленно вылетели туда. Вовремя они не прибыли, но действовать все равно было надо, пусть в этом и не было никакого смысла. Я была с Бреном. Как можно быстрее мы отсматривали хаотические изображения, гоняя картинку то вперед, то назад. Сцены ухода за животными, переговоры с работниками фермы. ПорШа, рослые, но застенчивые женщины, объясняют ариекаям, что нам нужно. Конвульсивные движения труб, заглатывавших нужные товары, чтобы отрыгнуть их в Послограде. Обрывки разговоров на всеанглийском. Счетчик времени сделал скачок. Датачип подчищали.

— Нам нужна Эрсуль, — сказал Брен. — Ты когда-нибудь?… — Я покачала головой. Женщина-констебль, вся в грязи, стояла перед нами. Устремив тревожный взгляд не на нас, а куда-то поверх наших плеч, она пыталась рапортовать.

— Сержант Трейсер из… — начала она. Поднялся страшный шум. Она наблюдала за чем-то вне экрана. — Атакованы, — снова прорвался ее

голос. — Группы… сотни, их сотни…

Передача прервалась, картинка задергалась и сменилась видом стремительно удаляющейся земли — камера летела вверх. Внизу, среди других мертвых людей, лежала Трейсер. Уже не думая, она последним, предсмертным, движением пальцев стянула маску-эоли. Изображение замелькало. Огромное сборище ариекаев, двигавшихся совсем не так, как работники фермы. Они мчались галопом, они размахивали грудными крыльями, роняя с них кровь, которая каплями стекала по их доспехам и разлеталась на скаку веером тонких брызг. Никто из них ничего не говорил — они лишь бессловесно кричали, вкладывая в этот безъязыкий крик мысль о нападении.

Они отрубили голову одному мелкому служащему, с которым я была когда-то немного знакома. Один пинком опрокинул его на землю, прижал своим дающим крылом, второй замахнулся лезвием из чего-то вроде коралла. У них было и биологическое оружие, которое они обратили против самой фермы. Один ариекай стрелял в наших мужчин и женщин из карабина, и ловкость его обращения с терранской техникой поражала. Мы видели и то, как они убивали

терранцев без всякого оружия, просто втыкая им в животы острые выступы своих костей или сдергивая маски, отчего люди тут же задыхались на чуждом им ветру.

Брен ускорил изображение. Пошли живые кадры. Бойня продолжалась. Неприятель численностью подавлял наших офицеров. Они пытались добраться до корвида, но им не дали. ПорШа кричали атакующим на Языке. Подождите, подождите, не надо так больше, говорили они. Пожалуйста, мы просим вас так не делать… Мы потеряли ту камеру, а когда она вернулась снова, ПорШа были мертвы. Брен выругался.

Все громкоговорители, установленные нами на ферме, внезапно заорали голосом ЭзКела. Бог-наркотик нашли друг друга здесь, в Послограде, и теперь дружно вопили в микрофон. Стоп! — крикнули они, и все стихло. Я наклонилась вперед, всматриваясь в нечеткую картинку. Бойня, среди которой неподвижно застыли ариекаи.

— Господи, — вырвалось у меня при виде их полчища. Я вскинула руки. Брен сказал:

— Что они делают?

Стойте смирно, кричал бог-наркотик за многие километры от них. Сделайте шаг вперед, встаньте напротив мертвого посла.

Несколько секунд никто не двигался. Потом из толпы вышел один ариекай и, осторожно переступая копытами, приблизился к камере. Остальные следили за ним. На его спине, то исчезая в тени, то снова появляясь, трепетало натянутое крыло, оно слушало голос ЭзКела.

Больше в толпе убийц ни одного спинного крыла не было.

— Это фермер, — сказала я. — Это не один из них.

Здоровенный ариекай похлопал двух своих товарищей дающим крылом и ткнул им в зачарованного слушателя. Потом он изогнул спину так, что стала видна рана. ЭзКел продолжали говорить.

— Они увидели, что дома начали слушать, и еще он, — сказала я. — Вот почему они остановились. А не потому, что у них не было выбора.

Сначала по одному, а потом все разом ариекаи-убийцы стали выгибать спины. Было видно, как слабо подрагивают на них обрубки слуховых крыльев. Я услышала шепот Брена:

— О, мой бог. — Ариекаи демонстрировали свои раны. Кое-кто беззвучно кричал, наверняка торжествуя.

— Они знают, что мы их видим, — сказала я.

Повинуясь безмолвным указаниям большого ариекая, которые тот передавал жестами дающего крыла, двое саморезцев подошли к завороженному фермеру с двух сторон и вцепились в него. Он даже не заметил. Оставьте то, что вы задумали, отпустите его, услышали мы голос ЭзКела. Слова падали, точно щелчки метронома. Фермер послушно поднял и развернул дающее крыло, выполняя инструкцию, предназначенную другим. Те, кому она была послана, проигнорировали ее, не услышали, продолжая держать свою жертву.

Большой ариекай потянул спинное крыло фермера. Я сморщилась. Он стал его выкручивать. Жертва завизжала, пытаясь вырваться, но не могла. Дающее крыло его мучителя двигалось, как рука человека, с корнем вырывающего сорняк. Крыло оторвалось: державшие его в глубине плоти корешки из мускулов и хрящей лопнули, фонтаном брызнула кровь, какие-то дрожащие волокна вылезли из спины, волочась за крылом.

Спинные крылья ариекаев чувствительностью не уступают человеческим глазам. Травмированный ариекай открыл рот и упал, оглушенный болью. Его оттащили прочь. Тот, кто оглушил его, показывал нам жуткий, истекающий кровью

букет. Из его рта вырывались громкие бессловесные звуки. Крики торжества или гнева.

Тут я услышала, что ЭзКел снова говорят. Они отдавали приказы, которых никто не слышал.

21

Тот случай положил начало открытой войне. Мы назвали его первой резней на ферме, хотя еще ничего не знали о других, — тем страшнее таившаяся в этом названии проницательность. Лишь через много дней мы поняли, что нас ждет.

Членовредительство, совершенное одним ариекаем над другим, было не чем иным, как вербовкой последнего в армию. Жертва, не погибшая от боли и шока, становилась еще одним солдатом в армии врага.

— Как же они понимают команды? — задавала я всем вопрос, на который никто не мог ответить. Может быть, никаких команд и не было, а только обнаженная, лишенная словесных покровов ярость. Могут ли они думать? Если они не могут говорить, то как они могут думать? Язык для ариекаев был и речью, и мыслью одновременно. Или нет?

Не зная, свертывать нам свое присутствие на близлежащих фермах или, наоборот, наращивать его, мы попытались предпринять и то и другое. Были взорваны еще несколько трубопроводов-кишок. Менялись пейзажи, но суть везде оставалась

одна: в рощице похожих на внутренние органы деревьев; в пылевом котле; на каменистой осыпи; каждый раз клочья разорванной плоти и брызги испорченного груза. Наши хранилища пустели.

От нападений страдала не только инфраструктура. После побоища на ферме глухие ворвались в лагерь, который защищали другие, слышащие ариекаи: это происшествие получило название инцидента у скалистого обрыва. Ариекаям помогали там наши войска, вооруженные редкой импортной техникой, так что им удалось подстрелить кое-кого из нападавших. Но половина наших офицеров полегла прежде, чем бандиты вдруг снялись с места и умчались, повинуясь какому-то непонятному для нас знаку. Возможно, они эмпатически улавливали некие недоступные нам течения в воздухе, как птицы, когда они сбиваются в стаю и кружат, точно единый организм.

Хотя видеорепортажей о подобных событиях становилось все больше, мы к ним так и не привыкли. ЭзКел собрали комитет и привели на заседание Кора/Сагисса, Грушевое Дерево. Нам ЭзКел заявили, что готовят изменения в системе городского управления, как будто это могло помочь. Кел рассуждал о необходимости

объединения против «бандитов». Я старательно слушала, пытаясь вникнуть в суть современной политики. Из презрительных реплик Брена я знала, что в тех городских районах, где не царила анархия и не процветало тайное отступничество, у власти стояли странные компрадоры-авторитеты, вроде Грушевого Дерева.

Нам еще предстояло увидеть бессмысленные совместные патрули. По приказу ЭзКела за порядком на прилегающих к городу территориях следили наши констебли в сопровождении призванных на службу в милицию ариекаев. Разумеется, в состав каждого такого патруля входил посол, который передавал инструкции от имени бога-наркотика, на чем особо настаивал ЭзКел. Послы проходили специальные тренировки, где их учили обращаться с оружием: профессиональные бюрократы пытались переделать себя.

Однако миссия этих патрулей провалилась оттого, что терранцы и ариекаи по-разному истолковывали приказы, которые передавали сбитые с толку послы. Насколько я могла понять, ариекаи не то чтобы обижались — я тогда не знала, существует ли вообще такая вещь, как обида по-ариекайски, — они просто недоумевали. Три первых совместных патруля ничего не дали,

четвертый подвергся нападению. Когда наша спасательная команда прибыла на место, терранцы уже были мертвы, а ариекаи в основном исчезли — их, подвергнув варварской операции, вне всякого сомнения, включили в ряды повстанцев. Так закончилась история совместных патрулей.

— А что, если они откажутся сражаться? Даже когда им вырвут крыло? Или захотят сражаться с теми, кто их обескрылил? — Я, предательница, снова пришла в город на заседание тайного клуба лжецов, чтобы Испанская Танцовщица и его коллеги могли обо мне подумать. Осмысление проходило тревожно. Таким же тревожным был наш с Бреном путь к ним через город. Испанской Танцовщицы на заседании не было.

— Спинное крыло — это не просто ухо, — сказала Илл. Она и Сиб смотрели на меня. — Оно слышит, верно.

— Но это прямая дорога в мозг.

— Более важный канал информации, чем зрение.

— Их физиология отличается от нашей.

— Если отнять у них спинное крыло, они вообще перестают слышать.

— Без слуха они не слышат и себя.

— А значит, без слуха ариекай не может го-

ворить.

— Он не может пользоваться Языком.

Возможно, вместе со спинным крылом они лишаются чувства правды или способности воспринимать мысли. Без речи сообщество повстанцев не имеет внутренней связности, если его вообще можно назвать сообществом. Язык для ариекаев — истина: без нее что они все такое? Сборище психопатов.

— Так значит, даже если они не хотят становиться частью повстанческой армии, — продолжала я, — без спинных крыльев они все равно…

— Безумны.

— Или близки к этому.

— Может, кто-то и отказывается участвовать.

— Может, они откалываются от остальных. Пускаются в бега.

— Или умирают.

— Но они уже не те, что прежде.

— Неудивительно, что большинство из них остается…

— …с бандитами. — ИллСиб невесело улыбнулись, повторив дурацкое прозвище, которое придумал ЭзКел.

— Вряд ли их всех завербовали насильно, — сказала я. Костяк этой армии, вне всякого сомне-

ния, составляли те, кто оглушил себя сам. Этот отчаянный, буквально сводящий с ума акт неповиновения сотни возмущенных ариекаев вполне могли совершить независимо друг от друга; но они могли сговориться и, собравшись вместе между бессмысленными речениями ЭзРа — теперь мы понимали, что те же самые повстанцы атаковали нас и до эры бога-нароктика Второго, только беспорядочно — оглушить себя одновременно, превратившись в организующую силу. Возможно, где-то существует комната, в которой лежат и гниют их брошенные крылья, колыбель этой устрашающей силы.

Каждый заперт в себе. Один бог знает, сколько их там, боевиков армии потерянных и одиноких. Как они двигаются все вместе? Как координируют свои атаки? Я опять подумала, что их, наверное, связывает инстинкт или еще какая-то глубоко укоренившаяся хаотическая парадигма: они не могут планировать. Быть может, каждое их нападение было не расчетливо нанесенным ударом, но слепой отмашкой тычущего наугад клинка. Но тут я вспомнила, как слаженно действовали само-оглушенные во время первой фермерской резни, и мне стало не по себе.

— Они начали посылать отряды в город, — ска-

зала Сиб. Правда, это был уже не город, а сборище наркоманов-рабов. — Раньше они убивали других ариекаев.

— Те, кому удалось вырваться из-под власти бога-наркотика…

— …наверное, испытывают отвращение к тем, кому не хватило отваги это сделать. — Но теперь они уже не убивали: они приходили вербовать. ИллСиб синхронно повертели руками, как будто вырывали невидимые крылья из спин.

Меня передернуло, но я тут же сделала вид, будто просто качаю головой, и сказала, что хочу повидаться с Испанской Танцовщицей, как с другом. Мне хотелось понять его, вникнуть в суть его стратегии освобождения. ИллСиб были довольны. Они повели меня в пещеру под свесом скалы, украшенным порослью вроде пальцев, — жилище ариекаев. Там мы долго сидели и молчали.

Крохотную пригородную деревушку, кучку тихо подраставших домов, внезапно сровняли с землей из биомеханического оружия поразительной мощи, помеси всех существующих пород. Информатор-ариекай, агент бога-наркотика, сообщил о приближении ужаса.

Все жители города и все жители Послограда должны сплотиться, чтобы отразить нападение,

сказали ЭзКел, и Кора/Сайгисс вместе со всеми. И хотя подчиненные ариекаи старались угождать ему во всем, это распоряжение оказалось слишком туманным, чтобы они могли принять его как руководство к действию. ЭзКел никогда не произносили опьяняющих приказов, чтобы заставить всех ариекаев подчиниться Кора/Сайгиссу: наверное, опасались непредсказуемых последствий.

Мне хотелось как можно чаще ходить в город и как можно дольше оставаться у лжецов, напрягавших все силы, чтобы ответить на вызов, брошенный Кора/Сайгиссом. Я старалась запомнить дорогу — и сам путь, и все связанные с ним ухищрения, — но все же могла попасть туда, только когда Брен или ИллСиб брали меня с собой. После того выразительного нападения на городские развалины Испанская Танцовщица и другие ариекаи были опечалены (я уже распознавала это состояние). Один из них ушел.

ИллСиб слушали.

— Они поссорились.

— Он сказал им…

— Он сказал, что ему стыдно. — Плохо было, когда бог-наркотик Первый заставлял их кайфовать, но еще хуже стало теперь, когда потребность в дозе сделала их рабами.

— Он… о.
— Он оглушил себя.
— Нет, — сказала я.

Мне показалось, им было больно не только от того, что их — кто, друг? — совершил акт вандализма по отношению к собственному уму и телу и с ним нельзя было больше говорить. Они хотели дать надежду другим, противопоставить что-то социальному самоубийству тех революционеров, которые лишали себя крыльев, а вместе с ними и общественного сознания, превращаясь в мстителей-нигилистов. Была ли у безъязыких своя иерархия? Были ли среди них те, кто возвышался, подобно аристократии, над морем насильно обращенных? Я смотрела в черные точки многочисленных глаз Испанской Танцовщицы, которые видели, как их друг вырвал свое крыло и отбросил его, точно бесполезный мусор, после долгих лет работы над проектом, начатым задолго до конца света.

У наших баррикадных ворот, на убогих уличных рынках, которые терпели лишь потому, что в условиях экономики вторичной переработки без них было не обойтись, люди снова заговорили о смене. О том, когда она прилетит, куда мы все отправимся и что за жизнь ждет изгнанников из

Послограда в Бремене.

Наши камеры совсем одичали и жили в долинах. Многие из них сломались, или у них ухудшилось качество сигнала. Но некоторые продолжали передавать репортажи.

Иные залетали в такую глушь, где не было даже ферм, за пределы трубопроводов. Слухи об одном репортаже дошли до меня раньше, чем я увидела его сама. Я с презрением отвергла идею о том, что его существование скрывали от меня — разве я не член комитета? Однако обнаружилось, что скрыть его все же пытались, хотя и безуспешно. Чему тут было удивляться? В комитете назрел раскол, завелась коварная и трусливая пятая колонна, доносившая обо всем прямо богу-наркотику. И причин тому не было никаких. Просто тяга к секретности у бюрократов в крови. И ведь никакого реального способа утаить от нас эти файлы у них не было: как только об их содержании пошли слухи, остальные комитетчики не могли их не увидеть.

Мы собрались группой и загрузили их в информационное пространство комитета. Брен волновался. Меня поразило его нетерпение и то, что он явно не знал, подтвердят ли ожидавшие нас кадры ходившие слухи. Я привыкла к тому,

что он знает больше, чем говорит. И даже поддела его на этот счет, довольно тонко. Мы смотрели воспоминания камеры. Нас разделяли многие километры, но это была та же страна. Камера неслась сквозь какую-то теснину: я даже пригнулась, чтобы избежать столкновения с уступами, от которых она увернулась несколько дней тому назад. Сзади раздался голос какого-то идиота:

— Зачем мы это смотрим?

Сквозь проем в камне камера вылетела в долину цвета пемзы, взмыла по-птичьи над склоном, на высоту сначала дерева, потом башни, сфокусировалась на ложе пересохшей реки. Мы ахнули. Кто-то выругался.

Мы увидели армию. Она маршировала прямо на нас. И ариекаев в ней были не сотни, а тысячи, многие тысячи.

Я услышала свой голос, который повторял: Господи, Господи Иисусе. Теперь мы поняли, почему город как будто съежился. Фаротектон, сказала я.

Микрофоны в камере были дерьмовые, но мы услышали звук шагов, марш многих жестких ног, ступающих не в такт. Перенесшие ампутацию ариекаи кричали. Вряд ли они даже знали об этом, ведь они не могли слышать собственные пронзительные вопли. Вместе с ними шагали

машины, подчиняясь немым приказам хозяев. Ариекаи несли оружие. Это была единственная армия на планете, и она шла прямо на нас.

Камера спустилась ниже, и мы увидели тысячи обрубков тысяч спинных крыльев. Каждый ариекай в этой армии был солдатом, но объединяло их не повиновение приказам — загнанные в ловушку немого солипсизма, утратившие способность слышать, говорить, думать, они каким-то таинственным образом шли к одной цели, которую они разделяли, не называя. У них не могло быть общего намерения, но мы знали, что оно есть, знали, в чем оно заключалось, и знали, что этим намерением были мы.

22

Шедшую на нас силу мы поначалу называли безъязыкими и ЧВ, что означало членовредители, а еще армией глухих. Слабослышащие жители Послограда категорически возражали; они были правы, и нам стало стыдно. Потом кто-то догадался применить к ним слово из одного древнего языка — сурдии. Означало оно то же самое, глухие, но заложенное в нем оскорбление становилось разбавленным; в особенности потому, что не все правильно понимали этот термин, и его быстро переиначили, так что сурдии превратились сначала в сурдов, а потом и вовсе в абсурдов. Так мы называли Хозяев, которые шли убивать нас за наши грехи, в которых мы если и были повинны, то по незнанию.

Однако поразительней всего была дисциплина армии абсурдов, то, как от общей медленно движущейся махины войска отделялись вдруг несколько групп, которые без единого слова выстраивались в отряды и разбегались по незнакомой местности кто куда — одни чтобы застать врасплох наших пограничников, другие чтобы завербовать новых ариекаев, вырвав у них кусок

плоти. К тому времени передачи как-то внезапно прекратились, наши камеры лежали на земле сломанные, сдутые ветром или прихлопнутые в порыве раздражения врагом. Мы, разумеется, выслали новые. И стали строить планы.

Наши шпионы разлетались на поиски, а мы нарушали старые договоры и привычную изоляцию. Камеры показывали нам берега слаботоксичного моря. Вокруг нас была целая страна, в которой располагался город, а в нем — Послоград. Смотреть на эту страну было нам в новинку. В иммере я пользовалась разными картографическими программами, но эту карту не видела никогда. У нас был континент. Я с трудом нашла бы на нем Послоград, вряд ли смогла бы проследить границы города, а уж очертания суши, на которой мы были всего лишь крохотной точкой, и вообще не узнала бы. Но теперь, когда возникла нужда, оказалось очень просто нарушить все табу и достать требуемые карты. Они никогда и не были под запретом, в отличие от иных простодушных теократий, где мне довелось побывать: просто интересоваться ими было неприлично, но теперь прежние правила учтивости ничего не значили. Наши камеры сканировали разные направления, чтобы не упускать из вида движения абсурдов.

Их избранные, их первые, их пионеры овладели особой формой насилия, которая превращала жертвы в безмолвных братьев по оружию. Как это было? Они растекались из тощающего города, захватывая на своем пути фермеров, дальше, мимо любых городских кишкопроводов в пространства, заселенные номадами, там они подчинили себе номад, охотников-собирателей ненужных или сбежавших технологий, домов. Быть может, однажды кто-нибудь еще напишет историю этого исхода, этого крестового похода за соратниками.

Но дело было не только в уведенных и насильно вылеченных деревенских наркоманах. Я представляла себе, как эти безумцы, точно пророки, выходят из пустыни; ариекаи из далекой провинции, встревоженные или обозленные тем, что они слышали о судьбе своих городских кузенов, низведенных до состояния восторженных зомби или отчаявшихся трусов, могли, даже если сами избежали искушения, испытывать потребность присоединиться к абсурдам. Возможно, армия не сразу вошла в состояние регулярной, беспощадной жестокости, возможно, в отдельных поселениях будущие рекруты спорили о том, оглушать себя или нет. Последнее осознанное применение речи, доказывающей необходимость

собственного уничтожения.

Я заставила Брена пойти со мной в город. Пересечь границу Послограда оказалось несложно, хотя ее должны были охранять. Запомнить дорогу туда и обратно тоже было легко.

— Они будут здесь недели через две, — сказала я. Он кивнул.

— Ты заметила, что они все в расцвете сил? — ответил Брен. — Они не опекают старших и не заботятся о молодежи.

Однако молодежь скоро будет иметь причины благодарить их. Даже без присмотра по нескольку молодых ариекаев из каждого выводка наверняка выживут, а когда они перейдут во взрослую форму существования и проснутся для Языка, то станут жить в городе, очищенном от нас. И от бога-наркотика. Ради такого будущего абсурды пожертвуют собой. Ради него они оглушат себя, чтобы остаться недоступными для любых соглашений или компромиссов.

Мы держались наименее опасных субрегионов города. Я сама находила дорогу — на этот раз я вела Брена — туда, где Испанская Танцовщица и его друзья учились лгать, а я пыталась помочь им найти новые способы говорить меня.

— Мы собираем армию, — объявил Кел. Его

слова были встречены со всем возможным презрением. «Соберите много своих на площади и будьте готовы воевать», — возвестили ЭзКел ариекаям. Они распорядились выставить вперед солдат. Они потребовали кура/маши добровольцев. Кура/маши было названием крупнейшего скопления единиц и означало нечто большее, чем крупнейшее точное число, для которого существовал термин кура/спа, 3072. Кура/маши обычно переводили как «бессчетный». ЭзКел требовали, чтобы ариекаи выставили всех, кого могли.

Кел махал руками. Рядом с ним Эз походил на куклу чревовещателя, которая жива лишь пока она говорит или через нее говорят. Уайат наблюдал за ним, точно встревоженный родственник. Я гадала, сколько ариекайских солдат получит бог-наркотик и обойдется ли без насилия этот призыв. Жители деревушек, рассеянных тут и там на месте бывшего города, этих островков в море смертельно опасного безумия, будут повиноваться, насколько смогут. Они знали, что абсурды идут. Большую часть живой силы наверняка поставят те местные, которыми якобы правил Кора/Сайгисс, те, кого вверили его попечению ЭзКел.

— …одна главная сила ариекаев для защиты

города, рассредоточенная по слабейшим местам обороны, и еще пара… хм, особо подготовленных отрядов, — заявил Кел на собрании комитета. Не было сил слушать этот бред, замаскированный под стратегию. И не было сил смотреть ни на кого в комнате. Противопоставить надвигавшейся армии нам было нечего. Когда нас распустили и я начала медленно собирать свои вещи, до меня вдруг дошло, что в комнате остались я, Эз и Кел. Не знаю, как это получилось. Но торопиться мне не хотелось. Смотреть на них — тоже. Я была их недругом, и владела секретами повстанцев.

Кел ссутулился, как будто от усталости. Издалека он выглядел каким-то съежившимся. На миг мне показалось, что в кресле сидит карлик, таким большим было оно для него, словно трон для мальчика-короля. Эз стоял, точно угрюмый придворный. Они, наверное, ждали, когда можно будет начать произносить обязательные воззвания — для тренировки.

— Ты скучаешь по моему брату, Ависа? — спросил Кел.

— Я?… По Вину? Я… Да. — В какой-то степени это было правдой. — Иногда. А ты?

Кел следил за мной из-под насупленных бровей.

— Да. Я злился на него. До того, как он умер. — Он замолк. — Я злился на него до его смерти, а после — еще больше. Разумеется. Но я по нему скучаю.

Я соображала, что может дать мне этот разговор, но добавить мне было нечего.

— Пожалуйста, — бросил он сердито, но не мне. Эз поднял голову.

— Я сейчас… — сказал Эз и вышел. Это было первое слово, которое я услышала от него за много дней, первое его собственное слово. Кел не смотрел, как он уходил.

— Вин скучал по тебе, — сказал он.

— Да?

Что бы ни произошло с Келом, кем бы он ни стал, я была уверена, что он продолжает видеть меня, как и я его, через окно воспоминаний, включавших совместные утра и вечера, обнаженность, секс, иногда замечательный. Разве я могла забыть последний взгляд Вина? Тогда я разглядела в нем потребность, которую, быть может, следовало назвать иначе, заметила и то, что Кел, похоже, обижался. Потому ли, что считал привязанность своего брата партией без выигрыша, который я у него украла? Или потому, что у него самого не было привязанностей?

И тут, к моему ужасу, в горле у меня встал ком, и мне пришлось прикрыть глаза. Огромное расплывчатое горе навалилось на меня, не только из-за Вина, но и из-за него тоже. Я думала о месяцах, которые я была любовницей КелВин. Я пыталась припомнить хотя бы один раз, когда они оба двигались вместе со мной. И не могла. Ласкали они меня вместе хотя бы раз, или это всегда был один, и сначала, и потом, после ленивой паузы, когда, как мне казалось, как я считала до сих пор, это был другой? Я посмотрела на Кела. Неужели он просто терпел желания своего двойника, тогда?

Я подумала: «Были мы с тобой когда-нибудь вместе?»

— Просыпаться без него. Я не привык. — Он заговорил торопливо. — Мне не положено. По правде говоря, иногда это даже неплохо. Тишина не всегда нежеланна. — Я отвела взгляд от его ужасной улыбки.

— По правде говоря, Ависа, я не могу сказать, что я скучаю по нему. Это неправда, вот что я должен сказать и говорю, но дело в том, что это не такое уж беспримесное чувство. Когда приходится говорить без утайки, как мне — как раньше… Это и хорошо, и плохо, и опять хорошо. Я бывал в

домах отдыха, где живут разделенные. Нормальные, не бунтовщики, вроде Брена. Я даже не знаю, я ли это сейчас?

Он дернул головой в сторону двери, за которой скрылся Эз.

— А этот ублюдок? Дела идут так, что все может кончиться плохо. Я хотел сказать… я не знаю, что я хотел сказать. Я делаю то, что должен.

— А что ты делаешь, Кел? И почему ты должен это делать? — спросила я, хотя не планировала отвечать на его тираду, и вообще не хотела быть втянутой в происходящее. — Мы ведь уже проходили это, Кел; ты создал армию, и все кончилось катастрофой…

— Ависа, пожалуйста. — Он встряхнул головой и помешкал, как будто раздумывая о том, как сказать то, что ему хотелось сообщить. — Дело не пошло с совместными патрулями. А то, что мы создаем сейчас, ты еще увидишь. Это совсем другое. Да и вообще, чего ты хочешь? Мы же не можем просто позволить им войти… И разве ты не видела? — Снова взмах рукой в сторону двери Эза. — Я же могу заставить их делать все, что нужно мне.

— Но…

— Но дело совсем в другом. Мне, нам, городу

нужна защита, нам она нужна, но главное не в этом. Главное в отрядах, которые мы высылаем за его пределы. Мы много думали. — Он показал рукой себе на горло, имея в виду голос. — Об этом. Я думал о том, как его использовать. Я знаю, почему первые патрули потерпели неудачу: мы отдавали им приказ просто патрулировать. Слишком туманно. Задачи, вот в чем отличие. Четкие формулировки. Имеющие начало и конец.

— И какую задачу ты собираешься поставить перед ними, ЭзКел? — спросила я. Моя оговорка была случайной, я невольно назвала Кела этим именем.

— Увидишь. И, думаю, это произведет на тебя впечатление. Я действую не так, как, по-твоему, должен. Я знаю, кем ты считаешь меня, Ависа.

Я вышла. Это было непереносимо.

Я не пошла смотреть, как Кел — с Эзом — инспектировал ариекайские войска: зачем мне эта пантомима. Слышала, он назначил своим ассистентом МагДа и говорил через них. Говорить напрямую ЭзКел не могли: это превратило бы все действо в комедию, обалдевшие солдаты бросались бы выполнять каждое их слово, независимо от того, было оно приказом или нет.

Солдат было много — несколько тысяч. Бес-

прецедентное сборище. С помощью МагДа Кел строил их в ряды, эскадроны, подразделения, каждому назначал командира. И когда наши новые защитники двинулись на свои аванпосты, это выглядело вовсе не так хаотично, как я ожидала.

Но этого все равно было недостаточно. Армия абсурдов превосходила их числом в несколько раз. Однако я еще не поняла — точнее, старательно игнорировала все попытки Кела сказать мне об этом, — что это военное изобретение и изобличающая панику торжественность были лишь малой частью его намерений. Не заметила я и того, что МагДа исчезли и целых два дня отсутствовали вместе с другими членами эскадрона, которому ЭзКел наверняка подобрали какое-нибудь тщательно продуманное имя. Пока их не было, я, даже не зная об их отсутствии, снова ходила с ИллСиб к Испанской Танцовщице, а армия абсурдов приближалась. Я устала от неизбежности. В городе, за пределами Послограда, возникало чувство, пусть иллюзорное, что возможны другие варианты конца.

ЭзКел собрали нас в лекционном зале. Я пошла на то собрание, как ходила на все остальные, чувствуя себя отчасти шпионкой. Не то чтобы я вводила кого-то в заблуждение. Комитет исчер-

пал себя. Сидя на стульях, поднимавшихся вверх крутыми рядами, мы смотрели вниз, на ЭзКела в центре. По бокам от меня сидели Саутель и Симмон. МагДа были рядом с ЭзКелом, на их лицах можно было разглядеть отметины пожелтевших синяков. Рядом с ними стоял Кора/Сайгисс, в углах расположились еще несколько Хозяев.

— Начнем с минуты молчания, — сказал Кел. — В память об офицерах Бейли и Котусе, которые пожертвовали собой, выполняя миссию, возложенную на них Послоградом. — Мы ждали. — Давайте постараемся сделать так, чтобы их жертва не оказалась напрасной. Введите их.

Поднялся шум. Кто-то ахнул от изумления, кто-то выругался, кто-то испуганно отпрянул. Охранники ввели и поставили перед нами врагов. Двух глухих абсурдов. Они были в наручниках. Они смотрели на нас, их глаза шевелились, точно полипы. Их ноги и дающие крылья дрожали от напряжения. Они умело пробовали на прочность свои оковы.

Мы смотрели на них. Кел кружил возле пленников, демонстрируя нам следы пребывания в пустыне на их телах, неровные края оборванных крыльев. Во все, о чем он говорил, он тыкал тонкой длинной палочкой. Он походил на древнего

лектора с картинки, изображающей какой-нибудь научный центр додиаспоральной эпохи. Пока он ходил вокруг пленников, те издавали звуки. Крики, похожие на приветствия, на возгласы, адресованные богам, а другие ариекаи в комнате смотрели на них и тоже непрерывно шевелились и подергивались, точно с отвращением откликались на старания пленников каким-то мимическим эхо.

Наши люди выследили группу ариекаев, которые откололись от надвигающейся армии, чтобы разорить уединенное поселение. Разгорелся бой. Обе стороны понесли потери. Наконец, сказал Кел, в результате беспрецедентного сотрудничества между терранцами и их союзниками ариекаями, абсурдов удалось подавить и взять в плен.

— Мы должны научиться их понимать, — сказал Кел. — Для того, чтобы научиться их побеждать.

Нас позвали делать записи, изучать поведение Безъязыких. Экспериментировать с ними перед камерами в опломбированных комнатах; обеспечивать взаимодействие между абсурдами и нашими союзниками ариекаями, которое на деле было вовсе не взаимодействием, а действиями

Кора/Сайгисса и его свиты, на которые абсурдам было плевать; а если они и реагировали, то мы этого не замечали.

Казалось, что абсолютную замкнутость в себе тех, кто сам лишил себя спинных крыльев, никакими способами не одолеть. Может, кто-то в комитете и верил словам Кела о том, что мы готовимся к войне, но, видя, как он всеми правдами и неправдами — через МагДа, чтобы не тратить время на ставшее уже утомительным превращение союзных ариекаев в рабов, — ищет способ поговорить с абсурдами, как он повторяет свои попытки, заставляя повторять их МагДа, я поняла, что вся его надежда только на переговоры.

Но тех, кто сознательно законопатил окна и двери своей души, кто лишил себя Языка, сделав единственной целью своего существования убийство, были тысячи. И, что бы мы ни узнали, это ничего не могло изменить. С остатками арсеналов Уайата и ариекайской армией Кела мы могли надеяться перебить часть из них, но город по-прежнему уменьшался, его обитатели умирали, калечили себя или сбегали в близлежащие поселения, где громкоговорители еще передавали голос бога-наркотика. Абсурдов было больше, чем ариекаев, готовых воевать за нас.

МагДа говорили на Языке, потом одна или другая из них фыркала:

— Черт, они нас даже не слышат! — А абсурды издавали возгласы досады.

— Так покажите им, — отвечал Кел. — Заставьте их понять. — Обмен подобными репликами мог продолжаться часами, не принося никаких результатов, кроме ссор и раздражения. Слышащие ариекаи повторяли его слова: МагДа и другие послы жестикулировали. Наши враги приближались. Безъязыкие пытались скинуть оковы. Они не сводили глаз с тех, кто старался разговорить их, не придавая никакого значения словам и концентрируясь на действиях. Я замечала, когда оба вдруг напрягались, реагируя на перемены в поведении Кора/Сайгисса, невидимые для меня.

Абсурды переглядывались. Сами того не зная, они издавали звуки. Когда им надо было привлечь внимание друг друга к чему-то, они широко расставляли глаза, жестами показывали на то, что было важно. Насколько позволяли им путы, они двигались, меняли позы, пока Кел с Эзом слепили их образами с экранов и передавали им разные вибрации через пол. Они делали шажки, касались друг друга и снова расставались.

Я никому об этом не сказала, но, когда пленни-

ки вдруг попытались напасть на ариекайскую стражу, я поняла, что знала об этом. Их подавили прежде, чем они смогли воспользоваться своими связанными телами, как неуклюжими дубинками, но синхронность их движений меня поразила. Она заставила меня взяться за книги моего мужа.

— Как будет на Языке «тот»? — спросила я Брена. — Ну, «вон тот». — Я ткнула пальцем. — «Какой стакан ты хочешь? — Вон тот».

— Каждый раз по-разному. — Он взглянул на стакан у конторки. — Если говорить вон о том, то можно сказать…

— Нет, я не имею в виду конкретно вон тот, я говорю вообще, тот. — Снова тыкаю пальцем. — Или вон тот. — Двигаю рукой. — Самая идея «тотности».

— Такого слова нет.

— Нет?

— Конечно, нет.

— Так я и думала. Тогда как же различить вон тот стакан, тот и тот? — Я по очереди ткнула в каждый из них пальцем.

— Можно сказать «стакан рядом с яблоком, и стакан с трещинкой в донышке, и стакан с осадком от вина». Ты же знаешь. Зачем ты спра-

шиваешь? Этим азам тебя учили, разве нет?

— Учили, — ответила я. Посидела тихо. — Много лет назад. — Я снова говорила в годах, а не в килочасах. — Но если бы ты переводил мне с ариекайского «стакан рядом с яблоком и стакан с осадком от вина», ты бы, скорее всего, сказал «тот стакан и вон тот». Иногда перевод мешает понимать правильно. Я неважно понимаю по-ариекайски. Может, это меня сейчас и выручает.

— Перевод всегда мешает понимать, — сказал он. — Что ты задумала?

— Сколько у нас еще дней? — спросила я. — Ты успеешь связаться с ИллСиб? И с другими? С кем сможешь? — Он сощурил глаза, но кивнул. — Нам надо уходить. Попроси ИллСиб или кого-нибудь еще связаться с Испанской Танцовщицей и с остальными. Я буду… — Я остановилась. — Я не знаю, — сказала я. — Я не знаю, будет ли… Может, я смогу рассказать все Келу.

— Расскажи мне, — сказал Брен. — Я думал, ты отчаялась.

— И я тоже так думала.

— Так в чем дело? Расскажи.

Я рассказала. И испортила ему удовольствие от развязки, но вам не испорчу, не скажу.

Брен кивал, слушая мой так называемый план

— на самом деле это была не более чем интуиция и надежда — а когда я закончила, он сказал:

— Нет, Келу об этом рассказывать нельзя. — Он тронул меня за подбородок, обнял, и на мгновение я как будто отдала свою тяжесть ему. И это было здорово. — Никак нельзя.

— Но мы же пытаемся все наладить, — сказала я. — А ЭзКел совсем не глупы.

— Дело не в том, глупы они или нет, — ответил он. — Дело в том, кто они и за что выступают. Может быть, Кел разглядит причину. Может быть. Но мне так не кажется, а тебе? Ты в самом деле хочешь рискнуть?

— Если мы уйдем, он все равно узнает.

— Да. И будет видеть в тебе врага. И совершенно правильно. Не думай, что он — они — не найдут времени, чтобы попытаться нас остановить.

— Ну ладно, — сказала я. — Буду врагом.

Он улыбнулся.

— А что еще нам остается, Ависа?

Рука в руке мы повернулись к экрану, на котором пленные безъязыкие переминались с ноги на ногу в комнате под присмотром камер. Момент для нашей ссылки был самый подходящий, ведь мы все равно готовились отправиться в изгнание. Мы видели, как два ариекая, захваченных

нашими правителями, двигаются не совсем как одно целое, но все же довольно связно; исходя не из плана, а из знания друг друга; как некая общность.

23

Я все еще представляла некоторый культурный интерес. То же и БренДан, свободный разделенный, смутьян, официальный диссидент. Если мы исчезнем вместе, люди заметят. Кроме того, за нами и так уже могли следить. Вот почему в следующий раз, в последний раз я пошла в город без него.

Пока комитет суетился, а Кел отнимал у него остатки власти, на улицах царило смирение. Неся эоли и припасы, я шла по улицам моего ставшего таким маленьким городка и с удивлением наблюдала нередкие группы гуляющих. Некоторые сменные родители, играя с детьми, видели, что я смотрю, ловили мой взгляд и даже понимали содержавшуюся в нем боль, но сознание того, что это их последняя прогулка с ребятишками, нисколько не уменьшало их удовольствия.

На улицах встречались констебли, но делать им было особенно нечего, только ждать войны: за порядком они следили без особого рвения. Например, они не разгоняли прозелитов, всех этих трясунов, плясунов, прыгунов, болтунов и прочую братию, которые то обрекали нас на

проклятие, то даровали нам спасение, каждый согласно своей вере. На них, в том числе и на самых отчаянных, смотрели не как на угрозу или помеху общественному спокойствию, а всего лишь как на бродячих актеров. Люди дразнили их, а те продолжали выказывать собачью преданность каждый своей вере.

Мне хотелось задержаться и пригласить кого-нибудь из них посидеть со мной в кафе, где выпивку давали даром или под долговые расписки, которыми мы вежливо обменивались друг с другом, словно фантами в игре. Обычная тоска: может, когда-нибудь я так и сделаю. Уходить или уезжать всегда грустно. Я вышла из Послограда недалеко от того места, где Симмон, Йогн, другие дети и я затаивали когда-то дыхание и где я коснулась привязи дома. Коридорами пограничного здания я вышла наружу одна.

На моей карте были помечены колонии на территории города ариекаев, и каждая снабжена комментарием согласно новейшей информации, которую смог раздобыть Брен. 1. Центр. Кора/Сайгисс. Лояльны. Слева от меня. 2. Статус неопределенный. 3. Участвовали в ополчении, но в контрах с Кора/Сайгисс. 4. Коммуналисты? 5 и так далее. Я знала, что все указанные границы

проницаемы. По мере приближения абсурдов полисы все больше напоминали острова: политические решения, которые их элита принимала между дозами, их культуры, складывавшиеся в том же режиме, все сильнее отличались друг от друга, а улицы между ними становились все опаснее. Так что я шла по опасной территории.

Первые несколько сотен метров рядом со мной то и дело шмыгали альтброки, раздавался свист птичьих крыльев, жужжание насекомых. Местность, по которой я шла, находилась под властью местной фауны, каждый представитель которой имел по два имени: одно на наречии Послограда, другое — на Языке. Я замерла, пропуская зверя размером с собаку, которого мы называли брауногом, а ариекаи именовали по-разному в зависимости от каких-то его таксономических особенностей, сути которых мы не улавливали. Он перебежал мне дорогу развязной походочкой уличного хулигана. Над головой пролетал мусор и биомашины, частью одичавшие, частью с седоками-ариекаями.

Я ориентировалась в иммере, но тут едва не заплутала. На ничейной земле было опасно, но в поселках, где мне будут грозить не случайные вспышки безумства со стороны конченых нар-

команов, а регулярная охрана границ, опасность могла оказаться еще серьезнее. Чувство кланово-сти обитателей разных территорий заставляло их враждовать между собой. Не раз, спрятавшись за костью мертвого дома или кучей мусора, я на-блюдала стычки на почве межплеменной розни.

От страха мое дыхание участилось. Обогнув какой-то завиток, из-за которого уже слышалось урчание кишок ближайшего района, я встала как вкопанная. Передо мной были двое мужчин.

Увидев меня, они подняли винтовки. Забрала эоли скрывали их лица. Я замерла, настолько неуместными показались мне терранские фигу-ры в этом окружении, но вовремя спохватилась и отскочила в сторону раньше, чем они выстре-лили, так что пули ушли в желудочек или тупик прямо за моей спиной. Я побежала. Слышно было, как они топочут за мной. Я нырнула под висячие растения, затаилась. Я стиснула зубы, мое сердце бешено колотилось.

Но я не впала в панику. Мыслила ясно. Услы-шав новый шорох, я быстро обернулась. Какой-то человек тянулся ко мне из дверного проема, похо-жего на жабры. Я отшатнулась, но он, приложив палец к маске эоли жестом, который призывал к тишине, поманил меня внутрь. Я разглядыва-

ла его, не находя в нем ничего особенного. Но я продолжала обшаривать его глазами, как будто надеялась прочесть какой-то код.

— С тобой все в порядке? — прошептал он.

— Да. — Я хотела спросить его «Кто ты?» или «Кто это были?», но он покачал головой. Прислушался.

— Иди за мной, — сказал он наконец. Я спросила, кто он, но он не ответил. В конце концов, подумала я, почему он должен мне что-то объяснять? И, крадучись, последовала за ним.

В конце длинного обхода нас ждали Илл и Сиб. Они кратко приветствовали мужчину. Затем заговорили втроем, но так тихо, что я ничего не расслышала. Потом мужчина повернулся, вскинул передо мной руку в коротком приветствии и ушел.

— Его зовут Шонас, — сказала Сиб. — Раньше он был визирем. В городе почти восемь лет. — Мы осторожно возвращались к моему изначальному маршруту.

— Почему он здесь? — спросила я. — И кто в меня стрелял? — Дверной косяк изогнулся, пропуская нас.

— Он пришел сюда после ссоры с одни послом, — сказали ИллСиб. — Был настоящий

скандал. Он исчез. Ты тогда, наверное, была в иммере. Снаружи.

— Вряд ли ты помнишь. — Ну, конечно.

— Другие двое были ДалТон.

Мне кажется, я нисколько не удивилась. Разумеется, эти были те экстравагантные смутьяны, которые, по моему мнению, должны были умереть, оказаться разделенными или сидеть в том жутком изоляторе.

— Они сбежали.

— И одичали.

— Шонас пришел в город, чтобы остановить их, и…

— …в общем. Он за нас.

— Снова посол ДалТон.

— Пока не заварилась эта каша, мы об этих ублюдках и думать забыли, не знаем даже, чем они заняты теперь.

— Теперь они как свинья в грязи.

— Да, им это все по нраву.

— Пронюхали, видно, о твоем плане.

Теневая экономика сплетен, борьбы и мести.

— Как они узнали? — спросила я.

— Слухи ходят.

— Что это, черт побери, значит?

— Да ладно. Люди говорят.

— Им наверняка известно не больше того, что ты собираешься прийти в город. А значит, у тебя есть план.

— Который им заранее не по вкусу, даже если они понятия не имеют, в чем он состоит.

— И они сотрудничают с Келом? С ЭзКелом?

— Что? Ты так решила потому, что они пытались тебя остановить? — ИллСиб посмотрели на меня. — Только потому, что Кел наверняка попытался бы сделать то же?

— Это не одно и то же.

— У ДалТон на все есть свои причины.

— И какие же? — спросила я.

— О, здесь у всех полным-полно причин, — устало ответили ИллСиб. — Разве их сосчитаешь?

— Выберите хотя бы одну.

— Они тебе не друзья.

— Этого недостаточно?

— Нет.

— Они от всего устали.

— А ты нет.

— И ты пытаешься что-то сделать.

— Как насчет этого?

Дал и Тон, нигилисты до кризиса и после. Их оправдывало лишь то, что они посчитали меня достойной нападения. Спросите Кела, что он

предпочтет: чтобы Послоград сровняли с землей или чтобы он продолжал существовать, но без него, и он совершенно искренне выберет последнее; но стоит ему только услышать про мой план, и он сам в могилу сойдет и нас всех туда загонит, только чтобы помешать мне — ведь осуществить мой план и значит обойтись без него. ДалТон хотели остановить меня потому, что я хотела спасти мир. Думаю, что после долгой ссылки, которую они провели, злясь на всех и вся, это имело для них смысл. За ними стояли килочасы истории, которую я не узнаю никогда. ДалТон были против меня, Кел был против меня, ДалТон были против Кела, Шонас был против ДалТона, Шонас был за меня, но не против Кела, и так далее. У меня же ни в Послограде, ни до того, в иммере или снаружи не было вкуса к интригам. Я всегда надеялась, что флокинг поможет мне их избежать. Но от политики никуда не денешься.

— Сколько их здесь? — спросила я. — Изгоев? В городе?

Илл и Сиб молчали. Мои планы спасения Послограда ненадолго пересеклись с историей Шонаса и ДалТон, и драма мести бывшего посла и бывшего визиря едва не втянула в себя меня. Я была благодарна Шонасу за то, что он спас мою жизнь.

— Он идет сюда, — сказали мне ИллСиб. — Как ты его называешь? Испанская Танцовщица.

— Я знаю, что это невежливо, — сказала я. — Я больше не буду его так называть.

— Почему? Ему это безразлично, нам тоже.

Комната была крохотная. Разумеется, без окон, зато увешанная светящимися гирляндами.

— Тут есть энергия, — заметила я.

— Нет.

— Это светятся некрофаги в стенах.

— Да ну! — сказала я. Здание умирало, и его гниющая плоть давала нам свет. Что тут оставалось делать, как не рассмеяться?

Я снова спросила ИллСиб о том, что заставило их сотни тысяч часов назад покинуть Послоград и приговорить себя к жизни под маской эоли в этой микрокультуре изгнанников, но они не ответили. Мы продолжали ждать.

— Все больше Хозяев покидают город, — сказали ИллСиб. — И многие идут к абсурдам.

— Скоро их станет слишком мало для защиты города, даже если их подготовить.

— У них не будет выбора. ЭзКел их заставят.

— Что у тебя за план?

— Что ты хочешь сделать?

— Вы же знаете, — сказала я. — Брен вам го-

ворил. — По правде говоря, я не знала, как это объяснить. Когда Испанская Танцовщица пришел, я сказала:

— Смотрите. Я вам покажу.

Я вспомнила движения безъязыких пленных. Абсурды приближались, ждать Брена было бессмысленно. С помощью ИллСиб, которые тщательно переводили каждое мое слово, мы начали, сперва очень медленно. И мне, вопреки отвращению к любой власти, которое я испытывала всю жизнь, пришлось взять командование на себя.

Не думаю, что настойчивость — это бацилла, способная передаваться от экзотипа к экзотипу, но ариекаи точно поняли, что я как-то изменилась внутренне. Между нами установилась пламенная связь. Я вспомнила их в «Галстуке», где они были буквально заворожены мной и другими сравнениями.

— Вы хотите лгать, — сказала я Испанской Танцовщице. Я говорила быстро: — Покажите мне, что вы умеете. Насколько вы близки к цели? Начнем прямо сейчас. — Несколько часов я слушала в переводе ИллСиб крохотные неправды, которые произносил он и его маленькая группка. Я записывала и вспоминала, как Сурль/Теш-Эчер делал то, что он делал. В его действиях я видела ключ.

Мы говорили об этом с Бреном. Сурль/Теш-Эчер часто играл словами, размывая уточняющее придаточное до тех пор, пока оно не превращалось в неожиданную ложь. Однако этот метод, хотя и блестяще примененный, оставался всего лишь трюком. Теоретический фокус Сурль/Теш-Эчера был во мне.

В нас — терранцах, превращенных в сравнения, а не просто в сравнениях, — он видел ключ к каким-то фундаментальным и освобождающим неправдам. Его коронная ложь, которую он всегда произносил с блеском истинного денди, пусть и была всего лишь игрой слов, все-таки намекала на сдвиг, рожденный контактом с нами. До появления людей мы не так часто говорили о некоторых вещах. До появления людей мы не так часто говорили. До появления людей мы не говорили.

В этой лжи, рожденной постепенным отбрасыванием частей предложения, заключался его манифест. До появления людей мы не говорили: так значит, мы будем, можем, должны говорить через них. Фальшивость этого утверждения он превратил в благородную цель. Сурль/Теш-Эчер, настаивая на некоем «может быть», изменял то, что было на самом деле. Он научился лгать, чтобы

показать истину.

— Так, — сказала я Испанской Танцовщице и его компании. — Давайте повторять за Сурль/Теш-Эчером. — ИллСиб перевели. Ариекаи задвигались. — Он указал направление. Вы меня знаете. Я девочка, которой сделали больно в темноте и которая съела то, что ей дали. Расскажите мне, какая я, и мы узнаем, что я такое.

Я дала им всем прозвища. Испанская Танцовщица, Полотенце, Креститель, Утка. Я произносила их имена, показывала пальцем и даже улыбалась — никогда ведь не знаешь, что они смекнут, а что нет. Пока мы работали, их звери-батареи скакали вокруг нас. Все собравшиеся ариекаи умели лгать, чуть-чуть. Ведь они были последователями величайшего лжеца в их истории. Я помогала им научиться отбрасывать частички правды, вышептывать предложения, намеренно искажая подробности.

До прихода людей. Я заставила ИллСиб повторить утверждение Сурль/Теш-Эчера. Ариекаи не сумели: от вранья у них заклинивало мозги.

— Какой цвет? — спрашивала я, поднимая кусок тряпки или пластика. Они только открывали и закрывали бутоны глаз.

Несколько часов спустя их внимание ослабело.

Утку трясло, Полотенце издавал жужжание и какой-то писк. Я поняла. У нас не было чипов. Ариекаям надо было выйти на улицу и дождаться, когда заговорят установленные по городу приемники. Внутри мы не слышали передачи, но чувствовали, как сотрясается дом. Илл, Сиб и я переглянулись, представляя, наверное, одно и то же: как наши ученики топают к ближайшей радиоточке, отбиваясь по дороге от безумцев, а может, и поколачивают друг друга, пока говорит ЭзКел.

— Как случилось, что вы взялись за это? — спросила я ИллСиб. — Я хочу сказать, если все получится, то для вас все станет иначе…

— А что мы теряем?

— Профессию?

— И что приобретают другие? Все?

— Что нам дала наша профессия? — Они снова опустили глаза. Брен рассказывал мне, что он тихо ненавидел своего двойника. Видимая усталость ИллСиб, то, как они избегали смотреть друг на друга, навели меня на мысль, не так ли обстоит дело со всеми послами.

Ариекаи вернулись, успокоенные. Продолжим, сказал один. Я усиленно потрясла головой и сказала: «Да». Повторила это слово, медленно. Я

старательно нащупывала разрыв, брешь, переход от прошлого к будущему. Точку поворота, в которой, как во всяком открытии, должна быть тайна.

— На что похожа я? Что похоже на меня? — ИллСиб переводили вопросы и ответы.

— Ты девочка, которой сделали больно в темноте и которая съела то, что ей дали. Падальщики, которые приходят кормиться к отхожим местам наших домов, похожи на девочку, которая ест то, что ей дают.

— Отлично. — Я велела им подыскивать поэтические сравнения. Закрыла глаза. Они искали сходства. Я не давала им передышки. Немного погодя их идеи стали более интересными. Они превзошли себя: их дискурс переполняли мертворожденные сравнения.

— Камни похожи на девочку, которой сделали больно в темноте, потому что…

— Мертвые похожи на девочку, которой…

— Молодежь похожа на девочку, которой сделали больно в темноте и которая съела…

Наконец, совершенно неожиданно, заговорил Испанская Танцовщица.

— Мы пытаемся все изменить, и уже давно, и наше терпение, происходящее оттого, что мы зна-

ем, что этому будет конец, делает нас похожими на девочку, которой сделали больно в темноте и которая съела то, что ей дали, — перевели ИллСиб. — Те, кто не пытается ничего изменить, тоже похожи на девочку, которая съела то, что ей дали.

Я открыла рот. Высокий ариекай склонился надо мной, его многочисленные глаза застыли, не мигая.

— О, Господи, он понял, — сказала я. — Чего я пытаюсь добиться. Вы слышали?

— Да.

— Да.

— Он превратил меня в две разные, взаимоисключающие вещи. Сравнил их со мной.

— Да. — Они были более сдержанны, но я улыбалась им так, что они просто не могли не улыбнуться мне в ответ.

Мы сделали перерыв, только когда ариекаям уже так надо было услышать голос бога-наркотика, что их затрясло и они не могли сосредоточиться. Я легла на слегка пружинящий пол и заснула без одеяла, потом Илл или Сиб разбудила меня и покормила скудным завтраком. По тому, как просвечивала кожа нашего дома-башни, я поняла, что уже день. Мои ученики были на месте, им

полегчало: ЭзКел провели утреннюю передачу.

ИллСиб рассказали мне, что ЭзКел узнали о моем исчезновении. И объявили розыск. По городу ходили вооруженные патрули.

— Теперь ты не просто в одиночку вышла из города, — сказали они. — Ты в бегах.

— Скрываешься. — Они не стали добавлять «как одна из нас».

Целый день мы трудились над кривыми сравнениями ариекаев. Работа выматывала меня и лишала терпения. Когда стемнело, я услышала, как, открываясь, влажно чмокнула дверь, и вошел Брен. Я кинулась ему на шею, и он поцеловал меня, но тут же отстранился. Я и сама отскочила, увидев, кого он привел. За ним шел абсурд.

— Дьявольское было путешествие, — коротко хохотнул Брен.

Существо ослабло. На нем были самодвижущиеся кандалы, зарядный прут от которых держал в руках Брен. Иначе существо одолело бы его. Кандалы натерли безъязыкому раны. Его грудное крыло висело, ноги подкашивались. Я, конечно, знала, что в этом и состоял наш план, но все равно не могла поверить, что Брен справился.

— Господи, — сказала я. — Как ты это сделал? О Господи, ты только погляди на него. Какой ужас.

Ты похож на вивисектора.

— Да, в самом деле, — сказал он.

Испанская Танцовщица и другие ариекаи обступили безъязыкого. Он потянулся к ним, но не достал. Они отпрянули, потом на неверных ногах приблизились опять, точно умирая от любопытства.

— Как в Послограде? — спросила я.

— Все боятся, — сказал он. — Наверное, думают, что мы с тобой работаем на врага. По крайней мере, говорят, что так думают.

— На абсурдов? — переспросила я. — Но это же…

— Абсурд, да.

— Сумасшествие.

— Ты же знаешь людей, — ответил он. Люди все равно будут болтать, даже если сами знают, что их слова полный бред. К тому же у них было право бояться. Абсурды приближались.

— Как ты его раздобыл?

— Перебрал все способы, — ответил Брен. — Подделку документов, взятку, запугивание, обман. Потом подкрался ночью. И увел. Вот и все.

— Наконец-то можно устроить настоящую проверку, — сказала я.

Брен достал из сумки чип.

— Вот, — сказал он. — Теперь этим парням будет чем взбодриться. Так что они не будут полностью зависеть от передач. И можно будет увести их отсюда.

— А все-таки, для чего ты хочешь научить их лгать? — спросила Илл или Сиб. Я вытаращила на них глаза. Оказывается, они ничего не поняли. И связали свою судьбу с нашим планом только потому, что это был хоть какой-то план.

— Все дело в том, что такое ложь, — сказал им Брен. — Как вы думаете, зачем нам уходить из города? — Они пожали плечами.

— Все дело в том, как они воспринимают символы, — сказала я. — Я считала, что это невозможно изменить. И знаете, кто заставил меня передумать? Те ариекаи, которые уже это сделали. — Я показала на пленника. — Им удалось то, к чему Сурль/Теш-Эчер, Испанская Танцовщица и его команда стремились многие годы. Они открыли новый способ мышления. И теперь пользуются им для того, чтобы убивать нас.

Именно необычайная точность, с которой абсурды координировали свои нападения, и навела меня впервые на мысль. Они общались: как иначе можно было объяснить эффективность их убий-

ственных операций? Оставшись без языка, они не могли оставаться без общности, и они строили ее, даже если сами не отдавали себе в этом отчет: каждый, наверное, считал себя обреченным на одинокое мщение, хотя убийства, которые они совершали коллективно, эту веру опровергали.

Я видела их жесты. Видела, как показывают грудными крыльями их командос или командиры. Абсурды придумали обозначать объект, тыкая в него кончиком крыла. Так они изобрели понятие «тот». Причудливому выступу тела, протянутой вперед конечности они дали власть означать. И в этом крылся ключ. Из «того» родились другие беззвучные слова.

Тот. Тот? Нет, не тот: вон тот.

Каждое слово Языка значило только то, что оно значило. В нем не было места для полисемии и двусмысленности, а заодно и для других тропов, которые делали языками другие языки. Но идея «тотности» повернута во все стороны: она пуста, ее можно наполнить любым содержанием, превратить во всеобщий эквивалент. «Тот» всегда заключает в себе и другого, не того. Избрав путь молчания и одиночества, абсурды произвели семиотическую революцию и породили новый язык.

Он был примитивен и не знал иного времени, кроме настоящего. Но его первичное, изначальное слово было двояким: оно подразумевало тот и не-тот. Из этого примитивного вокабуляра, из движущей силы содержавшегося в нем противоречия возникли другие понятия: я, ты, они.

Созданный ими код в корне отличался от точного изображения, к которому они привыкли с детства. Но аномальным был как раз Язык: новый примитивный способ изъясняться, топоча ногами и шевеля пальцами, был ближе к человеческой речи и приходился, по крайней мере, двоюродным братом большинству языков всех мыслящих тварей, разбросанных по бескрайним просторам иммера.

— Мы никогда не могли научиться говорить на Языке, — объяснила я. — Мы только притворялись. А абсурды научились говорить, как мы. Ариекаи в этой комнате хотят лгать. То есть иначе думать о мире. Не указывать на вещи: обозначать их. Я считала, что это невозможно. Но поглядите. — Я показала на того, кто хотел меня убить. — Именно это они и делают. Каждый раз, указывая на что-то, они обозначают. Знание далось нам дорогой ценой. Зато теперь можно не сомневаться, что ариекаи способны обозначать.

И научить их этому, не отрывая им крылья, — значит научить их лгать.

— Сравнения приводят к… трансгрессии. Потому что могут отсылать к чему угодно. Даже несмотря на то, что в Языке все буквально. В нем все есть только то, что оно есть, и все же я могу быть живым или мертвым, звездой или партой, рыбой, чем угодно. Сурль/Теш-Эчер понял, что так Язык стремится вырваться за свои пределы. Начать означать. — Вот почему он выбрал такую необычную стратегию лгать через нас. Я не взяла с собой книги Скайла, но я долго сидела над ними, училась по ним и спорила с ними и теперь знала, что мне нужно. — Им понадобилось причинить мне боль и накормить меня для того, чтобы я стала произносимой, потому что это должно было быть правдой. Но то, что они говорят теперь через меня… Это тоже правда, потому что они создают ее сами.

— Сравнения — это выход. Дорога от называния к обозначению. Просто дорога. Но мы можем подтолкнуть их к ней, помочь им сделать первый шаг, и они пойдут. — Чем дольше я объясняла, тем лучше сама понимала, что говорю. — Пойдут туда, где буквальное становится… — Я запнулась. — Чем-то новым. Если сравнения хорошо

справляются со своей задачей, они всегда становятся чем-то другим. Мы говорим правду потому, что сами становимся ложью.

Никаких парадоксов, хотелось сказать мне; это не парадокс, не нонсенс.

— Я больше не хочу быть сравнением, — сказала я. — Сделайте меня метафорой.

Часть восьмая
Переговоры

24

Мы слышали странные звуки и видели воздушные суда, покидавшие Послоград и город. В основном это были корвиды — сочетания биомеханических и бескровных технологий. Встречались среди них и покрытые шипами громадины размером с собор, старше, чем сам Послоград.

— Глазам не верю, неужели им удалось поднять их в воздух, — сказала я.

— Они не такие свирепые, какими кажутся, — ответил Брен. — Раньше это были исследовательские суда. Комедия! Даже, скажем это шепотом, со всем арсеналом Бремена у нас нет шансов.

Когда-то вместе со своим двойником Брен работал в отделе тайных договоров. Там разоблачали шпионов и двойных и тройных агентов.

— Уайат был умен, — сказал он. — Он говорил о том, что было в его распоряжении, ровно столько, чтобы от недосказанности становилось страшно. Но это была ерунда.

Флот, тяжко покачиваясь в воздухе, улетал со своей безнадежной миссией. Сняв эоли в комнате, которая выдыхала кислород, и поглядев на

ждавших меня ариекаев, я поняла, как сильно я устала, и закрыла глаза.

Наш собственный побег из города оказался непростым: мы, четверо людей и ариекаи, с трудом вели нашего абсурдного пленника, одни тащили его вперед, другие толкали сзади. Силища у него была неимоверная. Нам то и дело приходилось пропускать через его кандалы заряд и тянуть его, пока он не опомнился.

— Давайте бросим его, — предложила Илл.

— Нельзя, — ответил Брен. Он усерднее всех нас старался вступить с ним в контакт на каждой остановке. Но и он не преуспел. Пленник на него даже не глядел, сосредоточив все свое яростное внимание на ариекаях-наркоманах.

— Они идут в бой, — сказал Брен, указывая на небо. — В этом нет смысла, и все же я испытываю к ним некоторое уважение. ЭзКел будут драться. — Попытки устроить переговоры были обречены с самого начала, и армия абсурдов приближалась. Терранцы покидали аванпосты пахотных земель вокруг города и стекались к Послограду. Многие из них не вынесли тягот пути, и их тела в костюмах и биомашинах разлагались повсюду, превращаясь в труху, которая не удобрит здешнюю почву.

— ЭзКел не знают, удастся ли им войной проложить путь к спасению. — Как будто драчливостью можно было победить простую логику цифр.

— Надо отдать им должное, — сказал Брен. — ЭзКел будут на поле боя. Это Эз настоял. Дружеским пирушкам пришел конец. Дома все… плохо. — Я отсутствовала всего несколько десятков часов, но за это время успело наступить похмелье. Бедный Послоград.

Мы старались выбирать окольные пути, но нас было слишком много для того, чтобы остаться незамеченными. Мы полагались на хаос, который усиливали друг в друге город и Послоград. Мы ползли по туннелям из костей, зарядом приводя своего пленника в состояние бесчувствия, стоило нам завидеть патруль из ариекаев, людей или из тех и других, которые очищали улицы, отстреливая впавших в безумие.

Прячась за занавесом из кожи, мы с болью наблюдали, как насаждали жестокий порядок констебли нашей расы и ариекаи. ИллСиб то и дело шепотом напоминали Испанской Танцовщице и его друзьям, чтобы те сохраняли тишину. Я бешено махала на них руками, чтобы они заткнулись, но они меня, разумеется, не понимали. Новые летательные аппараты проносились

над нами. Мы прятались от солдат, идущих на фронт.

Я не переставала учить. Мы старались оградить наших ариекаев от звуков, которые неслись из громкоговорителей, когда передавали речи ЭзКела (в записи): забирались в какую-нибудь нору и давали им слушать принесенные с собой чипы, и тогда они ловили кайф и торжествовали от того, что им удалось победить диктаторские ритмы ЭзКела, пока их сограждане самозабвенно топали под их команду. Не знаю, как они вели учет того, кто из них какой чип уже слушал и, значит, не будет на него реагировать.

Наш пленник понимал, что они делают, когда они сгибали ноги и присаживались, расправляя спинное крыло. Воображаю, какое это вызывало в нем отвращение. Было видно, как он напрягается в своих оковах.

С катехизисом мы справились быстро. Я написала его на основе того, что говорил Испанская Танцовщица. Я шептала на всеанглийском; ИллСиб повторяли на Языке. Я видела, что Брен тоже беззвучно повторяет мое сравнение, которое он услышал впервые много времени назад.

— Вы стремитесь все изменить, — шептала я. ИллСиб повторяли на Языке. — Вы хотите пе-

ремен, как девочка, которая ела, что было, все похоже на девочку, которая ела не что хотела, а что ей дали: они как я. Вы как та девочка, которая ела. Вы — та девочка, которая ела. Вы как та девочка. Вы — та девочка. И все остальные, которые не похожи на вас, тоже такие.

В первый раз, когда ИллСиб перешли от «вы как та девочка» к «вы — та девочка», ариекаи заметно вздрогнули. Эта до странности аппетитная ложь «вы есть» родилась из ставшей уже привычной для них правды «вы похожи». А за ней и противоположное утверждение о том, что их враги также похожи на меня, как они сами. Мы показали им, как легко их собственные аргументы превращают в лжецов их самих.

Мимо нас пронеслись зависимые машины, направляясь в пустыню. Утром ИллСиб привели нас к транспортеру. Он был тупой и страшный, но зато в нем было полно годного для дыхания воздуха. Мы ехали на невидимой подушке из вентилируемых частиц по следам совместной армии Послограда и ариекаев.

В опустевших предместьях мы то и дело натыкались на стаи зелле, чьи хозяева умерли и которые с унылым видом искали, что бы им подпитать. За рулем нашего передвижного ап-

парата-полукровки был Брен. С точки зрения скорости наша таратайка и в подметки не годилась тому военному агрегату, который прошел здесь до нас, но, помогая себе боковыми конечностями, напоминавшими шесты гондольеров, она все равно двигалась быстрее, чем мы пешком. Сквозь полые глаза-окна я наблюдала за тем, как отступает город. Затянувшиеся окраины домов и тонувших в грязи складов, наконец, кончились, и нам навстречу спустилось небо.

Мы поднимали пыль. Костистые кусты с шорохом расступались, давая нам дорогу, а прямая тропа, пробежавшая по полю на много метров вперед, начинала дробиться и ветвиться вдалеке, пытаясь предугадать, куда мы двинемся. Ариекайские звери-батареи вертелись у меня под ногами. За нами кусты ползком возвращались на свои прежние места. Город вдалеке ощетинился линией башен, среди которых публичные залы выделялись, как непосаженные круглые луковицы на грядке. Город отступал.

Я долго вглядывалась в него. Прикрыв глаза козырьком из ладоней, словно они могли заменить волшебство бинокля, я все же не видела дымов и терранских кварталов Послограда. Я подумала, интересно, а есть ли путешественники среди

ариекаев и есть ли у них другие города, куда и откуда они могли бы путешествовать. И тут же с недоумением поймала себя на мысли, что я даже этого не знаю.

Зелле занервничали раньше своих владельцев: у них не было сил сопротивляться зависимости. Несколько часов спустя ариекаи пригнулись и, насколько это позволяли им их чудные панцири, укрылись за трубками и фонарями машины. Один за другим они разворачивали крылья над чипами.

Вы как та девочка, вы — та девочка. Они как та девочка, они та девочка.

— Кешик/малис инна, — сказали им ИллСиб: — Повторите.

Мы как та девочка, сказали ариекаи. Вы — та девочка, сказали ИллСиб, и ариекаи затопотали ногами, выражая восторг, который так восхищал меня. У них так еще не получалось, но вчуже, абстрактно они понимали, что стремятся именно к этому. Девочка… говорил один, другой добавлял… мы… или… они… или похожи… Бедные ИллСиб, бедная Танцовщица. Я была неумолима.

— Что это? — В нескольких километрах позади нас я заметила нечто, оставлявшее след. На западе появилась еще одна полоса движения,

а вскоре и над нашими головами рывками полетела крошечная машинка. Несколько других транспортных средств возникли за нами, приблизились и стали видимыми. Многоколесный фургон на жидкой подвеске; терратехнический грузовик с биомеханическим оружием; одноместные кентавры, конские фигуры без голов, на месте которых сидел мужчина или женщина в эоли. Какой-то планер карабкался с восходящими потоками вверх. Брен остановил нашу машину. ИллСиб шагнули навстречу близившемуся исходу.

Другие машины тоже притормозили. Их водители и пилоты высовывались из окон. Позади меня, скрытый стенками нашей машины, зашипел абсурд, не слыша себя. Все беженцы были, как и ИллСиб, городскими изгнанниками. Беглые служители, подумала я, и те, кто оставил за спиной не столь грандиозное прошлое. Планер сел, и из него выглянул Шонас. Где же ДалТон, невольно подумала я. Горожане вели себя настороженно, но почти все друг друга знали, а потому поздоровались и коротко обменялись новостями об абсурдах и вооруженных силах города и Послограда.

Мы продолжили путь уже с небольшой свитой.

Планер сигналил, покачивая крыльями и мигая бортовыми огнями.

— Попроси Танцовщицу подойти сюда, — сказала я ИллСиб. — Переведи ему. — Я высунулась в глаз нашего экипажа и показала пальцем. Танцовщица не смотрел, куда я показывала.

— Смотри наружу и вверх, на машину над нами, — сказала сначала я, потом ИллСиб. Иногда, говоря для ариекаев, я невольно копировала точность Языка в переводе на всеанглийский. — Машина над нами, огни на ее крыльях, то, как они движутся, — это ее язык. Она говорит с нами.

Половина глаз Испанской Танцовщицы смотрела в окно, вторая половина — на ИллСиб, а один глаз повернулся ко мне. В него я и смотрела. Ты слушаешь ИллСиб, думала я, но знаешь ли ты, что это я говорю?

— Он не понимает, — сказала Илл или Сиб. — Он видит, что я не лгу, по-моему, но он видит и то, что самолет не говорит с нами.

— А он говорит, — сказала я.

С рассветом мы сделали поворот, чтобы не столкнуться с войсками ЭзКела и обойти их лагерь.

— Давай же, давай, — подбадривал себя Брен. Нам обязательно надо было добраться до абсур-

дов раньше, чем это сделают войска.

— Они не торопятся, — сказал Брен. — Мы их обгоним. Они ведь все равно не сражаться идут, а договариваться.

— Проблема в том, — ответила я, — что они не знают как.

Я все еще видела планер. Другие машины шли следом за нами, так близко, что мы могли помахать их водителям рукой. К середине утра плато впереди заполнили газовые деревья, тысячи кожаных мешков размером с дом покачивались на ветру, держась корнями за землю. Машины одна за другой начали покидать наш арьергард.

— Хей, — окликнула я Брена.

— Им здесь не проехать, — отозвался он. Лишь три кентавра упорно шли за нами. ИллСиб нервно переглядывались.

— Брен, — сказала одна из них, — они маленькие, мы — нет.

— Мы здесь тоже не пройдем.

— По крайней мере, тайно.

— Мы же оставим следы…

— Вы что, не слышали? — сказал он. Он рванул рычаги управления на себя и ухитрился выжать из машины еще немного скорости. — У нас нет времени. Нам надо добраться до места быстро.

Так что, пожалуйста, возвращайтесь к своей работе. Вы должны учить. Потому что нам не просто надо добраться туда: там нас тоже ждет дело.

Но близившийся лес все равно мешал нам сосредоточиться. Некоторые деревья медленно уходили с нашего пути, насколько им позволяли корни, но большинство не успевали. Я вся сжалась. Торчавшие с боков ноги нашего экипажа косили похожие на канаты стволы. Позади нас взмывали вверх кожистые шары, болтая обрезанными корнями. Чем глубже мы уходили в лес, тем длиннее становилась их вереница. В заднее окно я видела, как кентавры переносили своих всадников через пеньки, похожие на бухты свернутых канатов, которые мы оставляли за собой. Раздавленных деревьев было немного: взлетели почти все.

— Проедем этот лес и еще несколько километров, — сказал Брен дрожащим от тряски голосом. — Обе армии там.

Шарообразные кроны толклись наверху. Вокруг была тьма и многослойные тени, которые, как вдруг подумалось мне, могли скрывать что угодно: руины ариекайских построек или еще что-нибудь столь же невероятное. За нами ложилась просека, а над ней клином уходили в небо

оторванные деревья, пока верховой ветер не растаскивал их в разные стороны. Из-за просеки я и заметила, что самолетик качал крыльями, словно во время воздушного боя.

— Что-то случилось, — сказала я. Вытянув шеи, мы увидели, как самолетик полез вверх, а орудия на его носу полыхнули по другой, атакующей машине.

— Фаротектон меня подери, — вырвалось у Брена.

Спрятаться было негде. Куда ни поверни, след из взлетающих деревьев мгновенно выдавал нас с головой, оставалось только прибавить скорость, пока кентавры позади нас стреляли из винтовок. Раздались хлопки, и над облачками взрывов поплавками закачались деревья и их потрепанные останки, волоча за собой хвосты из дыма и растительного вещества.

Шонас отстреливался из своего планера. На мгновение я подумала, что нас догнал его враг ДалТон и что я опять стала невольной участницей чужой драмы, но нападающий закладывал такие виражи, которые ни одному человеку не под силу. ЭзКел послали за нами ариекайское воздушное судно, чтобы не дать нам добраться до армии, к которой, как они поняли, мы стре-

мились.

Кентавры рассеялись по пузыристому подлеску. Я слышала, как ИллСиб бормочут на Языке. Они объясняли Испанской Танцовщице, в чем дело.

— Может, я смогу… — начал Брен, и мне стало интересно, что он придумал. Планер перечеркнул небо, точно пущенный карамболем шар, и ушел в землю, взорвавшись брызгами взлетающих деревьев. Илл и Сиб завыли, увидев, как погиб Шонас.

Мне не верилось в то, что ЭзКел пожертвуют ради нас целым летательным аппаратом, по крайней мере сейчас. Я завизжала, и земля разорвалась у нас под ногами.

Я очнулась от шума. Закашлялась, закричала и увидела над собой множественные глаза какого-то ариекая. Над его головой торчала искореженная ходовая часть нашего аппарата, сквозь которую просвечивало небо и поплавки растений. Рядом со мной было мертвое лицо другого ариекая. Сначала я подумала, что умираю. Я натянула эоли, а живой ариекай подхватил меня своим дающим крылом и потянул из перевернутого экипажа наружу, сквозь дыру в обшивке.

Я поняла, что с момента нашего крушения

прошло всего несколько секунд. Споткнувшись, я навалилась на Испанскую Танцовщицу. Мы были на дне глубокой воронки, которую окаймляли растения, качавшиеся на обмахрившихся стволах.

Мертвых ариекаев оказалось несколько. Живые выкарабкивались из развалин, волоча с собой Брена, Илл и Сиб. Оглушенный абсурд переминался с ноги на ногу, а раненый ариекай посылал его к нам, указывая на нас крылом. Мы услышали вздох, и с краю нашей насильственно очищенной поляны поднялось вверх еще одно дерево, в корнях которого висел какой-то человек, всадник, сброшенный кентавром. Он цеплялся за корень, стремительно уменьшаясь, но корень оборвался, и он камнем упал вниз, без крика, а растение продолжало подниматься. Мы не видели, как он ударился о землю, но выжить он не мог.

Спотыкаясь, я лезла через покореженное биологическое оружие. Когда смертоносный летун вернулся к месту взрыва, то не увидел живых. Мы следили за ним из укрытия в лесу. Покружив над воронкой, он улетел прочь, в направлении армии Безъязыких.

25

— Придется идти пешком, — сказал Брен. — Дня два, наверное. Надо пройти лес насквозь. — Армия обогнала нас, но мы знали, что послоградцы не торопятся наступать, и еще надеялись добраться до абсурдов раньше них. Однако успех нашего предприятия зависел от того, удастся ли нам обучить ариекаев. Каждые два часа мы давали отдых своим усталым, натруженным ногам, а заодно закрепляли с ними старый урок или опробовали новый. Сами ариекаи и их батареи казались неутомимыми. Не знаю, оплакивали ли они своих погибших товарищей, и если да, то как. Наш пленник спокойно топал впереди, слегка подавленный то ли обстановкой, то ли недавней атакой.

Брен выбирал направление с помощью какого-то ручного механизма. Темнота окружавшего леса, темно-синего от растительности, тревожила меня. Лес был полон шумов. Вокруг нас двигались какие-то диски и спирали. Местную фауну мы озадачивали — хищники не рассматривали нас как добычу, а потенциальные жертвы — как хищников, и потому нас не боялись, но и не трогали.

Те, у кого были глаза, смотрели на нас с недоумением. Однажды кто-то из ариекаев сказал, что рядом с нами находится что-то опасное. Костеб/флоранши, огромный, как амбар, открывал и закрывал свои зубастые челюсти. Будь ариекаи одни, он наверняка напал бы, но присутствие нас, чужаков, укротило его инстинкты, так что мы их спасли.

Им удалось прихватить с места катастрофы несколько чипов, но не все. Так что пользоваться тем, что у них было, им приходилось с умом. Когда кого-нибудь из них припирало, он брал чип, уходил в лес и слушал голос ЭзКела, а потом догонял нас, слегка веселый, но с ясной головой.

Мы шли до позднего вечера, пока лес не поредел и не сменился травянистой степью с разбросанными по ней отдельными деревьями, над которыми ярко светились Руины. Там мы вознаградили себя коротким сном: для меня главным оставалась учеба.

Вы как та девочка, вы та девочка.

— Господи Иисусе, — не выдержала я. — Да скажите же это, наконец. — Уверена, они волновались не меньше, чем я.

— ИллСиб, — сказала я. — Спросите у них вот что. Они знают, кто я? — Язык. Ариекаи забормо-

тали. Она та девочка, которая… Я их перебила. — Я имею в виду, знают ли они, кто я на самом деле. Они знают, что значит девочка? Им известно, что я сравнение, но знают ли они, что девочка — это я? Что они думают о вас, ИллСиб? Сколько вас?

— Вы знаете, о чем она спрашивает, — вмешался Брен. — Тайна Счета. — Считают ли ариекаи послов одним человеком или двумя? Служители всегда твердили нам, что это бессмысленный, непереводимый, невежливый вопрос.

— Я прошу прощения, но мне необходимо, чтобы они поняли, что вас двое, иначе они не смогут понять, что я — одна. И что мое идиотское квакание — это язык. Что я говорю с ними. — Ариекаи наблюдали за тем, как одна персона из мяса лопотала быстрее и громче, чем обычно, обращаясь к остальным.

После недолгого молчания Брен сказал:

— Именно этой темы послы всегда особенно старались избегать.

— Так объясните им, — сказала я. — Послам пора перестать быть единственными настоящими людьми.

И все же нам вряд ли удалось бы опрокинуть вековую традицию мышления ариекаев, даже с такой продвинутой группой, как наша, если

бы они уже не имели некоего смутного представления о том, что мы — существа мыслящие. Танцовщица и его товарищи сперва отреагировали в таком роде, что, мол, да, конечно, ну и что с того? Но ИллСиб повторяли эту мысль снова и снова, и они сначала заинтересовались, потом смешались, а потом не то испугались, не то разозлились. Наконец я увидела, как они переживают нечто похожее на откровение.

Она разговаривает, твердили им ИллСиб. Девочка, которая съела то, что ей дали. Как я говорю с вами.

— Да, — сказала я, и ариекаи уставились на меня. — Да.

Язык был для ариекаев двояким единством мышления и истины: заявив, что я это понимаю, ИллСиб произвели на них сильное впечатление. Им сообщили, что я разговариваю, а Язык гласил, что в таком случае должны существовать языки, отличные от Языка.

— Попросите их произнести это, — сказала я. — Пусть скажут, что я тоже говорю.

Испанская Танцовщица произнес это. Человек в синем разговаривает. Остальные слушали. Потом с большими усилиями каждый повторил то же самое за ним.

— Они в это верят, — сказала я. Вот тогда все и начало меняться по-настоящему.

— Переводите, — велела я ИллСиб. — Вы знаете меня, — обратилась я к ариекаям. — Я девочка, которая съела и так далее. Я похожа на вас, а вы похожи на меня, а я — на вас. Я это вы. — Один из них вскрикнул. Что-то происходило с ними. Со всеми. Испанская Танцовщица не сводил с меня глаз.

— Ависа, — предостерегающе сказал Брен.

— Скажите им то, что я говорю, — велела я. Я посмотрела на Танцовщицу. Взгляд его почти-глаз я встретила с такой настойчивостью, как будто говорила с человеком. — Скажите им. Я ждала, когда все исправится, Танцовщица, так что я такая же, как ты. Я — это ты. Я взяла то, что мне дали, значит, я как все. Я — это они. — Я посветила на себя фонариком. — Я свечусь в ночи, я похожа на луну. Я как луна. Я и есть луна. — Я легла. — Они ведь знают, как мы спим, правда? Я так устала, что лежу неподвижно, как мертвая, я похожа на мертвую. Я так устала, что я мертвая. Видите?

Ариекаи были ошарашены. Их спинные крылья трепетали, то складываясь, то разворачиваясь. Их дающие крылья тянулись ко мне, заставляя Брена вскрикивать от беспокойства, но не каса-

лись меня. Они бормотали слова и звуки.

— Что происходит? — спросила Илл или Сиб.

— Не переставайте переводить, — потребовала я. — Даже не вздумайте. — Ариекаи выкрикнули что-то все вместе, их голоса слились в устрашающий, мгновенно оборвавшийся хор. Они отвели глаза. — Не останавливайтесь. Я девочка, которая съела, бла-бла-бла. Что вы там говорили мной все это время? Все, что, по вашим словам, похоже на меня, и есть я. Вы это уже сделали. Идея в том, чтобы обозначать вещи при помощи других вещей. — Я остановилась перед Испанской Танцовщицей. — Скажите ему его имя. Скажите ему: давным-давно были такие люди, которые носили одежду черно-красного цвета, как твои отметины. Испанские танцовщицы. — Я услышала, как ИллСиб произнесли придуманный ими неологизм. Испанская/Танцовщица. — Я не могу произнести твое имя на Языке, вот я и придумала тебе новое. Испанская Танцовщица. Ты похож на испанскую танцовщицу, поэтому ты — Испанская Танцовщица.

Один за другим, почти без паузы, ариекаи коротко вскрикивали и замолкали. Их глаза прятались. Они начинали покачиваться. Долгое время никто не говорил ни слова.

— Что ты наделала? — прошептала Сиб. — Ты свела их с ума.

— Вот и хорошо, — ответила я. — Мы ведь для них сумасшедшие: мы говорим правду через ложь.

Как в ускоренной съемке растений, глаза-кораллы Испанской Танцовщицы выпустили бутоны. Он заговорил и выдал два ручейка какой-то чепухи. Остановился, подождал, начал снова. Илл и Сиб и Брен переводили, но мне это было не нужно. Испанская Танцовщица говорил медленно, точно вслушиваясь в каждое свое слово.

Ты та девочка, которая съела. Я Испанская Танцовщица. Я такой, как ты, и я — ты. Кто-то из людей ахнул. Испанец изогнул назад глаза-кораллы и уставился на свой спиной плавник. Два глаза повернулись ко мне. На мне есть отметины. Я — Испанская Танцовщица. Я не сводила с него глаз. Я, как и ты, жду перемен. Испанская Танцовщица — та девочка, которой сделали больно в темноте.

— Да, — прошептала я, и ИллСиб повторили: Шеш/кус, «да».

Другие ариекаи заговорили. Мы — та девочка, которой сделали больно.

Мы были как та девочка…

Мы — та девочка…

— Расскажите им их имена, — сказала я. — Ты ходишь, как одна птица с Терры: ты Утка. У тебя изо рта брызгает жидкость, поэтому ты Крститель. Объясните им, ИллСиб, сможете? Скажите им, объясните им, что город — это сердце…

Я как человек, который капает жидкостью, я — это он…

Ошеломленные внезапным откровением, они продолжали горланить сравнения, которыми я их называла, до тех пор, пока те не превратились в ложь, и так они сказали правду, которую не могли произнести раньше. Они заговорили метафорами.

— Господи! — сказала Илл.

— Иисус Христос Фаротектон! — сказал Брен.

— Господи! — сказала Сиб.

Ариекаи заговорили друг с другом. Ты — Испанская Танцовщица. Я чуть не заплакала.

— Господи Иисусе, Ависа, ты это сделала. — Брен долго обнимал меня. ИллСиб обнимали меня. Я держалась за них троих. — Ты сделала это. — Мы слушали, как новые ариекаи придумывают друг другу имена, беспрецедентные в прошлом.

Лишь двое несчастных не поняли ничего, несмотря на все мои объяснения, и недоуменно

таращились на своих товарищей. Но остальные заговорили по-новому. Я не такой, каким был всегда, сказал нам Испанская Танцовщица.

Много позже, проведя в нашем лагере несколько часов, я взяла чип и медленно, помня о том, сколько времени прошло между дозами, проиграла его. ЭзКел описывали на нем свою одежду. Те двое, которые не переменились — я назвала их Даб и Руфтоп — которые не пережили тот же сдвиг, что и остальные, реагировали на звуки с обычным возбуждением наркоманов.

Но другие — нет. Я смотрела на ариекаев, они — на нас. Вдруг они начали медленно разбредаться в разных направлениях.

— Я ничего не чувствую, — сказал один. — Я, я не…

— Поставь другой, — сказал Брен. ЭзКел тонкими голосами понесли еще какую-то чепуху. Ариекаи переглядывались.

— Я не… — сказал другой.

Я взяла новый чип, ЭзКел забормотали о важности непрерывных поставок медикаментов, и снова реагировали только двое. Остальные слушали разве что с некоторым любопытством, не больше. Я попробовала другой, и, пока Даб и Руфтоп костенели в неподвижности, новые ариекаи

недоуменно попискивали, слушая смехотворные заявления ЭзКела.

— Что случилось? — выдавили ИллСиб. — С ними что-то не так.

Да. Это было свойство нового языка. Нового мышления. Теперь они могли обозначать — и между словом и тем, что оно значило, возникла элизия, зазор, с которым они учились играть. Они получили свободу для осмысления новых идей.

Хохоча, я бросила им чипы, и они стали их перебирать. Поляна, на которой был наш лагерь, наполнилась перекликающимися голосами ЭзКела.

— Мы изменили Язык, — сказала я. — Внезапная перемена — она сработала. — Теперь в нем нет того, что их… отравляло. — Оно и существовало лишь потому, что сам язык, с его раздвоенным единством миромысли, был невозможен: он сам противоречил себе. Стоило языку, мысли и миру разделиться, как это случилось только что, и возбуждающее притяжение невозможного исчезло. Не было больше тайн. Там, где раньше был Язык-загадка, остался просто язык: звуки, обозначающие вещи, сообщающие, что с ними делать и для чего.

Ариекаи перебирали чипы, недоверчиво вслу-

шиваясь в собственное восприятие того, что было на них записано. По крайней мере, я так думаю. Испанская Танцовщица сидел, пригнувшись, но его глаза были обращены ко мне. Быть может, теперь он понимал, как никогда раньше, что звуки, которые издаю я, — это слова. И он слушал.

— Да, — сказала я, — да, — и Испанец заворковал и, синхронизируясь сам с собой, повторил: — Да/да.

26

Ночь шла, и наши ариекаи стали один за другим уходить в себя и издавать какие-то ужасные звуки. Шум меня беспокоил, но что я могла поделать? Испанская Танцовщица, Утка, Креститель и остальные, кроме Даба и Руфтопа, которые смотрели на них, абсолютно ничего не понимая, впали в состояние, похожее на агонию. Не все визжали или что-то выкрикивали, но все до одного, каждый по-своему, производили впечатление умирающих.

ИллСиб встревожились, но мы с Бреном ничем не выдавали своего удивления: так они избавлялись от старых привычек, срывая их с себя, как струпья. Это была агония смерти и нового рождения. Все меняется именно сейчас: так я думала, причем очень отчетливо, точно такими словами. Теперь они видят.

Вначале был Язык, в котором звучание каждого слова было изоморфно фрагменту реальности: это не мысль выражала себя, а мир проговаривал себя посредством ариекаев. Язык всегда был в этой ситуации лишним: важен был только мир. Теперь ариекаи учились говорить, а заодно и

думать, и это причиняло им страдания.

— Может, нам надо… — начала было Илл, но не нашла, чем закончить.

Теперь все сказанное было не-таким-как-оно-есть. Сейчас они произносили не сами предметы или события, но свои мысли о них, их обозначения; слова лишились своей привычной одномерности; знаки, указывая на предмет, рвали его на части. Для этого и нужна была ложь. Последовательность утверждений-отрицаний закручивалась в спираль неоднозначной природы слова, и ариекаи становились самими собой. Привычные смыслы отклонялись от курса, вызывая «мирскую» болезнь. Все вокруг них превращалось во все. Их умы вдруг занялись своеобразной коммерцией: метафора, как деньги, служила им теперь эквивалентом вещей, несравнимых прежде. Теперь они могли творить мифы: раньше они не знали чудовищ, но теперь мир вокруг них был полон химер, и каждая метафора порождала их еще и еще. Город — это сердце, сказала я, и мои слова породнили город с сердцем, соединив их в какой-то третий предмет, сердцеватый город, или города с пятнами сердец, или сердца с пятнами городов на них.

Неудивительно, что их мутило. Они были как

молодые вампиры, которые сохраняют память, сбрасывая старую жизнь. От этого нет лекарства. Один за другим они затихли, но не потому, что их кризис кончился. Просто они перешли в новый мир. В тот, где живем мы.

— Вы должны научить других, — сказала я Испанцу. Грубо прервав его рождение. Конечно, он заслужил лучшего обращения, но у нас не было времени. Его мутило от трепета, внушенного новизной, но он слушал. — Тех, которые оглохли. Вы можете говорить с ними. Они думают, что оставили себя совсем без языка, но вы, именно вы можете показать им, что они сделали. — Раньше Язык не был возможен. Мы никогда не говорили одним голосом.

При свете солнца мы увидели в нескольких километрах впереди какие-то силуэты. К нам с грохотом приближались люди. В сторону города летели над нашими головами небольшие корабли.

— Глядите, — сказал Брен. — Вон тот ранен.

Подойдя ближе, мы увидели, что терранцев было совсем немного, человек тридцать-сорок, и они, трясясь в машинах, волокли за собой оборудование или подгоняли наспех собранные биомашины. Мы видели, что они нас тоже видят,

и на мгновение нам показалось, что они готовятся напасть. Но этого не случилось.

— Должно быть, они сначала заметили их, — сказал Брен, имея в виду наших ариекаев. — Боялись атаки. Но, увидев нас, решили, что мы отряд из Послограда. Они плантаторы. — Обитатели глубинки, только что покинувшие свои дома и дальние фабрики-фермы. Они оказались на пути армии Безъязыких и здорово перепугались, когда налетевшие откуда ни возьмись абсурды без разбора убивали людей и сравнивали с землей их дома, а ариекаев, бок о бок с которыми они жили, вырезали или уводили с собой.

В небе показались новые корабли. Может, они пролетят так быстро, что не успеют заметить среди нас ариекаев или того, что мы движемся не туда, куда все. По правде говоря, они вообще не должны были обратить на нас внимания: так они торопились назад, в город. Некоторые суда, как я заметила, были в крови.

Испанская Танцовщица зашептал, называя людей именами, которых он не мог дать им прежде. В то же время он пристально наблюдал за пленником, как делал на протяжении нескольких последних часов.

Беженцев мы избегали.

— В зависимости от того, насколько быстро движутся абсурды, — сказал Брен, — мы догоним их через день или два. Скорее всего, завтра; какой это будет день, Мухамдей или лодей? — Никто из нас не имел понятия.

— А как же послоградцы?

— Их мы избежали. Думаю, прошли мимо. Они должны быть на своих позициях. В особенности… — и он показал на небо. — Вы видели корабли. Разведчики ранены. ЭзКел знают, что им не победить. Они заставят авангард терранцев и ариекаев вступить в переговоры.

— Да, хотя это у них тоже не получится, — сказала Илл.

— Нет, — ответил Брен. — С чего бы? Но они думают иначе.

— Испанец понимает, что надо делать, — сказала я. — Ты видел, как он ведет себя с пленником? Теперь он знает, что думают они одинаково. Что они оба думают.

Для нас это была совершенно новая экосистема — то редколесье, где под нашим наблюдением работал Испанец и другие ариекаи. Здесь главным хищником был не костеб/силас с его огромным малоподвижным телом и конечностями, которые легко и быстро просовывались между стволами

деревьев, а стремительный делит/хи-ки, который охотился по ночам. Дальний родственник самих ариекаев, этот двуногий зверь был снабжен мощным оружием в виде двух верхних лап, которые соответствовали хватательному грудному крылу ариекаев, хотя и куда более ловкому. Его спинные крылья были неподвижны. Он вглядывался во тьму глазами, способными улавливать любое движение. Эти хищники вели общественный образ жизни. Они охотились, устраивая совместные облавы на мелких, не больше собаки, животных долины.

Мы были слишком крупны для них, но они все равно пристально следили за нами. Огни наших факелов вспугивали всякую летучую мелочь; поедатели фосфоресцирующей грязи, привыкшие рыть ходы и охотиться в светящейся почве, вылезали на поверхность и ловили зазевавшихся в лужицах света.

Нашего пленника мы по-прежнему не спускали с поводка — мы все еще не знали, стоит ли ему доверять, и не знали, как распознать, когда он станет послушным. Однако в последние дни мы и так обращались с ним куда смелее, а теперь в особенности. Новые *лжецы* из бывших Хозяев относились к нему уважительно и перешеп-

тывались словами, которые они произносили множество раз до того, но которые теперь приобрели совсем иное значение. Рано утром что-то изменилось. Ариекаи окружили пленника. А он не огрызался и не бросался ни на них, ни на меня, ни на Брена или ИллСиб: он только смотрел на нас и на других ариекаев.

27

Испанская Танцовщица и пленник кружили друг против друга. Остальные обступили их кольцом. Каждые несколько секунд кто-нибудь из двоих делал выпад грудным крылом, словно ножом, точно провоцировал драку. Им он описывал в воздухе какую-то фигуру: наступала пауза, затем второй повторял его движение. Спинное крыло Испанца, трепеща, разворачивалось и складывалось снова. Огрызок на спине Безъязыкого вздрагивал.

Жесты передавали информацию, это были телеграммы без слов. Немой разговор. Они не понимали друг друга, но каждый знал, что понимать есть что. И это был прорыв. Когда им удалось, наконец, установить контакт — что-то смешное, Испанец бросил на землю мясистый бутон, потом указал на оживший подлесок там, где он лежал, а абсурд поднял его — все ликовали, и мы, хотя не понимали почему, это чувствовали.

А это значило, что Испанец мог теперь говорить жестами. Нашему пленнику, лишенному даже имени, это, наверное, казалось еще более странным. Он-то думал, что без слов не бывает языка.

Его товарищи общались между собой, даже не зная, что именно это они и делают, ведь между ними не было той пропасти, которая отделяла их от слышащих ариекаев; они передавали друг другу ту самую безнадежность, которая заставляла их считать себя изолированными от мира.

Но когда на нас напали и мы бежали в панике, он понял, что ему хотели сказать толчками и взмахами крыльев и рук. Он наблюдал за тем, как Брен, ИллСиб и я говорили друг с другом, жестами подчеркивая важное и то, что мы понимаем друг друга. Испанец понял, что можно говорить, не разговаривая: абсурд осознал, что можно не только говорить, но и слышать.

— Они столько его дергали, — сказал Брен. — Трудно было не понять: ведь они толкали его и показывали крыльями одновременно. Они заставили его слушаться. Может, если хочешь начать понимать язык, без некоторого насилия не обойтись.

— Брен, — сказала я. — Все это чушь. Мы все бежали в одну сторону. Мы все хотели спастись. И у всех нас были одни и те же намерения. Потому он и понял, что мы делаем.

Он покачал головой. И торжественно изрек:

— Язык — это принуждение, выраженное ины-

ми средствами.

— Чушь. Это сотрудничество. — Обе теории правдоподобно объясняли то, что произошло. Я противилась его точке зрения потому, что она казалась мне банальной, и сказала, что на самом деле наши идеи не столь далеки друг от друга, как кажется.

— Смотри, — сказала я. И показала на горизонт. Над ним, пачкая небо, поднимался дым.

— Не может быть, — твердил Брен, как будто говоря сам с собой, пока мы со всех ног мчались вперед. — Они должны были ждать. — Он повторил это несколько раз. Когда вдалеке, на лишайниковом ковре долины, показались первые соринки, мы еще долго притворялись, будто они могут оказаться чем угодно, пока не подошли так близко, что отрицать стало невозможно — это были тела.

Мы смотрели с уступа вниз, на последствия войны. Тысячи квадратных метров останков. От ужаса я тяжело дышала под маской эоли. С такого расстояния трудно было оценить, на чьей стороне осталась победа. Я пыталась прикинуть, сколько терранцев приходилось в этой бойне на одного абсурда, но смерть слишком сложно переплеталась со смертью. Кроме того, многие из

ариекаев, чьи трупы я видела, наверняка пришли с армией ЭзКела, как и те люди, вперемешку с которыми они лежали.

Мы вели нашего пленника. Он все еще был в кандалах, но мы уже много километров не пропускали через них ток. Испанская Танцовщица барабанил копытами. Он посмотрел на меня и открыл рот. Показал на погибших внизу. Открыл и закрыл рот и сказал:

— Слишком поздно/слишком поздно.

— Да.

— Слишком поздно/слишком поздно.

— Да. Слишком поздно. — Этому мы его еще не учили.

— Слишком поздно/слишком поздно.

Взвинченная, неестественно возбужденная, как от наркотиков, я постоянно ощущала неприятное напряжение всех органов чувств, словно все, что я видела и слышала, оставляло на них осадок, не проходивший, стоило мне отвернуться. Моя маска эоли напомнила мне о том, что она живая — редкий случай, — заерзав по моему лицу от запаха мертвечины. Повсюду лежали выпотрошенные мужчины и женщины. Ариекаи со спинными крыльями и без лежали вповалку. Вывалившиеся внутренности тех и других смеша-

лись в гниении. Повсюду горели трупы и мусор.

Следы крушений. Обугленные борозды с кратерами на местах падения летунов перепахали поле сражения. Обернув руки тряпками, Брен пальцами просеивал обломки. Подражая ему, я стала делать то же самое. Это оказалось куда проще, чем я думала.

Все случилось двумя днями раньше. То, что я видела тогда, не вызывало во мне никакого отклика, я была внимательна и хладнокровна. Я не вглядывалась в лица десятков послоградских мертвецов. Знала, что иначе наверняка увижу кого-нибудь из знакомых. Перебирая останки между столбами дыма, я старалась выведать историю того боя. Погибших послоградцев и горожан было куда больше, чем абсурдов. Бойцы полегли в разгар сражения, и теперь разлагались, неподвижно переплетя руки, крылья, скрестив оружие. Мы вглядывались в диораму из трупов, надеясь прочесть по ней историю ее создания.

— У них есть корвиды, — сказала я. Безъязыкая стратегия абсурдов включала способность командовать биомеханизмами. — Господи, — сказала я. — Господи, это же армия, настоящая армия.

Как ни странно, но среди трупов встречались живые. Смертельно раненные ариекаи крути-

ли в воздухе ногами и вытягивали глаза. Один кричал нам на Языке, что он ранен. Испанская Танцовщица тронул его за грудное крыло. Обреченные абсурды умирали сосредоточенно и никого не замечали. На спинах иных из них я заметила свежие раны от вырванных крыльев: армия абсурдов рекрутировала в свои ряды даже умирающих.

Под трупом одного ариекая мы нашли женщину, она была едва жива, ее разбитая маска-эоли со свистом выпускала кислород. Пока мы с Бреном старались успокоить ее и спрашивали: «Что здесь случилось?» — она смотрела на нас. Она ничего нам не сказала, то ли от нехватки кислорода, то ли от шока. Наконец мы положили ее на спину и дали ей воды. Взять ее с собой мы не могли: ее эоли умирала. Мы нашли еще двоих живых: одного мы не сумели привести в чувство; другой не думал ни о чем, кроме надвигавшейся смерти. От него мы узнали лишь одно: абсурды пришли.

Брен показал на их рваные униформы.

— Это профессионалы. — Потом ткнул в какие-то параллельные борозды, которые вели с поля сражения прочь. — Это не… Здесь прошел авангард, а это была их стража, они окружали тех, кто двигался впереди всех.

— Переговорщики, — сказала я. Он медленно кивнул.

— Да, конечно. Переговорщики. Они надеялись на эти дурацкие переговоры. И все же попробовали их начать. О Господи. — Он оглядел останки, разбросанные вокруг. — Безъязыкие даже не сбавили шаг.

— А теперь они преследуют остальных. — Основную массу террано-ариекайской армии.

Нам надо было удвоить скорость. Мы взяли брошенный экипаж, очистили его от грязи войны. И понеслись по широченной борозде, оставленной тысячами копыт. В тесноте меня прижали к ариекаям. Испанец и Креститель сидели по обе стороны абсурда. Крыльями они рисовали в воздухе какие-то знаки, и пленник, если его еще можно так назвать, повторял их движения.

Мы не скоро увидели первую линию фигур. Брен напрягся. Я знала, что наш план очень слаб, но выбора у нас не было.

— Все в порядке, — сказала я. — Это терранцы.

Это была большая группа грязных, опустившихся людей, одетых, как грешники во время покаяния, целый бродячий город. С ними были дети. Они смотрели на нас через прорези в масках. Серьезные, как монахи. При виде нас

некоторые попятились, перешептываясь. Их временные лидеры, наоборот, подошли ближе, и с ними солдаты в обгорелой форме, беглецы с недавнего побоища.

Ариекаи стояли за нами. Они загораживали бескрылого, чтобы никто не заметил его увечья. Люди сказали нам, что бегут от абсурдов, разграбивших их усадьбы и фермы по производству живых машин. Все они были беженцами и повстречали друг друга в пути. К ним пристали дезертиры и уцелевшие в бою солдаты разбитых отрядов. Оказавшись в тылу у нападавших, они пошли за ними к городу, как косяк рыб прячется от опасности, плывя следом за хищником. У них не было плана, только смутное ощущение того, что такая тактика позволит им остаться в живых еще несколько дней. Плетясь по следам победителей, они безысходностью своего занятия подчеркивали свое поражение.

Один милиционер сказал нам:

— Мы были с ариекаями. В авагарде. Выбрали, наверное, самых речистых. И отправили поговорить. Мы шли с переговорщиками, чтобы защитить их, дать им шанс подойти к… — Солдаты получили приказ сделать все возможное, чтобы позволить ариекайским переговорщикам

вступить с абсурдами в контакт. — Они пытались поговорить с ними.

— Как? — спросила я.

— Никак. — Мне показалось, он сказал «вот так», я не сразу поняла.

— Не было никакого «как», — сказал он. — Мы тоже дивились. Мы видели, что абсурды все ближе; у них были летуны, оружие, машины, их были тысячи. Мы не знали, что было у ариекаев на уме. Что они состряпали. А оказалось, Господи… Они готовились, слушая чип с голосом ЭзКела. В нашем подразделении пара людей понимают Язык… — Он запнулся на этой нечаянной оговорке. — …Они рассказали мне, что говорили ЭзКел в записи. «Вы должны заставить их понять». Одно и то же. Каждый раз по-новому. «Вы должны говорить с ними так, чтобы они вас поняли». — Милиционер покачал головой. — От этого они забалдели. Когда абсурды пришли, они стали кричать им в громкоговорители.

— Они же глухие, — сказала я. Он пожал плечами. Ветер ерошил его засаленные волосы под помятым шлемом.

— Мы послали кое-кого из них… навстречу врагу… поближе. Они, наверное, думали… Короче, абсурды их просто растоптали. И ринулись на

нас. — Никакого плана не было. Я посмотрела на Брена. Не было никакой тайной стратегии: одно лишь знание того, что необходимо было сделать, без малейшего представления о том как.

— Пытались решить проблему в приказном порядке, — сказал Брен. Бог-наркотик надеялся, что его приказы, которые для ариекаев были закон, сами все сделают. Какое отчаявшееся божество!

— Господи, — сказала я. — Думаешь, они считали, что это сработает? — Позади осталось немало мертвых. — Где остальная армия? — спросила я. — Армия ЭзКела? — Милиционер покачал головой.

— Большинство из них… из нас… вообще не собирались драться, — сказал он. — Они хотели умолять. Но они и этого не могут. Умолять. Не могут заставить их услышать. Теперь они возвращаются назад, в город. Чтобы спрятаться за баррикады. — Он снова медленно покачал головой. — Их и баррикады не остановят, — сказал он. Для армии абсурдов ни в городе, ни тем более в Послограде не было преград.

Беженцы смотрели нам вслед, когда мы отъезжали. Они сказали нам, что мы идем не туда, и пожали плечами, когда мы проигнорировали их предупреждение. Жестами они пожелали нам

счастливого пути и удачи, двигаясь при этом как мертвые, и эта вежливость живых мертвецов выглядела странно. Те, кто держался на самом крае толпы, больше всего похожие на монахов, следили за нами с непонятной враждебностью, которую они сами, я уверена, не смогли бы объяснить.

Мы ехали по колее, оставленной копытами абсурдов, и нагнали их с тыла, так что они нас не видели. Мы прятались за кустами и выступами холмов. Шел дождь. Из-под колес нашего экипажа брызгала грязь. В ту ночь почти не темнело: звезды и Руины горели с противоестественной яркостью, так что я, прислонившись к Испанской Танцовщице, могла беспрепятственно наблюдать знаки, которыми он обменивался с другим ариекаем, бывшим пленником, и разглядывать бесцветный пейзаж.

На заре нас окружили прерывисто жужжавшие камеры. Это были армейские разведчики, еще способные передавать. Их привлекли наши движения и звуки, которые мы издавали, и дальше мы ехали, словно накрытые жужжащей короной. Я заглянула одной камере прямо в объектив, отправив свой взгляд сквозь толщу воздуха тем, кто наблюдал за нами из Послограда.

Теперь абсурдов было слышно. Они стали частью пейзажа впереди. Рой камер вдруг сорвался с места и полетел к ним, игнорируя рельеф и местную флору. Над самыми нашими головами со срочным военным заданием пронесся корвид, и нам оставалось только надеяться, что нас не заметили и не истребят у самой цели.

Не было никаких тайных способов заставить небольшую группу абсурдов выйти на наши поиски или сделать так, чтобы от их армии откололся отряд. Каждый безъязыкий считал себя одиноким, хотя мы знали, что это не так. Те, кого эта одержимая жаждой мщения толпа могла считать своими полководцами, составляли ее молчаливый авангард. Мы обошли их с фланга, пользуясь рельефом как прикрытием, и направились туда, где они должны были заметить нас.

Наконец, воняя в давно не менянных костюмах, мы покинули экипаж. Я остро осознавала, что за зрелище мы представляли. Четверо терранцев. Я впереди. За мной Брен, встревоженный и напряженный. Илл и Сиб, за время пути утратившие одинаковость. Они стояли бок о бок, каждая с оружием на изготовку.

Ариекаи. Выстроившись за нами полукругом, они образовали как будто спинное крыло нашей

группы. Испанская Танцовщица был ко мне ближе остальных и наблюдал за мной несколькими глазами.

В центре группы стоял раскованный безъязыкий. Он, который больше не был нашим врагом, переводил взгляд с одного из своих товарищей-ариекаев на другого. Вот он шевельнул грудным крылом. Ариекаи один за другим ответили ему тем же. У меня даже дух захватило, когда я это увидела.

Только двое не отреагировали на его знак. Даб и Руфтоп следили за движениями своих друзей. Но никак не могли взять в толк, что происходит.

Испанская Танцовщица сказал мне:

— Сейчас они придут, мы увидим /Сейчас они придут, мы поговорим. — Некоторое время я смотрела на него, потом кивнула.

— Ты поговоришь, — сказала я. — Мы поговорим. Они поговорят.

— Я хочу/Я хочу, — ответил он. Он издал два звука, которые ничего для меня не значили. Отрывисто бросил что-то на Языке, и его товарищи, Илл и Сиб и Брен вздрогнули и вскинули головы. Испанская Танцовщица попробовал еще раз.

— Спасибо/Не спасибо, — сказал он. Я молчала. Что я могла ему сказать?

Появились первые абсурды. Летуны вихрем носились над местностью и наверняка видели нас, но, возможно, сочли слишком незначительной добычей, чтобы тратить на нас силы. Небольшой маневренный отряд неутомимых абсурдов возник на горизонте, двигаясь к нам. Мы были как натянутая струна. Кто-то сказал что-то насчет плана.

Авангард армии, отряды, на километр или около того обогнавшие главные силы, увидели нас. Грохоча копытами по каменистой осыпи, они понеслись к нам, на ходу жестикулируя грудными крыльями, разделяясь на отдельные сегменты, которые складывались в клинья и окружали нас с боков, и все это повинуясь безмолвной стратегии, которую они считали всего лишь яростью. Я слышала топот копыт. Потом стала различать оттенки кожи, изогнутые вилочки глаз, зазубренные кромки оборванных крыльев, готовое к бою оружие.

— Пора, — раздался чей-то голос, и я правда не знаю, принадлежал ли он мне.

Испанец сказал что-то так тихо, что я почти не расслышала, но, по-моему, это был не Язык. Он и другие вожди его группы революционеров сделали шаг, и с ними абсурд. Он вышел вперед, поднял

грудное крыло и встопорщил огрызок спинного так, чтобы его увечье было ясно видно. Он размахивал ими, как знаменами. Он заявлял свой статус — я один из вас — он звал своих товарищей остановиться, он кричал всем приближающимся — подождите, подождите, подождите.

Но армия абсурдов не думала тормозить. Меня затошнило.

— Кураж, — сказал Брен по-французски. Я не улыбнулась. Зачаточный язык жестов, на котором говорили бескрылые, скрывала от них самих общая цель. Выстрел раздался из их нестройных рядов.

— Господи, — сказала я. Испанская Танцовщица, Испанская/Танцовщица заговорил голосом и крылом, а его бывшие товарищи мчались к нам, чтобы убить или изувечить его самого. Я подумала о том, что будет с ним, если оглушить его сейчас, когда язык приобрел для него другой смысл. Жесты Испанца и абсурда значили для врага не больше, чем пляска перекати-поля на ветру.

Они не игнорируют, мелькнула у меня мысль. Они не понимают. Откуда им было знать, что мозги этих двоих отличались от мозгов тех, кого они уже изменили или уничтожили, откуда им

было это знать? Я порылась в нашей поклаже.

— Покажи им свое крыло! — крикнула я Испанцу. — Покажи, что ты можешь слышать! — ИллСиб начали переводить, но Испанец уже раскрывал свое крыло, а за ним другие, все, кроме Даба и Руфтопа, которые сделали то же, только когда Испанец сказал им на Языке. Мимо просвистел еще снаряд.

— Скажите Дабу и Руфтопу, пусть выйдут вперед, — приказала я.

Я включила чип, и тонкий голос ЭзКела начал призывать нас к чему-то. Но оказалось, что все ариекаи уже слышали этот чип, и потому не реагировали на него больше, так что я, чертыхаясь, отшвырнула его.

— О, — сказал Брен. Он понял. Я продолжала шарить в мешках, пока абсурды не подошли так близко, что стало слышно их убийственное курлыканье. Чипы сыпались у меня из рук, но я, наконец, нашла что хотела. ЭзКел говорили: «Мы хотим сказать вам, что именно вы должны сделать…»

Для нас, терранцев, это был просто звук. Для Испанской Танцовщицы и других теперь это тоже был просто звук: было видно, как их спинные крылья дрогнули от любопытства. Но Даб

и Руфтоп остались наркоманами. Резко дернувшись, они выпрямились, а потом сотряслись до самых глубин своего существа: было видно, как сила, похожая на силу притяжения, влечет их к источнику звука. Они остолбенели.

— Да, — сказал Брен.

Я поставила другой чип. Даб и Руфтоп шатались, отходя от первых слов ЭзКела; новая волна звука подняла их и потащила за собой. Руфтоп закричал под действием того, что, как я поняла, было описанием деревьев.

Наш увечный ариекай продолжал размахивать крылом, Испанец и другие повторяли его движения, открывая и складывая свои спинные крылья, а между ними застыли в забвении Даб и Руфтоп. Я продолжала проигрывать чип.

— Хватит/Хватит, — сказал Испанец, и я подумала о том, как ужасен для него вид этого беспомощного стояния, напоминающего ему о том, чем он сам был еще совсем недавно, как ему трудно видеть страдания своих товарищей, но не прекращала проигрывать чип.

Когда первые абсурды, одолев подъем, приблизились к нам с оружием наизготовку, сначала один из них, потом несколько, потом многие затормозили. Я поставила новый чип и услышала,

как Брен сказал: — Есть.

В любой армии всегда найдется солдат, который идет впереди. Огромный ариекай, разинув в бессловесном вое оба рта, высоко вскидывая ноги, мчался на нас. Я вытянула вперед руку с чипом, точно это могло его остановить. Его глаза таращились во все стороны, он видел нас всех по отдельности, и Испанца, и ариекая, нашего бывшего пленника, который дергал руками так, как это делали абсурды, переговариваясь друг с другом, и остолбеневших Даба и Руфтопа. Если у меня были в тот миг какие-то мысли, то это, наверное, были молитвы. Смерть была близка.

И вдруг первый солдат остановился. Опустил свою брызжущую слюной палицу. Собрал в пучок глаза, открыл их и снова посмотрел на нас. Я продолжала играть голос ЭзКела. Вот уже несколько солдат замерли неподвижно. Со всей доступной мне жестокостью я заставила Даба и Руфтопа плясать от наслаждения. Абсурды, хватаясь друг за друга крыльями, жестикулировали или просто стояли и смотрели.

— Не останавливайся, — сказал Брен.

— Хватит/Хватит, — сказал Испанец, а Брен повторил: — Продолжай.

— Что?… — спросила Сиб.

— Происходит? — добавила Илл.

Армия потерявших надежду, обозленных существ в убийстве видела единственный способ изгладить память о собственной беспомощности и беспомощности своих соотечественников, ставших рабами голосов представителей иного вида. Это унижение стало пределом их отчаяния. Я заставила их вспомнить, какими они были сами, когда слушали голос бога-наркотика — такую тарантеллу ни с чем не спутаешь — но остальные-то ариекаи, с развернутыми спинными крыльями, все слышали и не реагировали.

Мозгам абсурдов не должны были быть свойственны сомнения. Неожиданно возникнув, они лишили их способности двигаться. Наш бывший пленник махал грудным крылом и шевелил обрубком. Остановитесь, кричал он, и многие в наступавшей армии его поняли, и были ошеломлены этим.

Бедный Руфтоп, думала я, бедный Даб. Пыль, поднятая копытами ариекаев, клубилась вокруг, от нее слезились глаза. Слава Господу за то, что они так и не научились лгать. Нам нужны были настоящие наркоманы, чтобы показать абсурдам, что остальные свободны, а их гнев бесцелен. Я заставляла Даба и Руфтопа двигаться. Я сделала так,

что их затошнило от бога-наркотика. Испанская Танцовщица смотрел на них, расправив спинное крыло. Я плакала.

Информация передавалась среди абсурдов обескураживающее медленно — даже их лучшие мыслители все еще очень смутно понимали, что могут общаться. Сначала, размахивая крыльями и поднимая конечности, они сообщали друг другу: Стойте. Потом добавляли: Что-то происходит.

Информация искажалась, распространяясь по рядам все дальше. Жесты передних были близки к сообщению: они слышат, но они не наркоманы. В дальних рядах абсурды передавали стоявшим за ними простое «стоп».

— Стойте/Стойте, — сказал Испанец. Наш Глухой встал перед фронтом, Испанец за ним. На глазах у генералов абсурдов они вдвоем — демонстративно взмахивая крыльями и рисуя на земле знаки, идеограммы, которые меня поразили, — начали говорить.

Прошло много-много часов, две ночи и два дня напряженной тишины, а армия все ждала. Медлила. Отдельные члены выходили из ее рядов посмотреть, что происходит. Их ждало потрясение: независимые ариекаи; уважительно ждущие

терранцы; медленный процесс установления понимания между слышащими и абсурдами, как мы продолжали их называть, хотя и не без доли сомнения; каракули в пыли.

Те, кто уже обладал небольшими знаниями, призывали к терпению. Их влияние, передававшееся языком жестов, стало особенно заметно под конец второго дня, когда с фланга к армии приблизились беженцы-люди, легкая добыча, но обескрыленные не стали на них нападать.

Терранцы, должно быть, поняли, что абсурды остановились, удивились странному затишью и пришли выяснить его причину, а безъязыкие не возражали. Беженцы разбили лагерь в некотором отдалении от нас и наблюдали.

Прошло время, прежде чем в барьере непонимания между абсурдами и группой Испанской Танцовщицы, новослышащими, была пробита солидная брешь, и все же это случилось гораздо раньше, чем я ожидала. Мы не учили глухих говорить: мы только показывали им, что они могут это делать и делают. Мы добивались не прогресса, а откровения; ведь откровения, как бы тяжело они ни давались, заразительны.

— Нам нужен ЭзКел, — сказала я.

— Они не придут, если узнают, что случилось, —

сказал Брен. — Если они узнают, что потеряли.

Даже если это будет значить конец войны? Но я знала, что он прав.

— Ну тогда нам нельзя говорить им правду. Придется разбивать все камеры, какие увидим. Они не должны узнать, что произошло.

Полотенце и Креститель понимали, что за миссию мы им поручаем. А ведь еще несколько дней назад это было немыслимо. Они возвращались в город в одном летуне с абсурдом.

— Они знают, что им надо делать? — спросила я у Испанской Танцовщицы.

— Да/Да. — Они прокрадутся назад, в раненый корабль, прикинутся верными наркоманами-солдатами, пришедшими с известием о прорыве. Они скажут ЭзКелу, что абсурды остановились, что они просто ждут и что бог-наркотик должен пожаловать со всей своей свитой. ЭзКелу и в голову не придет, что их попросту обманывают. На это мы и рассчитывали. Да и как они узнают? Ведь они услышат новость от ариекаев, говорящих, как они будут думать, на Языке. Как Хозяева.

— Они знают, что делать, когда ЭзКел заговорят с ними?

— Да/Да. — Они знали, что им надо сделать вид, будто они в смятении.

— Они знают, что им надо будет упрашивать их говорить, если те будут молчать слишком долго?

— Да/Да. — Они знали, что им надо изображать зависимость. Они знали все, что должны будут сделать.

Два племени ариекаев пост-Языковой эпохи обменивались символами. Люди-беженцы не пытались подойти ближе.

— Неужели мы это сделали? — спросила я.

Подвергнутый интенсивной лучевой терапии того, что происходило кругом, Даб, наконец, сдался и резко пошел на поправку, ни с того ни с сего, как мне показалось, заговорив по-новому. Его друзья наблюдали за его внезапным то ли вознесением, то ли падением. Но Руфтоп так и не смог достичь этого. Он продолжал принимать дозы, слушая последние чипы. Он, единственный из всех, оставался зависимым.

Не знаю, какие критерии дружбы были распространены среди ариекаев, но, по-моему, им всем было грустно. А сам Руфтоп, наверное, чувствовал себя таким одиноким, как если бы на самом деле сидел один на крыше. Он наблюдал за немыми беседами из знаков и жестов, которые кипели вокруг, и, должно быть, ощущал себя в эпицентре перемен как в аду. «Ты спас всех нас, — думала

я. — Без тебя нас уже давно не было бы в живых». Как будто ему было от этого легче.

Каждый день Испанец рассказывал мне об успехах. Учитывая масштаб случившегося, размах того, что сделали абсурды и новослышащие, времени ушло совсем немного. Не знаю, сколько дней кипели в нашем лагере безмолвные дискуссии, когда я вдруг поняла, что за нами, нервно вибрируя на ветру, наблюдают камеры. Но мы были уже готовы.

— Господи, — сказала я, показывая на них Брену. — Иисус Фаротектон. — Стоя на земле, я тыкала в камеры пальцами, совсем как осваивавшие новый язык ариекаи, жестами звала их к себе.

Это были разведчики из школы возле корабля ЭзКела. Он сам тоже наверняка был поблизости: они пришли, следуя указаниям и обещаниям Полотенца и Крестителя. Одни осокамеры все время старались куда-то уклониться, другие, наоборот, смотрели прямо на нас. Бог-наркотик слишком далеко зашел, чтобы повернуть обратно, заблокировать передачи и притвориться ничего не ведающим, даже если и понял то, что видел. Ведь передачи с этих малюсеньких камер шли не только на экранах приближающегося корабля,

но и на больших экранах в Послограде.

— Слушайте, — закричала я, и тут же ощутила, как на меня обратились тысячи глаз ариекаев. Камеры, роясь, как мошкара, спустились пониже. — Слушайте меня, — сказала я и скрипнула зубами на ветру. — Слушайте.

— Они, наверное, в толк не могли взять, отчего такая задержка, — сказал Брен. — Куда подевались абсурды. Сколько они уже ждут? Прячутся в ожидании смерти, гадают, когда она придет.

— Слушайте, — сказала я. — Приведите их. Приведите сюда ЭзКела сейчас. — Я показала на Испанскую Танцовщицу, на глухих, с которыми он общался, и сначала Испанец, потом один за другим и все абсурды показали крыльями на меня. Камеры зажужжали, меняя положение, но я продолжала смотреть в одну точку, как будто передо мной были глаза единого существа. — Приведите их сюда немедленно. ЭзКел… вы видите меня, ЭзКел? — Я сделала выпад рукой. — Кел, приходи и дружка приводи.

— Вы будете жить, так всем и скажите. Послоград, ты меня слышишь? Ты будешь жить. Но вы двое все равно приходите сюда и узнайте, что надо сделать, ЭзКел. Потому что есть кое-какие условия.

28

Будем говорить без утайки. Когда ЭзКел молчали и, стоя на вершине холма, смотрели вниз, на город-лагерь абсурдов, раскинувшийся в долине, то выглядели они как герои. Незаслуженно.

Явились они в пышном облачении: наверное, кое-кому в Послограде это служило утешением. Одежда Кела была оторочена золотом, на маске-эоли дрожал золотой плюмаж. Даже Эз был в пурпуре.

Молчание скрывало их неудачу или, по крайней мере, маскировало ее. Усмешка Кела сходила за улыбку короля: угрюмая физиономия Эза выражала задумчивую сдержанность. Свита у них была небольшая: люди, мои недавние коллеги. Когда их летун сел, кое-кто из них поздоровался со мной и с Бреном. Симмон пожал мне руку. Прибыли Саутель и МагДа. Выражения их лиц не поддавались описанию. Уайат тоже был с ними, его еще держали под стражей, но уже спрашивали его совета, признавая в нем великого махинатора, пленного визиря. Увидев меня, он отвел глаза. Вернувшиеся из Послограда Креститель и Полотенце сошли с летуна и приветствовали

своих товарищей. Потом меня. Послоградцы наблюдали за ними в состоянии, близком к шоку. Путешествие оказывалось совсем не таким, как они ожидали.

Офицеры сопровождения были при оружии. Знаю точно, что, будь ситуация хотя бы немного иной, Кел приказал бы им убить нас, как уже делал, когда мы были в дороге. Однако теперь служители их бессмысленной свиты, сами офицеры и даже прибывшие с ними ЖасМин не позволили бы им этого. Все в Послограде уже видели надвигавшуюся армию и мою передачу, и все знали, что ариекаев остановили мы. Келу оставалось корчить из себя правителя считаные часы.

Терранские беженцы приближались день ото дня: теперь они уже свободно ходили среди нас, но ничего не делали, а только наблюдали, как мы взаимодействуем с абсурдами. Эз бросал взгляды на небо, а потом вдаль, в сторону Послограда.

Только много позже я услышала рассказы о его действиях во время моих странствий: как он ухитрялся испытывать терпение Кела; о его планах не чего-нибудь, а переворота, который Кел подавил не столько гневно, сколько презрительно. Эз разглядывал нас. Я прямо видела, как шевелятся его мозги. Господи, да остановишься ты когда-нибудь

или нет? — подумала я. Мне плевать было на его историю. Для Послограда и безъязыких грызня Эза и Кела между собой значила куда меньше, чем то, что вместе они были ЭзКел.

Я стояла среди делегатов от каждого отряда армии абсурдов, общим числом двадцать или тридцать.

— Так значит, это с тобой я говорю, Ависа Беннер Чо? — холодно сказал Кел. — Ты выступаешь от лица… — Он показал на ближнего ко мне обескрыленного, нашего бывшего пленника.

— Тевт, — сказала я. — Он известен как Тевт.

— Что значит «известен», — сказал он. — О нем ничего не…

— Мы зовем его Тевт, — сказала я. — Поэтому он так известен. Я покажу тебе, как это пишется. А еще лучше, покажет сам Тевт.

Плохо оказаться побежденным, правда? Ты бы и сейчас еще не прочь нас уничтожить, Кел: меня, Брена, всех остальных. Потому что способ, которым мы спасли Послоград, означает конец твоего режима, твоей власти, а она, гляди, и впрямь кончилась; и хотя твоя чертова префектура была порождением времен отчаяния и упадка, ты предпочел бы исчезнуть вместе с ней на своих условиях, чем спастись на наших. Вот что верте-

лось у меня на языке.

Тевт, Испанец и еще несколько абсурдов, самых умелых во владении идеограмматическим письмом, которое они изобретали, самые чуткие к значению и возможностям жеста, составили группу. Ее состав менялся. Даже несколько зависимых ариекаев, услышав новость, пришли пешком из самого города, всю дорогу подпитывая себя крадеными чипами, чтобы стать свидетелями исторического соглашения, перемены. Руфтоп тоже был там, он печально проигрывал сам себе звуковые файлы. Люди-беженцы сидели на краю утеса, обнимавшего долину, заполненную пестрой ариекайской толпой, и следили за ходом переговоров. Они приходили и уходили, когда хотели.

Кел, а с ним, наверное, и Эз пытались изобразить происходящее как затянувшуюся дискуссию. Но в реальности это был медленный процесс объяснения сложившихся фактов и получения приказов с использованием нарождавшейся письменности. Дни уходили на то, чтобы убедиться, что абсурды нас поняли, и самим понять, чего они хотят от нас.

Ты больше не власть, могла бы сказать я Келу. Это твое поражение. Тебе хочется больше помпы:

чтобы потом, спустя годы, вызывать в памяти духов погибшей империи. Но ты здесь только потому, что я сказала абсурдам, что именно тебе они должны объяснить, как быть дальше. И все люди, наблюдающие за происходящим, все беженцы, угрюмо прячущие лица под капюшонами, все запомнят, как ясно видно было то, что ты ничего не понимаешь. Ты торчишь у всех на виду, на стыке двух эпох потому, что ты просто маленькая деталь.

Камеры были повсюду. Среди них было много независимых самодельных устройств, много ворованных или одичавших, которые передавали свои репортажи на любую доступную им частоту. Но через каждый объектив за нами следил Послоград.

Ночью ариекаи окружили мой отряд. Мы сами просили их об этом: я все еще сомневалась, что ЭзКел не попытаются отомстить.

— Что будет дальше? — спросили МагДа. Они смотрели на меня с уважением и робостью.

— Все изменится, — сказала я, — но мы останемся. Теперь, когда они знают, что излечение возможно, все пойдет иначе. Как дела в городе? И в Послограде?

Паника и ожидание. Среди ариекаев в основном

неразбериха. Борьба между фракциями — сначала они вроде бы объединились под властью ставленника ЭзКела и повиновались приказам бога-наркотика, но теперь начали воевать друг с другом по неподдающимся определению причинам.

— Мы… они… сделают все возможное, чтобы знание стало общим, — сказала я. — Им уже не нужен наркотик. Мы пытаемся работать вместе. Главный представитель безъязыких теперь Тевт. Испанец говорит с нами — в основном с ИллСиб, но может и… — МагДа не видели, как мы с Испанцем беседовали по вечерам: по-настоящему, хотя и медленно. — Мне надо кое-что тебе сказать, — сказала я ей тихо. — Я слышала, что говорят об этом люди, и они ошибаются. Это не излечение. Испанец и все остальные… они больше не наркоманы, но они не вылечились: они изменились. В этом все дело. Я знаю, может показаться, будто тут нет разницы, но вы понимаете, что они не могут больше говорить на Языке, МагДа? Не больше, чем раньше вы?

Было утро, совершенно безоблачное. В низинах вокруг меня, под прикрытием волосатой растительности планеты, шла работа: те, кто изобрел письмо, распространяли новый навык,

обучая ему абсурдов. Возникали новые формы письменности, отличные от изначальных, альтернативные прочтения идеограмм, целые доступные лишь специалистам словари значений, созданных комбинациями тычков и жестов.

Скоро кому-нибудь из ариекаев придет в голову мысль о том, что идеограмму не обязательно чертить на земле и воспроизводить потом по памяти, ее можно написать на чем-то, что можно унести с собой. Может, мы даже покажем им как. Я уже воображала перо, приспособленное для крыльев.

Генералитет абсурдов стоял как вкопанный. Послоградская свита прихорошилась, как только могла в существующих обстоятельствах. Люди — беженцы из самых разных мест — наблюдали. Тевт и Испанец держались поближе ко мне, глядя в камеры.

Испанец привлек мое внимание движением крыла.

— Ты готова?/Ты готова? — Он говорил тихо. Я замешкалась, и он повторил опять. — Ты готова?/ Готова.

ЭзКел стояли напротив меня. Они снова выглядели по-королевски. Лицо Эза не выражало ничего. Кел распух от гнева.

— Слушайте. Вы все поняли? — Все послоград-

цы хорошо слышали меня, но я обращалась к ЭзКелу. — Теперь вы поняли, что будет дальше?

— Абсурды вернутся в город, а с ними мы. Вместе мы все начнем заново. У них уже есть кое-какие идеи. На месте Кора/Сайгисса, твоей марионетки, я бы поостереглась. Ты умно сделал, что не взял его с собой. Детали мы продумаем позже. Мы будем жить в Послограде.

До смены. Теперь все изменилось, навсегда, думала я. Я заглянула в свои записки.

— Они хотели убить нас потому, что мы были источником бога-наркотика. Они знали, что опоздали, что для них самих все уже кончено, но они хотели, чтобы у тех, кто придет за ними, было другое будущее, а для этого надо было избавиться от проблемы. От нас. Понимаете, они действовали самоотверженно. Себе они уже не могли помочь. Они помогали детям. Их поколение должно было оглохнуть, покончить с собой или умереть от отсутствия наркотика.

— Но теперь они знают, что заболевших можно лечить. — Игнорируя удивленные взгляды МагДа, я показала на Испанца: он показал на меня в ответ. — А раз их можно вылечить, то мы уже не имеем для них значения. Вот почему мы будем жить. Понятно? Но их надо вылечить. Это их усло-

вие. Иначе мы так и останемся заразой. А лечение оратеев требует времени. — Я показала на Руфтопа, все еще не затронутого метаморфозой. Все посмотрели на него. Он посмотрел на всех. — И таких, как он, много. Так что вам, ЭзКел, придется поддерживать их до тех пор, пока в этом будет необходимость. Без вашего голоса зависимые начнут умирать. Их не успеют ни вылечить, ни даже оглушить. Так что вам придется помочь им остаться в живых.

— Это любовь/Это любовь, — сказал Испанец. Люди, которые еще не слышали, как он говорит на своем сдвоенном всеанглийском, заахали. Испанец повторно объяснил, почему абсурды хотели убить нас и оглушить своих компатриотов и почему теперь они позволят нам жить. Ариекаи любят ариекаев. Этот глагол оказался единственным в человеческом языке, который подошел. Не безупречно, но с переводами всегда так. По крайней мере, правды в нем было не меньше, чем лжи. Новослышащие и абсурды равно любили зависимых ариекаев, и потому стремились вылечить их тем или иным путем, включив в ту или иную группу.

— Никто из вас уже давно не посол, — сказала я. — С кем, кроме себя, вы говорили в последнее

время? А теперь вы больше не бог, и не наркотик, и даже не правитель, ЭзКел, вы — фабрика. У ариекаев есть спрос — вы обеспечиваете предложение. И, верьте мне, его содержание будет под строгим контролем. — Лицо Эза осталось неподвижным. Кел скривился. Ни одного шанса отдавать приказы, которых в буквальном смысле невозможно будет ослушаться. — В городе будет полно абсурдов. Так что если вы опять попытаетесь заварить кашу или даже снова развязать войну, вкладывая в свои слова какие-нибудь команды, они вас уничтожат. Если кто-нибудь из нас начнет снова представлять хоть малейшую угрозу, то нам всем крышка. Они не хотят отрезать слуховые крылья всем пристрастившимся, оглушать всех взрослых ариекаев одного с ними возрастного цикла теперь, когда появился иной путь: но если они решат, что это необходимо, они это сделают. Вы поняли?

Что вам еще остается, подумала я. У вас нет выбора. Те же офицеры, которых вы привезли сюда с собой, первыми приставят вам к виску по пистолету и заставят говорить на Языке, если придется. И я с ними. Испанец и абсурд будут распространять два вида лекарства. Нож хирурга уже не будет той вселенской катастрофой, какой

он был для всех собравшихся здесь, когда они думали, что, потеряв слух, разучились думать. Конечно, к нему будут прибегать только как к последнему средству для тех, кто не сможет очиститься иначе.

Каждый день, из любви к своим больным товарищам, ариекаи будут заставлять ЭзКела говорить. Мы останемся временной необходимостью. Кел был в такой панике, что на него почти жалко было смотреть. Все не так плохо. Есть много способов выжить до тех пор, пока не придет корабль.

— Вы слышали? — обратилась я к Келу, к ЭзКелу и ко всем, кто наблюдал за нами здесь, в долине, и там, в Послограде. В тот день мне нравилось слушать звук собственного голоса. — Вы понимаете, почему мы еще живы? Потому что есть дело, которое мы должны сделать.

— Как я/Все быть как я, — сказал Испанец. Где-то закричали люди, и я услышала, как кто-то сказал «Нет».

Испанец раздвинул кораллы глаз. Эз поднял голову, Кел обернулся.

С вершины холма к нам шел человек. В черном плаще. За ним с громкими криками гнались несколько обезумевших беженцев. Его плащ раз-

вевался на ветру. Абсурды давали ему дорогу, им было любопытно посмотреть, что он сделает, и я закричала «нет», но они, разумеется, не слышали. Руками я показывала им сомкнуть ряды, но они еще не привыкли к человеческим жестам, и мне не хватило времени объяснить им, что я хочу.

Человек вытащил оружие. Из-под поношенной маски эоли на меня смотрел Скайл.

Мой муж целился в меня из толстоствольного пистолета. Никто не успел его остановить.

Глядя на него, я соображала, как помешать ему осуществить задуманное, и в то же время чувствовала, что в моей голове идет другая работа: я вычисляла, где он жил и как, и почему и что делает сейчас. Прямо передо мной отвратительно надувал губы ствол пистолета.

Подойдя, он поменял мишень и теперь целил в Брена и Испанскую Танцовщицу. Я попыталась оттолкнуть ариекая, но Скайл уже перевел дуло своего пистолета с него на Эза, потом на Кела, который поворачивался ко мне. Скайл выстрелил. Крики и вопли вырвались у терранцев и ариекаев, когда, обливаясь кровью из раны, сквозь которую в его тело вошла и разорвала его энергия, Кел упал и умер, не сводя с меня глаз.

Часть девятая
Смена

29

Вот что сказал Испанская/Танцовщица.

Это было в городе на площади, ставшей еще просторнее после того, как здания уговорили подвинуться. Я очень хорошо помню, как все было. Брен стоял рядом и шепотом переводил, но я и сама почти все понимала.

Помню погоду, дома, воздух и толпу ариекаев. Их были тысячи, зависимые проталкивались к краям площади. Многие, наверное, ожидали увидеть ЭзКела и получить свою ежедневную дозу бога-наркотика. Вот что сказал Испанская Танцовщица.

До прихода людей мы не так много говорили о некоторых вещах. Мы вросли в Язык. Когда история закончилась, мы создали город и машины и дали им имена. О некоторых вещах мы почти не говорили. Нами говорил Язык. Слова, которые хотели стать городом или машинами, заставляли нас произносить их, чтобы они могли ими стать.

Когда появились люди, у них не было имен, и нам пришлось придумать новые слова, чтобы они получили свое место в мире. Но они вели себя не так, как другие вещи. Мы сказали их в

Язык. Язык принял их в себя.

Мы были как охотники. Мы были как растения, которые едят свет. Люди построили свой город внутри нашего города, словно вписали в круг звезду. Они заняли свое место, как волокно внутри цветка. Мы произносили название их города, зная, что они называют его по-другому, а он сидел внутри нашего города, как орган внутри тела, как язык внутри рта.

До прихода людей мы не так много говорили, потому что мы были как та, кто много лет назад была девочкой, которой сделали больно в темноте и которая съела то, что ей дали. Мы были как она. Сами решайте, почему мы были и почему мы не были такими. Почему она такая или не такая, какая есть. Мы были такими же, как все; во времена наркотика мы покинули город и теперь говорим больше.

До прихода людей мы не говорили. Мы были как множество других вещей, мы были как все вещи на свете, мы были как те животные над Послоградом, в сторону которого я вытягиваю сейчас мое грудное крыло, и это тоже есть речь, которую вы еще научитесь понимать. Мы не говорили, мы были немы, мы лишь роняли из наших ртов камни, которые мы упоминали, мы открывали

рты, и из них выпархивали птицы, которых мы хотели сказать, мы были указателями, мы были птицами, бездумно клюющими корм, мы были девочкой в темноте, и мы поняли это лишь тогда, когда перестали ими быть.

Теперь мы говорим, то есть я говорю и другие тоже. Вы еще никогда не говорили. Но будете. Вы научитесь говорить, что город — это яма и холм, мера всех вещей и хищное животное, и судно в море, и само море, в котором мы — рыбы; не человек, который плавает с ними каждую неделю, а рыбы, с которыми он плавает, мы вода, мы бассейн. Я люблю вас, вы освещаете мою жизнь, согреваете ее, вы мое солнце.

Вы еще не умеете говорить.

Вот что сказал Испанская Танцовщица своему собравшемуся на площади народу. Он сказал и больше. И получалось у него не так неуклюже, как у меня, когда пришла моя очередь: он ведь куда лучше понимал психологию, которую собирался изменить, и его слова уже были как скальпель хирурга.

Сначала те, кто пришел на площадь, слушали просто так, сами не зная зачем. Чем необычнее и невозможнее делалась его речь, тем чаще раздавалось вокруг испуганное ржание. Так же громко

они реагировали бы и на выступление виртуозного лжеца, но тут было нечто большее. Тут была истерия, вызванная тревогой и восхищением.

Пока Испанец говорил, ариекаи вскрикивали не только от удивления. Это были звуки перелома. Я вспомнила, что слышала их, когда учила Испанскую Танцовщицу лгать. Я слышала крики умирающего разума. Смерть: старые мысли приказывали долго жить. Я видела, как спинные и грудные крылья экстатически взлетали в воздух, это был экстаз в древнем смысле этого слова, не лишенный боли и ужаса, экстаз видения, а потом наступала тишина: рождался новый ариекай.

В тот первый раз их было всего несколько. Большинство слушателей были, возможно, потрясены, они трепетали. Успокоившись, некоторые из них снова начали громогласно требовать ЭзКела, нужда сделала их забывчивыми.

Но были и те, которые изменились, обновились, научились новому языку после выступления Испанской Танцовщицы. Я поняла почти каждое слово из того, что он говорил.

Иногда, когда Испанская Танцовщица говорит со мной на моем языке, он говорит не «метафора/метафора», а «ложь, говорящая правду/ложь, говорящая правду» или «правдивая ложь/правди-

вая ложь». Думаю, он знает, что мне это нравится. Он делает мне подарок.

30

Бедный Скайл.

Как же мне рассказать об этом?

Почти каждое утро я хожу на Лиллипэд-Хилл. Там мы с адъютантами строим планы.

— Что-нибудь новое? — спрашиваю я, и каждое утро они проверяют показания и трясут головами, «пока ничего», и я говорю им: — Значит, скоро. Будьте готовы.

Как я могу говорить «бедный Скайл» после всего, что было? А вот могу. Его поступки вызывают у меня отвращение — если бы не он, многие друзья были бы сейчас живы, — но разве, глядя на него, можно не испытывать жалости?

Его держат в тюрьме, в которую переделали изолятор. Его соседи — те послы, которые слишком сломлены, чтобы выйти наружу, даже после того как мы открыли им двери. Скайл знает, что он жив только потому, что, хотя он и преступил закон, но не совершил ничего по-настоящему ужасного, заслуживающего смертного приговора. Мы решили, что не будем карать смертью за простое убийство.

Я захожу навестить его иногда. Люди понимают. Это смесь жалости, заботы, любопытства и былой привязанности. Он все еще не верит в то, что произошло. Он не верит в то, что потерпел такую неудачу.

Когда он застрелил Кела, начался сущий ад. Удивляюсь, как его самого тогда не застрелили и нам удалось взять его живым.

— Ты этого не сделаешь, — сказал он. Кел еще корчился на земле. Скайл целился в Испанскую Танцовщицу. — Они не будут такими, как ты. — Мы остановили его раньше, чем он опять нажал на курок. Одним ударом Испанец выбил у него пистолет. Схватил Скайла за рубаху и сказал ему: — Зачем?/Зачем? — Скайл заткнул уши и обозвал его дьяволом.

Его уход из города был не самоубийством, а паломничеством. Он отправился на поиски армии абсурдов, чтобы идти за ними, как свидетель и апостол, покуда они, подобно — чему? очистительному огню, святым мстителям, которые лучше покалечат себя, чем замараются ложью? — будут изгонять падших, очищать мир от скверны, готовя его, как детскую, для поколения новых, чистоязычных ариекаев.

Это была жестокая надежда, но все же надежда.

Уверена, что Скайл знал, когда родился ЭзКел, где бы он сам ни был тогда. Не знаю, как находили его слухи, но слухи это умеют. Он наверняка знал, что ЭзКелу и его оратеям не одолеть абсурдов. Но он не принял во внимание меня, Брена и Испанскую Танцовщицу. Представляю, что за ужас его охватил, когда из лагерей за пределами армии он видел нас и то, чем мы занимались. Но он терпел, выжидая, когда появится бог-наркотик, чтобы завершить свой священный труд.

Наверное, он думал, что приносит себя в жертву абсурдам. Возможно, он также думал об одном маленьком ариекае, который пройдет однажды по опустевшему Послограду, размышляя о причинах его разрушения и рассуждая о них на Языке. Скайл был готов принести в жертву всех нас.

Он не во всем ошибался: грехопадение действительно произошло. Ариекаи теперь другие. Правда и то, что теперь они лгут.

Бедный Скайл, повторю я снова. Он, наверное, думает, что живет среди Люциферов.

Не так давно на Лиллипэд-Хилл приземлился миаб. Мы уже были не теми, кому его посылали. Наверное, поэтому, открывая его, я чувствовала себя школьницей, затеявшей шалость. Тончайший слой сырости иммера, которую могла

опознать только я, покрывал снаряд. Как проказливые ребятишки, мы вытаскивали из него подарки. Вино, пищу, лекарства, предметы роскоши, никаких сюрпризов. Мы открыли свои приказы и предназначенные Уайату запечатанные инструкции. Он не пытался нам помешать. В них тоже не было ничего нового.

Новые ариекаи могут говорить с автомами и понимать их.

— Я не хочу заходить, — сказала я.

— И не надо, мы сейчас… — Брен кивнул.

Он и Испанская Танцовщица отсутствовали дольше, чем я думала. Я ждала их на улице, наблюдая за тем, как снимают рекламные щиты. Товаров, которые были на них изображены, все равно больше не продавали.

Они вернулись.

— Она там, — сказал Брен.

— И?

— Мы с ней поговорили/Мы с ней поговорили.

— И? — снова спросила я. — Она говорила с тобой? — обратилась я к Испанцу. Они с Бреном переглянулись.

— Я не знаю/Я не знаю.

Я посмотрела на ее дом. В определенных точках на нем наверняка установлены камеры; камеры

есть повсюду, а моя подруга всегда была частью своего окружения. Я не стала махать рукой.

— Испанец сказал: «Эрсуль, я знаю, ты понимаешь то, что я говорю», — сказал Брен. — На всеанглийском. А она даже не повернулась. Только сказала: «Нет, ты не можешь со мной говорить; ариекаи меня не понимают». — «Ависа хочет знать, как ты, — сказал он ей. — Чем ты занималась». А она говорит: «Ависа! Как она поживает? А ты не можешь со мной говорить. Ты не понимаешь меня, и ты говоришь только на Языке».

Мы прошли по авеню устаревших тридов, миновали блошиный рынок, а я все молчала, и Брен не пытался меня разговорить. Командная экономика периода возрождения обеспечивает насущные потребности каждого, но стремление к избытку, жажда предметов роскоши порождает бартер. Наши рынки напоминают мне другие рынки, в других городах, на других планетах.

Блокада уже снята. Некоторые обитатели города говорят, что, раз они могут дышать нашим воздухом, а мы не можем дышать их, то лучше распространить атмосферу Послограда надо всей территорией города. Там, где к нему приращиваются новые участки, ариекайские дома изысканно отступают от канонов их классиче-

ской архитектуры. Здесь вырастает шпиль; там угловое окно; тут знакомая башенка: топография Терры входит в моду.

Кора/Сайгисса никак не найдут; и ДалТона тоже: или никто из тех, кто знает, где они, люди и местные, не говорят. Услышав об их исчезновении, я сразу заподозрила, что их убрали свои же, из своеобразного чувства справедливости. Но в информационных сетях я ориентируюсь не хуже многих, и если что-нибудь в этом роде и произошло, то все было шито-крыто. И ни в коем случае не для примера другим. Думаю, что они, скорее всего, либо погибли в войне, либо скрываются, в одиночку или оба, в городе — там еще есть места, пригодные для этого, — и ждут неизвестно чего. Полагаю, что нам надо быть бдительными.

Что касается меня, то ДалТон — это одно. Совсем другое дело Кора/Сайгисс, для которого большинство ариекаев, по-моему, не хотят ни смертной казни, ни линчевания, ни какой-то иной мести, даже те, кто, как они говорят, жили под ним. Ни один ариекай не смог ответить на мой вопрос о том, как это было, и о том, что они думали до того. О Языке. Та первая речь Испанской Танцовщицы, о переменах, послужила не только демонстрацией новых возможностей, она заразила многих. Я

не говорю, что они не помнят; я хочу сказать, что они не могут описать, как это было.

Никто не знает, почему некоторые ариекаи закрыты для метафор. Ни сам Испанец, ни растущее число его учеников и последователей, изменяющих своих слушателей при помощи тщательно выверенных, заразительных, полных очевидной лжи проповедей, так и не смогли повлиять на них. Каждое собрание приносит новые плоды: потрясенные ариекаи выпадают из Языка и попадают в объятия языка и семы. Другие подходят так близко к границе, что достаточно одной или двух встреч, чтобы они перешли черту. Но есть такие, кто отказывается это сделать; и такие, как Руфтоп, больные чистотой, которые просто не могут. Эти до сих пор не говорят со мной напрямую, только через послов. Они понимают лишь умирающий Язык. Но теперь у нас есть лекарства, голоса для поддержания в них жизни, и никаких богов.

Я слышала, как один оратей рассказывал ИллСиб о том, что больше всего он любит ЭзСей, ведь его голос вызывает в нем такую дрожь, такую… дальше нам обоим не хватило словарного запаса, мне — чтобы понять, ему — чтобы выразить свои чувства. Другие предпочитают ЭзЛот или ЭзБел, в зависимости от того, какую степень возбуждения

они в них вызывают.

Скайл обычно соображал куда лучше, чем можно подумать, судя по его последнему поступку. Он знал, как мы создали ЭзКела: но почему-то решил, что повторить его мы не сможем. Мы извлекли механизмы из черепа Кела, и они оказались в порядке, но, даже случись с ними что-нибудь, нам они все равно не понадобились.

— У меня кое-что есть, — сказали тогда МагДа. — Саутель уже несколько недель собирает кое-какие прототипы.

— Усилители.

— У нас уже есть волонтеры. Мы готовы начать.

Оказывается, секретный план был не у нас одних. Они создавали запас, чтобы воспользоваться им против Кела, или ЭзКела, чья сила была в их уникальности. Таким образом, мое с Бреном предательство и предательство МагДа дополнили друг друга. Скайл не оборвал наш сюжет. Убийство Кела мало что изменило.

Первыми в добровольцы попросились расколотые повороты, им выбрили головы, имплантировали в них розетки, подключили к ним усилители, похожие на когтистые тиары, связанные с обручами, а затем велели осиротевшему

после выстрела Эзу, Руковси, почитать с ними и поговорить. Лот стала первой, кто взялся за это при живом двойнике, Чар.

Не все решаются на такое, но многие послы отключили свои обручи. Они больше не уравниваются. И редко говорят на Языке. Случая нет. По-моему, не все они терпеть не могут друг друга. Брен со мной не согласен, но я отвечаю ему, что он может судить только по себе, и это вполне естественно.

Джоэла Руковси мы охраняем, потому что нам еще нужна его чудная эмпатическая башка, но, думаю, и это со временем пройдет. Найдутся другие, как он. А пока мы используем его на всю катушку и создаем многочасовой запас наркозаписей. Теперь мы можем позволить себе щедрость к зависимым экзотам.

Городов теперь два — один для зависимых, другой для всех остальных, — и они вежливо взаимодействуют. У абсурдов и новослышащих куда больше общего друг с другом, чем с оратеями. Слух тут ни при чем: абсурды и новые одинаково мыслят.

Испанец на каждом шагу обменивается любезностями с ариекаями, терранцами и обескрыленными, пользуясь тачпэдами, которые они носят

с собой: наш, терратехнический вклад в процесс обновления. Я, словно маленький ариекай, учусь читать и писать их размашистые каракули. Кстати, теперь, едва ариекайская молодь достигает третьего возраста, их при помощи довольно жесткой методики отучают от присущих им инстинктов. Между животным возрастом и сознательностью им оставляют несколько пороговых дней чистого Языка, когда слово есть означаемое и означающее, а ложь немыслима. Потом все молодые новые ариекаи узнают, что их город не всегда был таким, как сейчас, но вообразить его иным они уже не в силах.

Среди тех, кто не может отучить себя от Языка, многие выбирают оглушение, зная, что это их излечит и что от этого они не перестанут говорить и думать, как считали когда-то. Другие, как Руфтоп, готовятся к уходу. Мы никогда не будем посещать их автаркические общины. Их не будет связывать с городом трубопровод. Мы дадим им с собой огромное количество чипов, достаточное, чтобы продержаться очень долго. Там изгнанники будут изживать свою зависимость и растить новое поколение, которое никогда не услышит их чипов, а когда вырастет, то будет говорить на Языке, чистом и свободном. Людям — перенос-

чикам инфекции — вход в их город будет закрыт навсегда: город, в котором теперь говорят иначе, тоже будет табу. В будущем послами между городом и их поселениями станут не люди, а новые ариекаи.

Но я знаю, как все будет. Однажды новый ариекай придет к ним торговать: они обратятся к нему, Язык к языку, и будут считать, что говорят одинаково, но не поймут друг друга. Кто-нибудь из молодежи заинтересуется этим странным чужеземцем, и кучка безрассудных носителей Языка приблизится к воротам города. Тогда все и начнется. Наверняка здесь еще будут зависимые — отщепенцы или юродивые, какой у них будет тогда статус, я не знаю, — новички услышат наркоречь, которую будут передавать для них, и сами тут же станут зависимыми.

Команда корабля будет при оружии: бременском оружии, более совершенном, чем наше. Но нас много, а их будет чуть-чуть. Кроме того, мы не хотим им зла. Мы дадим им почетную стражу.

— Добро пожаловать, капитан, — скажу я, как только откроется люк и трап опустится на ариекайскую землю. — Пожалуйста, идемте с нами. — Они будут гостями в такой же степени, как и пленниками.

Какая высокопарность. Конечно, они будут пленниками, но обращаться с ними будут хорошо.

Согласно присланным Уайату инструкциям, следующая смена привезет в Послоград еще несколько послов типа ЭзРа. С улучшенной эмпатической техникой. ЭзРа были экспериментом: следующее поколение должно было осуществить бременский переворот.

Поздно. Наш переворот уже осуществился. Но новым послам тоже найдется работа: сбывать зависимым продукт.

— Добро пожаловать, капитан, — скажет Испанская Танцовщица. И вежливо укажет грудным крылом на поджидающий их отряд вооруженных послоградцев.

— Пройдемте, пожалуйста, с нами./Пройдемте, пожалуйста, с нами.

Новые ариекаи были поражены, узнав, что у терранцев не один язык, а много. Я загрузила французский.

— Я, же. Я есть, же суи, — говорила я. Испанец был в восторге. Он сказал мне:

— Же вудре венир авек ву./Я бы хотел пойти с вами.

И это не единственная его инновация. Здесь

теперь говорят не на всеанглийском, а на англо-ариекайском. Я и сама учу этот новый язык. У него есть свои особенности. Когда я спросила Испанца, не жалеет ли он о том, что выучился лгать, он подумал и ответил:

— Я жалею ни о чем. Я жалею. — Трюкачество, может быть, но я завидую такой точности.

Интересно, оплакивает ли Испанец самого себя. Ели когда-нибудь он позволит мне прочитать свои записки, которые почти наверняка о войне, то я, может быть, узнаю.

Зато он рассказал мне другую историю. Когда Креститель и Полотенце пришли в Послоград, притворяясь оратеями, чтобы выманить бога-наркотика в степь, где ждали его мы, они отказались их видеть. ЭзКел велели им изложить свое дело одному из их постоянных ариекайских помощников, который с первого взгляда узнал в них сторонников оппозиции.

Он понимал, что тут что-то не так: он вполне мог их выдать. Мгновенно приняв смелое решение, Креститель и Полотенце признались ему в истинном положении вещей: новые, лучшие времена настанут для всех, если удастся избавиться от ЭзКела.

Зная, что они, как и их мертвый пророк, *лже-*

цы, тот все-таки решил им поверить. Впервые за долгое время обретя надежду, этот чиновник тут же пошел к ЭзКелу и доложил им, зачем явились Креститель и Полотенце. Но они были новые, а он — нет. Он знал правду, и ему еще никогда не доводилось лгать. Притворяясь, он с огромными усилиями выдавил на Языке несколько слов лжи, прошептав в конце правду, которую, к счастью, сочли ворчанием про себя. Вот кто был истинным героем войны, сказал мне Испанец, тот безымянный ариекай, сказавший единственную ложь в жизни.

Бремену ничего не стоит нас уничтожить. Но, по-моему, от нас зависит сделать так, чтобы это стало им невыгодно. Война на другом краю иммера стоит дорого. А нам надо убедить их в том, что от нас есть прок. И мы знаем, в чем он заключается. Эй, посмотрите на нас, обитателей дальней окраины темного иммера!

Здесь будет порт, который они хотят. Через десять местных лет. Мы станем последним форпостом. Эта роль была предназначена нам всегда, только мы об этом не знали, а теперь, хотя это будет не совсем то, чего хотелось бы нашей метрополии, мы будем играть ее осознанно.

Добро пожаловать в Послоград, на фронтир. Я

знаю, с какой скоростью распространяются по иммеру новости. Я же иммерлетчица: слышала. Люди начнут болтать: прямо рядом с нашей планетой есть Эльдорадо иммера; давно потерянные корабли, покинутые экипажем; Земля, Бог. Ну, тогда полетели.

Знаю я и то, что за типы, что за пираты пожалуют сюда. Знаю, что риск превращения Послограда в трущобы велик: но, если от нас не будет проку, мы либо загнемся сами, либо нас сотрут с лица земли бременские шивабомбы. Скайл в своей фантастической глупости, спасая, как ему казалось, ариекаев, обрекал их на гибель: если бы они уничтожили нас, то смена, прилетев, вряд ли удержалась бы от соблазна истребить их всех до единого в отместку. Но я понимаю, почему Скайл не подумал о такой простой вещи: он ведь родился не в колонии.

Значит, наша судьба стать добычей спекулянтов и искателей острых ощущений. Мы превратимся в дикарей. Я бывала на планетах-отстойниках и в городах пионеров: но даже в таких перевалочных пунктах есть свое хорошее. Мы откроем наше небо. Мы будем торговать знаниями. Уникальными точными картами. Знаниями окольных путей иммера, ведомыми

лишь местным. Нам придется закрепить за собой положение аристократии исследовательского мира; значит, чтобы жить и быть свободными, нам надо заняться исследованиями.

Скоро в нашем маленьком летном флоте появятся один иммеркорабль и, по крайней мере, один капитан. И когда следующая делегация прибудет из Бремена решать, что с нами делать, нам будет что им предложить.

Погружения никогда не бывают безопасными. Здесь, на самом краю исследованного иммера, мы как будто возвращаемся к славным и полным риска дням хомо-диаспоры. И у меня нет ни малейших колебаний. Я побывала снаружи, я вернулась, а теперь настало время идти дальше, в таких направлениях и на такие расстояния, где не бывал еще ни один иммерлетчик. Через килочасы я, может быть, встречу экзота, для которого буду первой терранкой в его жизни, и буду пытаться сказать ему «здравствуй». Меня может ждать все, что угодно.

Я занимаюсь навигацией и иммерологией, дисциплинами, которых я, как любой нормальный флокер, всегда избегала.

— Да ты в жизни не была флокером, — бесцеремонно заявил мне Брен, когда я ему это сказала.

Я уже мечтаю о том, чтобы увидеть Послоград с орбиты. Вот почему я каждый день хожу на Лиллипэд-Хилл. Не могу дождаться.

— Доброе утро, капитан. Пойдемте с нами. — И я со своей командой направляю челнок на орбиту, к кораблю.

— Готово, — скажу я и поверну штурвал прочь от познанного пространства. Я нажму на рычаги, которые выведут нас на курс. Или лучше предоставлю это удовольствие своему старшему лейтенанту. Мы еще не знаем, как перелет повлияет на нашу команду: я честно предупредила их об этом. Но они все равно настаивают.

Так что, возможно, именно лейтенант Испанская Танцовщица положит начало этому неописуемому движению из повседневного пространства через всегда. Мы погрузимся в иммер и выйдем на другой стороне.

Глупо притворяться, будто мы знаем, что нас ждет. Посмотрим еще, что станет с Послоградом.

Под Послоградом я понимаю весь город. Даже новые ариекаи стали называть его так. Послов/град, как они говорят, или Град/Послов, или Послоград/Послоград.